Тён ван Дейк

ДИСКУРС И ВЛАСТЬ

Репрезентация доминирования в языке и коммуникации

Discourse and **Power**
Teun A. van Dijk

Teun A. van Dijk

DISCOURSE AND POWER

Тён ван Дейк

ДИСКУРС И ВЛАСТЬ

Репрезентация доминирования в языке и коммуникации

Перевод с английского

Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматова

МОСКВА

ББК 81.1 66.0 88.5 60.5 76.0 83.7

Тён А. ван Дейк

Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с.

Книга известного европейского ученого, одного из наиболее ярких представителей критического дискурс-анализа, посвящена описанию дискурсивного характера властных взаимоотношений в современном обществе, их репрезентации в текстах и дискурсах различного вида. Эта книга очень нужна нашему обществу сегодня. Властвовать означает сегодня обладать не столько аппаратом принуждения, сколько возможностью определять текущую ситуацию в обществе, формулируя критерии объективности, непредвзятости, авторитетности, правдивости и истинности. В условиях глобализации, когда информация способна распространяться практически мгновенно и охватывать огромное количество индивидов, основным средством власти является знание, формируемое путем включения субъектов, социальных групп и институтов в исторически обусловленные гетерогенные дискурсивные практики. В такой среде разворачивается на сегодняшний день самая острая борьба за сознание человека.

Критический дискурс-анализ помогает увеличивать научно-интеллектуальную роль в решении острейших проблем современности, и главное, «воспитывает» способности определять, анализировать и критиковать манипулятивные идеологические дискурсы.

Автор обращается к рассмотрению расизма, этнических и расовых стереотипов, предубеждений, предвзятости и иных форм подавления, систематически воспроизводимых на уровне социальных дискурсов: от повседневных разговоров до парламентских дебатов и газетных публикаций. Несмотря на то, что автор работает над достаточно сложными теоретическими проблемами, он излагает результаты своей работы в доступном стиле настолько, чтобы книгу могли читать студенты всех гуманитарных и социальных направлений.

Книга может быть использована в преподавании различных социально-гуманитарных дисциплин, таких как лингвистика, дискурс-анализ, политология, социология, этнология, теория коммуникации и социальная психология. Материал несомненно представляет интерес для широкого круга читателей.

Издательство «Книжный дом "ЛИБРОКОМ"». 117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 62×90/16. Печ. л. 21,5. Зак. № ВС-28.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД». 117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-03766-2

13230 ID 169469

Содержание

От переводчиков

Книга, которую Вы держите в руках, очень нужна нашему обществу сегодня. Глобальные и локальные информационно-коммуникативные пространства современности характеризуются среди прочего усложнением властных взаимоотношений в социальном поле. При этом осуществление политики гегемонии, подавления, игнорирования и исключения реализуется не столько путем оказания прямого давления на несогласных и неугодных, сколько путем воздействия на концептуальные структуры современных систем знаний в обществе. Властвовать означает сегодня обладать не столько аппаратом принуждения, сколько возможностью определять (описывать, объяснять, прогнозировать, конструировать) текущую ситуацию в обществе, формулируя критерии объективности, непредвзятости, авторитетности, правдивости и истинности.

Если на межсубъектном уровне силовое воздействие еще может быть эффективно, то в условиях глобализации, когда информация способна распространяться практически мгновенно и охватывать огромное количество индивидов, основным средством власти является знание, формируемое путем включения субъектов, социальных групп и институтов в исторически обусловленные гетерогенные дискурсивные практики. В такой среде разворачивается на сегодняшний день самая острая борьба за сознание человека.

Как говорил Мишель Фуко, обладать дискурсом — значит обладать властью. Современные элиты не осуществляют политику гегемонии с помощью прямого принуждения. Напротив, прямая конфронтация во многом означает неспособность элит формировать такие системы знаний, которые исключают возможность «звучания» критических и несогласных мнений. Более того, само понятие «элита» означает сегодня уже не только и не столько политические группы, которые, с одной стороны, по определению имеют доступ к инструментам административного принуждения, а с другой — представляются вполне ощутимым объектом критики и оппозиции. Элитные сообщества сегодня — это самые разнообразные

социальные группы, выполняющие функцию общественной экспертизы и контроля: врачи, преподаватели, юристы, чиновники, журналисты, бизнес-консультанты. Если критика отдельной политики или политического лидера не представляет сложности ни в идейном, ни в практическом плане, то критика «объективных, справедливых и рациональных» позиций этих групп, их «практического знания» и «экспертного мнения», вплетенного в ткань нашей повседневной, «само собой разумеющейся» жизни, требует особого мужества, самоотверженности и «исследовательского чутья». Критиковать власть элит — значит сделать предметом анализа собственное знание. Поэтому не менее важным является владение специальной научной методологией, позволяющей если не выйти за пределы детерминированного элитарными группами языка и дискурса, то, по крайней мере, целостно оценить их идеологический, властный потенциал.

Именно такую методологию предлагает нам в своей работе профессор Тён Ван Дейк. Его предыдущая работа, переведенная на русский язык и изданная еще в СССР — «Язык. Познание. Коммуникация», получила заслуженное внимание исследователей социально-гуманитарной междисциплинарной сферы. Нынешняя работа является идейным продолжением стратегии исследования социальных проблем на основе критической дискурсной теории.

Рассматриваемая проблематика властных взаимоотношений в современном обществе раскрывается автором одновременно с нескольких принципиальных аналитических позиций. Во-первых, речь идет о критическом анализе расизма, этнических и расовых стереотипов, предубеждений, предвзятости и иных форм подавления, систематически воспроизводимых на уровне социальных дискурсов: от повседневных разговоров до парламентских дебатов и газетных публикаций. Ван Дейк утверждает: одной из наиболее устойчивых форм расизма является его систематическое отрицание на фоне усугубляющихся расово-этнических проблем в обществе. В условиях внутридискурсной борьбы за право «адекватной оценки» текущей этнической, расовой и политической ситуации в обществе, субъект испытывает колоссальное напряжение одновременно на когнитивном (формирование и поддержание идеологически «заряженного» знания) и на социальном уровне (систематическое воспроизводство элементов групповой идентичности, в том числе на основе оппозиции «Мы и Они»).

Во-вторых, современные трансформации информационного пространства закладывают основания для изменения политических взаимоотношений в обществе. Так, исходя из положения Маршалла Маклюэна о том, что «средство коммуникации и есть сообщение», информационная ситуация 50–60-х годов прошлого века характеризовалась наличием гомо-

генной аудитории, нацеленной на восприятие как идеологических, так и критических дискурсов с использованием канала телевидения, в то время как становление сети Интернет как нового глобального СМИ оптимистически связывалось с переходом «от Интернета к Гуттенбергу», то есть от массовой аудитории «глобальной деревни», к критическому сообществу «новых читателей» [1]. Между тем, есть основания полагать, что оптимистический прогноз, сделанный Умберто Эко в 1998 году, не оправдался. Интернет как новое СМИ привел к таким трансформациям глобальной аудитории, при которых прежде молчаливая глобальная аудитория превратилась в шумящий информационный «рой». В таких условиях наиболее эффективно реализуют себя не те, кто обладает полнотой научной или интеллектуальной легитимности, а те, кто умеет громче других заявить о себе с помощью максимального количества доступных средств. На этом фоне произошла маркетизация политических взаимоотношений, при которых грамотный PR становится одним из наиболее эффективных средств борьбы за власть.

В условиях, когда средства формирования политических взаимоотношений могут быть поддержаны традиционными институциональными средствами и методами, информационно-идеологическое давление на субъекта приобретает тотальный характер. В этой связи, Ван Дейк демонстрирует, что государственная власть еще никогда доселе не обладала таким аппаратом социально-когнитивного воздействия на субъекта, как сегодня. Более того, как показывает практика современных политических решений, демократические и неолиберальные идеологии не в состоянии защитить общество от злоупотребления элитами властью. Нелегитимные политические, экономические и даже военные меры могут приниматься вопреки общественному мнению, а манипуляции в СМИ позволяют преподнести подобные действия как необходимые, адекватные и легитимные, а также заставить замолчать тех, кто имеет мужество высказывать оппозиционные мнения. Более того, виртуализация общественных отношений представляется весьма плодотворной почвой для «дискурсивизации» социального мира. Если в современном эпистемическом контексте реальность может быть понята как то, что может быть репрезентировано на (воображаемом) знаково-символическом уровне, то «предвзятое» описание действительности приведет к созданию сначала «необходимой» картины мира, а в конечном итоге — к «правильным» действиям индивидов как объектов дискурсивного воздействия. Иными словами, если власть заинтересована в изменении положения вещей, она вполне может.

---

[1] См., например, *Эко У.* От Интернета к Гуттенбергу (лекция в МГУ). [Электронный ресурс] http://www.gagin.ru/internet/10/32.html (проверено 07.10.09).

достигнуть этого за счет создания особых описательных и оценочных «матриц» действительности.

Идеи необходимости формирования научно-методологического аппарата, способного предоставить качественный аналитический инструментарий для «вскрытия» внутридискурсных властных и идеологических импликаций начали активно воплощаться еще в семидесятых годах XX века. Отрасль, получившая название «критическая лингвистика», пережила бурный период становления, и уже с восьмидесятых годов мы можем говорить об образовании нового междисциплинарного научного направления под названием «критический дискурс-анализ» (КДА). Являясь одним из основателей этого научного направления, Тён Ван Дейк предпочитает избегать иерархических номинаций, ведущих, по его мнению, к институционализации течения и ослаблению его критического потенциала. В то же время, критический дискурс-анализ сегодня — это сложившееся научное течение, обладающее всеми признаками академической дисциплины. Между тем, позиция дискурс-аналитика является предметом острейших дискуссий с участием сторонников и противников направления. Дело в том, что в центре КДА находятся острые социальные проблемы — расизм, этнические предубеждения, подавление, гегемония и другие, которые требуют не просто объективного научного анализа, но также и защиты учеными интересов тех, против кого направлены современные дискурсы подавления. Подобный подход, несомненно, выводит КДА за пределы конвенциальных научных методологий и помещает его в русло политизированных критических течений. По этому поводу сам Тён Ван Дейк заявляет: «Да, мы пристрастны и гордимся этим».

Между тем, в условиях глобальной эскалации идеологических дискурсов и тотальной дефрагментации информационного пространства критический дискурс-анализ продолжает оставаться одной из эффективных методологий с точки зрения не только своего аналитического и критического, но и образовательного и воспитательного потенциала. В данном случае речь идет не только о возможности увеличения научно-интеллектуальной роли в решении острейших проблем современности, но и о «воспитании» способности определять, анализировать и критиковать манипулятивные, идеологические дискурсы.

С этой и других точек зрения настоящая работа должна представить особый интерес для отечественных ученых, интеллектуалов и критиков, стремящихся усилить роль интеллектуальной мысли в современном глобальном коммуникативном пространстве.

Егор Переверзев

Евгений Кожемякин

Благодарности

Автор и издатели выражают свою признательность следующим организациям за возможность использовать материалы:

John Benjamins Publishing Company за раздел «Политический дискурс и политическое познание», опубликованный в Politics as Text and Talk: Analytical Approaches to Political Discourse (eds. P. A. Chilton and C. Schäffner), pp. 204–236 (2002) и за раздел «Воинствующая риторика мелкого союзника: политические импликатуры и легитимация Аснаром войны в Ираке», опубликованный в Journal of Language and Politics, 4(1), pp. 65–92 (2005);

Cengage Learning Services Ltd. за раздел «Дискурс, власть и доступ», опубликованный в Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis (eds. C. R. Caldas-Coulthard and M. Coulthard), pp. 84–104 (1996);

Sage Publications, Inc. за разделы: «Дискурс и отрицание расизма», опубликованный в Discourse & Society, 3, pp. 87–118 (1992); «Дискурс и манипуляция», опубликованный в Discourse & Society, 17(2), pp. 359–383 (2006); «Структуры дискурса и структуры власти», опубликованный в Communication Yearbook 12 (ed. J. A. Anderson), pp. 18–59 (1989);

Wiley-Blackwell Publishing Ltd. за разделы «Критический дискурс-анализ», опубликованный в Handbook of Discourse Analysis (eds. D. Schiffrin, D. Tannen and H. Hamilton), pp. 352–371 (2001) и «Дискурс и расизм», опубликованный в The Blackwell Companion to Racial and Ethnic Studies (eds. D. Goldberg and J. Solomis), pp. 145–159.

Мы предприняли все усилия, чтобы соблюсти права обладателей авторских прав, однако если окажется, что мы непреднамеренно не учли кого-либо, авторы и издатели будут рады принять все необходимые меры при первой же возможности.

Я признателен Carmen Rosa-Caldas, Michelle Lazar и Theo van Leeuwen за их критическое прочтение, исправления и советы, сформулированные к Главе 1.

Т. А. ван Дейк

Предисловие

Эта книга — о двух фундаментальных общественных феноменах: *о дискурсе и власти.* Дискурс и власть — это также два основных понятия критических дискурсивных исследований (КДИ), научного направления, стремительно развивающегося в лингвистике и социальных науках после выхода в 1979 году книги «Язык и контроль» авторов Roger Fowler, Bob Hodge, Gunther Kress и Tony Trew, представляющих так называемую «критическую лингвистику». Схожие направления существуют и в других дисциплинах, например, в психологии, социологии и антропологии, которые традиционно ориентированы на изучение способов *воспроизводства* власти и злоупотребления властью в обществе. Дискурс-аналитики в области гуманитарных и социальных наук изучают, в частности, место и роль *дискурса* в этих процессах. Они выявили, что многие формы социального неравенства, основанного, например, на гендерных, классовых и расовых различиях, конструируются, закрепляются и легитимируются с помощью устных и письменных текстов и в особенности с помощью различных видов публичного дискурса, контролируемого *символическими элитами* — политиками, журналистами, учеными, писателями и чиновниками.

В различных разделах этой книги я подробно рассматриваю эти формы дискурсивного воспроизводства элитарной власти. Я фокусирую внимание не столько на общих вопросах власти в обществе, сколько на проблеме *злоупотребления* властью и *доминирования*, и в частности, на *незаконном* применении групповой и элитарной власти, что приводит к социальному *неравенству* и *несправедливости*.

Как и предыдущие свои работы, посвященные изучению идеологии, контекста и знания, представленный здесь анализ власти и доминирования я рассматриваю как вклад в критические дискурсивные исследования и их концептуальные основы. За последние 30 лет представители КДИ сформулировали множество различных исследовательских задач, но в целом все соглашаются с тем, что основной целью КДИ является изучение способов воспроизводства злоупотребления властью с помощью дискурса.

Однако поскольку мы используем понятие «злоупотребление», то мы должны рассмотреть содержание такого фундаментального концепта, как «легитимность» в качестве критерия самого критического исследования: если мы претендуем на критику доминирующего элитарного дискурса, его авторов и организаций, мы должны ясно представлять себе, почему и как этот дискурс становится нелегитимным, почему и как он нарушает фундаментальные ценности и нормы общества.

Помимо общих концептуальных обсуждений, в разделах этой книги представлены также результаты прикладных исследований. Как и некоторые предыдущие мои книги по тематике КДИ, некоторые разделы посвящены фундаментальной социальной проблеме *расизма* — одной из наиболее серьезных форм социального доминирования и неравенства в «западных» обществах. У этого выбора есть множество личных, социальных и политических причин. Однако главной из них является то, что расизм — это одна из немногих социальных проблем европейских и европеизированных обществ, которая постоянно игнорируется, замалчивается и отрицается. Действительно, как я уже показал в других своих работах, самой характерной чертой элитарного расизма является его отрицание. Как легко можно убедиться на личных повседневных наблюдениях, это означает, что в *наших* парламентских дебатах, в *наших* СМИ, в *наших* учебниках или в *наших* социальных науках существует сегодня огромный интерес к иммигрантам и меньшинствам — часто с акцентом на проблемах, которые Они имеют или создают, но при этом сравнительно небольшой интерес и анализ проблем, которые Мы создаем своим расизмом. Одна из главных целей этой книги заключается в обосновании этого тезиса — тезиса, хорошо известного представителям этнических меньшинств или иммигрантам, для которых «белый» расизм, дискриминация и предрассудки постоянно являются одной из главных проблем, с которой они сталкиваются в повседневной жизни. В нашей работе мы рассмотрим новости в прессе, парламентские дебаты, учебники, а также инспирированные элитарными дискурсами повседневные разговоры, для того чтобы определить, как расизм дискурсивно истолковывается, подтверждается и пропагандируется в западных обществах.

Как в 1979 году показали Фаулер и коллеги, ключевым теоретическим понятием, выражающим отношения власти и доминирования, является «контроль». Применительно к дискурсу это означает, что мы должны поставить вопрос о том, кто имеет доступ к фундаментальному властному ресурсу, каковым является публичный дискурс, кто имеет доступ к медиа-дискурсу, политическому, образовательному и академическому дискурсам. Кто способен контролировать производство такого дискурса, а также пресс-конференций, пресс-релизов и других способов влияния

на журналистов и медиа? Дело в том, что контроль над частью процесса производства публичного дискурса означает контроль над частью его содержания, а следовательно, и косвенный контроль над общественным сознанием — может быть, и не непосредственно над тем, что люди думают, но, по крайней мере, над тем, *о чем* они думают. Мы обнаружили, что пока «белые» элиты контролируют публичный дискурс и его производство, этнические меньшинства и иммигранты не имеют к нему доступа, а значит, их взгляды и мнения редко достигают прессы и публичного мнения. В основном просто говорят *о них*, причем, как правило, негативно, что относится также и к бедным людям или любым другим «аут-группам» или частям мира. Мы обнаружили, что эти утверждения справедливы также в отношении политического дискурса, учебников и преподавания. Таким образом, власть связана с контролем, а контроль над дискурсом означает особый доступ к его производству и, стало быть, к его содержанию, стилю и, в конце концов, общественному сознанию.

В фокусе внимания различных разделов этой книги находится, помимо масс-медийного, политический дискурс. Я рассматриваю его в рамках частного анализа расистского политического дискурса, а также и в более общем контексте еще одного направления моих работ — *социального познания*. Вслед за другими авторами я утверждаю, что расизм — это не предрассудок ханжески настроенных индивидов, не социально разделяемые когнитивные репрезентации групп (например, отношения и идеологии), а основа расистских социальных практик, какой, например, является оценочный дискурс и другие формы дискриминации.

Я показываю, что критические дискурс-исследования должны реализовываться в мультидисциплинарной перспективе, которая включает в себя, как минимум, следующие три измерения: дискурс, познание и общество, а также, когда это возможно, историческое и культурное измерения, которые я, впрочем, не рассматриваю в этой работе. Как демонстрируется в книге, воспроизводство политической власти, политических систем и политических групп требует различных жанров политического дискурса, а он, в свою очередь, должен быть произведен и понят в рамках различных видов политического знания, например, — идеологии. В более широком смысле, в этой книге, а также и в других моих работах, неоднократно говорится, что познание — это «интерфейс» между дискурсом и обществом. Мы не поймем, как социальные ситуации или социальные структуры вторгаются в текст и речь, если не поймем, как люди интерпретируют и репрезентируют эти социальные условия в рамках особых ментальных моделей — контекстных моделей. То же справедливо в отношении «эффектов» дискурса, оказываемых на людей, — влияния, которое должно быть описано в терминах ментальных репрезентаций (более подробное

описание моей теории контекстных моделей см. в моих двух новых мультидисциплинарных книгах, посвященных контексту — *Context and Discourse* и *Society in Discourse: How Context Controls Text and Talk* (2008)).

Помимо эмпирических исследований расизма, в этой книге я развиваю и применяю новую теорию взаимосвязи между дискурсом, познанием и обществом. Связи между властью и дискурсом могут быть полностью осмысленны, только если они выражены в широком мультидисциплинарном поле. Я подчеркиваю эту мысль, потому что и в критических дискурс-исследованиях, и в более широких социальных науках «когнитивное» измерение является не достаточно распространенным.

И наконец, многие из используемых здесь понятий, такие как «власть», «доступ», «контекст» и «познание», рассматриваются в итоговом разделе, посвященном критическому исследованию парламентского дискурса об Ираке — одной из самых распространенных тем публичных дебатов последних лет. Это исследование дает толчок к изучению еще одного важного понятия КДИ — манипуляции. И вновь мы говорим здесь о властных группах и организациях, а также о способах их контроля над публичным дискурсом, особенно в сфере публичной политики, медиа и сознании граждан. Проведя такой, скорее, теоретический анализ манипуляции, я показываю, как Тони Блэр манипулирует Британским парламентом, принуждая принять его решение направить войска в Ирак.

Я также анализирую, как в испанском парламенте Хосе Мариа Аснар защищает свою политику поддержки президента Джорджа Буша младшего и американскую программу вторжения в Ирак. Выходя за пределы привычного анализа политического дискурса в терминах заданной тематики, стиля, риторики и аргументации, я обращаю внимание на то, как этот тип дискурса приобретает важную, но менее очевидную составляющую — в частности, *политические импликатуры*, то есть смыслы, производные не столько от самого дискурса, сколько от (обычно скрытых) контекстов, которые определенным образом конструируют и трактуют участники. Такой «контекстуальный» анализ позволяет выявить аспект, который не всегда является очевидным в дискурсе: *ложь*. С помощью анализа контекстуального управления знанием мы можем лучше понять и политический дискурс в целом, и парламентские дебаты об Ираке в частности.

Я надеюсь, что представленный в этой книге теоретический анализ некоторых базовых понятий социальных наук в целом и КДИ в частности, а также кейс-стади, в которых применяются эти понятия, внесут вклад в развитие критических исследований.

За исключением введения и последней главы разделы этой книги были опубликованы прежде в некоторых журналах и книгах. Однако для того чтобы создать единое изложение основ КДИ, я счел необходимым

собрать эти работы вместе в одном томе. И, главным образом, я это делаю для тех, у кого нет доступа к журнальным статьям. С целью сохранить оригинальное содержание статей, все изменения были сведены к коррекции типографических ошибок и незначительным стилистическим исправлениям. Между теоретическими частями разных глав существуют неизбежные совпадения и повторы, хотя фрагменты теории всегда сформулированы по-разному. Преимуществом использования здесь несокращенных статей является то, что они могут быть прочитаны независимо друг от друга и в любом порядке.

Книга может быть использована в преподавании различных социально-гуманитарных дисциплин, таких как лингвистика, дискурс-анализ, политология, социология, этнология, теория коммуникации и социальная психология.

Несмотря на то что я работаю над достаточно сложными теоретическими проблемами, я постарался изложить результаты моей работы в доступном стиле настолько, чтобы книгу могли читать студенты всех гуманитарных и социальных направлений. Как я уже говорил выше, доступность изложения крайне важна, в том числе и в академическом процессе и особенно в КДИ, поэтому мы должны всегда следить за тем, чтобы наши труды, даже посвященные сложным социальным проблемам, были всегда максимально доступны максимальному числу людей.

Эта книга опубликована также на испанском и португальском языках. Планируется ее публикация и на арабском языке.

Как обычно, я приглашаю читателей присылать свои комментарии и критику на мой адрес vandijk@disourses.org и посетить мой вебсайт, на котором размещены многие другие ресурсы, тексты, библиографии и список моих публикаций (www.discourses.org).

Барселона,
Тён А. ван Дейк

Глава 1

Введение: дискурс и доминирование

Если мы определяем критические дискурсивные исследования (КДИ) как академический проект, ориентированный на создание теории и критический анализ дискурсивного воспроизводства злоупотребления властью и социального неравенства, то центральной задачей КДИ является детальное изучение концепта власти. Вместе с тем, как и в случае со многими фундаментальными понятиями социальных наук, понятие власти является сложным и неясным. Неудивительно, что большое количество книг и статей посвящено анализу этого ключевого концепта многих дисциплин. Я считаю необходимым обратиться к тем измерениям власти, которые непосредственно связаны с изучением языковой практики, дискурса и коммуникации.

Тем не менее, предмет моего исследования — дискурсивное воспроизводство злоупотребления властью и социального неравенства — вряд ли сам по себе является непроблемным понятием, а значит тоже должен быть подвергнут детальному теоретическому анализу. Например, как особая интонация, местоимения, заголовок, тема, лексические единицы, метафоры, цвет или ракурс, помимо множества прочих семиотических характеристик дискурса, связаны с таким абстрактным и общим явлением, как властные общественные отношения? Иными словами, мы должны каким-то образом связать типичные особенности текста, речи, интеракции и семиотических практик как объекты микро-анализа с типичными характеристиками общества, такими как группы или организации и их отношения доминирования, как объектами макро-анализа.

Более того, КДИ направлены не на изучение любой власти, а, главным образом, на исследование *злоупотребления* властью или, иными словами, на исследование таких форм доминирования, которые результируют в социальном неравенстве и несправедливости. Такое нормативное понятие («злоупотребление» — это «плохо») требует проведение анализа с помощью других нормативных понятий и критериев социальной науки, таких как легитимность, которые, в свою очередь, предполагают привле-

чение этики и моральной философии. Так, в этой книге я часто обращаюсь к дискурсивному воспроизводству расизма, а критический анализ таких дискурсивных практик, на мой взгляд, исходит, по крайней мере, из того, что расизм – это плохо, поскольку расистские практики несовместимы с нормами социального равенства.

Главная цель КДИ – изучение дискурсивного злоупотребления властью – предполагает также изучение различий в доступе к социальной власти, и поэтому я обращаю особое внимание на различные способы доступа к публичному дискурсу как одному из ресурсов социальной власти.

Иными словами, мы видим, что многие концепты КДИ требуют формулировки в контексте наиболее фундаментальных понятий социальных наук. В этой работе я постараюсь внести свой вклад в обсуждение оснований КДИ, разрабатывая теоретические понятия и применяя их к конкретным примерам критического анализа. Во Введении я формулирую общие теоретические основы работы.

1. Критические дискурсивные исследования

Прежде чем представить теоретическую основу изучения дискурсивного воспроизводства использования власти, необходимо в более общих понятиях выразить объект критических дискурсивных исследований. Несмотря на то, что сегодня широко распространен термин «критический дискурс-анализ» (КДА), я предлагаю заменить его термином «критические дискурсивные исследования» (КДИ) в силу ряда очевидных причин. Главной причиной является то, что КДИ *не являются*, как признают многие авторы в области главным образом социальных наук, *методом дискурс-анализа*. Такого метода просто не существует. КДИ применяют любые методы, которые соотносятся с целями исследования, и эти методы, по большому счету, используются в целом при изучении дискурса. Фактически, в силу той же причины, *дискурс-анализ* сам не является *методом*, а, скорее, областью научной практики, междисциплинарным проектом, распространенным во всех гуманитарных и социальных науках.

По той же самой причине, я предпочитаю использовать термин «дискурсивные исследования» (ДИ) для обозначения этой междисциплинарной области.

Методы (критических) дискурсивных исследований ✓

Как и в дискурсивных исследованиях в целом, так и в КДИ в частности мы можем обнаружить ставшее уже привычным пересечение теории, методов наблюдения, описания и анализа, а также их практического применения. Так, не существует «одного» дискурс-анализа как некого метода, так же как

и не существует «одного» социального или когнитивного анализа. Как ДИ, так и КДИ располагают большим количеством разных методов изучения в зависимости от целей исследования, природы изучаемого объекта, интересов и квалификации исследователя и других параметров исследовательского контекста. Таким образом, в обеих областях мы можем найти такие способы изучения структур и стратегий дискурса, как:

- грамматический (фонологический, синтаксический, лексический и семантический) анализ;
- прагматический анализ речевых и коммуникативных актов;
- риторический анализ;
- стилистический анализ
- анализ специфики (жанровой и т. д.) структур (историй, новостей, парламентских дебатов, лекций, рекламных текстов и т. д.);
- конверсационный анализ разговора;
- семиотический анализ звукового, визуального материала и других мультимодальных параметров дискурса и взаимодействия.

Все эти различные виды анализа (наблюдение, описание и т. д.) могут комбинироваться и пересекаться различным образом, так что исследование может быть направлено на изучение семантику нарративов, риторику политического дискурса, прагматику разговора, семиотику стиля. В каждом виде исследования можно выделить множество альтернативных способов работы с информацией (которые часто обозначаются как «методы» или «подходы»), например, формальный или функциональный виды анализа, которые сами по себе имеют различные версии в различных теориях, научных направлениях или школах в рамках каждой научной дисциплины. Чаще всего эти виды анализа представляют собой качественные описания деталей структуры дискурса; но в тоже время, поскольку они зависят от эмпирических данных, они могут быть и количественными, что в большей мере справедливо в отношении лингвистики, вырабатывающей новые методы для КДИ.

Несмотря на все существующие отличия, мы, тем не менее, можем обозначить все эти подходы *способами* осуществления дискурсивного *анализа или описания*. И хотя в этом случае не принято говорить о *методах* в традиционном смысле, нет никакой серьезной проблемы в том, чтобы описывать эти «способы анализа» как «*методы*».

Помимо указанных аналитических подходов исследования в области дискурса прибегают также к привычным методам социальных наук, таким как:

- включенное наблюдение;

- этнографические методы;
- эксперименты.

Дискурс подвергается анализу не только как автономный вербальный «объект», но и как контекстуальное взаимодействие, социальная практика или тип коммуникации в социальном, культурном, историческом или политическом контексте. Например, вместо того, чтобы анализировать разговор между соседями, мы можем проводить полевое исследование в сообществах, наблюдать за тем, как люди общаются в кафе и других общественных местах или описывать такие релевантные аспекты этих коммуникативных событий, как временные или пространственные характеристики, особые обстоятельства, самих коммуникантов и их коммуникативные и социальные роли, а также различные виды деятельности, которые сопровождают общение.

С целью проверки определенных гипотез могут быть использованы не только типичные для социальных наук формы наблюдения и анализа, но и многие психологические методы проведения лабораторного и полевого эксперимента. Существует огромное количество исследований, посвященных изучению ментальных параметров, влияющих на производство и понимание дискурса, и часто мы можем понять, что они собой представляют и как они функционируют только в ходе эксперимента, в котором мы можем выявить, как особые экспериментальные условия (обстоятельства, информация, задания и т. д.) приводят к определенным последствиям в отношении общения и понимания дискурса.

Итак, и дискурсивные исследования, и критические дискурс-исследования используют разнообразные методы наблюдения, анализа и прочие стратегии сбора, обработки и интерпретации данных, проверки гипотез, развития теории и получения знания.

Специфика предмета анализа КДИ

Важно отметить, что, несмотря на методологический плюрализм, существуют определенные предпочтения и тенденции, особое внимание КДИ к аспектам злоупотребления властью и, в широком смысле, к социальным условиям и последствиям дискурса. Прежде всего, КДИ-анализ обычно использует методы, которые никоим образом не нарушают права человека, которого он изучает, и которые не противоречат интересам социальных групп, с которыми он так или иначе связан. Иными словами, методы КДИ таковы, что они содействуют усилению влияния подчиненных групп, особенно в области дискурса и коммуникации.

Во-вторых, методы КДИ ориентированы на сложные отношения между социальной структурой и структурой дискурса, на выявление того, как дискурсивные структуры могут изменяться или зависеть от соци-

альной структуры. Например, определенные синтаксические структуры предложений являются обязательными (таково, например, обязательное предшествование артикля существительному в английском языке), не завися от социальной ситуации дискурса, а значит, существенно не изменяясь в аспекте функции власти говорящего. Разделяете ли вы правые или левые взгляды, грамматика языка будет неизменной для всех. Другими словами, злоупотребление властью может проявить себя в языке только там, где есть возможность изменений или выбора, например, назвать человека «террористом» или «борцом за свободу» в зависимости от позиции или идеологии говорящего. Таким же образом сводка новостей обязательно включает в себя заголовки, независимо от того играют они или нет роль воспроизводства этнических предрассудков. С социальной ситуацией связаны, скорее, форма и значение заголовка, а не его структура. И хотя такая перспектива в целом представляется однозначной, существуют случаи, в которых структуры доминирования влияют не только на языковые особенности или дискурс, но и на целые семиотические или дискурсивные системы, жанры и прочие социальные практики.

Мы можем заключить, что КДИ в целом фокусируется на таких системах и структурах дискурса, которые могут зависеть или изменяться как функция соответствующих социальных условий использования языка, или которые могут содействовать определенным социальным последствиям дискурса, например, влияние на социальные убеждения и действия реципиентов. В частности, КДИ фокусируется на таких характеристиках дискурса, которые чаще всего ассоциируются с выражением, подтверждением, воспроизводством или вызовом социальной власти адресантов как членов доминирующих групп.

Эти характеристики могут включать в себя специальную интонацию или визуальные и аудиальные особенности (цвет, шрифт, свойства изображения, музыка), *синтаксические структуры* (например, активный или пассивный залог), выбор лексики, семантику пресуппозиций или личные описания, риторические фигуры или аргументативные структуры, а также выбор определенных речевых актов, вежливых речевых оборотов, разговорных стратегий.

Расистский дискурс и, в более широком смысле, идеологический дискурс «ин-группы» обычно с помощью различных присущих ему средств акцентирует позитивные качества «нашей» группы и ее участников, а также (предполагаемые) негативные характеристики «других», «аут-группы». Это часто достигается за счет выбора определенных тем, размера или цвета заголовков, использования фотографий или рисунков, жестов, специальных языковых единиц, метафор, аргументов (или софизмов),

рассказов и т. д. Очевидно, что одна общая стратегия, реализуемая в дискурсивном воспроизводстве (например, расистского или гендерного) доминирования, то есть противопоставление (поляризация) «ин-группы» и «аут-группы» («ин-группа» восхваляется, а «аут-группа» принижается), может быть реализована многими способами и на различных уровнях дискурса.

В рамках КДИ значение поляризованных структур дискурса связывается с выражением, установлением, подтверждением и, соответственно, воспроизводством социального неравенства. В то же время отметим, что взаимодействие между дискурсивными и социальными структурами — это не просто корреляционное или каузативное взаимодействие. Скорее, стоит говорить об очень сложном социокогнитивном процессе, включающем в себя, например, ментальные модели и другие когнитивные репрезентации, возникающие в сознании участников. Необходимо также учитывать, как, с одной стороны, на них влияют дискурсивные структуры и, с другой стороны, они влияют на взаимодействие между людьми (а значит и будущие дискурсы).

Основные задачи КДИ ✓

Несмотря на большое количество методов, используемых в рамках КДИ, последние имеют общие задачи, которые разделяют большинство исследователей. Я уже сформулировал выше одну из этих задач — изучение дискурсивного воспроизводства злоупотребления властью. Иначе говоря, КДИ испытывают особый интерес к критическому изучению социальных проблем, социального неравенства, доминирования и прочих релевантных феноменов в целом, а также роли дискурса, языковых практик и коммуникации в их реализации в частности. Собственно, можно говорить о сфере специализации КДИ, которые изучают особые социальные феномены, особые проблемы и особые темы исследования.

Тем не менее, это не все. Понятие «критический» также требует ясности. Изучение социальных проблем — это привычная задача социальных наук, но «мейнстримовые» исследования далеко не всегда являются «критическими». Иными словами, в КДИ содержится нормативный аспект, перспектива, отношение, особый способ проведения социально релевантного исследования.

Дать точное определение этим критическим перспективам и отношениям нелегко, и то определение, которое последует далее, не является абсолютно эксплицитным и достаточным. Дискурс-исследования могут быть определены как «критические», если они удовлетворяют одному или нескольким из следующих критериев определения понятия «доминирование» как «злоупотребления социальной властью со стороны некоторой социальной группы»:

- отношения доминирования изучаются в обязательном порядке с точки зрения и в интересах подчиненной группы;
- опыт (участников) подчиненной группы используется как свидетельство оценки доминирующего дискурса;
- дискурсивные действия доминирующей группы могут быть истолкованы как нелегитимные;
- адекватные альтернативы доминирующему дискурсу могут быть созданы только с учетом интересов подчиненных групп.

Из этих положений явным образом следует, что исследователи в области КДИ не являются «нейтральными»; они разделяют интересы подчиненных социальных групп. Они занимают определенную позицию, и делают это открыто. Между тем как «нейтральные» социальные исследования вполне могут имплицитно выражать определенную социальную, политическую или идеологическую позицию (или даже отрицать, что они выражают какую бы то ни было позицию, что очевидным образом тоже является позицией), исследователи в области КДИ признают и выражают их собственную исследовательскую заинтересованность и общественную позицию. Они не только научно обосновывают свой выбор темы и приоритетов исследования, теорий, методов и данных, но делают это также по социально-политическим основаниям. Они изучают социальные проблемы или формы неравенства не просто потому, что они представляются им «интересными» предметами исследования, но также и потому, что они эксплицитно заинтересованы в социальных изменениях в пользу подчиненных групп. Они подвергают самокритичному анализу результаты своих исследований на предмет того, не содействуют ли они укреплению доминирующей позиции властных групп в обществе. Помимо собственно исследовательского интереса к доминантным группам, представители КДИ стремятся воздействовать и сотрудничать с ключевыми «агентами перемен» или «диссидентами» из этих групп.

Известна обширная дискуссия о том, являются ли ангажированные в социально-политическом смысле исследования «научными». Обвинения критических исследований в предвзятом отношении являются банальными и сами нуждаются в критическом анализе хотя бы потому, что *невыражение* политической позиции — это тоже политический выбор. Тем не менее, будучи критическими исследователями, мы должны совершенно серьезно воспринимать серьезную критику. Важно подчеркнуть, что критическое и социально-заинтересованное исследование не означает, что сам анализ будет не строгим. Все, что было высказано в отношении критического анализа в социальных науках, отнюдь не предполагает, что теории и методы КДИ должны быть недостаточно научными.

Напротив, исследователи в области КДИ отдают себе отчет в том, что дискурсивные исследования социальных проблем, результаты которых могут эффективно содействовать подчиненным группам, а также изменению нелегитимных дискурсивных практик символических элит, обычно предполагают разработку комплексных и междисциплинарных исследовательских программ, теорий и методов. Именно благодаря строгой научности формальный анализ, например, местоимений, аргументативных структур, конверсационных обменов и т. д., составляющих часть более общей исследовательской программы, может продемонстрировать, как эти структуры могут быть вовлечены в воспроизводство расизма или сексизма в обществе.

Как мы уже отмечали выше, строгий научный характер КДИ означает изучение связи между дискурсивными и когнитивными структурами, с одной стороны, и дискурсивными и социальными — с другой. Это требует привлечения междисциплинарных теорий и методов.

Иными словами, КДИ обладают специфичным подходом к изучению сложных социальных проблем, что предполагает, с одной стороны, применение и разработку сложных теорий и методов разных дисциплин, но с другой стороны КДИ должны удовлетворять упомянутым выше социальным критериям, таким как соответствие интересам подчиненных групп. Это означает, что в целом критерии КДИ часто являются более строгими, чем в других видах дискурсивного анализа.

Подчеркнем, что мы вовсе *не утверждаем*, будто любое дискурсивное исследование должно быть *критическим*, а критический анализ лишь потому представляется научным, что он является критическим. Критические исследования должны быть теоретически и методологически адекватными, иначе они не смогут преследовать социально-политические цели. В целом, плохой дискурс-анализ, в том числе в рамках КДИ, — это тот, который не соответствует самому главному критерию КДИ, то есть — не вносит вклад в социальные изменения.

Исследователи в области КДИ могут содействовать развитию теории, которая еще не получила своего прямого практического применения, но могла бы послужить основой КДИ. Если исследователи заинтересованы в общих вопросах дискурсивного воспроизводства злоупотребления властью в обществе, они могут исследовать в более общих чертах отношения между дискурсом и властью или условия нелегитимности злоупотребления властью.

Необходимо также отметить, что, несмотря на общие цели и принципы критического социального анализа, КДИ не представляет собой гомогенное научное направление, что в целом характерно для любого направления в сфере социальных наук. Так, я выбрал в качестве предмета

КДИ злоупотребление властью, а значит – доминирование и его последствия: социальное неравенство и способы его воспроизводства с помощью дискурса. Тем не менее, цель могла быть более широкой и включать в себя исследования власти и отношений между властью и дискурсом, что также является предметом рассмотрения во многих разделах этой книги. В качестве одной из целей КДИ можно также признать изучение отношений между дискурсом и обществом. Анализ отношений между дискурсом и властью или между дискурсом и обществом лежит в основе КДИ и предполагается в более частных исследовательских проектах. И все же я предпочитаю формулировать более частные цели, поскольку иначе КДИ интегрируются в или поглотят социолингвистику, социологию языка, лингвоантропологию, политологию и прочие (суб)дисциплины, с которыми КДИ очевидным образом связаны. Причиной моего решения сконцентрировать внимание на нормативном понятии *злоупотребления* властью и *социального неравенства* связаны с логическим основанием *критического* исследования. Такое исследование направленно на критический анализ того, что признается ***неверным***, ***незаконным***, ***ошибочным*** или ***плохим*** в соответствии со специфичными социальными ценностями или нормами. Мы вовсе не претендуем на изучение всех социальных и политических отношений власти в обществе, но обращаем внимание на нелегитимной власти и хотим понять, как и почему эта власть и, в частности, ее дискурсивное измерение, является нелегитимной. Мы хотим изучить множество способов, которыми дискурс может использоваться в корыстных целях, и мы связываем такое исследование, например, с систематическим изучением дискурсивной манипуляции, дезинформации, лжи, слухов, пропаганды и других форм дискурса, которые нацелены на нелегитимное управление сознанием и контролем над действиями людей в аспекте воспроизводства власти. Я связываю эту сложную исследовательскую задачу с понятиями *дискурса* и *доминирования*. Эта цель является достаточно широкой, но она, как я полагаю, является ключевой целью КДИ. Как мы увидим далее и на протяжении всей книги, это означает, что нам необходимо либо заимствовать, либо разрабатывать теоретические инструменты, трактующие общие понятия власти, социальной структуры, социальных групп, идеологии, контекста и других, использующихся в изучении дискурсивного доминирования.

2. Дискурс и воспроизводство социальной власти

Я рассматриваю сложные отношения между дискурсом и властью в рамках упомянутой выше более широкой задачи критических дискурс-исследований. Хотя существует множество определений власти в фило-

софии и социальных науках, в этой книге я в основном определяю *социальную* власть в терминах *контроля,* который осуществляет одна группа в отношении других групп и их членов. Традиционно определяя контроль, имеют в виду контроль над действиями других. Если контроль связан с интересами тех, кто реализует власть, и направлен против интересов контролируемых, то в этом случае мы можем говорить о *злоупотреблении* властью. Если при этом используются коммуникативные действия, то есть дискурс, мы имеем дело с более частным видом контроля — контроля над дискурсом других людей, что является одним из наиболее очевидных способов взаимосвязи дискурса и власти: люди не могут свободно говорить или писать когда, где, кому, что и как захотят, и они при этом частично или полностью контролируются властными группами, такими как государство, полиция, масс-медиа или бизнес-корпорации, заинтересованные в подавлении свободы (обычно критических) текстов и речи. Или наоборот, они могут говорить и писать так, как им позволено это делать.

Такой контроль широко распространен в обществе. Лишь небольшое количество людей обладают абсолютной свободой говорить и писать то, что хотят, тогда, когда хотят, и тому, кому хотят. Существуют социальные ограничения (например, законы против клеветы или расистской пропаганды) и нормы уместности высказываний. На работе, в большинстве случаев, от людей требуется производить специфичные типы текстов. В этом смысле, контроль над дискурсом представляется скорее правилом, чем исключением. Для того чтобы исследовать злоупотребление контролем над дискурсом мы должны определить его специфичные условия, такие как нарушение человеческих или социальных прав, которые будут рассмотрены далее.

Контроль осуществляется не только в отношении дискурса как социальной практики, но и в отношении сознания управляемых, то есть в отношении их знания, мнений, отношений, идеологии, а также личных или социальных репрезентаций. В целом, контроль над сознанием является непрямым, подразумеваемым, возможным или вероятным следствием дискурса. Те, кто контролируют дискурс, могут косвенно контролировать сознание людей. А поскольку действия людей управляются их сознанием (знаниями, отношениями, идеологией, нормами, ценностями), контроль над сознанием означает также косвенный контроль над действиями. Контролируемое действие может снова оказаться дискурсивным, так что властный дискурс может косвенно влиять на другие дискурсы в интересах тех, у кого есть власть. Выше мы кратко изложили фундаментальный процесс воспроизводства власти с помощью дискурса. Рассмотрим его подробнее.

✓ **Контроль над контекстом: доступ**

Если дискурс управляет сознанием, а сознание управляет действиями, то для властных групп важным является контролировать в первую очередь дискурс. Как они это осуществляют? Если коммуникативные события включают в себя не только «вербальные» тексты и разговоры, но и влияющий на дискурс контекст, то первым шагом в контроле над дискурсом является контроль над его контекстом. Например, властные элиты или организации могут решать, кто, когда, где и с какими целями будет участвовать в том или ином коммуникативном событии.

Все это говорит о том, что мы должны детально изучить способы регулирования властными группами доступа к дискурсу, что является типичным для наиболее влиятельных форм публичного дискурса, в частности — медиа-дискурса. Кто имеет доступ к производству новостей или программ и самим новостям и программам, и кто контролирует этот доступ? Кто ответственен за организацию пресс-конференций, на которые собираются журналисты? Чьи пресс-релизы читают и используют для публикации? Кого интервьюируют и цитируют? Чьи действия определяются как новости? Чьи статьи мнения или письма редактору печатают на страницах прессы? Кто может участвовать в телешоу? И в более широком смысле — чье определение социальной и политической ситуации серьезно принимается и воспринимается?

Во всех этих случаях мы говорим об *активном* доступе, то есть об участии в управлении содержанием и формами медиа, а не о более или менее «пассивном» доступе со стороны потребителей (даже если потребители могут активно сопротивляться медиа-сообщениям с помощью нежелательных интерпретаций). Также следует подчеркнуть, что расширенный, глобальный доступ к влиятельным медиа может привести к полному уничтожению небольших, альтернативных медиа, у которых меньше финансовых средств и технологических ресурсов. Другими словами, само понятие доступа требует более тщательного анализа, поскольку оно имеет несколько измерений. В этой книге я рассматриваю доступ как форму активного вовлечения или участия в производство публичного дискурса, например, способы доступа к журналистам со стороны организаций и граждан и, соответственно, их возможность повлиять на содержание медиа.

✓ **Контроль над дискурсом**

Установив, как осуществляется контроль над такими параметрами, как контекст и производство дискурса, мы можем рассмотреть, как структуры самого дискурса становятся предметом контроля: что (от глобальных тем до локальных значений) может или должно быть высказано, и как должно быть сформулировано (с помощью каких слов, насколько детально и точно, в каких формах предложений, насколько должна присутствовать предыстория, и т. д.)? А также, какие речевые

или другие коммуникативные акты должны или могут быть наполнены такими дискурсивными значениями или формами, и как эти акты организованы в социальном взаимодействии?

Контроль над сознанием

При изучении каждой фазы процесса воспроизводства нам требуется осуществить детальный и глубокий социальный, когнитивный и дискурсивный анализы. Многие из уже упомянутых связей пока еще недостаточно хорошо поняты учеными. Мы только начинаем формировать знание о том, как индивиды понимают дискурс, но еще меньше мы знаем о том, как такое понимание приводит к различным «изменениям сознания»: это касается обучения, убеждения, манипуляции и внушения. «Контроль над сознанием» имеет отношение не только к пониманию текстов и речи, но также и к личному и социальному знанию, предыдущему опыту, личным мнениям и социальным установкам, идеологиям, ценностям и нормам и прочим факторам, играющим определенную роль в изменении сознания индивида.

Как только мы разберемся в сложнейших когнитивных репрезентациях и процессах, мы сможем показать, например, как расистские сообщения об иммигрантах приводят к формированию или воспроизводству предубеждений и стереотипов, которые в свою очередь могут приводить к формированию системы расистских идеологий или контролироваться ими, а они, соответственно, — воспроизводить расистские тексты, что, в итоге, приводит к дискурсивной репрезентации расизма. Сегодня мы имеем общее представление обо всем этом, но детали процесса дискурсивного влияния на сознание людей нам пока непонятны.

Изучение медиа-влияния в терминах «контроля над сознанием» должно протекать в рамках более широкого социокогнитивного подхода, который связывает сложные структуры современного (нового) медийного ландшафта с использованием медиа и, в конечном итоге, с множеством способов влияния на сознание людей, которое оно оказывает. Безусловно, масс-медиа способствовали появлению огромного количества альтернативных СМИ, специализированных «нишевых» медиа и, в особенности, предоставили людям большие возможности за счет интернета, мобильных телефонов и индивидуальных способов использования новостей, развлечения и прочего «контента». Предполагается, что читатели и зрители должны стать более критичными и независимыми. В то же время, очевидна необходимость детального критического анализа того, действительно ли такое разнообразие технологий, медиа, сообщений и мнений означает, что граждане являются более информированными и способными сопротивляться тонкой информационной манипуляции, которая, в свою очередь, становится все более индивидуализированной и которая может

быть направлена на поддержку доминирующих идеологий, не претерпевших больших изменений. Иллюзия свободы и разнообразия может быть одним из способов производства идеологической гегемонии, которая может служить интересам доминирующих общественных сил и не в самую последнюю очередь компаний, производящих сами технологии и медиаконтенты, создающих эту иллюзию.

3. Дискурс-анализ как социальный анализ

Аналогичные теоретические и эмпирические проблемы характерны для определения властных групп и организаций, которые предстают в качестве источника цикличных процессов дискурсивного воспроизводства власти. Какими характеристиками должны обладать группы людей, чтобы их можно было описать как властные?

Интуитивно понятно, что к властным группам следует относить правительства, парламенты, государственные организации, полицию, военных, большие бизнес-корпорации, а также представителей некоторых профессий, например, врачей и профессоров, или же такие социальные роли, как родители. Но если властной группой можно назвать СМИ как организации и предприятия, означает ли это, что отдельно взятые репортеры обладают властью? Большинство из них наверняка станут отрицать такое утверждение, даже если они осознают, что у них все же есть власть, которая позволяет им влиять на сознание сотен, если не миллионов людей. *В этом смысле власть следует определять не как власть индивида,* но как власть социальной позиции и как составную часть власти организации. Таким образом, речь идет о необходимости осуществления более глубокого социального анализа для того чтобы точно определить, кто и как управляет публичным дискурсом.

Аналогичные примеры мы можем обнаружить в еще одной ключевой сфере «символической власти» — в сфере образования. Мы знаем, что учителя и учебники влияют на сознание студентов, и мы вряд ли станем отрицать, что мы ожидаем от них такого влияния, если мы хотим, чтобы наши дети чему-нибудь *научились*. Однако, достаточно сложно отличить обучение, помогающее студентам с их настоящей и будущей жизни, от идеологического внушения властных групп или организаций и, соответственно, предупреждения развития у студентов критического потенциала.

И в то же время, вряд ли представляется возможным выбрать в качестве критического изучения только одного учителя или один отрывок из учебника, поскольку форма влияния может быть нелокализованной, гораздо более сложной, глобальной, противоречивой, систематичной

и почти не заметной для всех вовлеченных индивидов. В действительности все — от министерства образования, разрабатывающего учебный план, от авторов, коллективов и издателей, которые выпускают учебники, и учительских комитетов, утверждающих их, до учителей, которые преподают по этим учебникам — все они могут быть убеждены, что то, чему учат эти учебники, — полезно для детей.

Такие примеры могут быть обнаружены в различных областях общества, как то политика, право, здравоохранение, бюрократические и государственные учреждения, корпоративные бизнес-структуры, с верха и донизу, от управляющих элит до тех, кто реализует их политику, инструкции и планы.

Еще раз: ✓ власть и доступ

В целом, когда мы «делаем» дискурс-анализ как социальный анализ, мы *становимся вовлеченными* в чрезвычайно сложные структуры организации, контроля и власти, а дискурс в них является лишь одной из многих социальных практик, которые необходимо осмыслить. Более того, подобное критическое исследование сложных властных организаций имеет ряд специфичных методологических проблем, связанных, например, с серьезными ограничениями доступа к данным. Так, мы можем критически анализировать публичный выпуск новостей или редакторскую статью, учебник или диалог в классе, политическую пропаганду партии или рекламу компании, однако мы редко можем получить доступ к своего рода «вершинам» дискурсивного взаимодействия — «кабинетным» встречам, совещаниям с редактором газеты, собраниям лидеров политической партии или дискуссиям на уровне правления бизнес-компании.

Практический опыт свидетельствует, что чем выше статус дискурса и чем он влиятельнее, тем менее публичным он является и тем менее он доступен для критического анализа — иногда это закреплено юридически, как в случае с «кабинетными» совещаниями.

Так, в интересующей меня области изучения расизма и прессы, ни один из исследователей, насколько я знаю, до сих пор не смог получить доступ к совещаниям в редакции газеты. И каждый, кто проводил полевые исследования, знает, что интервьюировать элиты всегда гораздо сложнее, чем беседовать с обычными людьми в привычной для них обстановке — людьми, которые часто бывают счастливы поговорить с вами, поскольку обычно никто в основном не интересуется их мнением или их опытом.

Именно поэтому мы располагаем публичными данными о расизме в виде политических дебатов, новостей, учебников и программ партий, но у нас нет данных о том, как «кабинетные» министры, партийные лидеры, редакторы, члены совета директоров или высокопоставленные чиновники говорят и пишут в своей среде об иммигрантах и меньшинствах.

✓ **Власть как контроль над публичным дискурсом**

В этой книге я пытаюсь показать, как тесно критический социальный анализ связан с контекстуальным дискурс-анализом. Социальная власть групп (классов, организаций) традиционно трактовалась в терминах их особого доступа к специфическим материальным ресурсам (или контроля над ними), таким как капитал или земля, к символическим ресурсам, таким как знание, образование или слава, или к физической силе.

Многие формы современной власти, тем не менее, должны быть истолкованы как *символическая* власть, то есть в терминах *особого доступа к публичному дискурсу (или контроля над ним)*, следуя логике описанного выше воспроизводства. Контроль над публичным дискурсом — это контроль над сознанием аудитории, а значит, косвенно, над тем, что желает или делает аудитория. Тому, кто может убеждать, соблазнять, внушать или манипулировать людьми, не нужно применять силу.

В этом отношении сегодняшние символические элиты — политики, журналисты, учителя, адвокаты, чиновники и все, кто имеет особый доступ к публичному дискурсу, или бизнес-менеджеры, которые косвенно управляют этим доступом (например, в качестве владельцев масс-медийных империй) — все они являются теми, кого следует назвать властными группами, поскольку они отвечают этому критерию.

Символическая власть может быть выведена из других видов власти. Так, у политиков есть доступ к публичному дискурсу, поскольку у них есть политическая власть, а профессора — поскольку у них есть ресурсы знания. Если определять власть как контроль (представителями) одной группы над другой, то такие формы политической, академической или корпоративной власти действительно становятся эффективными, если они обеспечивают особый доступ к средствам производства дискурса, а значит к контролю над сознанием аудитории.

В то время, как с классической точки зрения власть определяется в терминах класса и контроля над материальными средствами производства, сегодня власть широко трактуется как контроль над сознанием масс, который предполагает контроль над публичным дискурсом во всех его семиотических измерениях.

Итак, нам предстоит выйти за пределы (обычно верных, но слишком упрощенных) слоганов популярно-критической литературы о власти политиков или медиа как «менеджеров сознания» и детально изучить, что же все это в точности означает: как становится возможным, что специфичные общественные группы формулируют определения ситуаций (то есть ментальные модели) и контролируют общественных событий, общих социокультурных знаний и здравого смысла, мнений о различных проблемах и, в наиболее фундаментальном смысле, базовых идеологий,

норм, ценностей, которые организуют и управляют социальными представлениями аудитории в целом.

Переосмысливая гегемонию ✓

Мы видим, насколько тесно социальный анализ связан с дискурс-анализом и как такая связь в различных отношениях требует когнитивного анализа. Мы видим, как классическое понятие гегемонии, предложенное Грамши в его «*Тюремных тетрадях*», получает особое содержание за счет более эксплицитного анализа релевантных процессов, в частности, того, как идеологии воспроизводятся и как люди могут действовать помимо своей воли во имя интересов власти.

Обращение к дискурсивным и когнитивным средствам воспроизводства социальной власти в обществе, очевидно, означает выход за пределы привычного политэкономического или социологического макроанализа. Политика и медиа, бесспорно, влияют друг на друга и контролируют друг друга, будучи, в свою очередь, зависимы от фундаментальных бизнес-интересов, рынка и финансовой «целесообразности». И политэкономический, и макросоциологический анализы могут быть усилены и уточнены анализом связей и форм классового, группового и организационного управления.

Микроанализ власти ✓

И все же, дискурс-аналитики стремятся изучить эти фундаментальные отношения на более локальном, микро-уровне, например, на уровне повседневных взаимодействий, в которые вовлечены политики и журналисты, способов создания и распространения пресс-релизов, проведения пресс-конференций, стратегии ответов на критические вопросы журналистов и т. д.

Если агенты власти заинтересованы в управлении собственным имиджем в масс-медиа с целью завоевания поддержки и влияния на настроение и сознание аудитории, то им требуется управлять дискурсивными и интеракциональными элементами производства публичного дискурса, такими как нормирование времени, детализация содержания и стиль пресс-релиза, бизнес-отчет или реклама, беседа и интервью с журналистами. Детальный анализ таких организационных дискурсивных практик, направленных на управление производством публичного дискурса, позволяет нам выявить, как социальные макроструктуры связаны со структурами публичного дискурса и, в конечном итоге, как они могут повлиять на сознание аудитории в целом.

Необходимо отметить, что подобные социальные процессы воспроизводства не являются строго детерминированными. Например, несмотря на различные формы влияния со стороны государства и властных организаций, газеты как организации и журналисты как личности могут сопротивляться (до определенной степени) такому давлению и преподносить новости в соответствии с их собственными точками зрения и интересами.

То же справедливо и для аудитории новостных компаний. Люди, конечно же, находятся под воздействием новостей, которые они читают или смотрят, хотя бы потому что они получают и обновляют свое знание о мире. Но их понимание новостей и то, как они меняют свои мнения и оценки, зависит и от их предыдущих оценок и идеологий (разделяемых с другими членами группы), и от их собственного опыта. И именно эти личные интерпретации новостей, ментальная модель событий являются основой специфичных персональных действий индивида.

Иными словами, в контексте рассматриваемого здесь дискурсивного воспроизводства власти связь между макроструктурами социетальной власти, с одной стороны, и индивидуальным поведением — с другой, является достаточно сложной и опосредованной.

✓ Дискурс, познание, общество...

Представленный выше краткий анализ дискурсивного воспроизводства власти направлен на выявление фундаментальных отношений трех концептов, которые лежат в основе большей части моих исследований, — дискурса, знания и общества. Как мне представляется, любой тип КДИ должен учитывать все три измерения, даже если мы в силу каких-либо причин захотим ограничиться одним или двумя из них. Главной тенденцией критического исследования является установление *прямой* связи между обществом — и особенно власти и доминирования — и дискурсом, социальными практиками прочими феноменами.

Согласно моей теории, такой прямой связи не существует: нет никакого прямого влияния, которое социальные структуры оказывают на тексты. Скорее, субъекты социальных отношений наблюдают, переживают, интерпретируют и репрезентируют социальные структуры, например, как часть их повседневного взаимодействия или коммуникации. Именно эта (субъективная) репрезентация, эти ментальные модели специфичных событий, это знание, эти оценки и идеологии в конечном итоге влияют на дискурсы и другие социальные практики. Другими словами, личное и социальное знания всегда выступают посредником между обществом или социальными ситуациями и дискурсом. Следовательно, КДИ направлены на изучение социальных проблем в контексте триангуляции «дискурс — познание — общество». Ни одно из этих измерений не может быть понято без другого.

✓ ...а также история и культура

Эти три измерения являются необходимыми, но не исчерпывающими. Есть еще, как минимум, два фундаментальных для КДИ измерения — *история* и *культура*, хотя я их рассматриваю как часть социального аспекта. Большинство из проблем, которые рассматриваются в этой книге — расизм, масс-медиа, политика, образование — имеют очень важное историческое измерение, анализ которого

позволит более полно понять современные социальные проблемы. Расизм – это изобретение не современного мира; его история насчитывает столетия. С другой стороны, в последние десятилетия мы наблюдаем серьезные социальные изменения, касающиеся класса, гендера и этничности; многие современные общества в Европе, Северной Америке и Австралии в некоторых отношениях кардинально изменились по сравнению с тем, какими они были еще 50 лет назад. КДИ призваны изучить эти изменения, в том числе в отношении дискурсивного производства власти, а с другой стороны, выявить, действительно ли и насколько изменились фундаментальные отношения власти.

И наконец, это касается и культуры. Все, что мы сказали, должно быть оценено и в аспекте культуры. Дискурсы и способы воспроизводства власти отличаются в зависимости от культуры, равно как социальные структуры и социальное познание, вовлеченное в процессы воспроизводства. В условиях возрастающей глобализации некоторые дискурсивные жанры, вероятно, стали универсальными, как это произошло с международными новостями и даже некоторыми формами развлечений. В то же время представители различных культур могут понимать и использовать эти дискурсы по-разному в зависимости от разделяемого в их культуре знания и оценок. Это справедливо также и в отношении производства дискурса и его социальных условий, что также может иметь отличия в разных обществах и культурах. Это означает, что КДИ должны всегда учитывать культурный контекст участников дискурсивного воспроизводства власти и, более того, степень влияния на дискурс кросс-культурного опыта современных обществ.

4. От власти к злоупотреблению властью: доминирование

Существует одно распространенное заблуждение, что власть – это нечто, что подразумевается как «плохое», и что анализ дискурса и власти по определению является «критическим» анализом. Это достаточно ограниченная трактовка власти и КДИ. Власть очевидным и тривиальным образом может быть направлена на достижение нейтрального и положительного результата, как, например, в тех случаях, когда родители и учителя обучают детей, СМИ информируют нас, политики – управляют, полиция – защищает, а врачи – лечат, при этом все используют свои особые ресурсы.

Это положение отнюдь не является отговоркой, чтобы ввести ограничивающее *«но...»*. Напротив, общество не функционировало бы без

порядка, управления, проверок, без большого количества легитимных властных отношений. В этом смысле, многие виды социального анализа предполагают анализ власти и связанных с ней понятий.

КДИ предполагают глубинный взгляд в социальные структуры в целом и властные отношения в частности. Мы можем изучить *злоупотребление* властью только тогда, когда мы поймем, насколько оно причиняет людям вред и как социальное неравенство производится и воспроизводится в повседневной жизни. И только в этом случае мы можем понять, как неравномерно распространена власть в обществе.

✓ **Нелегитимное использование власти**

КДИ предполагают, скорее, критический анализ злоупотребления властью политиками, нежели легитимного использования ими власти; изучение того, как масс-медиа дезинформируют, а не информируют; выявление того, как эксперты и преподаватели используют свои знания, чтобы вводить в заблуждение студентов, клиентов и прочих граждан, вместо того, чтобы обучать или лечить их. Я называю такие формы злоупотребления властью *«доминированием»* — понятием, которое предполагает негативное измерение неравенства, несправедливости и неравноправия, то есть всех форм *нелегитимных* действий и ситуаций.

Доминирование включает в себя различные виды злоупотребления коммуникативной властью, что является предметом особого интереса для критических дискурс-аналитиков; эти виды включают в себя, например, манипуляцию, внушение, дезинформацию. Можно назвать и другие, недискурсивные примеры доминирования, которыми полны повседневные практики, истории и новости: сексуальные притязания, семейное насилие, политическая коррупция, притеснения и насилие со стороны полиции, терроризм и антитерроризм, войны и т. д.

Я упоминаю об этих примерах, чтобы подчеркнуть, что КДИ направлены на изучение лишь небольшого (но важного) сегмента форм доминирования и неравенства. С целью разработки хорошей основы для критических дискурс-исследований мы должны дать более четкое определение злоупотребления. Как мы различаем *использование* и *злоупотребление* языком, дискурсом и коммуникацией, новостями и аргументацией, парламентскими дебатами и законами, результатами академических исследований или профессиональными отчетами, а также многими другими жанрами и коммуникативными практиками?

Так, СМИ могут информировать нас о гражданских волнениях, но в какой-то момент эта «информация» о «бунтах» превращается в тексты, содержащие предубеждения о черной молодежи, «странах третьего мира», или в классовые идеологические тексты о малоимущих гражданах. Или

в какой-то момент исследование, посвященное иммиграции или повседневной жизни меньшинств, вдруг начинает подтверждать распространенные стереотипы, например, о наркомании или насилии, и игнорировать факты повседневной дискриминации меньшинств властями, полицией и символическими элитами.

В целом, изучение очевидных способов злоупотребления дискурсом, будь то неприкрытая расистская пропаганда или псевдонаука, должно быть дополнено более детальным анализом повседневных практик, в которых «хорошее» и «плохое» соседствуют в текстах.

С какого же момента, описывая повседневные дискурсивные практики, мы начинаем говорить о «злоупотреблении»? Мы уже начали описывать злоупотребление в терминах легитимности: злоупотребление властью — это *нелегитимное* использование власти. Такой анализ вскоре должен привести нас к основам социального и политического анализа. Злоупотребление властью, таким образом, означает нарушение фундаментальных норм и ценностей в интересах тех, у кого есть власть и против интересов других людей. Злоупотребление властью означает нарушение социальных и гражданских прав людей. В сфере дискурса и коммуникации к таким правам относится право быть (хорошо) образованным, хорошо информированным и т. д.

Нормативное определение легитимности, тем не менее, является очень сложным, и ее адекватный анализ составляет саму основу КДИ. Если мы планируем анализировать и критиковать доминирование, и если доминирование определяется как нелегитимное использование власти, то нам необходимо составить ясное представление о нормах, критериях и стандартах легитимности. Тогда принципиальным вопросом будет следующий: кто прежде всего определяет, что является легитимным? В соответствии с распространенным либерально-демократическим ответом, эту задачу выполняют демократически избранные представители, такие как парламент, городской совет и т. д. Мы знаем из истории, что существовало большое количество расистских, сексистских и классовых законов и стандартов, так что закон как таковой не гарантирует легитимность в силу того, что мы применяем иные нормы и критерии. Это относится даже к формулированию международных прав человека, которые, как мы знаем, тоже менялись в ходе истории. Другими словами, как и все наши нормы, ценности и знания, стандарты легитимности — относительны, меняются в историческом и межкультурном аспектах, даже если мы постоянно признаем их универсальными.

Если мы говорим о легитимном использовании власти и нелегитимном злоупотреблении властью, мы должны признать, что и первое,

и второе может производить легитимные формы неравенства. Это имеет отношение не только к очевидным различиям политической власти, но и ко всем случаям неравного распределения властных ресурсов, включая материальные, такие как деньги. Важным для нас представляется то, что такое неравное распределение касается также и нематериальных, символических ресурсов власти, таких как знание и доступ к публичному дискурсу. Так, мы считаем «нормальным» неравенство между преподавателями и студентами, профессионалами и их клиентами, экспертами и неспециалистами, журналистами и их аудиторией. Ключевой вопрос в КДИ касается того, какие из подобных различий во властных ресурсах являются легитимными в соответствии с сегодняшними стандартами справедливости, равенства и международных прав человека, а какие являются свидетельством нелегитимного злоупотребления властью. Когда властные ресурсы журналистов, такие как специальное знание и информация, а также доступ к масс-медиа, используются легитимно, т. е. в целях информирования граждан, а когда происходит злоупотребление властью с целью дезинформирования, манипулирования и причинения вреда гражданам.

Мы видим, что значительная часть содержания понятия (не)легитимности дискурса сформулирована в терминах негативных ментальных *последствий* дискурсивного доминирования – дезинформации, манипуляции, стереотипов и предубеждений, недостатка знания, внушения – и того, как они означают или ведут к социальному неравенству, так как подобные ментальные последствия, в свою очередь, могут влиять (делать нелегитимными) на социальные взаимоотношения, и примером тому может быть дискриминация.

Несмотря на то, что мы можем принять общую дефиницию дискурсивного доминирования в терминах негативных социальных последствий для реципиентов, спецификация точных норм и ценностей, которые делают эти негативные последствия эксплицитными, представляется очень сложной процедурой, зависящей от той или иной точки зрения.

Несложно сформулировать, почему расистские сообщения являются «плохими» – например, потому что они формируют и подтверждают расистские стереотипы и идеологии, которые, в свою очередь, являются основой расистской дискриминации, а она по определению направлена против интересов дискриминируемых и нарушает их фундаментальные права. По этим же причинам расистские сообщения или политическая пропаганда запрещены законом во многих странах.

✓ **Пример расистского сообщения**

А что если газета освещает, например, мародерство во время «бунтов», совершаемое черными молодыми людьми, как это случалось в Великобритании и США и о чем я пишу в своей книге «Расизм и СМИ»? Очевидно, что освещение преступных

деяний представителей меньшинств не является само по себе ни проявлением расизма, ни нарушением их гражданских прав, даже если подобное «негативное» сообщение может поддерживать этнические предрассудки среди большинства белых людей. Мы должны применить детальный анализ текста и контекста для того чтобы убедиться, что то или иное сообщение является расистским. Так, в случае с нашим примером, сообщение может быть идентифицировано как более или менее расистское, если оно отвечает следующим условиям:

- если представлены негативные действия только черных молодых людей, а не другой молодежи или же полиции;
- если негативные действия черных молодых людей акцентированы (с помощью гипербол, метафор), а действия полиции деакцентированы (например, с помощью эвфемизмов);
- если действия выражены в специфических «этнических» и «расовых» терминах, а не в таких, как, например, «молодежь», «малоимущие», «мужчины» и прочих более релевантных терминах;
- если бунты, мародерство и насилие представлены как самостоятельные события вне социальных причин, например, как следствие частых преследований со стороны полиции или в более широком контексте бедности и дискриминации;
- если газета систематически публикует расистские материалы, а значит, вероятно, следует политике негативных сообщений о меньшинствах;
- если используются только или преимущественно «белые» источники информации, которые обвиняют черную молодежь и оправдывают действия полиции.

Мы видим, что нормы, которые нарушаются, не противоречат друг другу. Напротив, они составляют часть профессиональных норм адекватного освещения событий, которые требуют сбалансированной репрезентации события, объяснения их в терминах социальных причин и контекстов и функции контроля над недопущением злоупотребления властью агентами государственных силовых структур. Журналисты знают и должны знать о возможных последствиях расистских сообщений о сообществах меньшинства, а значит, они должны быть очень внимательны в отношении соблюдения общих норм профессиональной журналистики. Они не должны ни закрывать глаза на преступления, совершаемые меньшинствами, ни подвергать себя самоцензуре, а лишь следовать установленным профессиональным нормам освещения Других.

✓ **Легитимная необъективность**

Пример с расистским сообщением о «бунтах» является все же достаточно однозначным, поскольку мы можем применить общие нормы и ценности профессиональной журналистики, чтобы критически оценить это сообщение. Однако существует большое количество примеров других, более или менее «плохих» или пристрастных сообщений, которые не нарушают существующие нормы и которые не приводят к негативным социальным последствиям, например, когда левацкая газета подчеркивает положительные качества «левого» кандидата на выборах и негативные качества «правого» кандидата. Такие очевидные пристрастия могут быть мотивированы, когда большинство прессы является консервативным и представляют «левых» кандидатов (более) негативно.

Аналогичным образом пресса может создавать негативные образы коррумпированных политиков, загрязняющих или дискриминирующих предприятий и т. д., и подобное освещение может быть предвзятым по отношению к оппонентам, но последствия для аудитории являются однозначно положительными.

Итак, мы можем заключить, что мы должны внимательно изучать контекст, нормы и ценности, предопределяющие ту или иную дискурсивную практику. Тем не менее, в качестве общего эмпирического правила, мы можем говорить о нелегитимном использовании дискурсивной власти, то есть о доминировании, если тот или иной дискурс или его возможные последствия систематически нарушают человеческие или гражданские права людей. В частности, к таким случаям следует отнести поддержку дискурсом различных форм социального неравенства, а также если дискурс строится в соответствии с интересами доминирующей группы и против интересов подчиненной группы, особенно в силу того, что у последней нет доступа к публичному дискурсу.

Далее, мы должны определить частные характеристики того или иного дискурсивного жанра или дискурсивной практики. Мы привели пример медийной новости, но, конечно же, нам необходимо разработать критерии, аналогичные рассмотренным выше, для всех типов публичного дискурса, таких как парламентские дебаты, политическая пропаганда, реклама, корпоративные дискурсы, учебники и учебное взаимодействие, юридический, научный и бюрократический дискурсы.

✓ **Контраргумент: невозможность контролировать последствия**

Еще одной трудностью теории дискурсивного доминирования является то, что она сформулирована не просто в терминах дискурсивных структур, то есть тех, которые автор может в определенной степени контролировать, а значит, от которого они в определенной степени зависят, но также и в терминах (ментальных) последствий этих структур. Политики и журналисты

обычно не соглашаются с обвинениями в том, что они производят предвзятые тексты, утверждая, что они не влияют на то, как люди читают, понимают и интерпретируют их дискурсы.

Такой контраргумент не безоснователен, поскольку не существует причинно-следственной связи между дискурсом и его интерпретацией: *из психологии* понимания дискурса мы знаем, что дискурс как таковой — это один из множества факторов, влияющих на понимание и интерпретацию; к прочим факторам относятся контекст чтения, существующее знание и идеология читателя, его *личная* биография и настоящий опыт, его настоящие интенции и цели, его роль и статус и т.д.

Но, несмотря на индивидуальную и контекстуальную зависимость, это отнюдь не означает, что дискурсы как таковые не имеют отношения к процессам социального влияния. Выработано общее представление о способах получения знания, предубеждений и идеологий, в том числе посредством дискурса. Следовательно, профессиональные авторы и организации должны представлять себе о возможных или вероятных последствиях их дискурса в отношении социальных репрезентаций их реципиентов. Например, практически не вызывает сомнений тот факт, что повторяющееся акцентирование внимания на девиантных или криминальных *характеристиках представителей* меньшинства создает и поддерживает *социально разделяемые* расистские установки в обществе, а не только мнения отдельно взятых фанатичных индивидов.

Также не вызывает сомнения то, что большинство наших идеологий созданы с помощью дискурсов. В этом смысле то, что не существует прямого контроля сознания реципиентов, не является оправданием для дискурсивного манипулирования, учитывая профессиональное знание о возможных тенденциях масштабного влияния подобных практик на сознание и действия реципиентов. В действительности, элитарные группы и организации прекрасно понимают, к каким эффектам в отношении сознания аудитории приводят их «информация», реклама и пропаганда — иначе они бы не занимались так активно публичной коммуникацией.

5. Практическая значимость критических дискурсивных исследований

Все, что было сказано выше, в первую очередь относится к КДИ, которые, как нам кажется, способствуют пониманию того, какую роль играет дискурс в воспроизводстве доминирования и как злоупотребление властью приводит к социальному неравенству. Для КДИ крайне важным является то, что подобное понимание практически соотносится с подчи-

ненными группами. Несмотря на то, что известно множество примеров практического «применения» критических дискурс-исследований, это направление все еще остается недостаточно развитым и изученным. В связи с этим, я сформулирую несколько положений.

✓ **Посредничество и консультирование**

Если политик, журналист или преподаватель утверждают, что они не знают (или не знали) о возможных негативных социальных последствиях их дискурса, то соответствующие функции консультирования могут выполнить критические дискурс-аналитики. Они могут детально продемонстрировать, каким образом темы, заголовки и лиды новостей, аннотации или резюме научных статей, слоганы в политическом дискурсе могут быть использованы и эксплуатированы для «определения ситуации», то есть как эти дискурсивные структуры могут быть использованы для создания высшего уровня (макро)структур ментальных моделей событий. Критические аналитики могут показать, как специфичные лексические единицы используются для конструирования в этих ментальных моделях деталей событий или характеристик людей, или же как ментальные модели упрощаются до предубеждений и прочих социально разделяемых установок.

КДИ могут и должны заниматься дискурсивной подготовкой специалистов, для того чтобы показать, как публичный дискурс элитарных групп может влиять на сознание граждан и как такое влияние способствует воспроизводству социальной структуры. Понимание последствий чьего-либо дискурса (и любых публичных действий) — это одно из условий ответственности, такое же, как и наше знание о воздействии химических продуктов на окружающую среду. В таких ситуациях оправдание «Мы не знали!» (или его немецкий вариант, который был использован в качестве оправдания после Второй Мировой Войны — «Wir haben es nicht gewusst!») уже не признается адекватным, также как и оправдания в случае загрязнения среды.

✓ **Просвещение**

Просвещение граждан с помощью КДИ — это еще одна важная практика, поскольку люди должны научиться лучше понимать цели дискурсивных элит и способы дезинформирования, манипулирования и причинения вреда аудитории с помощью публичного дискурса. Так, главной социальной и практической целью КДИ является развитие стратегий дискурсивного инакомыслия и сопротивления.

✓ **Советы специалистам, профессиональные этические кодексы**

Для достижения этих целей мы должны подробно изучить, какие параметры дискурса, дискурсивные жанры и в каких коммуникативных контекстах вероятнее всего приводят к тем или иным социокогнитивным последствиям в отношении формирования знания, установок и идеологий. Это исследование предполагает сотрудничество дискурс-аналитиков с лингвистами,

психологами, социологами, которые вносили бы свой вклад в изучение сложного дискурсно обусловленного воспроизводства процессов социального неравенства.

Несмотря на то, что обучение КДИ – это важная форма сопротивления дискурсивному доминированию, она не является достаточной. Лишь немногие газеты отказались от расистских журналистских практик в результате критического дискурс-анализа. Это относится к большинству критических исследований. Но в то же время, мы являемся свидетелями успехов феминистских и экологических движений, так что сопротивление может оказывать влияние даже на самых могущественных.

Традиционно существует один долгий путь, пролегающий через социальные институты, то есть – обучение журналистов и других специалистов главным положениям нашей концепции. У нас достаточно ясные цели в университетском преподавании: учить студентов критическому анализу текстов, преподаванию его другим студентам и развитию теорий с целью его совершенствования.

КДИ использует также менее опосредованные формы сопротивления, доказавшие свою эффективность в других областях – например, в сфере противодействия расистским и сексистским сообщениям в СМИ или в области экспертных заключений для международных организаций, обладающих определенной властью, таких как ООН или Совет Европы – и те, и другие периодически предпринимают действия, направленные против расизма.

Если мы выявляем случаи воспроизводства расизма в масс-медиа, мы можем сразу же сформулировать конкретные рекомендации, которые могут принять форму добровольных профессиональных кодексов, как это встречается во многих областях. Кодексы могут содержать в себе критерии допустимого, касающиеся деятельности редакций, репортеров, тем новостей, информационных источников и т. д. – иными словами, стандарты общих профессиональных ценностей и норм. Они могут открыто требовать запрета на использование любых нерелевантных ссылок на этническое происхождение индивидов, особенно в негативных (криминальных и т. д.) новостях. Эта норма была принята в отношении освещения «третьего мира» и исламских стран; также, неоднократно предлагалось ввести аналогичную норму в освещении гендера в СМИ.

Расизм вредит бизнесу ✓

Помимо просветительских, исследовательских и политических стратегий, реализуемых в том числе при помощи влиятельных международных организаций, дискурсивное сопротивление, как его понимают в КДИ, включает в себя еще одну важную стратегию, затрагивающую основу неолиберальных идеологий и практик – прибыль.

Мы утверждаем и доказываем, что и расистский, и сексистский дискурсы, равно как и недостаток разнообразия в целом, вредит бизнесу. В американском, европейском или австралийском обществах, становящимися все более межкультурными и принимающих в ряды своих граждан и партнеров все большее количество неевропейцев, вряд ли было бы разумным практиковать антагонизм в отношении потенциальных клиентов с помощью расистской политики, расистских медиа-сообщений, расистского обучения и прочих дискурсивных практик. Если у граждан есть выбор между расистскими и нерасистскими газетами или телеканалами, то мы можем себе представить, что они себе выберут, особенно если они занимают открытую позицию против расизма.

Недостаточно разнообразной может оказаться среда самих журналистов. Этнически миноритарных журналистов, если их вообще берут на работу, принимают в редакции, исходя из схожести их взглядов с ценностями владельца или редактора газеты, или предполагая, что они вскоре ассимилируются со своими коллегами, если они заинтересованы сохранить свою работу или приемлемые условия труда. В этом случае мощным стимулом изменения редакционной политики является разнообразие в среде читателей газеты. В целом, бизнес будет стремиться к сокращению дискриминации, если его менеджеры понимают, что и в области набора квалифицированного персонала, и в сфере удовлетворения потребностей своей аудитории расизм является губительным для бизнеса.

✓ **Альянсы и кооперация** КДИ являются более эффективными, если основываются на стратегических альянсах с теми объединениями, некоммерческими государственными организациями, группами меньшинств или институциями, которые включены в борьбу против различных форм социального неравенства вообще и дискурсивной дискриминации в частности, например, против расистского и классового подхода в политике, медиа, образовании и науке. Возможно, это не все поле деятельности КДИ, но этого вполне достаточно для реализации значительного количества исследовательских проектов, форм кооперации и социального действия.

6. Что делать?

Резюмируем, что практическая значимость КДИ связывается, главным образом, с подготовкой студентов как критически мыслящих профессионалов, с осуществлением экспертизы для влиятельных международных и любых общественных организаций, а также с разъяснением корпоративным организациям, что любая форма дискурсивной дискриминации в конечном итоге вредит бизнесу.

Представители КДИ могут осуществлять критический анализ учебников и предлагать новые издателям и управляющим структурам в образовании. Они могут вести курсы для журналистов по созданию нерасистских новостей. Они могут проводить мастер-классы для предпринимателей по нерасистскому взаимодействию с клиентами. И многое, многое другое.

В заключение еще раз повторим, что все эти важные практические задачи КДИ могут быть реализованы только при условии проведения большого количества детальных исследований ключевых дискурсивных практик, особенно в сфере политики, медиа, образования и науки, то есть исследований символических и дискурсивных элит и их повседневных практик и продуктов. Статьи, собранные в этой книге, являются вкладом в это коллективное исследовательское дело.

Глава 2. Структуры дискурса и структуры власти*

В этой главе я рассматриваю некоторые типы отношений между дискурсом и социальной властью. После краткого теоретического анализа этих отношений мы обратимся к некоторым последним работам в этой области исследования. И хотя мы рассматриваем подходы к изучению власти, вложившиеся в нескольких дисциплинах, нашей главной целью является изучение способов актуализации, выражения, описания, сокрытия и легитимации власти в текстах и речи в социальном контексте. Особое внимание мы обращаем на роль идеологии, но, в отличие от большинства социологических и политологических подходов мы формулируем связь с идеологией в терминах теории социального познания. Такая формулировка позволяет нам построить очень важный теоретический «мост» между социетальной властью классов, групп и институтов на макро-уровне анализа и реализацией власти во взаимодействии и дискурсе на социальном микро-уровне. Так, наш обзор работ в этой сфере фокусируется на влиянии специфичных властных структур на различные дискурсивные жанры и свойственные им структуры.

Дискурс-аналитическая теория, образующая основу этого исследования, описана, но не ограничивается, моими более ранними работами по дискурсу (например, van Dijk, 1977, 1980, 1981; van Dijk and Kintsch, 1983), а также в других подходах современного дискурс-анализа (см. список литературы в van Dijk, 1985a). Таким образом, продолжая мою предыдущую работу по новостному дискурсу и по расизму в дискурсе, что мы также кратко обсудим здесь, в этой главе я рассматриваю, в большей степени, социальный подход к дискурсу, а также общий подход к критическому изучению текстов и речи в социальном контексте.

Представленный нами дискурс-аналитический подход и требования к объему главы предполагают определенные ограничения. Во-первых, мы

---

* Я благодарен Джеймсу Андерсону, Чарльзу Бергеру, Норману Фэрклоу, Чериз Крамарэ и Рут Водак за критические замечания и пожелания, высказанные ими к первой версии этой главы.

упоминаем, но не обсуждаем и не описываем текущую работу в области общих связей между властью и языком, что явилось предметом ряда последних исследований (Kramarae, Schulz и O'Barr, 1984; Mey, 1985). В нашем обсуждении мы фокусируем внимание на специфичных «текстуальных» формах использования языка в социальном контексте и лишь на некоторых социолингвистических работах, в которых рассматривается роль доминирования или власти с помощью языкового варьирования и стиля (Scherer и Giles, 1979). Во-вторых, мы вынуждены были оставить вне поля нашего внимания многие работы из смежной области изучения власти в межличностных коммуникациях, детально рассмотренной Бергером (Berger, 1985) (см. также Seibold, Cantrill и Meyers, 1985), поскольку нас интересует скорее социальная и социетальная, нежели личностная власть. В-третьих, мы вынуждены, к сожалению, ограничить себя изучением роли власти в «западных» культурах. Таким образом, мы не упоминаем о роли власти в иных культурах, что было рассмотрено в ряде работ, посвященных этнографии речи (Bauman and Scherzer, 1974; Saville-Troike, 1982), а также в современных исследованиях по межкультурным коммуникациям. В-четвертых, феминистским исследованиям мужского доминирования и власти в языке было посвящено уже достаточное количество работ (см. расширенный библиографический список в Kramarae, Thorne and Henley, 1983), поэтому мы ограничиваемся кратким обзором исследований гендерной власти и дискурса. В целях экономии объема нашего обзора, мы приводим несколько ссылок на ряд интересных работ, посвященных связям между языком, дискурсом, властью и идеологией в некоторых европейских и латиноамериканских странах.

1. Анализ власти

Анализу власти посвящено огромное количество работ в ряде дисциплин. Среди последних работ следует назвать работы Dahl (1957, 1961), Debnam (1984), Galbraith (1985), Lukes (1974, 1986), Milliband (1983), Mills (1956), Therborn (1980), White (1976) и Wrong (1979), а также многие другие. Большая часть этих работ выполнены в рамках социологии и политологии. В этой главе мы не ставим цель сделать обзор или обобщить результаты этой богатой традиции. Итак, мы выбрали несколько наиболее важных характеристик социальной власти и реконструировали их в рамках нашей теоретической модели. И, тем не менее, необходимо понимать, что, по нашему мнению, сложное понятие власти не может быть выражено в одном единственном определении. Хорошо разработанная, междисциплинарная теория должна осветить наиболее важные

элементы содержания и применения этого понятия. Мы можем выделить следующие характеристики власти, которые имеют отношение к нашему обсуждению:

1. Социальная власть — это свойство взаимоотношений между группами, классами и прочими социальными формациями, а также между личностями как социальными участниками. Несмотря на то, что мы можем говорить об личностных формах власти, такая индивидуальная власть имеет небольшое отношение к нашему системному анализу роли власти в дискурсе как социальном взаимодействии.
2. На элементарном и в то же время фундаментальном уровне анализа отношения социальной власти в полной мере представлены во взаимодействии. Так, мы можем утверждать, что группа А (или ее члены) имеют власть над группой Б (или ее членами), когда реальные или потенциальные действия группы А реализуют социальное управление над группой Б. Поскольку понятие действия само предполагает понятие (когнитивного) управления, осуществляемого агентами, социальное управление Б, достигаемое действиями А, ограничивает самоуправление Б. Другими словами, реализация власти А выражается в ограничении Б в социальной свободе действий.
3. За исключением случаев применения физической силы, власть А над реальными или возможными действиями Б означает, что А должен управлять когнитивными условиями действий Б, такими как желания, побуждения, планы и убеждения. Независимо от причин Б может принять или согласиться поступать так, как того желает А, следовать закону и правилам или достичь консенсуса действовать в соответствии с (интересами) А. Иными словами, социальная власть обычно является непрямой и реализуется через «сознания» людей, например, за счет управления необходимой информацией или мнениями в целях планирования и выполнения определенных действий. Большинство форм социальной власти в нашем обществе подразумевают такую разновидность «ментального контроля», обычно достигаемого с помощью убеждения или других форм дискурсивной коммуникации или выражаясь в страхе санкций со стороны А в случае несогласия Б с желаниями А. Именно такому пониманию социальной власти релевантен анализ роли дискурса в реализации, поддержке и легитимации власти. Тем не менее, отметим, что такая «ментальная медиация» власти оставляет возможности для различных степеней свободы и сопротивления со стороны тех, на кого направлена реализация власти.

4. Власти А требуется основание, то есть ресурсы, которые делают возможным реализацию власти в социальном контексте или применение санкций в случае несогласия. Эти ресурсы обычно включают в себя социально одобряемые, но неравномерно распределенные атрибуты или блага, такие как материальные ценности, должность, звание, статус, авторитет, знание, экспертиза, привилегии и даже просто членство в доминантных или мажоритарных группах. Власть является формой социального контроля, если ее основания содержат в себе социально значимые ресурсы. В самом общем смысле, власть преднамеренно или непреднамеренно осуществляется А с целью поддержки или расширения оснований его власти или предотвращения Б от их приобретения. Иными словами, реализация власти А обычно поддерживается интересами А.

5. Ключевым аспектом реализации или поддержки власти является то, что для усиления А ментального контроля Б последний должен знать о желаниях, нуждах, предпочтениях или интенциях А. Помимо прямой коммуникации, например, таких речевых актов, как команды, просьбы, угрозы, это знание может выводиться из культурных убеждений, норм и ценностей, через консенсус в определенном идеологическом контексте или посредством наблюдения и интерпретации за социальными действиями А.

6. Тотальный социальный контроль в современных западных обществах ограничен полем и диапазоном власти властных агентов. Имеется в виду, что властные агенты могут обладать властью только в одной социальной области — политике, экономике или образовании — или в специфичных социальных ситуациях, таких как учебная аудитория или суд. Аналогичным образом диапазон их действий может быть ограничен несколькими людьми или расширен до целого класса или группы людей или специфичных действий. В конечном итоге, те, кто обладает властью, могут нести определенную ответственность за реализацию власти. Помимо этой формы распределения власти, которая, в свою очередь, предполагает различные формы разделения власти (power sharing), существует еще один важный аспект — сопротивление: подчиненные группы и их члены редко бывают абсолютно безвластными. В определенных социоэкономических, исторических и культурных условиях эти группы могут реализовывать различные формы сопротивления, то есть осуществлять противовластные действия, которые могут сделать властных менее властными или даже беззащитными, что часто происходит во время революций. Таким об-

разом, реализация власти — это не просто форма действия, но форма социального взаимодействия.

7. Реализация и поддержка социальной власти предполагает идеологический контекст, который состоит из социально разделяемых, обусловленных интересами, фундаментальных знаний группы и ее членов и который может быть постигнут, закреплен и изменен главным образом в ходе коммуникации и дискурса.
8. Повторим, что власть необходимо анализировать в связи с различными формами сопротивления власти со стороны подчиненных групп (или групп, выступающих от их лица), что также является условием социальных и исторических вызовов и изменений.

2. Контроль над дискурсом и способы дискурсивного воспроизводства

Одним из важных условий осуществления социального контроля посредством дискурса является контроль самого дискурса и его производства. Таким образом, главным вопросом является «кто может сказать или написать что, кому и в какой ситуации?». У кого есть доступ к различным формам и жанрам дискурса или средствам его воспроизводства? Чем менее влиятельными являются люди, тем более ограничен для них доступ к различным формам текстов и речи. В итоге, безвластным буквально «нечего сказать», не к кому обратиться, они даже должны оставаться безмолвными, когда говорят более влиятельные люди, как мы это наблюдаем на примере детей, заключенных, обвиняемых и (в некоторых культурах, включая порой и нашу собственную) женщины.

В повседневной жизни большинство людей проявляют себя как активные собеседники только в разговорах с членами семьи, друзьями, коллегами по работе. Иногда, в более формальных диалогах, они могут беседовать с институциональными представителями или руководством, однако в этом случае они играют более пассивную роль в коммуникации. В полицейском участке, в зале судебных заседаний, в страховой компании, в учебной аудитории и в других институциях социальной бюрократии от них ожидается, что они будут говорить или давать информацию, только если их попросят или прикажут это делать. В более формальных публичных или печатных формах дискурса (включая медиадискурс) менее влиятельные люди являются только реципиентами.

Властные группы и их представители контролируют или имеют доступ к бесконечно широкому и разнообразному спектру дискурсивных

ролей, жанров, условий и стилей. Они контролируют формальные диалоги с подчиненными, деловые совещания, отдают указания и формулируют правила, пишут различные виды отчетов, книги, инструкции, газетные материалы и производят различные масс-медийные дискурсы. Они не только являются активными участниками большинства коммуникативных ситуаций, но и выступают в роли инициаторов вербальных дискуссий или публичного дискурса, устанавливают «тон» и стиль дискурса, определяют его темы и решают, кто будет участником или реципиентом их дискурсов. Важно подчеркнуть, что власть не только реализуется «в» или «посредством» дискурса, но и существует как социетальная сила «за пределами» дискурса. В этом смысле связь между дискурсом и властью является тесной и проявляется в виде прямой манифестации власти класса, группы или института, а также зависит от соответствующей позиции или статуса их участников (Bernstein, 1971–5; Mueller, 1973; Schatzman and Strauss, 1972).

Власть реализуется и выражается непосредственно через различия в доступе к различным жанрам, содержанию и стилям дискурса. Такой контроль может быть подвергнут более системному анализу в рамках изучения форм (вос)производства дискурса, в частности, форм материального производства, артикуляции, распространения и влияния. Так, масс-медийные организации и их (зачастую международные) корпоративные владельцы контролируют как финансовые, так и технологические условия производства дискурса, например, прессу, телевидение, издательский бизнес, а также телекоммуникационную и компьютерную индустрию (Becker, Hedebro, and Paldán, 1986; Mattelart, 1979; Schiller, 1973). С помощью селективных инвестиций, управления бюджетом, найма (и сокращения), а иногда и с помощью прямого редакторского воздействия и распоряжений они могут частично контролировать содержание и по крайней мере спектр консенсуса или разногласий в большинстве форм публичного дискурса. Из-за того, что частные медиа зависят от рекламы, этот непрямой контроль могут осуществлять крупные корпоративные клиенты и даже известные (в основном институциональные) новостные фигуры, которые регулярно предоставляют информацию, от которой зависят медиа. Те же властные группы контролируют также различные способы распространения, особенно масс-медийцного дискурса, а следовательно частично контролируют способы воздействия текстов и речи.

Способ производства артикуляции контролируется группами, которые мы обозначаем термином «символические элиты» и к которым относятся журналисты, писатели, художники, режиссеры, академики и другие группы, реализующие власть на основе «символического капитала» (Bourdieu, 1977, 1984; Bourdieu and Passeron, 1977). У них есть относительная свобода и относительная власть в выборе дискурсивных жанров,

тем, стиля и презентации дискурса. Их символическая власть не сводится исключительно к артикуляции как таковой, но также распространяется и на способы воздействия: эти группы могут устанавливать повестки дня для публичных дискуссий, определять тематическое соответствие текстов, управлять объемом и типом информации, особенно в отношении того, кто и как изображается в публичной коммуникации. Они являются производителями общедоступных знаний, убеждений, оценок, норм, ценностей, морали и идеологий. Это значит, что их символическая власть является также формой идеологической власти. Несмотря на трудности, связанные с понятием «элита» (Domhoff and Ballard, 1968), мы используем этот термин, чтобы обозначить достаточно широкий концепт (в отличие, например, от Mills, 1956), включающий в себя эксклюзивное социальное управление, осуществляемое небольшой группой. Иными словами, мы утверждаем, что помимо политических, военных и экономических элит, символические элиты играют важную роль в идеологическом обеспечении системы осуществления или поддержки власти в современном информационном и коммуникативном обществе.

Тем не менее, поскольку большинство элитарных групп управляются государством или частными корпорациями, они их свобода артикуляции тоже ограничена, что проявляется в различных аспектах их дискурса. Голос элиты — это зачастую голос корпоративного или институционального хозяина. Интересы и идеология элит обычно незначительно отличаются от интересов и идеологии тех, кто им платит или кто поддерживает их. Лишь некоторые группы (например, писатели или некоторые ученые) обладают потенциалом сопротивления власти, чему еще предстоит стать предметом публикаций. Зависимость элиты обычно идеологически сокрыто за различными профессиональными нормами, ценностями и кодексами, например, распространенным убеждением, что в масс-медиа есть «свобода выражения» (Altheide, 1985; Boyd-Barrett and Braham, 1987; Davis and Walton, 1983; Downing, 1980; Fishman, 1980; Gans, 1979; Golding and Murdock, 1979; Hall, Hobson, Lowe and Willis, 1980).

3. Стратегии когнитивного управления и идеологическое производство

Если большинство форм дискурсивной власти в нашем обществе относятся, как мы говорили ранее, к убеждающему типу, то, несмотря на ключевую роль контроля над средствами производства и распространения (особенно в отношении масс-медийного дискурса), решающее влияние на «умы» людей является привилегией все-таки символического,

а не экономического контроля. Также, признавая, что контроль над менее влиятельными группами осуществляется в социально-экономической сфере (деньги, работа, благосостояние), главным компонентом осуществления и поддержки власти является идеологический компонент, который основан на различных типах одобрения, обсуждения, критики и консенсуса. Следовательно, крайне важным является анализ стратегической роли дискурса и его агентов (ораторов, писателей, редакторов и т. д.) в воспроизводстве этой формы социокультурной гегемонии. Учитывая, что символические элиты контролируют способ воздействия посредством жанров, тем, аргументации, стиля, риторики и презентации публичного дискурса, мы говорим об их символической власти, хоть и реализуемой в условиях некоторых ограничений.

4. Новый подход к изучению идеологии

Поскольку понятие идеологии является ключевым для наших размышлений о роли дискурса в реализации или легитимации власти, оно требует некоторых пояснений, хотя и невозможно даже просто обобщить классические взгляды и современные дискуссии об этом предмете исследования (см. Abercrombie, Hill and Turner, 1980; Barrett, Corrigan, Kuhn and Wollf, 1979; Brown, 1973; Centre for Contemporary Cultural Studies [CCCS], 1978; Donald and Hall, 1986; Kinloch, 1981; Manning, 1980). Несмотря на разнообразие подходов к концепту идеологии, всеми *признается*, что термин, независимо от того, насколько ясно он разработан в идеологической системе, имеет отношение к групповому или классовому «сознанию», что актуализирует социально-экономические, политические и культурные практики представителей групп таким образом, что их (группы или класса) интересы (принципиально или оптимально) реализуются.

И сама идеология, и идеологические практики, обусловленные ею, часто усваиваются, реализуются и организуются посредством различных институтов, таких как государство, медиа, образование, церковь, а также такими неформальными институтами, как семья. Классический марксистский анализ в более частном порядке предполагает, что доминирующая идеология в определенный период — это идеология тех, кто контролирует способы идеологического воспроизводства, или точнее — правящего класса. Это может означать, что те или иные подчиненные группы или классы могут вырабатывать искаженное представление о своем социально-экономическом положении («ложное сознание»), что в свою очередь может побудить их действовать против своих собственных интересов.

И напротив, доминирующие группы или классы стремятся сокрыть свою идеологию (а значит и свои интересы) и в то же время добиться того, чтобы она воспринималась большинством как «общая» или «естественная» система ценностей, норм и целей. В этом случае идеологическое воспроизводство имеет консенсусную организационную природу, а власть, происходящая от него, приобретает формы гегемонии.

Не затрагивая многие детали, мы выбираем в своем анализе идеологии несколько отличное от традиционного и более специфичное направление (см. также van Dijk, 1998). Несмотря на то, что практики и институты действительно играют важную роль в выражении, актуализации и воспроизводстве идеологии, мы все же должны признать, что идеология «как таковая» не есть эти самые практики и институты. Скорее, мы должны допустить, что идеология представляет собой форму социального знания, разделяемого членами группы, класса или других социальных формаций (см., например, Fiske and Taylor, 1984 для знакомства с основами изучения социального знания). Это допущение не означает, что идеология — это просто набор убеждений и оценок. Ее социокогнитивная природа включает в себя большее количество элементов. В соответствии с нашим анализом идеология представляет собой комплексную когнитивную систему, контролирующую формирование, трансформирование и применение других социальных знаний, таких как мнения и оценки, а также социальных репрезентаций, включая и социальные предубеждения. Эта идеологическая система состоит из социально релевантных норм, целей и принципов, которые отобраны, соотнесены и применены таким образом, чтобы они могли поддерживать восприятие, интерпретацию и действия в социальных практиках, направленных на защиту базовых интересов группы. В этом смысле идеология предписывает когерентность социальных оценок, что в свою очередь тоже детерминирует социальные практики. Нужно подчеркнуть, что идеологические социальные знания — это системы убеждений или мнений, принадлежащих не индивидам, а, главным образом, членам социальных формаций и институтов. Равным образом, в соответствии с логикой нашего анализа, мы не используем такие термины, как «ложный» с целью обозначения специфичных «предвзятых» идеологий. Идеологии (включая научные) позволяют (ре)конструировать социальную реальность, основанную на групповых интересах. (Одним из подходящих критериев оценки такого конструирования является его соответствие или эффективность по отношению к социальным практикам, характерным для социальных формаций и их участников при реализации их целей или интересов).

Однако формирование идеологии не просто направляется «объективными интересами» группы или класса; во многих случаях (и исторически)

эти интересы могут доминировать над всеми остальными условиями идеологического (вос)производства. Следовательно, дискурс и коммуникация, как мы полагаем, играют центральную роль в (транс)формировании идеологии. В этом аспекте действительно важным является выявить, кто использует эти процессы и контролирует средства или институты идеологического (вос)производства, такие как медиа или образование. И хотя формирование фундаментальной социокогнитивной системы идеологии представляет собой очень сложный процесс, у него должна быть, по крайней мере, основа, включающая в себя (верные или ложные) убеждения. В этой главе я пытаюсь показать, что дискурс и, в частности, дискурс властных институтов и групп является главной социальной практикой, опосредующей эти убеждения и управляющей ими (Roloff and Berger, 1982). В отличие от большинства других подходов к изучению идеологии в социальных и политических науках, мы ориентируемся на более системный социокогнитивный анализ идеологических структур и процессов их (транс)формирования и применения. Эта цель предполагает, что идеологии должны быть детально проанализированы для того чтобы выявить, как групповые знания влияют на социальное конструирование реальности, социальные практики и, следовательно, (транс)формирование социетальных структур. Также мы должны осуществить эксплицитный анализ структур, стратегий и процессов дискурса и его особой роли в воспроизводстве идеологий. *Иными словами*, большая часть классических работ по идеологии основаны на традиционном макроанализе общества, игнорирующем актуальные структуры и процессы на микроуровне функционирования идеологии. Этот глобальный и поверхностный подход помимо прочего не позволяет определить связь между социетальными или групповыми идеологиями (и властными структурами, которые они детерминируют, скрывают или легитимируют) и конкретными социальными практиками меж-и внутригруппового взаимодействия, а также уточнить роль дискурса в идеологических (транс)формациях.

5. Дискурс и идеологическое воспроизводство

Для того чтобы формировать и изменять сознание люди используют всевозможные дискурсы, включая межличностные, и информацию, которую они порождают. Отметим, что сложность работы с текстами и процесса формирования оценок, конечно же, препятствует мгновенному изменению коллективных убеждений и мнений, не говоря о сложно организованных оценках и идеологиях (Petty and Caciopро, 1981; Roloff and Miller, 1980; van Dijk and Kintsch, 1983). И все же, именно символическая

элита контролирует типы дискурсов, темы, тип и объем информации, осуществляет подбор и корректирование аргументов и определяет характер риторических операций. Эти условия предопределяют, главным образом, содержание и организацию общественного знания, иерархию убеждений и достижимость консенсуса, что в свою очередь является важным фактором формирования и воспроизводства мнений, оценок и идеологий (Burton and Carlen, 1979).

В новостных СМИ этот стратегический контроль над знанием реализуется с помощью ограничения выбора тем и, в широком смысле, с помощью специфических способов воссоздания социальной и политической реальности (Hall et al., 1980; Tuchman, 1978; van Dijk, 1987b, 1987c). Сам этот процесс управляется системой журналистских ценностей и профессиональных идеологий в отношении новостей и новостной значимости, которые обычно поддерживают внимание и интересы различных элитарных деятелей, фигур, групп, классов, институтов, наций и мировых регионов (Galtung and Ruge, 1965). Привилегированный доступ и освещение (позитивное или негативное) новостей является одним из факторов масс-медийного воспроизводства социальной власти (Brown, Bybee, Wearden and Murdock, 1982). Это справедливо и в отношении образования, в котором учебный план, учебники, образовательные материалы и уроки также подчиняются образовательным целям, предметам, темам и обучающим стратегиям, которые чаще всего соответствуют ценностям и интересам различных властных элитарных групп (Apple, 1979; Lorimer, 1984; Young, 1971). Таким образом, мы видим, что символические элиты, контролирующие стиль и содержание медийного и образовательного дискурса, частично контролируют также способы воздействия, а значит и идеологическое воспроизводство общества.

Мы полагаем, что символические элиты не являются независимыми от других, преимущественно экономических и политических, властных элит (Bagdikian, 1983). Может существовать конфликт или противоречие между интересами, а значит и идеологиями этих влиятельных властных групп. Но эти — экономические и политические — властные группы не только обладают прямыми или опосредованными средствами управления символическим воспроизводством, но и могут применять собственные стратегии выработки мнения. В контексте масс-медиа эти стратегии включают в себя институционально или корпоративно организованное предоставление (необходимой) информации в форме пресс-релизов, пресс-конференций, интервью, утечки информации и других форм привилегированного доступа к ньюсмейкерам. Журналистский повседневный опыт свидетельствует, что при подготовке материала предпочтение отдается именно этим видам предварительной информации, чем иным дис-

курсивным источникам (Collins et al., 1986; Gans, 1979; Tuchman, 1978; van Dijk, 1987b).

В образовании общее требование избегания «противоречащих» положений препятствует распространению большинства радикальных социальных и политических точек зрения, которые не соответствуют доминирующим социально-политическим идеологиям. В частности, государственные организации и корпорации могут предоставлять бесплатные образовательные материалы, рекламу в образовательных журналах и прибегать к другим способам воздействия на учителей и содержание учебников (Domhoff, 1983).

Аналогичным образом, властные элиты имеют доступ к средствам контроля над оппозиционными мнениями и действиями сопротивления, например, с помощью выборочного найма и финансирования, тонкой или открытой цензуры, «черного пиара» и прочих способов замалчивания «радикалов» и их медиа (Domhoff, 1983; Downing, 1984; Gamble, 1986). Так, во многих западных странах достаточно получить ярлык «коммуниста», противника нашего типа «свободы» или того, кто разделяет схожий тип ценностей, чтобы быть получить отказ в признании его как серьезного выразителя анти-идеологии. Это – действенная стратегия удержания самих элитарных групп под внешним и внутренним контролем. Иными словами, существует широкий спектр экономических, культурных и символических стратегий, с помощью которых различные властные группы могут совместно, но иногда и не без взаимных конфликтов и противоречий, контролировать знание и информацию, преследовать главные цели и таким образом выстраивать фрагменты доминирующей идеологии. Власть, основанная на принципе консенсуса, обеспечивает такие условия, в которых «заговор» этих властных групп становится просто ненужным.

6. Анализ власти и дискурса

В рамках этой достаточно общей концепции социальной власти и управления дискурсом мы можем теперь более подробно рассмотреть различные способы связи дискурса с этой формой социального контроля.

Дискурсивные жанры и власть ✓

Начнем наш анализ с типологии способов реализации власти в дискурсе как форме социального взаимодействия:

1. Прямое управление действием достигается с помощью дискурса, выполняющего директивные прагматические функции (имеющего ораторскую силу (*«elocutionary force»*)), например, с помощью приказов, угроз, законов, регуляций, инструкций и с помощью менее прямых

форм, таких как рекомендация и совет. Говорящий часто играет институциональную роль, а его дискурс часто подкрепляется институциональной властью. Согласие достигается в этом случае с помощью законных и прочих институциональных санкций.

2. Такие убеждающие дискурсивные формы, как реклама и пропаганда также направлены на воздействие на предполагаемые действия реципиентов. Их власть основана на экономических, финансовых или, в целом, корпоративных и институциональных ресурсах и реализуется за счет доступа к масс-медиа и вниманию широкой аудитории. Согласие в этом случае вырабатывается с помощью риторических средств, например, повторов и аргументации, но также поддерживается традиционными механизмами рыночного контроля.
3. Помимо принуждающих форм дискурса воздействие на предполагаемые действия может также достигаться с помощью описания будущих или возможных событий, действий и ситуаций, например, в форме прогнозов, планов, сценариев, программ и предупреждений, которые часто комбинируются с различными видами совета. Властными группами в данном случае выступают профессионалы («эксперты»), а их власть выражается в управлении знанием и технологиями (Pettigrew, 1972). Риторические средства часто включает в себя аргументацию и описание нежелательного альтернативного положения дел. Так, научные доклады о социальных или экономических процессах менее явным образом могут влиять на будущие действия.
4. Различные виды распространенных, а значит достаточно влиятельных нарративных текстов, таких как романы или кинофильмы, могут описывать (не)желательный характер будущих действий и могут прибегать к риторике драматического или эмоционального описания или к различным формам тематической или стилистической оригинальности. Властные группы, задействованные здесь, представляют собой то, что мы называем «символические элиты». Отличительной чертой этого класса дискурса являются новостные сообщения в СМИ, которые не только описывают текущие события и их возможные последствия, но и существенным образом дают оценку действиям и выражают мнения политической, экономической, военной и социальной властных групп. Консенсусная основа власти вырабатывается преимущественно этим способом, благодаря которому широкая аудитория узнает о том, кто находится у власти и что они хотят. Это — ключевое условие существования как идеологической основы власти, так и различных форм сопротивления («знай врага твоего»).

Из этой типологии следует, что дискурсивная реализация власти носит преимущественно убеждающий характер. Властные группы и институты редко вынуждены предписывать, что следует делать менее влиятельным группам, хотя в конечном итоге такие директивы могут оказаться решающими в ходе управления другими, как в случае государственного управления. Скорее, они убеждают, используя экономические, политические, социальные и моральные доводы и контролируя соответствующую информацию. В этом отношении информация может стать субъективной за счет селективного ее предоставления в интересах властных элит или за счет ее ограничения, если она противоречит их интересам. Эти цели могут быть достигнуты с помощью риторических или художественных средств выражения.

Уровни дискурса и власть ✓

Следующий аспект находится за пределами этой простой типологии жанров дискурса и их роли в социальном управлении. Он вбирает в себя различные уровни дискурса, на которых могут актуализироваться, выражаться, описываться, обозначаться, скрываться или легитимироваться властные отношения между участниками дискурса или группами, к которым они принадлежат.

Как мы уже отмечали ранее, власть может актуализироваться на прагматическом уровне за счет ограничения доступа или контроля с помощью речевых актов, таких как приказы, формальные и судебные обвинения, оправдание и другие институциональные речевые акты. Во-вторых, в ходе межличностного общения один его участник может доминировать в распределении реплик, контролировать стратегии самопрезентации и управлять всеми уровнями спонтанного разговора или формального диалога. В-третьих, выбор типа или жанра дискурса осуществляется более властными коммуникантами, например, в аудитории, в зале судебных заседаний или в корпорации: иногда могут быть разрешены, например, рассказы о личном опыте, но чаще всего они подвергаются цензуре с целью поддержки контролируемых близких дискурсных жанров, например, дознания. В-четвертых, за пределами повседневной коммуникации темы регулируются главным образом правилами коммуникативной ситуации, однако их инициация, изменение их содержания и конфигурации контролируются и оцениваются более влиятельными коммуникантами. Это относится также и к стилю и риторике.

Аспекты власти ✓

Анализ властных структур позволяет нам перечислить прочие релевантные категории, в частности, аспекты власти, которые могут влиять на дискурс и его структуры: различные институты власти, внутренние властные структуры этих институтов, властные отношения между различными социальными группами и область реализации

власти этими институтами и группами и их представителями. Не прибегая к анализу этих структур и аспектов социальной власти, мы просто утверждаем, что они манифестированы в различных структурах «властных» текстов.

На первом месте в этом списке мы обозначили главные властные институты, такие как правительство, парламент, государственные службы, судебная система, армия, большие корпорации, политические партии, СМИ, организации, церковь и институты образования. С каждым из этих институтов соотносятся те или иные специфичные жанры дискурса, коммуникативные события, темы, стили, риторические средства. Далее, внутри этих институтов существует традиционная иерархия позиций, рангов и статусов, а это подразумевает использование различных речевых актов, жанров и стилей, например, указывающих на полномочия и приказ.

Затем, наряду или вместе с институтами существуют групповые властные отношения, например, между богатыми и бедными, мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, белыми и черными, коренными жителями и иностранцами, высоко образованными и теми, у кого нет достаточного образования, гетеросексуалистами и гомосексуалистами, верующими и неверующими, умеренными и радикалами, здоровыми и больными, знаменитыми и неизвестными — в общем, властные отношения между «Мы» и «Они». Как в институциональном, так и повседневном, неформальном общении эти властные отношения могут актуализироваться членами доминирующих групп. Так, в случае институциональных представителей, члены доминирующих групп могут основывать индивидуально реализуемую власть из коллективной власти группы, к которой они принадлежат. Эффект, оказываемый на дискурс в этих ситуациях, особенно очевиден в случае несбалансированного контроля над диалогом, репликовыми обменами, речевыми актами, выбором тем и стиля.

В-четвертых, реализация власти может быть изучена в аспекте границ ее действия или спектра и типа влияния. Некоторые институты и их лидеры могут совершать дискурсивные акты, влияющие на целые нации, государства, города, большие организации, а также на жизнь и смерть, здоровье, личную свободу, занятость, образование, частные жизни людей, в то время как другие институты и их представители оказывают гораздо меньшее и не такое серьезное влияние на людей.

И наконец, мы можем выделить различные виды легитимности этих форм социального контроля — от тотального контроля, осуществляемого или поддерживаемого силой (как при диктатуре и в некоторых сферах демократической системы управления), до частичного контроля, санкционированного элитой, большинством или же более или менее общим консенсусом. Эти (градуальные) отличия отражают возможные санкции,

применяемые властными группами, а также принятие или сопротивление им со стороны объекта реализации власти.

Различия в способах легитимации закрепляются также в различных жанрах, темах и стилях дискурса. Например, дискуссия, споры, дебаты не характерны для диктаторского дискурса. Из этого следует важность объема и характера дискурсивной легитимации в различных типах властных систем. Мы можем предположить, что любая политическая система, рассматриваемая как институционализация власти, например, государством, ассоциируется с собственным особым порядком или типами дискурса. Поскольку принципы (нормы, правила, ценности, цели) легитимности внедрены в идеологию, процессы легитимации являются также дискурсивными процессами.

7. Различные подходы

Указав на различные аспекты власти, мы можем теперь сделать следующий шаг и определить системные связи между этими аспектами и различными структурными элементами дискурса. Это можно осуществить разными способами и с различных, взаимодополняющих перспектив. Так, в социальных науках начинают с анализа уже упомянутых аспектов социальной власти, а затем изучают с помощью каких дискурсов или дискурсивных средств выражаются, актуализируются или легитимируются эти властные структуры. Этот (макро)подход предполагает более общий и интегрированный анализ различных дискурсивных жанров и свойств, связанных с классом, институтом или группой (например, дискурс юридической системы или патриархальной власти мужчин над женщинами). С другой стороны, социалингвистический анализ обычно начинается с изучения специфичных черт использования языка или дискурса и пытается показать, как они могут варьироваться или зависеть от различных социальных позиций, отношений или аспектов, например, от класса, гендера, этнической группы или ситуации. В рамках этой перспективы обычно принято детально изучать лингвистические характеристики устных и письменных текстов и в общих чертах рассматривать социальные «обстоятельства» этих характеристик.

Мы придерживаемся подхода, который комбинирует в себе преимущества этих двух альтернативных взглядов, то есть предполагает анализ дискурсивных (суб)жанров и коммуникативных событий в социальных ситуациях (Brown and Fraser, 1979). Подобный «ситуационный анализ» предполагает синтез дискурс-анализа и социального анализа. Посредством междисциплинарного изучения повседневных разговоров, учебных

диалогов, интервью при приеме на работу, бесед между специалистом и клиентом, врачебных консультаций, судебных заседаний, административных переговоров, парламентских дебатов, новостных сообщений, рекламы, правотворчества и многих других коммуникативных событий мы можем выявить как релевантные структуры дискурса, так и релевантные структуры доминирования и контроля в социальном контексте. Это означает, что понимание этих коммуникативных жанров требует анализа репрезентации участников, стратегий взаимодействия, репликового обмена, выбора тем и правил, стилистических регистров, риторических операций, а также анализа ролей, связей, правил, норм и других социальных ограничений, управляющих взаимодействием коммуникантов как членов социальных групп. В этом смысле мы можем определить как характеристики и процессы дискурса, так и микромеханизмы социального взаимодействия и социетальных структур. Также, этот уровень и масштаб анализа позволяет сформировать социокогнитивное представление о знаниях, мнении, оценках, идеологиях и прочих социальных репрезентациях, выполняющих функции когнитивного контроля со стороны агентов, действующих в таких ситуациях. И наконец, эти социальные микроструктуры (например, уроки) могут в свою очередь быть связаны (например, посредством сравнения или генерализации) с релевантными социальными макроструктурами, такими как институты (например, школа, система образования и соответствующие идеологии) и в целом социальные отношения (например, доминирование белых над черными) (Knorr-Cetina and Cicourel, 1981).

8. Власть в дискурсе: обзор

В предыдущих разделах я дал краткий теоретический анализ понятия «власть» и его связей с дискурсом и коммуникацией. Мы выяснили, как властные группы и индивиды используют различные стратегии, позволяющие им управлять материальным и символическим производством текстов и речи, а значит и частью когнитивных процессов, лежащих в основе когнитивного управления и производства согласия со стороны менее влиятельных групп и индивидов. Мы также упомянули о некоторых характеристиках дискурса, на которые особенным образом влияет процесс управления (вос)производством — например, конверсационные репликовые обмены, темы и стиль.

В заключительной части этой главы мы более детально анализируем, как власть выражается, обозначается, воспроизводится или легитимируется в различных структурах дискурса. В предыдущих разделах работы

мы фокусировали внимание на различных социальных стратегиях управления дискурсом и коммуникацией, а сейчас мы более системно рассмотрим дискурсивные стратегии, которые выполняют подобные (взаимо)действия и сделаем краткий обзор результатов эмпирических исследований, демонстрирующих их «работу» в текстах и речи. Мы выстраиваем наше обсуждение вокруг некоторых типов дискурса, точнее — субжанров или коммуникативных событий, которые актуализируют типичные социальные отношения, включая особые властные социальные отношения. В ходе обсуждения мы будем прибегать к реинтерпретации исследования, например, когда будем использовать понятие власти в несколько ином значении. Мы начнем с различных видов устного, диалогического дискурса, а затем перейдем к рассмотрению письменных типов текста. Мы обращаем наше внимание на социальной власти и игнорируем различные виды индивидуальной власти, влияния или статуса в межличностной коммуникации (см. Berger, 1985 для обзора этой работы, а также Brooke and Ng, 1986, and Falbo and Peplau, 1980 для знакомства с результатами эмпирических исследований межличностного влияния).

Разговор ✓

Несмотря на то, что анализ разговора предполагает, что коммуниканты обладают равными социальными ролями (Sacks, Schegloff and Jefferson, 1974; Atkinson and Heritage, 1984; McLaughlin, 1984), очевидно, что и группа, и институциональное представительство, и в целом социальное неравенство воспроизводят различия в контроле над текущим диалогом. Эти различия возникают, например, в разговоре между мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, белыми и черными, богатыми и бедными или между более и менее образованными. Признается, что такой контроль со стороны более влиятельного коммуниканта может распространяться на распределение и присвоение реплик, выбор речевых актов, отбор тем и переходов от одной темы к другой, определение стиля. Реализация этого контроля, тем не менее, не обязательно должна быть статичной; напротив, она может быть динамичной, так как может быть предметом переговоров или борьбы с менее влиятельными коммуникантами. Другими словами, разговор постоянно контекстуализируется за счет обозначения различных условий или ограничений социальной ситуации в целом, а также за счет социальных связей между коммуникантами в частности. И хотя есть смысл в том, чтобы различать повседневный, персональный или неформальный разговор, с одной стороны, и формальный, институциональный дискурс — с другой, все же необходимо подчеркнуть, что неформальный или частный дискурс может включать в себя значительное количество формальных и институциональных ограничений. И наоборот, институциональ-

ный дискурс также может быть неформальным и представлять собой повседневную деятельность наряду с прочими социальными практиками.

✓ **Разговор между родителями и детьми**

Во всех культурах одним из наиболее типичных властных различий является различие между родителями и детьми. Несмотря на огромную зависимость от культуры (Snow and Ferguson, 1977) и на различия в общении у отцов и матерей (Gleason and Geif, 1986), родительский контроль обычно реализуется в разговорах между родителями и детьми различными способами: «Низкий статус детей в стратифицированных обществах может заставить их молчать, запрещать им проявлять инициативу или обсуждать определенные темы, предостерегать их от перебивания старших и требовать, чтобы они использовали особую разновидность речи» (Ervin-Tripp and Strage, 1985, p. 68).

Как детально показывают эти и другие авторы, родители могут также непосредственно управлять поведением детей, например, ругая, угрожая, приказывая или делая им замечания в речи. Менее прямые формы управления действиями в разговоре между родителями и детьми могут принимать форму совета, просьбы или стимулирования посредством обещаний. Эти различия в родительском контроле в разговоре часто связаны с классовыми различиями (Cook-Gumperz, 1973). В контексте нашего обсуждения социальной власти, социальные репрезентации власти приобретаются и проявляются достаточно рано, например, в различных формах дискурсивной вежливости и выражения уважения или в ритуалах вербальной демонстрации силы («verbal power play») (Bavelas, Rogers and Millar, 1985; Ervin-Tripp, O'Connor and Rosenberg, 1984; Labov, 1972; Lein and Brenneis, 1978).

✓ **Разговоры между женщинами и мужчинами**

Властные различия между женщинами и мужчинам, а также их выражение в языке достаточно широко освещены в литературе, особенно в последние десятилетия в феминистских работах (Eakins and Eakins, 1978; Kramarae, 1980, 1983; Spender, 1980; Thorne and Henley, 1975; Thorne, Kramarae and Henley, 1983, где можно найти расширенную библиографию по проблеме). Здесь мы рассмотрим лишь некоторые важные положения, уже ставшие во многих отношениях парадигмальными в контексте анализа власти в языке и коммуникации, и обратимся к самым последним исследованиям гендерной власти в дискурсе (см. краткий обзор проблемы в West and Zimmerman, 1985).

Хотя различия могут иногда быть незаметными и зависеть от ситуации (Leet-Pellegrini, 1980) и социальной позиции (Werner, 1983), было выявлено, что женщины «больше работают» в разговорах, нежели мужчины, в большей степени поддерживая тему, проявляя больший интерес и умея выходить из конфликтных ситуаций (Falbo and Peplau, 1980; Fishman, 1983). Результаты ряда исследований говорят, что чаще мужчины

прерывают женщин, особенно в нестандартных ситуациях обмена репликами (Eakins and Eakins, 1978; Natale, Entin and Jaffe, 1979; West and Zimmerman, 1983).

Некоторые исследования, о которых пишет Trömel-Plötz (1984), показывают, что мужское доминирование не ограничивается неформальными ситуациями, такими как дом, а проявляется и в публичных контекстах, таких как телевизионное ток-шоу, которые обычно модерируются мужчинами (см. также Owsley and Scotton, 1984). Например, женщины гораздо реже мужчин получают слово, а мужчины говорят дольше, чаще и используют длинные, сложные предложения и различные виды псевдоструктурирования участия в разговоре.

Гендерные различия в разговоре могут быть также изучены в более широкой перспективе как примеры «властной» и «безвластной» речей, что может быть обнаружено в других социальных ситуациях (Bradac and Street, 1986; Erickson, Lind, Johnson and O'Barr, 1978), к чему мы обратимся далее.

Расистские диалоги ✓

То, что справедливо в отношении субординации женщин в разговорах, относится также и к дискурсу, адресатом или объектом которого являются черные и другие группы меньшинства во многих западных странах (Smitherman-Donaldson and van Dijk, 1987). Власть белых групп также может реализовываться посредством вербальной агрессии и оскорблений в отношении представителей миноритарных групп (Allport, 1954). И хотя существует большое количество исторических и литературных источников, в которых зафиксированы характеристики расистских пренебрежительных высказываний, до сих пор проведено недостаточное количество исследований, посвященных их применению и функциям. Kennedy (1959) предложил краткий список «этикетных правил» обращения черных и белых друг к другу во времена расизма при Джиме Кроу в США. Одно из этих правил гласило, что к черным не следует обращаться «мистер», «миссис», «сэр» или «госпожа», а только по их именам, в то время как к белым всегда следовало обращаться в вежливой форме. И хотя за последние несколько десятилетий многие формы верального выражения расизма смягчились вследствие изменившихся норм и законов, расистские высказывания все еще присутствуют в повседневной речи белых. Вербальное унижение черных, а также китайцев, итальянцев, мексиканцев, пуэрториканцев является достаточно распространенным в США, а турков, марокканцев, выходцев из Южной Азии, Карибского бассейна и прочих представителей групп меньшинств или иммигрантов — в Западной Европе (Helmreich, 1984).

Этнический конфликт может также выражаться в различных стилях речи, что приводит к непониманию и стереотипизированию (Kochman, 1981).

В рамках немецкого проекта изучения языка рабочими иммигрантами внимание уделяется тому, как обращаются к «гастарбайтерам» в терминах искусственного, упрощенного «иностранного немецкого» (Dittmar and von Stutterheim, 1985; Klein and Dittmar, 1979). Часто такие разговоры сами но себе указывают на превосходство говорящего и его группы. Это достаточно интересный случай реализации функции языкового приспособления и конфликта межэтнической коммуникации (Giles and Powesland, 1975; Giles and Smith, 1979; Gumperz, 1982a, 1982b).

В большинстве последних работ по предубеждениям расизму утверждается, что даже если расистские мнения, разговоры, и действия и стали менее однозначными и перестали реализовываться в конкретном контексте, базовые оценки вряд ли сильно изменились (Barker, 1981; Dovidio and Gaertner, 1986; Essed, 1984). Greenberg, Kirkland и Pyszczynski (1987) демонстрируют, что использование расистских оскорблений участниками эксперимента по отношению к черным индивидам может спровоцировать возникновение характерных оценок у белых индивидов и сформировать более негативное отношение к черным индивидам. В среде консервативной элиты расистский дискурс принял более «культурный» характер в последнее десятилетие. Этот дискурс подчеркивает приобретенные культурные различия между ин-группами и аут-группами, а иногда тонко оправдывает националистическую культурную автономию доминирующей белой группы (Seidel, 1987a, 1987b).

В моих работах, посвященных выражению этнических мнений и предубеждений в повседневных разговорах, я показал, что такие эксплицитные расистские оскорбления встречаются редко как в Нидерландах, так и в Калифорнии (van Dijk, 1984a, 1987a). Впрочем, неформальные интервью, на которых было основано мое исследование, явились типичным примером беседы с относительно незнакомыми людьми (студентами университетов), а поэтому эти беседы, скорее всего, жестко подчинялись официальным антидискриминационным нормам. В действительности, белые люди постоянно показывают, что знают эти нормы, и искусно убеждают, что как бы они не говорили об «иностранцах», они отнюдь не являются расистами.

Итак, общая стратегия разговора о меньшинствах имеет два аспекта. С одной стороны, многие люди выражают негативный опыт и негативные мнения об этнически миноритарных группах. С другой стороны, эта негативная презентация других систематически компенсируется позитивной самопрезентацией, в частности, демонстрацией себя как толерантных, нерасистски настроенных, понимающих граждан. Эта общая стратегия реализуется посредством множества локальных стратегий и тактик, таких как: мнимые отрицания и признания («Я ничего не имею против них,

но...», «Среди них есть много хороших людей, но...» и т. д.); контрасты, подчеркивающие групповые различия; соперничество; противопоставления «мы – *они*» («Мы усердно работаем, а они не хотят ничего делать»), а также переносы («Я не имею ничего против них, но другие люди в стране, городе, регионе придерживаются иного мнения»). В отличие от семантических и риторических стратегий позитивной самопрезентации, негативная презентация других, в основном, достигается за счет аргументации и конкретных историй. Истории основаны на чьем-либо личном опыте, то есть на «настоящем» и правильном «свидетельстве», на базе которых строятся негативные выводы. В большинстве этих историй характеризуются события и действия миноритарных групп, которые описываются как нарушающие доминантные нормы (белых), ценности, цели и интересы, а также оправдываются существующие предрассудки и стереотипы. Часто для легитимации таких историй и мнений используют новостные СМИ, например, когда ссылаются на преступления, совершенные представителями миноритарных групп, как на то, «о чем мы читаем в газетах каждый день». Более тонкие стратегии разговора, такие как *запинания*, поправки и исправления, указывают на лежащие в основе такого диалога когнитивные процессы и контроль. Выбор лексических средств, а также использование определительных и указательных местоимений тоже предполагает социальную дистанцию: «они», «эти люди», «эти турки (месиканцы *и т. д.*)». *В этом смысле повседневные* разговоры в среде представителей белых мажоритарных групп воспроизводят предрассудки в ингруппе, а вербальное выражение группового членства, групповых целей и норм, в свою очередь, направлены на поддержку власти группы белых.

Институциональный диалог ✓

Диалоги с институтами и внутри институтов или организаций представляют собой формы институционального взаимодействия, а значит, они актуализируют, выражают, указывают и легитимируют множество властных отношений (Pettigrew, 1973; Pfeffer, 1981). Участники такого взаимодействия могут следовать правилам и нормам, зависящим от контекста, но могут также оспаривать различные роли и позиции, включая статуса, иерархии и экспертизы. Еще одним отличием от повседневного, неформального разговора является то, что институциональные участники – это, чаще всего, профессионалы, эксперты «за работой» (см. также Coleman, 1984, 1985b). Рассмотрим некоторые наиболее значимые субжанры институционального диалога.

Собеседование при приеме на работу ✓

Ragan (1983) показала, что при собеседовании при приеме на работу властные различия проявляются в том, что обозначается ею как «выстраивающие действия» ('aligning actions'), к которым следует отнести суждения, метаобщение, последовательность высказываний партнеров, отступления, уточнения. Интервьюеры чаще

прибегают к стратегиям контроля ритма и хода разговора, таким как формулировки, метаобщение и метакоммуникативные отступления. Интервьюируемые, напротив, чаще используют оправдания или объяснения своего поведения, например, с помощью выражения суждений, уточнений и фраз типа «вы знаете» даже в тех случаях, когда их использование необязательно. Эта работа дополняет более ранние социально-психологические исследования (властного) эффекта языковых оценок в собеседованиях при приеме на работу, показывающие, что иначе претенденты с иной идентичностью могут быть подвержены дискриминации, например, из-за их иностранного акцента и в целом могут быть недооценены при приеме на более высокие места или переоценены при приеме на менее престижные рабочие места (Kalin and Rayko, 1980).

В ходе нескольких экспериментов Bradac и коллеги рассмотрели роль властного и безвластного стилей участия в собеседовании при приеме на работу (Bradac and Mulac, 1984). Как и в более ранних исследованиях женской речи, было выявлено, что характерными чертами безвластного стиля являются заминки и подтверждающие вопросы (см. также Bradac and Street, 1986). Далее мы увидим, что аналогичные результаты были получены при изучении стилей речи в зале судебных заседаний.

✓ **Дискурс между врачом и пациентом**

Дискурс между врачом и пациентом является одним из характерных примеров медицинского дискурса в целом (Fisher and Todd, 1983, 1986; Freeman and Heller, 1987), который достаточно часто становится объектом критики в том числе в отношении использования власти медицинскими работниками. Edelman (1974) в своей критической статье показывает, как язык представителей «помогающих» профессий, особенно психиатров, различными способами скрывает настоящую природу их интенций и действий, направленных на установление контроля над пациентами. В этом смысле прямая власть может быть замаскирована дискурсом «помощи», в котором пациенты, обоснованно проявляющие недовольство, могут быть категоризованы как «агрессивные». Их отправляют в помещение, которое эвфемистически называется «тихая комната» вместо «одиночной камеры». Аналогичным образом, использование таких терминов, как «личность, склонная к антисоциальному поведению» («пределинквент», 'predelinquent') может означать, что профессионалы получают «карт-бланш» для «лечения» (в основном, безвластных, например, молодых или бедных) людей, которые не выказывают никаких признаков девиации. Профессиональная власть здесь сочетается с властью класса или возраста. Действительно, как мы убедимся далее, власть редко «приходит одна»: институциональная власть часто актуализируется одновременно с властью группы, связанной с гендерной,

классовой, расовой, возрастной, субкультурной и национальной принадлежностью (см. также Sabsay and Platt, 1985).

West (1984) отмечает, что социальная ассиметрия, присущая отношениям между врачом и пациентом, также проявляется в их беседах, и гендер и раса играют здесь определенную роль: врачи-мужчины прерывают пациентов (особенно черных) гораздо чаще, чем они их, не реализуя при этом никакой медицинской функции; в тоже время из-за подобных прерываний они теряют важную информацию. И наоборот, врачей-женщин чаще прерывают их пациенты (мужчины). В целом, в дискурсе между врачами и пациентами наблюдается дисбаланс в обмене информацией: врачи инициируют вопросы, а пациенты смущаются, когда задают свои редкие вопросы, за исключением специфичных видов условных вопросов. West заключает, что «количественные и качественные наблюдения свидетельствуют, что терапевты выполняют роль почти богов в отношении своих пациентов — как существа, „которых не следует спрашивать"» (West, 1984, p. 51). В качестве личного обращения к врачу используются формальные выражения, в то время как сами врачи стремятся называть пациентов по имени, особенно черных пациентов. Fisher and Todd (1983) обращают внимание также на связь между медицинской и гендерной властью. Они показали, что врачи (мужчины) часто «дружески убеждают» пациентов-женщин использовать противозачаточные таблетки, будучи при этом осведомленными о возможных негативных последствиях принятия таблеток или о существовании альтернативных способов предотвращения беременности.

В ходе критического анализа клинических интервью Mishler (1984) обнаружил дискурсивное доминирование, в его терминологии, «биомедицинского голоса» врачей и указывает на следующие результаты исследования: «Обычно голос жизненного мира подавлялся, а попытки пациентов высказать свою точку зрения на их проблемы в контексте их повседневных ситуаций обычно пресекались и фрагментировались» (р. 190). Treichler и другие (1984) утверждают, что фокус внимания терапевта на биомедицинских аспектах препятствует полному пониманию проблем пациента. Так, проблемы, о которых с готовностью говорили пациенты студентам-медикам, просто не были включены в медицинскую карту. Было обнаружено, что врачи часто используют иронию, отклоняя жалобы пациентов. И наконец, как и в случае с собеседование при приеме на работу, социально-психологические исследования языковых оценок показывают, что врачи могут по-разному оценивать своих пациентов в зависимости от того, обладают ли они особым диалектным или социолектным акцентом (Fielding and Evered, 1980).

То, что было сказано о терапевтах, может относиться к и медицинским работникам других отраслей. Coleman и Burton (1985) изучали особенности контролирования в ходе консультаций пациентов у дантистов в Великобритании и обнаружили, что врачи контролируют как вербальную, так и невербальную деятельность: речь дантистов занимает 71 процент, а пациентов — 26 процентов всего времени консультации (еще 3 процента составляет речь ассистентов). Врачи используют большее количество реплик, и их реплики продолжительнее (4,6 секунды у врачей и 2,1 секунды у пациентов). Очевидно, что контроль в данном случае принимает слишком буквальные формы: пациенты на приеме у врача вынуждены оставаться с открытым ртом и поэтому лишены возможности говорить. Жалобы на доминирование дантистов могут зависеть от страха боли. Так, указанные авторы выявили, что дантисты часто не демонстрируют знаков понимания, выслушивая жалобы и предложения пациентов, оценивают их как не относящиеся к делу или даже отклоняют их как неадекватные. Как и в случае большинства иных профессиональных форм власти, главным источником доминирования дантистов является экспертиза (см. также Candlin, Burton и Coleman, 1980). Как мы отмечали ранее, власть может быть «предоставлена» институциональными организациями и в процессе рутинизации. Медицинская власть является типичным примером этого. Описанные выше результаты исследований также должны быть проинтерпретированы в этой перспективе. Так, Strong (1979) перечисляет ряд факторов, ограничивающих свободу пациентов в дискурсе консультации: врачи используют технический язык (см. также Coleman, 1985а); врачей всегда меньше, чем пациентов; врачи состоят в организации, а пациенты обычно — нет; врачи обладают высоким статусом; в некоторых странах отсутствует или сильно ограничен выбор (доступных) альтернатив предоставления медицинских услуг, следовательно, врачи обладают невысокой компетентностью, и у пациентов ограничен доступ к мнениям других врачей. Мы видим, что локальная реализация и организация власти в беседе врача с пациентом сложным образом переплетена с более общими социальными и институциональными формами управления.

Эти результаты имеют также отношение к психологической консультации или собеседованию при поступлении в стационар, при которых профессионалы действуют как «стражники» институций и могут применять власть соответствующей группы в ходе дифференцированных бесед с миноритарными клиентами или кандидатами (Erickson and Shultz, 1982; Mehan, 1986). Аналогичным образом в ходе учебных диалогов учителя могут осуществлять контроль над учащимися посредством целого ряда стратегий: они выбирают тип дискурса, они инициируют и оценивают темы и вопросно-ответные серии, они отслеживают стиль ученической

речи и в целом контролируют как письменные, так и устные дискурсы учащихся. К сожалению, несмотря на то, что существует большое количество работ, посвященных учебным диалогам (Sinclair and Brazil, 1982; Stoll, 1983; Wilkinson, 1982), лишь небольшое внимание уделяется способам рутинной реализации институциональной власти.

Дискурс судебных заседаний ✓

В подавляющем большинстве институциональных контекстов реализация власти в суде систематически управляется эксплицитно сформулированными нормами и процедурами взаимодействия между судьей, прокурором, адвокатом и подсудимым. Проводилось большое количество исследований судебных диалогов в традициях конверсационного анализа, но недостаточное внимание уделялось социальным аспектам власти, управления и доминирования (Atkinson and Drew, 1979). Стилистическая власть высокоспециализированного жаргона, разделяемая участниками – легальными представителями института права, устанавливает внутренний баланс в отношениях между профессионалами, но в конечном итоге делает уязвимым подсудимого. Власть, объединяющая в себе обвинения со стороны прокурора, контроль над процедурой судебного заседания и окончательное судебное решение, содержит в себе все, за счет чего судебные чиновники выражают и реализуют свое доминирование над подсудимым, свидетелями и даже адвокатами. И напротив, чтобы ни говорил подсудимый в его положении предписываемого подчинения, все это «может быть использовано против него», что накладывает особые ограничения на его речь.

Распределение реплик и речевых актов в суде строго регламентировано. В отличие от большинства других ситуаций диалогического взаимодействия, подсудимым дается право говорить только в том случае, если их просят об этом, и отвечать на вопросы особыми выражениями, такими как однозначные «да» и «нет» (Walker, 1982). Отказ говорить или отвечать может быть квалифицирован как сопротивление суду. Harris (1984) провел исследование, посвященное тому, как вопросы в суде используются для контроля над действиями подсудимых или свидетелей, и пришел к выводу, что синтаксическая структура вопроса является важной для определения адекватности ответа.

Он также выявил, что информационный контроль реализуется скорее с помощью порядка постановки вопросов, нежели посредством долгих рассуждений, что также надежно закрепляет функции контроля за вопрошающим. Большинство вопросов являются общими и предполагают ответы «да/нет», что существенно сужает спектр возможных ответных реплик, поскольку вопросы уже содержат завершенные утверждения. Итак, правила и стратегии постановки вопросов, как и власть права в целом, регулируют выбор ограниченного комплекса речевых актов: большинство вопро-

сов задаются для получения информации или обвинения (см. также Mead 1985; Shuy, 1986). Очевидно, что эти дискурсивные методы управления в зале судебных заседаний могут варьироваться в зависимости от процедуры прямого или перекрестного допроса (см. также Adelswärd et al., 1987).

Помимо обмена репликами, последовательности высказываний, речевых актов и управления тематикой, еще одной важной характеристикой самопрезентации и убеждения подсудимых и свидетелей является стиль, несмотря на то, что он не всегда строго выдерживается в документах судебного заседания (Walker, 1986; см. также Parkinson, Geisler and Pelias, 1983). Стратегии взаимодействия и создания впечатления в суде подробно изучены в исследованиях Erickson, Lind, Johnson and O'Barr (1978), результаты которых представлены в их влиятельных работах, посвященных властным и безвластным стилям. Эти авторы утверждают, что безвластный стиль характеризуется частым использованием эмоционально окрашенных слов, ограничителей, форм выражения сомнения, вопросительной интонации, в то время как властный стиль маркирован более редким использованием этих средств.

Результаты экспериментов говорят, что властный стиль в конечном итоге в большей степени привлекает свидетелей независимо от их пола и пола подсудимого, но этот стиль приводит к большому доверию, только в том случае, если свидетель и подсудимый одного пола (см. также Bradac, Hemphill and Tardy, 1981).

В более поздних исследованиях те же авторы показывают, что отношение к подсудимому или свидетелям может также зависеть от того, ослабляет ли защита контроль, позволяя им свободно повествовать об истории событий (Lind and O'Barr, 1979).

Как и во всех ранее рассмотренных случаях, факторы класса, пола и расы играют определенную роль и могут либо усилить, либо сократить субординацию по отношению к обвиняемому. Так, Водак (1984, 1985) показывает, что подсудимые из среднего класса в большей степени способны оказать положительное впечатление в ходе судебных разбирательств. Они знают стратегии судебных взаимодействий, рассказывают связные истории и приводят правдоподобные факты. Подсудимые из рабочего класса являются менее успешными в выполнении этих важных задач. Эти классовые отличия проявляются также и в том, как судья обращается к подсудимому, например, он может использовать вежливые формы, выдержку и интересоваться родом профессиональной деятельности подсудимого. С другой стороны, как утверждает Maynard (1985) в своем исследовании, посвященным сделкам о признании вины, дискурсивные особенности подсудимых определенных категорий (старые, женщины, меньшинства)

может иногда рассматриваться как аргумент отклонения дела. Это означает, что за исключением случаев дискриминации, возраст, класс, раса могут быть использованы для смягчения ответственности подсудимого. Maynard утверждает, что знание *о социальном взаимодействии (или справедливости)* предполагает наличие представления о дискриминации, а распространенные допущения о несправедливом обращении с менее властными индивидами не всегда могут соответствовать действительности.

Реализация и воспроизводство юридической власти наблюдаются в основном в ходе судебного взаимодействия, но они характерны также и для таких типов юридического и бюрократического дискурсов, как законотворчество, составление контрактов, распоряжений и многих других текстов. Помимо того, что тексты юридических предписаний реализуют власть, *выполняя* прагматические функции, они также косвенным образом выражают власть с помощью особой «юридической зауми». Архаичный стиль лексики, синтаксиса и риторики не только символизирует и воспроизводит юридические традиции, облегчая общение среди юристов-профессионалов, *но и очевидным* образом исключает непрофессионалов из процессов эффективного понимания, коммуникации и, соответственно, сопротивления (Charrow, 1982; Di Pietro, 1982; Danet, 1980, 1984; Radtke, 1981).

Организационный дискурс ✓

К сожалению, характерные черты диалогического взаимодействия в дискурсе бизнес-организаций слабо изучены в современной науке. Этот диалог представляет собой реализацию и выражение иерархической власти, особенно в «вертикальных» коммуникациях между *начальством и подчиненными* (McPhee and Tompkins, 1985). В своем обзоре организационной коммуникации Blair, Roberts и McKechnie (1985) утверждают, что менеджеры тратят 78 процентов своего времени на вербальные коммуникации; когда лидеры организации доминируют в общении с подчиненными, подчиненные им уступают; коммуникативная открытость (self-disclosure) возрастает с движением вверх и уменьшается с движением вниз по иерархии организации. Обратив внимание на содержание организационного дискурса в ходе анализа интервью, Riley (1983) пришел к выводам, что власть в организации выражается посредством сигнификации, легитимации и доминирования. Вербальные символы, такие как (военные) метафоры, мифы, шутки и байки направлены на реализацию доминирования в ходе диалогов, в то время как игровые метафоры обеспечивают легитимацию, указывая на возможные *санкции*.

Различия во власти в бизнесе выражаются чаще всего в разных формах выражения вежливости, уважения, а *значит*, в различных формах обращения (Brown and Levinson, 1978). Slobin, Miller и Porter (1972) исследовали формы обращения в бизнес-корпорации и выяснили, что

по имени обычно обращаются вышестоящие к подчиненным. И наоборот, при общении подчиненных с руководителями практикуется обращение по фамилии и должности, в то время как сами руководители обращаются друг к другу по имени. Различные формы обращения, по-видимому, не значительно зависят от возраста. Авторы выявили не только, как и ожидалось, бо́льшую коммуникативную открытость (self-disclosure) среди коллег, но и невзаимную открытость по отношении к непосредственному руководству (даже если не обращаются по имени). Эти результаты подтверждают закономерности, выявленные Brown и его коллегами (Brown and Gilman, 1960; Brown and Ford, 1972): чем больше статусные различия, тем сильнее тенденция к невзаимному обращению. Тем не менее, в отличие от результатов исследований Brown и др., подчиненные чаще открыты по отношению к начальству, чем наоборот. Это означает, что *обращение по имени в контексте бизнес-коммуникации не всегда ассоциируется с большей фамильярностью и наоборот.*

Организационная иерархия и власть могут актуализироваться непосредственно с помощью указаний, приказов, инструкций и прочих директив и выражаться посредством репрезентаций. Предполагается, что члены организации будут беседовать о текущих событиях и таким образом придавать смысл жизни. Такие высказывания обычно принимают форму нарративов. В одной из немногочисленных работ, посвященных этой проблематике, Kelly (1985) анализирует скрипты и схемы историй, которые рассказывали люди, занимающие должности разного уровня в организациях. Он обнаружил, что многие истории сфокусированы на начальнике и, позитивно или негативно, они описывали властную структуру и в то же время легитимировали ее.

✓ **Политический дискурс**

Политический дискурс и его убеждающий характер как особый предмет исследования достаточно подробно изучены еще со времен классических греческих и римских трактатов по риторике (Chaffee, 1975; Nimmo and Sanders, 1981; Seidel, 1985). Политический дискурс, в отличие от большинства прочих дискурсивных форм, имеет отношение ко всем гражданам. Его власть связана как с ареалом его действия, так и с различными уровнями легитимности. Некоторые формы устного дискурса широко известны, их цитируют в повседневной жизни, массово распространяют СМИ, как, например, дискурс ведущих политиков, таких как президент и премьер-министр. Речи президента и его появления в масс-медиа являются важным социальным и политическим событием, особенно в США, и поэтому являются излюбленным предметом исследования (Hart, 1984; Lindegren-Lerman, 1983). Это доминирующее присутствие и особый доступ к масс-медиа могут быть интерпретированы как проявление политической власти.

В свете того, о чем мы говорили ранее, мы можем предположить, что многие исследования посвящены изучению политического дискурса. И это действительно так, поскольку многие авторы обращают внимание на том, что обычно определяется как «политический язык», что чаще всего означает особый лексический стиль (см. Bergsdorf, 1983; Edelman, 1964; Guespin, 1976; Hudson, 1978; Shapiro, 1984). Так, идеологии изучаются в контексте анализа особого использования специфичных лексических единиц или концептов, что особенно типично для радикальных политиков левого или правого толка (т. н. «фашистский» или «коммунистический язык»). И в то же время было бы интересно сместить исследовательский фокус внимания с отдельных слов на иные дискурсивные структуры, которые говорящий может в меньшей степени контролировать и которые, следовательно, часто выявляют установки и идеологии (см. также Guespin, 1976; Pecheux, 1975). Atkinson (1984), косвенно затронув проблему власти, рассмотрел различные черты политического публичного выступления, такие как управление аплодисментами и тщательная разработка выступления экспертами (включающая в себя, например, практические занятия по публичной речи). В контексте моих размышлений о гендерной и в особенности расистской власти интересно заметить, что Atkinson приходит, в частности, к тому выводу, что аплодисменты приветствуются после тех фрагментов выступления, в которых негативно представлены различные аут-группы.

Институциональные тексты ✓

Каким бы ни было влияние директоров, политиков, топ-менеджеров, профессоров, судей, врачей в межличностном дискурсе, их настоящая власть может иметь формальные последствия, только если она каким-либо образом «зафиксирована» в письменных текстах. Таким образом, многие типы формального диалога, такие как собрания, интервью, дебаты обычно имеют также и письменный дубликат в виде протоколов и прочих официальных транскриптов, которые определяют «запись» встречи и обычно составляют институциональную или юридическую основу для последующих действий и принятия решений.

Институциональные диалоги часто сопровождаются различными видами текстов, функцией которых является комментирование или пояснение реализации устного дискурса. Так, многие формальные собрания предполагают наличие повестки встречи, а также иных документов. Судебная коммуникация сопровождается со множеством письменных текстов, таких как тексты законов, формальное обвинение, письменные заявления, показания свидетелей, окончательное решение суда. Даже во время устных консультаций врачи могут прибегать к помощи медицинских книг и делать записи, а встреча часто заканчивается после того, как они выписывают рецепт или направление к специалисту. Записи играют очень

важную роль в медицинских организациях. Невозможно представить себе занятия в школах или университетах без учебников и массы других письменных материалов или письменных заданий. Иными словами, наиболее формальное дело, даже если оно выполняется устно, требует письменных текстов в качестве его основы или его следствия. Таким образом, тексты буквально консолидируют коммуникативную власть в большинстве институциональных контекстов.

В большинстве случаев письменный дискурс эксплицитно программируется или планируется, а значит, лучше контролируется. Эта особенность непосредственно и сложным образом связана с реализацией власти. В то время как в менее контролируемом межличностном общении допускается нелегитимное доминирование, например, по отношению к женщинам или этническим меньшинствам в сфере оказания услуг, собеседованиях при приеме на работу или консультационном дискурсе, письменный дискурс, являясь публичным, предполагает, что его авторы несут ответственность за написанное. Публичность означает, что власть в текстах может быть реализована и выражена косвенно, завуалировано, формализовано, особенно если эта власть нелегально или неорганизованно установлена. Еще одним фактором, влияющим на косвенный характер реализации власти посредством письменной коммуникации, является то, что авторы институциональных текстов часто не совпадают с пубоичными ораторами, отправителями сообщений или источниками дискурса. Публичный дискурс, таким образом, часто представляет собой форму коллективного, институционального дискурса, как и власть, которую он реализует.

✓ **Медиа-дискурс: новостные сообщения и производство новостей**

Вряд ли могут быть сомнения в том, что из всех форм печатного текста сообщения СМИ являются более распространенными, если не более влиятельными, если судить по такому критерию власти, как количество реципиентов. В публичной коммуникации важную роль, помимо устного и визуального дискурсов телевидения, играют газетные тексты. Вопреки распространенным убеждениям новости, опубликованные в прессе, обычно лучше запоминаются, чем телевизионные новости (Robinson и Levy, 1986), и воспринимаются как более качественные (Bruhn Jensen, 1986), что может влиять на убеждающий характер, а значит и власть этого типа дискурса.

Мы видим, что многие влиятельные фигуры (а также их дискурс) является объектом постоянного внимания журналистов, а тем самым их власть подтверждается и легитимируется. Несмотря на то, что медиа представляют собой форму медиатизированной власти, они обладают автономной ролью в производстве и воспроизводстве структур социальной власти. Специально отбирая источники информации, освещая текущие

события и выбирая темы материалов, новостные медиа решают, кто будет публично представлен, что будет сказано о них и особенно как это будет сказано. Многие последние исследования, посвященные производству новостей, показывают, что эти процессы не являются произвольными, а детерминированы интуитивным журналистским представлением об интересности новости.

Журналисты учатся изображать власть других и в то же время содействовать реализации власти своих собственных организаций, например, способствуя их независимости от других организаций (Turow, 1983). Ценность новости основана на идеологических и профессиональных критериях, обеспечивающих особый доступ к представителям элиты, организациям и народам, тем самым признавая и легитируя их власть (Galtung and Ruge, 1965; Gans, 1979). Таким же образом ежедневная организация процесса производства новостей предполагает поиск в институциональном контексте таких новостей, которые гарантировали бы постоянный источник информации, а к таким относятся, например, политические государственные организации, полиция, суды, большие корпорации (Fishman, 1980; Tuchman, 1978). В целом, включенность в корпорации большинства западных медиа, особенно газет, а также ежедневное производство новостей, расчет на доступные и надежные источники информации и общие профессиональные и идеологические аспекты новостной значимости, – все это приводит к такому социальному познанию и производству текстов, которые поддерживали бы материалы о наиболее влиятельных фигурах, группах, общественных институтах (van Dijk, 1987b). В этом смысле, вместо того, что быть просто рупором элиты, масс-медиа показывают также, что они являются неотъемлемой частью структуры социетальной власти, символическим аспектом которой они управляют.

Эта власть, конечно, локально инкорпорирована и выражается медиа-профессионалами. В этой связи встает вопрос: как журналисты воспроизводят или оспаривают идеологии, которым они противостоят? Критические исследователи медиа подчеркивают, что вследствие своей социализации и классовой принадлежности журналисты стремятся воспроизвести доминирующие идеологии элиты (Hall et al., 1980). Тем не менее, очевидным является то, что журналисты критически относятся к доминирующим политике и бизнесу и не всегда разделяют идеологии этих элит (см. обзор этой проблемы у Altheide, 1985). Несмотря на этот парадокс, мы можем согласиться с критическими теоретиками в том, что журналистские практики обычно реализуются в пределах гибкого, но доминантного консенсуса, даже если остается «место» для спора и критики. Фундаментальные ценности, нормы и властные установки редко эксплицитно оспариваются в доминирующих СМИ. В действительности, весь

спектр споров и критики часто бывает специально организован и контролирует. Оппозиция, включая оппозицию со стороны медиа, ограничена рамками, установленными властными институтами, и тоже может быть рутинизирована.

Одним из важных аспектов процесса (вос)производства власти является то, как журналисты принимают профессиональные и идеологические принципы, управляющие их повседневной практикой. Turow (1983) изучил, как журналисты овладевают способами репрезентации институциональной власти. Он утверждает, что медиа, как и другие организации, стремятся сократить их зависимость от других организаций. Они справляются с окружающими рисками в ходе повседневной деятельности. Журналисты, писатели и директоры программ должны производить творческие продукты, но они должны быть эффективными. Это становится возможным, например, за счет использования формул сценария (сюжет, типажи, декорации) и новостных сообщений. С этой, организационной, точки зрения можно частично согласиться с микросоциологическим анализом процесса производства новостей, осуществленным Tuchman (1978).

В серии дискурс-аналитических работ по газетным новостным сообщениям я показал, как субординированные социальные группы обычно репрезентированы в новостных сообщениях (van Dijk, 1987c; см. также van Dijk, 1985b). Меньшинства, беженцы, незаконные поселенцы, и в целом страны третьего мира и их народы обычно репрезентированы в медиа одинаково, что резко противопоставляет их изображению влиятельных групп и народов. Общий вывод, который я делаю на основе результатов этих исследований, состоит в том, что эти и другие аут-группы

(а) обычно имеют ограниченный доступ к доминирующим масс-медиа;

(б) реже используются в качестве надежного и постоянного источника информации;

(в) описываются стереотипно или даже негативно, и главным образом как «проблема», если не как «обуза» или угроза нашим значимым ресурсам;

(г) воспринимаются как достаточно «ущербные» или «отсталые» в сравнении с нашими нормами, целями, культурой и, следовательно;

(д) нуждаются в нашей помощи, понимании и поддержке, предполагая, что они адаптируются к нашим социальным и политическим нормам и идеологии.

Эти общие выводы могут быть получены из анализа повседневных процессов производства новостей, объема, размера и яркости репрезентации, доминирующих тем, а также стиля новостных сообщений (см. также Cohen and Young, 1981, где изложены те же самые выводы).

В рамках исследования дискуссий о Новом Международном Информационном Порядке я изучал международное освещение типичного для медиа события – убийства избранного президента Ливана Башира Жмайеля в сентябре 1982 (van Dijk, 1984b, 1987c). В качестве метода, дополняющего традиционное контент-аналитическое исследование газетных сообщений (из более ста стран), я использовал качественный анализ новостного дискурса. С известной долей уверенностью мы можем утверждать, что политические, идеологические, культурные и региональные различия влияют на восприятие, интерпретацию и описание события, что наблюдалось во время странного и противоречивого конфликта на Ближнем Востоке. Я обнаружил, что, несмотря на различия в объеме новостей и, особенно, в их комментариях со стороны редактора, новостные сообщения были на удивление схожи в отношении привычного, общепринятого формата и тематического поля. Неожиданным и в то же время значимым различием между газетами стран «первого» и «третьего мира» было обнаружено в отношении репортажей, подготовленных собственными корреспондентами: большинство газет «третьего мира» прибегали к услугам западных новостных агентств. На мой взгляд, это можно интерпретировать следующим образом. С одной стороны, в силу исторических и профессиональных причин воспроизводство новостных событий может подчиняться принятой международной схеме журналистики, но с другой стороны, доминирование и власть Запада могут быть объяснением распространенности «западных» стандартов журналистских материалов. Ограничения во времени, нехватка денег и корреспондентов, западо-ориентированная профессиональная социализация журналистов, а также другие факторы повлияли на появление более или менее однотипных материалов в западных и незападных газетах. Материалы из стран «третьего мира» и о них были, по всей вероятности, или написаны западными журналистами, или адаптированы к форматам международных (т. е. западных) агентств с целью привлечения внимания как самих агентств, так и их (богатых) клиентов.

Эти выводы отчасти подтверждают некоторые пункты критики со стороны многих стран «третьего мира» в отношении информационной гегемонии европейских и американских медиа-организаций (Mankekar, 1978; UNESCO, 1980; см. также дискуссии в Richstad and Anderson, 1981 и в Atwood, Bullion and Murphy, 1982). Несложно предположить, что западные СМИ и политики активно отрицают эти обвинения и обычно игнорируют подтверждающие их результаты научных исследований (Fascell, 1979). В рамках данного исследования власти и дискурса интересным является проследить, что подобные отрицания обычно формулируются

в терминах «атак на свободу прессы». На основании собственных исследований я полагаю, что в большинстве случаев понятие «свобода» часто freedom' часто переводится просто как «(наша) власть» или «(наш) контроль». Представляется, что формирование знания и мнения о большинстве событий в мире широко основано на новостном дискурсе прессы и телевидения, который ежедневно тиражируется миллионами людей. Наверное, ни один другой тип дискурса не является настолько распространенным, разделяемым и одновременно воспринимаемым большим количеством людей. Властный потенциал этого дискурса является, таким образом, гигантским, а внимательное изучение моделей, тем и стиля новостных сообщений крайне необходимо для понимания процессов реализации политической, экономической, социальной и культурной власти, а также коммуникации и принятия поддерживающей ее идеологии.

Этот потенциал отнюдь не означает, что власть СМИ может быть понята только в аспекте ее прямых «эффектов». Будучи зависимыми от социально-экономических и социокультурных условий, люди обычно интерпретируют, воспроизводят и оценивают новостные сообщения и события достаточно по-разному, то есть с различных точек зрения, на основании различных установок и идеологий. И хотя в некоторых особых случаях такие прямые способы влияния действительно существуют, особенно тогда, когда нет альтернативных источников информации или недоступна или отсутствует альтернативная информация, мы все же склонны воспринимать власть новостного дискурса как явление с более сложной структурой. Структурное влияние означает развитие социально разделяемых, селективных знаний, целей, норм, ценностей, а также интерпретации теорий, основанных на них. Таким образом, власть медиа предполагает исключение альтернативных источников, альтернативной информации и условий альтернативного описания событий. Правительства и/или медиа-корпорации могут эффективно контролировать выход в печать или в эфир альтернативных «голосов», а значит ограничивать информационные свободы граждан, например, запрещая «радикальные» медиа, маргинализуя их и препятствуя их деятельности (Downing, 1984).

Еще одной часто встречающейся чертой западного новостного дискурса является этноцентрическое, стереотипизированное изображение народов «третьего мира». И хотя не все новости о «третьем мире» сводятся к «переворотам и землетрясениям» (Rosenblum, 1981; Schramm and Atwood, 1981), западный дискурс однозначно фокусируется лишь на некоторых типах событий и акторов, которые обычно представлены стереотипически, если не негативно: бедность, недостаток (нашего типа) демократии, диктатура, насилие и гражданские войны, технологическая и культурная «отсталость» (о современном освещении ислама

см. Said, 1981). Downing (1980) утверждает, что лидеры стран «третьего мира» часто изображаются очень предвзято, и им редко предоставляют возможность высказывать собственную точку зрения в СМИ.

Это относится также к этническим и расовым меньшинствам и их репрезентации в западных странах и их медиа. Hartmann и Husband (1974) в их классической работе, посвященной проблемам расизма и прессы, в результате контент-анализа британской прессы приходят к выводу, что иммигранты из «третьего мира» обычно представлены в СМИ как «проблемные люди», как те, кто посягает на наши ресурсы (пространство, жилье, работу, образование), или даже просто как социальные паразиты или преступники. Я обнаружил аналогичные факты и в ходе качественного анализа голландской прессы (van Dijk, 1983, 1987c). Группы этнического меньшинства в Нидерландах (рабочие иммигранты из средиземноморских стран и жители бывших колоний, таких как Индонезия и Суринам) не имеют простого доступа к выпуску новостей и газетным рубрикам, а медиа редко принимают их на работу в качестве журналистов. Если их вообще как-то изображают, то используют обычно стереотипные или негативные темы, фокусируясь на трудностях иммиграции и нелегальном положении иммигрантов, подчеркивая культурные отличия как источник проблем, языковые трудности и сложности, связанные с получением образования, их борьбу за жилье и работу, нелегальные или преступные действия, и акцентируя внимание на таких понятиях, как «агрессия», «насилие», «наркомания» (см. также Hall et al., 1978). Эти этноцентрические, если не расистские, изображения можно обнаружить на всех уровнях организации текста, включая заголовки, иерархию новостных сообщений, стиль и риторику. Отметим, что подобные выражения групповой власти могут быть скрытыми и непрямыми как в прессе, так и на телевидении. Открытая расовая ненависть исключена. Скорее, «этнические» характеристики и ситуации описываются так, чтобы они могли быть использованы читателем в качестве компонентов или аргументов для поддержки собственных этнических предрассудков. Эти выводы подтверждают общие результаты других исследований расизма в СМИ других западных стран (Ebel and Fiala, 1983; Hartmann and Husband, 1974; Merten, 1986; Troyna, 1981; Wilson and Gutiérrez, 1985; см. также статьи в Smitherman-Donaldson and van Dijk, 1987).

Характерная черта синтаксиса сообщений о различных аут-группах была выявлена в ходе нескольких исследований выражения семантической и социальной ролей. Fowler и др. (1979) проанализировали освещение на страницах британской беспорядков на расовой почве в Лондоне. Они обнаружили, что идеология газет выражается в том, что представители властных групп были репрезентированы в синтаксисе предложений,

в частности, как активные агенты, выполняющие функцию подлежащего, или как предполагаемые, но отсутствующие агенты, выраженные в конце предложения с пассивным залогом. Авторы пришли к выводам, что когда власти ассоциируются с негативными действиями, они занимают последние синтаксические позиции или просто исключаются из предложения. И наоборот, меньшинства, обозначаемые обычно с помощью последних, зависимых синтаксических позиций, традиционно занимают позицию подлежащего, как только они описываются как негативные акторы (см. также Fowler, 1985; Kress, 1985; Kress and Hodge, 1979). В этом смысле негативные характеристики ин-группы или элиты могут быть смягчены, а аут-группы — усилены. Это утверждение полностью подтверждается современными социально-психологическими теориями предрассудков и межгруппового восприятия (Hamilton, 1981; Tajfel, 1981; van Dijk, 1987a).

Я пришел к тем же самым выводам в ходе анализа заголовков новостных материалов об этнических группах в голландской прессе (van Dijk, 1987c), а также в результате исследования беженцев в Нидерландах (van Dijk, 1987c). Ин-групповая перспектива, этноцентризм и власть группы последовательно влияют на синтаксические структуры предполагаемых семантических репрезентаций. Далее, Downing (1980) показывает, что подобные предвзятые репрезентации идентичны в отношении меньшинств в западных странах и народов стран «третьего мира». Sykes (1985, 1987) приходит к аналогичным выводам в своем исследовании официального британского (социально-политического) дискурса об этнических меньшинствах: синтаксические структуры предложений предполагают пассивность и зависимость чернокожей молодежи и преуменьшает их собственные активные инициативы.

Значимость этих различных исследований расизма в СМИ состоит в том, что они демонстрируют интересную взаимосвязь между групповой и организационной властью. Белые журналисты (преимущественно мужчины) пишут одновременно и как профессиональные представители медиа-институтов, и как члены доминирующей, белой, западной группы. Такая позиция формирует их социальное познание и, следовательно, их работу с информацией об аут-группах. Социальная позиция и социальное познание позволяют им реализовывать власть с помощью публикации текстов, вопреки множеству протестов и результатов исследований, выполненных в стереотипном или даже негативном ключе в отношении относительно безвластных этнических и расовых миноритарных групп. Обычно они делают так несознательно и в большинстве своем станут отрицать мнение этнических групп, черных или белых исследователей о том, что их материалы являются этноцентрическими, если не сказать — расистскими.

Эффективность власти медиа указывает также на источники информации, которые люди используют для формирования знания и установок относительно этнических групп (Hartmann and Husband, 1974). В ходе интервью, которые мы проводили в Амстердаме, мы пытались выявить опыт жизни белых людей с их «иностранными» соседями, мнения о них, и обнаружили, что люди часто ссылаются на газетные материалы для того чтобы подтвердить свои предубеждения по отношению к этническим группам (van Dijk, 1987a). Было выявлено также, что стереотипные темы СМИ доминируют в повседневных разговорах людей. Даже в тех случаях, когда СМИ представляют различные дискурсы, информация, которую они сообщают, тем не менее, может использоваться для развития и поддержки существующих на данный момент расистских установок. То же в общих чертах можно сказать и о расистском дискурсе властных групп или элит (Reeves, 1983).

Аналогичные выводы касаются медиа-репрезентаций рабочего класса, женщин (особенно, феминисток), молодежи, демонстрантов, нелегальных иммигрантов, панков – всех тех социальных групп, которые обычно становятся объектом дискриминации, маргинализации, субординации или стереотипизации, а также которые участвуют в различных формах сопротивления, что может рассматриваться вызов власти (см. Cohen and Young, 1981; Halloran, Elliott and Murdock, 1970; Tuchman, Daniels and Benet, 1978; van Dijk, 1987c).

В серии исследований, посвященных телевизионным новостям о конфликтах в промышленности Великобритании, Группа Медиа-исследований из Университета Глазго (1976, 1980, 1982) заключает, что изображение главных участников этих конфликтов неявным образом осуществляется в интересах работодателей и ущемляет интересы забастовщиков. Эта тенденция вырабатывается с течением времени и воспроизводится в определенном способе интервьюирования: работодатели отвечают на вопросы журналистов в спокойной обстановке, например, в собственных кабинетах и в доминантной позиции, в то время как забастовщики – если их вообще интервьюируют – отвечают на вопросы среди шума пикетов. Ракурс камеры, ее расположение, тематические сопоставление бастующих граждан с неприятностями – все это также говорит об анти-забастовочной позиции медиа. Специально отобранные лексические средства репрезентируют забастовщиков как выпрашивающих граждан, в то время как правительство и работодатели изображаются в более позитивных тонах как те, кто предлагает решения и контролирует ситуацию. О рабочих же не говорится, что они «предлагают» свой труд в соответствии с определенными условиями. Эти и многие другие характерные черты

производства новостей, общения с источниками информации, интервьюирования, изображения, цитирования, выбора главных тем, ассоциаций и стилей в совокупности неявно сопровождают подразумеваемые социальные и идеологические позиции, включая позиции самих медиа.

Все, что было сказано о новостях, относится также и к другим типам медиа-дискурса, например, к рекламе. Корпорации и рекламные агентства сочетают свои властные потенциалы в процессе для производства убеждающего дискурса для публичного потребления. В отличие от корпоративных репрезентаций в новостных сообщениях, их публичное присутствие в рекламе и, соответственно, их возможное влияние *покупаются*. Сила сопротивления со стороны аудитории может быть сокращена с помощью многих тактических средств (Percy and Rossiter, 1980). Тем не менее, как и в новостных сообщениях, в рекламе воспроизводятся структуры и стереотипы социальной власти, касающиеся, например, женщин или темнокожих граждан (Culley and Bennett, 1976; Dyer, 1982; Greenberg and Mazingo, 1976; Goffman, 1979; King and Stott, 1977; Manstead and McCullogh, 1981; Tuchman, Daniels and Bent, 1978; Wilson and Gutiérrez, 1985). В этом контексте Goffman (1979) говорит о «ритуализации субординации». Реклама привлекает внимание аудитории и в то же время управляет образами и мнением, а также маскирует корпоративную власть за счет таких сложных стратегий, как незавершенность, новизна, двусмысленность, повторы и положительная самопрезентация (Davis and Walton, 1983; Packard, 1957; Tolmach Lakoff, 1981)

✓ Учебники Как и в случае масс-медиа, власть образовательного дискурса основана на его масштабности. В отличие от большинства иных типов текста, учебники являются обязательными для чтения для многих людей, что является вторым по важности фактором их власти. Учебники наряду с обучающими беседами широко используются всеми гражданами в течение их формального обучения. И снова, знание и установки, выраженные и поддерживаемые учебным материалом, отражают доминирующий консенсус или даже интересы наиболее влиятельных групп и институтов общества. Поскольку учебники и образовательные программы, которые они призваны реализовывать, должны в идеале служить общественным интересам, они редко бывают «противоречивыми». Иными словами, альтернативные, критические, радикальные голоса подвергаются цензуре и подавлению (McHoul, 1986).

Результаты многих исследований говорят о том, что большинство учебников воспроизводят националистический, этноцентрический или расистский взгляд на мир, на людей, в том числе на этнические миноритарные группы (Ferro, 1981; Klein, 1986; Milner, 1983; Preiswerk, 1980; van Dijk, 1987d). Эти наблюдения схожи с результатами нашего анализа

СМИ: недостаточная представленность, лишение голоса, стереотипичность. Миноритарные группы, их история и культура обычно игнорируются, а незначительные стереотипичные культурные отличия преувеличиваются и часто демонстрируются в контрасте с характеристиками «своей» группы, нации или культуры. И хотя культурная дифференциация и гордость, скорее всего, являются характерными чертами всех или большинства групп, культур и стран, западное или белое превосходство показано через привлечение особого внимания к «нашим» передовым технологиям, культуре и политической системе. Таким образом, страны «третьего мира» и (черные) меньшинства часто изображаются как «отсталые» по сравнению с «нашим» положением и развитием, а иногда и как «примитивные», «ленивые», «глупые». В то же время доминирующие белые группы или западный мир представлены как несущие «бремя» «помощи этим людям» и репрезентированы через образы поддержки, заботы о благосостоянии, технологического содействия. И хотя встречаются различные типы учебников (и в некоторых странах вышеописанные особенности книг для детей медленно, но меняются), этот тип «месседжа» доминирует в учебниках по истории, географии, обществознанию, лингвистике, если вести речь о странах Запада (и Японии). Повторим, что оппозиция, представленная, например, учителями, должна обладать адекватным знанием и доступом к источникам информации, а также (сегодня зачастую ограниченной) свободы отклоняться от установленного учебного плана и традиций. Так, наряду со СМИ, учебники и другие образовательные материалы образуют ядро символической власти и текстуального воспроизводства и легитимации власти в обществе (Bourdieu, 1984; Bourdieu and Passeron, 1977).

9. Выводы

В этой главе мы рассмотрели некоторые связи между социальной властью и дискурсом. Мы начали с общего анализа социальной власти в терминах группового или институционального управления над действиями и знанием других людей или групп, осуществляемого, как правило, в интересах представителей власти. В целом, рост власти приводит к ограничению свободы объекта власти. Эта взаимосвязь может быть сведена к специфичной социальной области и или конкретному субъекту власти. В то же время реализация власти может привести к сопротивлению и реализации контр-власти. Далее мы рассмотрели социальную власть в рамках институциональной или групповой основы, ее области, ареала и легитимации. Личная власть, о которой мы не говорили в этой главе, иногда может усиливать, а порой — противостоять этим формам социальной власти. Действительно, некоторые женщины могут доминировать

над мужьями, некоторые студенты — над их преподавателями, а дети — над родителями; и наоборот, не все врачи или мужчины являются медицинскими или мужскими шовинистами.

Несмотря на эти личностные различия, мы обратили внимание на более общие, структурные особенности властных отношений и властного дискурса. Дискурс, как мы показали, играет ключевую роль в реализации власти. Так, дискурс может непосредственно и принудительно реализовывать власть, например, посредством прямых речевых актов и таких текстов, как законы, распоряжения, инструкции. Власть может быть репрезентирована в дискурсе менее явным образом в форме речевых оборотов, описания, легитимации властных акторов или их действий и идеологий. Дискурсивная власть часто носит прямой или косвенный убеждающий характер, а значит, предполагает использование доводов, аргументов, примеров и прочих риторических средств, увеличивающих вероятность того, что в сознании реципиентов будут построены требуемые ментальные репрезентации.

Одной из главных стратегий сокрытия власти является убеждение зависимых групп и индивидов, что требуемые действия в их интересах. Дискурсивная власть предполагает также контроль над самим дискурсом: кто и в каком контексте говорит; у кого есть доступ к различным видам и средствам коммуникации; какие реципиенты могут быть достигнуты с помощью коммуникации? Мы выяснили, что есть прямая связь между охватом дискурса и широтой действия власти: безвластные могут контролировать исключительно повседневную коммуникацию, но представляют собой абсолютно пассивных реципиентов в контексте официального и медийного дискурсов. Властные же прибегают к широкому спектру диалогических и особенно письменных, формальных типов дискурса и, в принципе, охватывают большие группы людей. Таким образом, властные группы управляют дискурсом посредством контроля над его материальным производством, его формулированием и распространением. Итак, главным в реализации власти является контроль над процессом социального познания посредством тонкого управления знаниями и установками, предформирования убеждений, цензуры оппозиционной идеологии. Эти репрезентации образуют главную когнитивную связь между социальной властью как таковой и производством и пониманием дискурса и его социальных функций в реализации власти. В отличие от более общего анализа связей между властью и дискурсом наша прикладная версия дискурс-анализа сфокусирована на центральных микро-единствах власти и дискурса, в частности, коммуникативных событиях, таких как повседневные диалоги, судебные заседания или учебные беседы. На основании обзора некоторых последних работ мы выявили, как выражается,

описывается, проявляется, легитимируется власть в различных жанрах дискурса и на разных уровнях дискурса, таких как речевые акты, обмен репликами, выбор тем, стиль и риторика. Особое внимание было уделено различным способам актуализации институциональной власти, которой обладают профессионалы по отношению к клиентам, а также способам распространения властных стратегий на женщин и миноритарные группы как в институциональном диалоге, так и в медиа-текстах, таких как новостные сообщения, учебники, реклама. Таким образом, мы выяснили, что коммуникативные события могут быть структурированы в нескольких аспектах дискурса одновременно, не только в аспекте института, но и в аспекте гендера, расы и класса.

Наш теоретический анализ и обзор литературы показывают, что власть, косвенно или прямо, и реализуется, и воспроизводится в дискурсе и посредством дискурса. Без коммуникации – текста и речи – власть в обществе вряд ли может быть реальна и легитимна. Власть предполагает знание, убеждения и идеологии, которые поддерживали и воспроизводили бы ее. Дискурс структурно выражает и транслирует эти ключевые условия воспроизводства на всех социетальных уровнях, во всех аспектах и контекстах. В этой главе мы представили общую характеристику этих процессов. Теперь требуется дальнейшая теоретическая и эмпирическая работа, чтобы прояснить множество деталей дискурсивной реализации и воспроизводства власти.

Дискурс, власть и доступ

1. Аспекты доминирования

Одной из главнейших задач критического дискурс-анализа (КДА) является определение связей между дискурсом и социальной властью. В частности, этот вид анализа направлен на описание и объяснение того, как реализуется, воспроизводится и легитимируется злоупотребление властью с помощью дискурса доминирующих групп и институтов. В этой главе в рамках такого подхода к изучению дискурсивно опосредованного доминирования и неравенства мы фокусируем наше внимание на таком важном аспекте доминирования, как паттерны *доступа* к дискурсу.

Критический анализ особенностей доступа к публичному дискурсу и коммуникации предполагает изучение общих политических, социокультурных и экономических аспектов доминирования. В этой главе представлен краткий обзор работ в рамках этой концепции. Оставляя в стороне подробные философские и теоретические дискуссии по ряду сложных вопросов, укажем на основные допущения, сформулированные в рамках этой концепции (см., например, Clegg, 1989; Lukes, 1974, 1986; Wrong, 1979):

1. Власть представляет собой свойство взаимоотношений между социальными группами, институтами и организациями. Таким образом, здесь мы рассматриваем исключительно *социальную власть,* а не индивидуальную.
2. Социальная власть определяется в терминах *контроля,* реализуемого одной группой или организацией (или ее представителями) над *действиями* и/или *сознанием* (членов) другой группы и ограничивающего таким образом свободу их действий или воздействующего на их знания, установки и идеологии.
3. Власть той или иной группы или института может широко «распространяться», но может также быть ограничена определенной социальной *областью* или *границами,* например, политикой, СМИ, законом

и порядком, образованием и корпоративным бизнесом, сосредотачиваясь таким образом в различных «центрах» власти и элитных группах, управляющими этими центрами.

4. *Доминирование* понимается здесь как форма *злоупотребления* социальной властью, то есть юридически или морально нелегитимного осуществления контроля над людьми в чьих-либо интересах, результатом чего часто становится социальное неравенство.
5. Власть *основана* на привилегированном доступе к значимым социальным ресурсам, таким как материальные ценности, работа, статус, а также на особом доступе к публичному дискурсу и коммуникации.
6. Социальная власть и доминирование часто *организованы* и *институционализованы* с целью обеспечения более эффективного управления и облегчения повседневных форм воспроизводства власти.
7. Доминирование редко является абсолютным; оно часто *состоит из этапов*, и может сопровождаться более или менее явным *сопротивлением* или противостоянием власти со стороны подчиненных групп.

В рамках представленного в этой главе обсуждения важно обратить внимание на одну существенную составляющую указанных выше формулировок власти и доминирования — значимость *когнитивного* аспекта контроля. Злоупотребление властью не только ведет к злоупотреблению силой, например, в случае агрессии по отношении к чернокожей молодежи со стороны полиции, не только к ограничению свободы действий определенной группы людей, но также в значительной степени может влиять на *сознание* людей. Это означает, что посредством особого доступа и контроля над средствами публичного дискурса и коммуникации доминирующие группы или институты могут воздействовать на структуры дискурса таким образом, что в результате знания, убеждения, нормы, ценности и идеология реципиентов — прямо или косвенно — формируются в интересах доминирующей группы.

«Современная» власть во многих демократических обществах увещевает и манипулирует, а не принуждает (основываясь на применении силы), или же побуждает, как, например, в случае с прямым формулированием команд, приказов, угроз или экономических санкций. Очевидно, что дискурс играет ключевую роль в таком «производстве согласия» в обществе (Herman and Chomsky, 1988). Именно поэтому важной задачей КДА является, помимо прочего, изучение конкретных когнитивных структур и стратегий, участвующих в процессах воздействия на *социальное познание* групп (подробно о социальном познании см., например, Fiske and Taylor, 1991).

В целом, речь в данном случае идет о манипуляции *ментальными моделями* социальных событий посредством использования таких специфичных дискурсивных структур, как тематические структуры, заголовки, стиль, риторические фигуры, семантические стратегии и т. д. (боде подробно см. van Dijk and Kintsch, 1983; van Dijk, 1990). Для того чтобы у читателей или слушателей не было доступа к альтернативной информации или ментальным ресурсам, позволившим бы противостоять убеждающим сообщениям, результатом такой манипуляции может быть формирование *желательных моделей* (*preferred models*) определенных ситуаций (например, «расовых беспорядков»), которые, в свою очередь, могут быть генерализованы в виде более общих, желаемых знаний, установок и идеологий (например, в отношении чернокожих или молодежи).

2. Дискурс и доступ

Одним из главных элементов дискурсивного воспроизводства власти и доминирования является собственно доступ к дискурсу и коммуникативным событиям. В этом отношении дискурс можно рассматривать как один из значимых социальных ресурсов, формирующих основу власти, и по отношению к которому существует неравномерно распределенный доступ. Например, не у каждого есть доступ к СМИ или медицинскому, юридическому, политическому, бюрократическому или научному дискурсу. Это значит, что мы должны искать ответы на следующий сложный вопрос: *кто может говорить или писать кому, о чем, когда и в каком контексте*, или *кто может участвовать в тех или иных коммуникативных событиях в позиции реципиента*, например, в качестве адресата, аудитории, свидетеля или случайного слушателя. Доступ можно рассматривать в аспекте тем или референтов дискурса, то есть того, о ком пишется или говорится. Мы можем предположить, что, как и в случае с другими социальными ресурсами, *более открытый* доступ к дискурсу в сочетании с указанными выше позициями участников соотносится с *большей* социальной властью. Иными словами, особенности доступа к дискурсу могут быть надежными индикаторами власти социальных групп и их членов.

Теоретически, паттерны и стратегии доступа к дискурсу могут быть сформированы во всех социальных сферах, институтах, профессиях, ситуациях и жанрах. Так, в области политики только министры имеют доступ к совещаниям в кабинете министров, а парламентарии — к парламентским дебатам. Секретари или клерки могут иметь пассивный доступ к кабинету министров, но только в роли тех, кто делает записи или выполняет поручения; они могут говорить, только если их просят это делать. Представители широкой аудитории могут иметь пассивный доступ

к публичным заседаниям парламента, но только в роли слушателей (или, скорее, «подслушивающих»). Аналогичные паттерны доступа существуют и в *бизнес-корпорациях* в случаях совещаний совета директоров или беседы начальника и подчиненного.

В *сфере образования* учителя часто управляют коммуникативными событиями, определяют порядок обмена репликами и во всем остальном имеют особый доступ к образовательному дискурсу, а значит, контролируют его. Ученики, в свою очередь, также имеют доступ к высказываниям в классе, но только когда к ним обращаются или когда их просят об этом. В одних случаях, как и в других социальных сферах, такой ограниченный доступ может быть добровольным, в других — обязательным, например, когда студенты должны отвечать на экзаменационные вопросы, граждане — на заседаниях, а подозреваемые — на допросе или в суде. Аналогичным образом, в ходе *медицинских* бесед врачи могут контролировать различные аспекты общения со своими пациентами, например, организацию коммуникации (время, место и обстоятельства — например, только после «записи»), темы (только медицинские вопросы), стиль.

Наиболее очевидными и структурно организованными являются паттерны доступа к *масс-медиа*: здесь определяется, кто имеет особый доступ к журналистам, у кого будут брать интервью, кого будут цитировать и описывать в новостных сообщениях, и следовательно, чьи мнения будут влиять на аудиторию. Так, за счет доступа к масс-медиа доминирующие группы также имеют доступ, к аудитории в целом, а значит и частичный контроль над ней. За исключением писем в редакцию аудитория имеет пассивный доступ к СМИ только в качестве читателей или зрителей.

И наконец, в *повседневных диалогах* могут присутствовать культурно обусловленные паттерны доступа, основанные на возрасте, гендере, классе, образовании и других критериях, определяющих доминирование и дискриминацию: женщины обладают меньшим доступом, чем мужчины; черные — меньшим, чем белые; молодые — меньшим, чем взрослые.

Итак, в каждой социальной сфере, профессии, организации и ситуации мы можем обнаружить свою особую дискурсивную и коммуникативную *схему условий и стратегий доступа*, предназначенного для различных социальных групп. И все же, кто может сказать/написать что, как, кому и при каких обстоятельствах?

3. Анализ паттернов доступа

Примеры, о которых мы упомянули, свидетельствуют о существовании различных паттернов доступа в зависимости от различных социальных и институциональных ролей, гендера, возраста, должности, контекста

и актуальности. Для того чтобы составить более ясную картину условий и стратегий доступа мы должны сформулировать несколько аналитических положений. Несмотря на то, что понятие «доступ» широко используется в изучении дискурса и власти, его содержание все еще остается неясным и требует уточнений. Это понятие выражает способ проявления людьми инициативы в коммуникативных событиях, модальности их участия, а также способов контроля такими параметрами дискурса, как обмен репликами, последовательность высказываний, темы и даже способы их репрезентации — как референтов или тем — в дискурсе.

✓ **Планирование доступа**

Планирование доступа к дискурсу начинается с проявления инициативы, подготовки или *планирования* коммуникативного события. Так, председатель может «созвать» собрание, судья может выдать повестку в суд, а профессор может решить провести экзамен. Такие планы обычно подразумевают принятие решений относительно организации (место, время), «повестки дня» коммуникативного события и участников, которых приглашают или обязывают участвовать в нем. В рамках медицинских или образовательных коммуникативных событий пациенты или студенты могут проявить инициативу, но решение об организации общения обычно принимают врачи и преподаватели Это относится также и к общению в сфере обслуживания и в бюрократических организациях. В медиа-коммуникации статус и власть новостных фигур и журналистов обычно предопределяет, кто и к кому может иметь доступ: у кого есть доступ к пресс-конференции и кто дает интервью.

✓ **Организация коммуникации**

Различные участники коммуникации могут контролировать целый ряд организационных элементов коммуникативного события. Например, председатель или любой другой властный участник, контролирующий взаимодействие, обычно решает кто может или должен участвовать в коммуникации и в какой роли. Как мы уже говорили ранее, время, место и обстоятельства дискурса могут в равной степени стать предметом контроля со стороны властных коммуникантов. Но и другие условия, такие как расстояние, расположение и наличие «атрибутов власти» (кресло и платье судьи, униформа офицеров полиции или место председателя во «главе стола») могут предполагать различные паттерны доступа для разных участников.

✓ **Контроль коммуникативных событий**

Ключевая форма доступа связана с контролем различных аспектов коммуникации: какой способ коммуникации может или должен быть использован (устный или письменный), кто на каком языке может или должен говорить (на доминирующем или стандартном, на диалекте и т. д.), какие жанры дискурса разрешены, какие типы речевых актов допускаются в коммуникации, кто может начать или прервать разговор или дискурсивную цепочку. Помимо

этих общих ограничений у участников может быть различный доступ к темам, стилю и риторике. Так, подсудимых в зале судебных заседаний могут попросить говорить на общепринятом языке, только отвечать на вопросы (и только когда об этом попросят), говорить только на обсуждаемые темы и использовать вежливый, почтительный стиль. Похожие ограничения могут распространяться и на подчиненных в бизнес-организациях или учеников в школе. Это значит, что на всех уровнях, во всех аспектах дискурса и у различных участников коммуникации может наблюдаться обязательный, добровольный или особый доступ к дискурсу, что может быть, например, функцией социальной или институциональной власти. Точнее, власть и доминирование могут реализовываться, подтверждаться и воспроизводиться с помощью различных паттернов доступа к различным формам дискурса в различных социальных ситуациях. Так, обладание доступом к таким речевым актам, как приказы предполагает, а также реализует и подтверждает социальную власть говорящего.

Контроль над ареалом и аудиторией ✓

В таких диалогах, как формальные встречи, заседания или дебаты присутствие (или отсутствие), а также участие определенных коммуникантов в качестве слушателей или говорящих может быть разрешено или потребовано со стороны инициаторов или других участников коммуникации. Говорящий может контролировать не только содержание или стиль дискурса, но и его аудиторию. Это означает, что доступ к дискурсу, особенно к его публичным формам, также, и в основном, предполагает доступ к аудитории. Так, на публичных встречах или посредством СМИ дискурсы, их адресанты или авторы могут иметь большую или меньшую степень властного охвата. Полный доступ к ведущим газетам или телевещанию предполагает также доступ к широкой аудитории: очевидно, что доступ к *New York Times* или CBS означает большую власть, чем доступ к локальным газетам и радиостанциям. Это относится также к писателям, учителям, преподавателям, политикам и соответствующим аудиториям.

Несмотря на то, что ареал доступа, если понимать его как объем аудитории того или иного дискурса, является важным критерием власти, управление становится более эффективным, если сознание аудитории тоже является «легкодоступным».

Если говорящий способен воздействовать на ментальные модели, знания, установки и даже идеологию реципиентов, он может косвенно управлять их будущими действиями. То есть, ментально опосредованное управление действиями других представляет собой высшую форму власти, особенно если аудитория не догадывается о таком управлении, как, например, при манипуляции. В действительности, большинство форм дискурсивного и коммуникативного доступа, рассмотренных выше, таких

как управление организацией коммуникации, взаимодействием, темами и стилем, направлены на установление контроля над сознанием участников коммуникации, реципиентов и аудитории в целом с тем, чтобы в результате ментальные трансформации соответствовали бы ожиданиям и интересам власти.

✓ **Взаимосвязь различных аспектов доступа к дискурсу**

Обсудив различные типы доступа, мы можем теперь обозначить паттерны доступа к дискурсу, возможные для различных типов дискурса, коммуникативных событий, социальных групп и институтов и обеспечивающие одну из связей между дискурсом и социальной властью. Так, на основании предложенного выше теоретического обсуждения мы можем представить следующую схему паттернов доступа к дискурсу судебного заседания, определяющую, кто управляет каким аспектом судебного процесса (схема не является полной; о конверсационных особенностях см., например, Atkinson and Drew, 1979; о стиле см. Erickson et al., 1978; O'Barr, 1982; о доступе к особым жанрам см. Wodak, 1985; отметим также, что все возможные вариации и в целом контроль ограничены общими социокультурными нормами юридического контекста и речевой ситуации).

Инициатива: судья

Организационные аспекты коммуникации (время, место, участники): судья, прокурор, адвокат

Коммуникативное событие

Участники: судья (например, судья может отклонить свидетелей прокурора)

Определение обмена репликами и высказываниями: судья

Протокол (например, открытие и закрытие заседания): судья

Речевые акты:

- Вердикт, приговор, распоряжение, запрос, вопросы, суждения: судья
- Вердикт: присяжные (например, в британской и американской юридической системах)
- Обвинительный акт, обвинительное слово, вопросы, суждения: прокурор
- Оправдание, запрос, вопросы, суждения: адвокат защиты
- Суждения (в качестве ответов на вопросы): подсудимый, свидетели

Темы: судья, прокурор, адвокат защиты

Стиль: судья

Запись: судебные клерки

Аудитория/ареал: закрытые судебные заседания: обычно немногочисленная; публичные заседания: большая.

Результат: возможно серьезный для подсудимого (лишение денег, свободы, жизни).

С другой стороны, если мы рассмотрим власть социальных групп или профессий, например, судей, анализируя их ранг и паттерны доступа к дискурсу, мы убедимся, что они управляют большинством аспектов судебного процесса. Тем не менее, поскольку (важные) процессы обычно освещаются СМИ, судьи имеют также относительно легкий доступ к масс-медиа, хоть этот доступ и не является тотальным: судьи не могут управлять тем, что конкретно о них пишут и говорят (Anderson et al., 1988; Chibnall, 1977; Graber, 1980; Hariman, 1990). И хотя обычно ареал доступа судей к дискурсу ограничивается юридической сферой, то есть юридическим дискурсом в целом (например, вынесение вердикта) и процессами в частности, судьи могут также иметь доступ к образованию и науке, если они дают лекции или пишут учебники, а также к политике или финансам, если их назначают в качестве членов комитетов или советов в связи с их компетентностью или влиянием в сфере юриспруденции. В целом, уровень доступ судей к дискурсу в контексте реализации ими власти можно оценить как средний. Тем не менее, поскольку в конечном итоге именно они принимают решения относительно свободы или даже жизни и смерти людей, последствия их относительно умеренной власти могут быть ужасными. Речь, конечно же, идет главным образом о судьях апелляционных судов и Верховных Судов, которые могут иметь право последнего слова даже в отношении важных социально-политических вопросов, таких как, например, вопросы абортов или гражданских прав. Это означает, что помимо ареала и масштаба доступа к дискурсу, власть судей следует измерять также в терминах личных, социальных и политических эффектов такого доступа. Однако в юридической сфере дискурс судей — это закон.

Подобный анализ доступа к дискурсу в рамках той или иной сферы власти можно осуществить по отношению к более или менее властным президентам, кабинетным министрам, членам парламента или конгресса, священникам, топ-менеджерам, профессорам, редакторам газет, лидерам общественных организаций и многим другим, но также, на более низком уровне властной иерархии, по отношению к «обычным» гражданам, чиновникам, полицейским, учителям и владельцам магазинов. Мы убеждены, что должна быть достаточно тесная связь между властью (а значит доступом к значимым социальным ресурсам), с одной стороны, и доступом к условиям, структурным элементам и последствиям дискурса

(и контролем над ними), с другой стороны. Иными словами, если доступ к дискурсу является критерием власти, то критический дискурс-анализ представляется важным диагностическим инструментом оценки социального и политического доминирования.

4. Дискурс, власть и расизм

С целью иллюстрации анализа дискурсивной социальной власти и паттернов доступа, о которых говорилось выше, рассмотрим более детально способы реализации, легитимации и воспроизводства социальной власти в одной большой области доминирования белых (европейских) групп над этническими и расовыми меньшинствами, беженцами и иммигрантами.

Эмпирическими данными, послужившими основой последующего обсуждения, явились результаты масштабного исследовательского проекта по проблемам дискурса и расизма, который мы начали выполнять в Университете Амстердама в 1980 году (van Dijk, 1984a, 1987a, 1991, 1993a). В рамках этого проекта были изучены такие дискурсы, как повседневные диалоги, университетские учебники, новостные сообщения в печати, парламентские дебаты, научный дискурс, корпоративный дискурс и многие другие.

Целью нашего обсуждения является выяснить, как расово-этническое доминирование или расизм воспроизводятся посредством неодинаковых паттернов доступа к дискурсу для мажоритарных и миноритарных групп, а не только посредством неодинакового доступа к гражданству, *жилью, работе, образованию и материальным ценностям*. Такое доминирование может приобретать две формы: во-первых, дискурсивное воспроизводство этнических предрассудков и расизма в самой доминирующей белой группе и, во-вторых, формы бытового расизма в повседневных разговорах между членами мажоритарных и миноритарных групп (например, оскорбления, невежливость, необоснованные обвинения) (Essed, 1991).

Одной из стратегий доминирующего дискурса является целенаправленное убеждение в том, что этнический статус-кво является «естественным», «желаемым», «неизбежным» или даже «демократическим», что достигается за счет, например, отрицания дискриминации и расизма или исключения неравенства из расового контекста («de-racializing inequality») с помощью его переопределения в терминах класса, культурных различий или особых (единичных, временных) последствий статуса иммигранта. Убеждающий или манипулятивный успех этого доминирующего дискурса частично обусловлен паттернами доступа к соответствующим текстам и речи. Это означает, что большинство властных элитарных

групп — это белые группы, а их власть предполагает особый доступ к средствам массовой коммуникации, дискурсу принятия политических решений, бюрократическим дискурсам и юридической системе. Так, в отношении миноритарных групп доминирование удваивается: белые группы в целом имеют особые привилегии и доступ к социальным ресурсам, включая символические ресурсы коммуникации, а белые властные элиты дополнительно управляют белыми группами с помощью убеждающего воздействия на ментальные условия (стереотипы, предрассудки, идеологии) дискриминационных практик их представителей.

Что касается этнических миноритарных групп, то их субординация только усиливается за счет их (в целом) низкого классового положения. Это означает, что их ограниченный доступ к дискурсу не просто определен их расовой или этнической эксклюзией, но и таким же, как у бедных белых групп классово обусловленным ограниченным доступом к хорошему образованию, статусу, работе или капиталу. Вряд ли стоит доказывать, что результатом ограниченного социально-экономического и символического (дискурсивного, коммуникативного) доступа являются эксклюзия и маргинализация (подробнее см. Essed, 1991; Jaynes and Williams, 1989). Итак, у миноритарных групп или иммигрантов обычно меньше доступа или вообще нет доступа к следующим важным коммуникативным контекстам:

- правительственный и законодательный дискурсы принятия решения; информация; убеждение и легитимация, особенно на государственном уровне;
- бюрократические дискурсы на уровне разработки и реализации политики;
- масс-медийный дискурс крупных СМИ;
- образовательный и научный дискурсы;
- корпоративный дискурс.

Политика ✓

По всей видимости, представители групп меньшинств, особенно в Европе, не входят в состав национальных правительств и лишь немногие из них включены в функционирование законодательной системы (о ситуации в Великобритании см. Solomos, 1989). В некоторых странах, например, в Нидерландах, некоторые представители миноритарных групп, не голландской национальности, но прожившие в стране в течение пяти лет, имеют как активный, так и пассивный доступы к местным выборам, и значит, имеют — хоть и минимальный — голос в городских советах; в то же время против этой небольшой «привилегии» выступают, например, во Франции и Германии. Из-за большого размера миноритарных групп в США они обладают, по крайней мере, некоторой политической

репрезентацией, а значит, и *доступом к процессам принятия политических решений*, особенно на местном уровне, например, в городах с большими популяциями групп меньшинства (Ben-Tovim et al., 1986; Jaynes and Williams, 1989; Marable, 1985). Поскольку этническая *«политика»* является преимущественно национальной или федеральной, меньшинства в большей или меньшей степени исключены из процессов создания более или менее воздействующих текстов об их положении. С другой стороны, меньшинства являются частой темой политического дискурса, но эта форма пассивного доступа вряд ли контролируется самими миноритарными группами: по-видимому, они вообще не влияют на собственную «репрезентацию» в политическом дискурсе (van Dijk, 1993a).

✓ **СМИ** Доступ меньшинств к масс-медиа является наиважнейшим условием их участия в публичном признании их положения. Несмотря на в целом либеральные самоопределения многих журналистов, недостаток доступа к СМИ является одной из наиболее явных особенностей символического доминирования белых элит (Hujanen, 1984; Mazingo, 1988; Minority Participation in the Media, 1983; Wilson and Gutiérrez, 1985). В Европе, по-видимому, нет журналистов-представителей миноритарных групп, по крайней мере, на руководящих постах в редакциях. Ведущие качественные издания иногда символически держат в штате одного или двух представителей меньшинств, часто в качестве внештатных сотрудников или независимых журналистов. Даже в США 51 % газет не имеют в штате журналистов из этнических меньшинств, а если имеют, то продвижение по служебной лестнице представляется для них крайне затруднительным. Что касается телевидения, то туда имеется доступ лишь для некоторых (наиболее «умеренных») *«дежурных»* («*visible token*») меньшинств. В результате, редакции СМИ представлены в подавляющем большинстве белыми журналистами, а это, конечно же, имеет серьезные последствия в отношении производства новостей, стиля материалов, доступа к источникам информации и общего содержания новостного дискурса или телепрограмм (Hartmann and Husband, 1974; Martindale, 1986; Smitherman-Donaldson and van Dijk, 1988; van Dijk, 1991).

Более того, вследствие ограниченного социального и экономического влияния миноритарные группы и организации обычно не имеют полного доступа к традиционным способам общения с масс-медиа, таким как пресс-конференции, пресс-релизы и отделы по связям с общественностью (Fedler, 1973). В свою очередь, большинство белых журналистов, как известно, обычно предпочитают пользоваться (белыми) институциональными источниками информации (Tuchman, 1978) и в целом считают представителей меньшинств менее надежным источником, особенно если

последние занимают критическую позицию по отношению к белым элитам. Коммуникативные проблемы и различия в стиле общения между белыми журналистами и миноритарными источниками информации могут только способствовать ограничению доступа меньшинств к масс-медиа (Kochman, 1981).

Неодинаковый доступ мажоритарных элит и миноритарных групп к масс-медиа вполне предсказуемо приводит к неодинаковому доступу к структурам новостных сообщений. *Проблемы и темы*, которые отбираются и обсуждаются в СМИ, носят стереотипный и негативный характер, так как соответствуют интересам белых политических, корпоративных, социальных, научных элит и их институтов. Так, распространенная проблема, связанная с иммиграцией, очевидно, будет интерпретирована в СМИ как проблема вторжения и как фундаментальная проблема для общества, и редко — как требующее приветствия обогащение экономики или культуры страны. Преступность, наркотики, насилие и культурная девиация — это еще одни предпочитаемые темы освещения «этнических» событий. С другой стороны, из-за ограниченного доступа групп меньшинства к описанию ситуации проблемы и темы, которые волнуют представителей самих этнических меньшинств, в меньшей степени освещаются и являются менее востребованными в СМИ. Это касается таких проблем, как дискриминация, расизм, жестокость полиции, нехватка работы, неудовлетворительные условия труда, невозможность получить образование и т. д., особенно если виновной в этих проблемах является белая элита. В то же время, действия белой элиты, которые описываются как «позитивные» для меньшинств, обычно активно освещаются. Как в случае с отношениями между Севером и Югом, «наша» помощь «им» — это всегда заслуживающая освещения тема. Так, выбор темы новости и востребованность — это прямая функция неравного доступа, интересов и целей мажоритарных и миноритарных новостных персонажей.

Равным образом, недостаточный доступ к журналистам также предполагает, что миноритарные адресанты будут реже *процитированы*, чем мажоритарные, что и происходит в действительности (van Dijk, 1991). Если же их цитируют, то либо выбирают умеренных адресантов, мнение которых соответствует мнению или целям мажоритарной группы, или, наоборот, радикальных и экстремистских представителей меньшинств с целью провоцирования у аудитории насмешек или гнева (Downing, 1980). Обычно представителей меньшинств цитируют по «спокойным» и менее «рискованным» темам, таким как религия, искусство, фольклор или культура в целом (Hartmann and Husband, 1974; Johnson, 1987; van Dijk, 1991). Также, в отличие от представителей мажоритарных групп, миноритарным респондентам редко позволяют говорить в одиночку. Их

обвинения принимающего общества и его элит, если их вообще цитируют, *никогда* не остаются без ответных реплик.

Аналогичные наблюдения касаются всех аспектов и уровней новостных сообщений. Содержание и синтаксис *заголовков* систематически создают положительный образ «нас» и проблематизируют «их», что наблюдается также и в отношении *стиля* лексики (например, «беспорядки» вместо «волнения»), *риторики*, отрицаний и других стратегических семантических *ходов* («Мы не имеем ничего против турков, но...», «Мы – толерантное общество, но...») и многих других дискурсивных параметров. В целом, «их» негативные действия акцентируются (например, с помощью тематизации, освещения на первой странице, использования заголовков, риторического акцентирования), в то время как «наши» негативные действия де-акцентируются с помощью отрицаний, эвфемизмов, смягчения и других стратегий, используемых с целью избегания негативной самопрезентации (van Dijk, 1991, 1992). Вследствие недостаточного доступа к альтернативным источникам информации об этнических взаимоотношениях, эффекты такой повседневной трансляции моделей и установок вполне предсказуемы: распространение предрассудков и ксенофобии. Меньшинства и их представители имеют ограниченный доступ к широкой аудитории, если не брать в расчет протесты и деструктивное поведение, что, в свою очередь, однозначно будет использовано в СМИ для подтверждения превалирующих стереотипов и предрассудков.

✓ **Научное сообщество**

Похожие замечания мы можем сформулировать о паттернах доступа к образовательному и научному дискурсам (подробнее см. van Dijk, 1993a). У меньшинств, особенно в Европе, обычно нет свободного доступа к университетам и еще меньше – к активному участию в научном дискурсе, даже в «этнических» исследованиях, посвященным им самим. В Нидерландах, например, более 95 % всех «этнических» исследований проводят голландские исследователи и еще больше – под руководством голландских ученых. Факультеты этнических исследований обычно состоят из белых студентов. Темы таких «этнических» исследований на удивление напоминают темы масс-медиа: культурные различия и девиация, преступность, образовательные проблемы и т. д. Как обычно, с опозданием, университетские учебники воспроизводят превалирующие академические стереотипы о меньшинствах. СМИ, в свою очередь, обращают особое внимание на результаты исследования, которые хорошо соотносятся с их превалирующими стереотипами, касающимися, например, молодежных группировок, наркотиков, преступности или культурных проблем молодых женщин-иммигрантов. Критические проблемы, такие как дискриминация и особенно расизм, редко как изучаются, так и освещаются в СМИ. Более того, результаты тех редких

исследований, которые посвящены изучению этих проблем, обычно игнорируют, отрицают, маргинализуют или обвиняют в «ненаучности» или «политической ангажированности» (Essed, 1987).

Таким образом, этнические группы и их академическая элита не имеют доступа, не говоря уже о контроле, к способам описания этнической ситуации в социальных науках. Поскольку большая часть этих исследований используется в качестве источника национальной политики (и медиа-информации), мы видим, как доминирующие белые элиты объединяют все свои усилия, чтобы предотвратить доступ к гегемонии власти, знаниям, убеждениям и производству консенсуса. Не стоит лишний раз доказывать, что учебные планы, научные журналы, конференции и прочие механизмы научного дискурса обычно управляются белыми учеными за исключением небольших «ниш», которые занимают «черные» журналы, не имеющие явного влияния на академический истеблишмент в социальных науках в целом. Пропаганда того, что обозначается как «политическая корректность» в научном сообществе, особенно в США, отражает, скорее, реакцию доминирующих белых элит на местные и локальные культурные сдвиги и сопротивление меньшинств, нежели фундаментальные изменения в превалирующем академическом дискурсе и паттернах доступа к нему (Aufderheide, 1992; Berman, 1992).

Бизнес ✓

Корпоративный дискурс является, как правило, менее публичным, а значит опосредованно участвует в производстве согласия. Тем не менее, он является чрезвычайно влиятельным за счет своих социально-экономических последствий в отношении этнического статус-кво. Если корпоративный дискурс приписывает причины высокого уровня безработицы среди меньшинств самим жертвам (незнание языка, недостаточные навыки, низкий уровень образования, несоответствие этическим нормам профессии и т. д.), то он достаточно легко проникает в СМИ и сферу принятия политических решений (Fernandez, 1981; Jenkins, 1986; van Dijk, 1993a). Менеджериалистский дискурс о позитивном действии и других формах социальной ответственности может соотноситься со многими негативными явлениями, такими как снижение конкуренции, социальная несправедливость и т. д. Эта особенность распространенного корпоративного дискурса опосредованно становится публичной, особенно в Европе, например, с помощью политиков и журналистов, воспроизводящих или акцентирующих эту точку зрения.

Немногие представители миноритарных групп занимают ведущие управляющие должности, а если и занимают, то они стараются не высказываться слишком радикально о требованиях и претензиях представителей своей этнической группы, если они не хотят лишиться работы. Так, меньшинства имеют совсем небольшое влияние на доминирующий

корпоративный дискурс. Это значит, что у них нет возможности успешно оппонировать идеологии, лежащей в основе дискриминации и маргинализации меньшинств в сфере занятости, бизнеса и финансов. И напротив, обвинение жертвы — это главная стратегия доминирующей белой элиты и в корпоративном дискурсе: как мы уже упомянули, в ответ на упреки в дискриминации элитарные группы накладывают вину за испытываемые трудности на сами меньшинства (особенно, черные).

5. Примеры

Проведя теоретический анализ связей между дискурсом, властью и доступом и рассмотрев паттерны доступа к дискурсу, связанному с этническими отношениями, перейдем, наконец, к обсуждению конкретных примеров, взятых из британских газет, освещавших этнические события в течение первых шести месяцев 1989 года. Многие сообщения в течение этого периода касались дела Салмана Рушди и, традиционно для прессы, «нелегальной» иммиграции.

Пример 1. Газета *The Sun* начинает одну из своих статей об иммиграции (23 января 1989 года) следующим образом:

УБИРАЙТЕСЬ, НАХЛЕБНИКИ

Виктор Чэппл

СТРЕМИТЕЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ на нелегальную иммиграцию начато правительством. Количество сотрудников, занимающихся иностранными приживалами, увеличится более чем ВДВОЕ, и новые ЖЕСТКИЕ ограничительные меры будут применены к зарубежным фиктивным студентам. Главной мишенью станут липовые колледжи, которые принимают молодых людей на обучение, но не предоставляют им никаких обучающих курсов. Когда в прошлом году сотрудники иммиграционной службы совершили рейд в одном из таких учреждений в восточном Лондоне, они обнаружили, что от 990 до 1000 «студентов» не имели права пребывать в Британии. Министр внутренних дел Дуглас Херд считает необходимым внести поправки в закон, для того чтобы остановить превращение иностранных гостей в студентов на время их пребывания у нас.

Огромный (23 × 3 см) заголовок-шапка статьи содержит оценочный комментарий газеты *The Sun* относительно планов правительства. Такими же оценочными являются слова «фиктивные» и «липовые», использованные при описании студентов и колледжей. Эти оценочные термины,

по всей видимости, не употребляли в своих заявлениях ни британское правительство, ни министр внутренних дел Дуглас Херд. Именно в этом становятся очевидными власть, автономия и, следовательно, ответственность газеты: вряд ли можно обвинять политиков за то, что они использовали расистский язык для воздействия на читателей. Если говорить в терминах нашего анализа паттернов доступа к дискурсу, стиль текста является объектом доступа только журналиста (Виктора Чэппла) или редакторов *The Sun;* для них же достижим убеждающий эффект негативной «они-репрезентации», примененной для воздействия на сознания читателей. Таким образом, в поле ответственности газеты лежит непосредственное участие в поддержке широко распространенных этнических предрассудков в Великобритании – представлении об иммигрантах как «нахлебниках».

И все же обратим внимание на «сговор» между журналистской и политическими элитами. В конечном итоге, политика и политические действия, *о которых* пишут в газетах, осуществляются британскими властями: они сделают все, что угодно, чтобы сократить масштабы «нелегальной» иммиграции. Газета, однако, *не просто сообщает о таких действиях*, но поддерживает их и даже фабрикует их мотивы (студенты будут исключены, потому что они «нахлебники»). Так, правая пресса различными способами поддерживает консервативную миграционную политику, облекая ее в популярную риторику («убирайтесь», «нахлебники», «липовый» и т. д.), из-за чего эта политика *начинает казаться соответствующей* распространенным претензиям и раздражению в отношении иммиграции, и вследствие чего она приобретает легитимный статус.

Помимо журналистов, которые имеют прямой доступ к стилю (объему, лексическим средствам и т. д.) заголовков и стилю основного текста статьи, в некоторой степени таким доступом обладает и видный политик, в нашем случае – министр внутренних дел, чья фотография используется в материале, чьи действия освещены (положительно) и чья планируемая политика упомянуты в статье. В следующей, непроцитированной здесь части статьи авторы рассказывают о беженце из Шри Ланки Вирадже Мендисе (о котором говорится как об «активисте»), который нашел убежище в церкви, но бы арестован во время полицейского рейда и выслан из страны после многих лет пребывания в ней; и они снова упоминают Дугласа Херда, равно как и члена Парламента от консервативной партии, протестующих против действий церкви, укрывающей беженцев. Церковь не имела доступа к прессе в этом случае: никого из священников не процитировали. В отдельной небольшой статье вновь был упомянут Вирадж Мендис как человек, желающий «обвинить британское правительство в расизме»; там же была опубликована его фотография. Однако,

то, как были преподнесены его слова, существенно отличалось от способа подачи слов Херда. В тексте он изображен как «потягивающий минеральную воду в одном закрытом клубе Коломбо», что предполагает, что тот, кто находится в такой ситуации, вряд ли может быть настоящим беженцем, а значит, не может заслуживать доверия и как собеседник. Сам факт, что Мендис обвинил британское правительство в расизме, является настолько абсурдным для газеты *The Sun*, что это обвинение вряд ли требует дальнейшей дискредитации беженца, чем газета, однако, занималась на протяжении всего дела Мендиса (более подробный анализ материалов британской прессы о деле Вираджа Мендиса см. van Dijk, 1993b).

В целом, мы можем обнаружить здесь несколько моделей доступа. Во-первых, доступ со стороны медиа-элит: журналисты и редакторы газеты выбирают новостные темы, контролируют стиль и риторику, макет, фотографии и таким образом прямой доступ к воздействию на сознание читателей. Во-вторых, доступ со стороны политических элит: г-н Херд как главный герой новости имеет доступ к теме, цитированию и визуальным образам в газете, которую читают около пяти миллионов британских читателей. В-третьих, доступ со стороны других политиков: член парламента от консерваторов имеет доступ, поддерживая г-на Херда (точнее, будучи критикуемым им за недостаточно оперативное реагирование) и, соответственно, подкрепляя негативные оценки, формулируемые газетой *The Sun*. В-четвертых, доступ со стороны беженцев: Вирадж Мендис обладает пассивным доступом к дополнительной тематике статьи (и к главной теме соответствующего небольшого материала), цитированию и фотографиям, но он встроен в негативный контекст, и поэтому его высказывания теряют доверие.

Пример 2. Следующий пример, опубликованный несколькими днями позже, также взят из газеты *The Sun* (2 февраля 1989):

БРИТАНИЯ ОККУПИРОВАНА АРМИЕЙ НЕЛЕГАЛОВ

Специальный материал

Джон Кей и Элисон Бауйер

Британию наводнили потоки подозрительных иммигрантов, которые так отчаянно желают найти работу, что готовы работать за скудное жалованье в наших ресторанах, кафе и ночных клубах.

Сотрудники иммиграционной службы перегружены работой. В прошлом году 2191 «нелегалов» были задержаны и высланы домой. Но до сих пор их десятки тысяч, работающих как каторжники за барными стойками, убирающими номера в отелях и работающих на кухнях... Нелегалы проникают к нам:

- **ОБМАНЫВАЯ** работников иммиграционной службы в ходе беседы в аэропортах;
- **СКРЫВАЯСЬ** после окончания срока действия визы;
- **ПОДДЕЛЫВАЯ** разрешения на работу и другие документы;
- **УБЕГАЯ** из мест задержания иммигрантов.

И снова мы видим знакомую картину: огромный заголовок-шапку, состоящий из трех негативных фраз, ассоциируемых с иммигрантами и беженцами — «оккупирована», «армия», «нелегалы». Этот стиль описания незарегистрированных иммигрантов полностью контролируется журналистами *Sun* (то есть они имеют доступ к нему) и предполагает, как мы упоминали выше, возможный доступ к общественному сознанию. Обратим внимание на использование особой семантики и ассоциации, возникающие при употреблении слов «оккупировать» и «армия», что открыто связывает иммиграцию с насилием и угрозами «Британии»: иммиграция — это война.

Поскольку это «специальный материал», ответственность за содержание материала, как представляется, полностью лежит на газете: они не сообщают о произошедшем, например, политическом событии, как в предыдущем примере, а предлагают репортаж, основанный на собственных журналистских наблюдениях. «Факты», сконструированные таким образом газетой, напоминают метафорический стиль, при котором беженцы и другие иммигранты обычно сравниваются с «потоками», «наводнившими» страну. Термин «наводнивший» достаточно известен. Он использовался Маргарет Тэтчер, прежде чем она была избрана на пост премьер-министра, когда она сказала, что боится, что Британия будет «наводнена» выходцами из чужих культур. Так что, эти метафоры, несмотря на то, что журналисты имеют абсолютный доступ к ним и полностью их контролируют, не являются новыми и взяты из багажа речей расистски настроенных консерваторов об иммиграции. Как и в случае со словами «оккупировать» и «армия», быть «наводненным» «потоками» «нелегалов» представляется такой же угрозой для (белого) британского населения, являющегося главной аудиторией этого стиля. Вся статья выдержана в этом стиле, например, когда действия полиции обозначаются как «операции по преследованию нелегальной рабочей силы». Совершенно верно: война за то, чтобы Британия оставалась белой.

Сотрудники иммиграционной службы тоже имеют (пассивный, тематический) доступ к этой статье; по отношению к ним высказывается сожаление, что они «перегружены» заданиями. В газете не используется ни одного резкого слова в отношении тех способов, которыми сотрудники

иммиграционной службы выполняют свои задания по «охоте» на «нелегалов». Отметим, однако, что, по-видимому, в статье присутствует намек на сострадание по отношению и к иммигрантам тоже, что можно понять из использования выражений «работать за скудное жалованье» и «работать как каторжники». В то же время, стиль остальной части статьи далеко не подтверждает этот журналистский настрой по отношению к иммигрантам. Скорее, «работать за скудное жалованье» предполагает также, что поскольку иммигранты готовы выполнять любую работу за любую зарплату, они конкурируют с белыми британскими рабочими. Так, такая репрезентация поддерживает известное расистское умозаключение: «Они забирают наши рабочие места!». Однако нигде в статье не говорится о том, что белые британцы не хотят работать на такой работе.

В следующем фрагменте текста, усиленном заглавными буквами и привлекающими внимание маркерами в виде черных точек, суммируются различные формы девиаций, нарушений и преступлений, приписываемые иммигрантам: подразумевается, что они лжецы и мошенники. Остальная часть статьи ничем не отличается («они не платят налоги» и т. д.), но там обращается внимание также и на видах бизнеса, которые подвергаются «рейдам» со стороны полиции. Тем не менее, фокус ответственности лежит не на работодателях, бизнесе и всех тех, кто эксплуатирует иммигрантов и платит им заниженные зарплаты. Ведь статья *не* называется БРИТАНИИ УГРОЖАЕТ ПРЕСТУПНЫЙ БИЗНЕС, ЭКСПЛУАТИРУЮЩИЙ ИММИГРАНТОВ. Даже Использование пассивного залога в синтаксической структуре предложений утаивает о нелегальном приеме на работу: «В результате они (сотрудники иммиграционной службы) задержали тринадцать нигерийцев, нелегально устроенных на работу», где в последней части утаивается агент нелегального найма. Что касается присутствующих здесь отношений власти и доступа, мы снова видим, что журналисты (и, возможно, редакторы) *The Sun* несут ответственность за выбор темы «специального репортажа», за стиль и акценты на одних аспектах (иммигранты как угроза и преступники), а не на других (работодатели занимаются нелегальным наймом и эксплуатируют меньшинства). Это означает, что медиа-элиты обладают эксклюзивным и активным доступом и контролем над большей частью текста, а также эксклюзивной ответственностью за манипулирование сознанием читателей: должны быть осуждены не «факты» иммиграции (как без сомнения сказали бы журналисты), но журналистские способы производства, репрезентации и убеждающего формулирования таких «фактов». В то же время, не только журналисты, но и герои новостей имеют некоторый доступ к дискурсу. Как можно было бы предположить, в статье положительно представлены сотрудники иммиграционной службы (в материалах

по этническим вопросам, публикуемых в правой прессе, чиновники общественного порядка всегда изображаются позитивно как стражники Британии, отважно сражающиеся в расовых войнах). Один из них фигурирует в анализируемой статье, рассказывая читателям, что он не знает, сколько всего нелегалов пребывает на территории Британии (очевидно, *The Sun* знает), но сотрудники иммиграционной службы предпринимают «все усилия, чтобы разыскать их». Как мы уже убедились, работодатели стилистически отсутствуют в тексте: их бизнес может стать объектом рейдов, но на общей карт инее их самих нет; там присутствуют только «нелегалы» (т о есть иммигранты, не менеджеры). И наконец, в небольшой статье, некоторым руководителям дают слово, и они утверждают, что они предоставляют работу только легальным иммигрантам (из стран Евросоюза), и это утверждение не подвергается ни малейшему сомнению газетой *The Sun*. В этой статье не встречается ни одного негативного слова о работодателях, несмотря на тот факт, что «нелегальные» иммигранты работают за скудное жалованье. Напротив, они представлены как жертвы, которых иногда «вводят в заблуждение с помощью фальшивых документов».

В целом, во всем тексте этой статьи «мы» и «наш» народ (чиновники, бизнес, Британия) последовательно репрезентируются положительно, а «они» – крайне негативно, как оккупационные войска или нахлынувший поток, как те, кто, говоря словами *The Sun*, должны быть «арестованы» и «удалены» сотрудниками иммиграционной службы.

Мы видим, что паттерны доступа (о ком пишут, кому позволено говорить, кто к кому может обращаться, кто какой стиль может использовать и т. д.) тесно связаны с моделями представления себя и других в публичном дискурсе об этнических проблемах. Доступ к прессе посредством доступа к журналистам предполагает также групповое членство: те, кто принадлежит к определенным группам, особенно, элитарным, имеет больший доступ, и в то же время они будут более положительно репрезентированы. Обратное справедливо для «них». Действительно, в этом «специальном репортаже» не процитирован ни один «нелегальный иммигрант»: их точки зрения, опыт, история неважны. С иностранной армией, то есть врагами, никто не разговаривает: их «преследуют».

6. Другие примеры

Можно привести множество аналогичных примеров: большинство публикаций в бульварной прессе обладают одинаковыми структурами и стратегиями выбора, тематики, стиля и цитирования, а также схожими схемами расистской репрезентации «МЫ – ОНИ». В правых бульварных изданиях «они» (иммигранты) часто ассоциируются с «глупыми

левыми», еще одной мишенью бульварной прессы, как это представлено в следующих заголовках-шапках и фрагментах текстов:

ЛЕВЫЕ ПЕРЕДАЛИ 20 000 ФУНТОВ НЕЛЕГАЛЬНЫМ ИММИГРАНТАМ
(*Sun*, 6 февраля 1989)

«СТАНЬТЕ БРИТАНЦАМИ», — ГОВОРИТ ХЕРД ИММИГРАНТАМ
(*Daily Mail*, 24 февраля 1989)

Министр внутренних дел Дуглас Херд сделает сегодня ПРЯМОЕ предупреждение 750 000 мусульманам, проживающим в Британии.

Он сообщит им, что они должны учиться жить с британскими законами и традициями, в частности, ради своих детей. Альтернативой этому станет возрастающие гнев и недовольство общества и возобновление социальных конфликтов.

ТЭТЧЕР ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ НЕТ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ
(*Daily Telegraph*, 23 июня 1989)

Итак, бульварные газеты обвиняют в мошенничестве и иммигрантов, и левых, как это видно из первого заголовка. Популярной среди читателей бульварных изданий темой является «безумная растрата» «денег налогоплательщиков» «сумасшедшими» левыми комитетами и программами.

Во втором примере снова появляется министр внутренних дел Херд, отвечающий за вопросы иммиграции и этнических отношений, на этот раз с подробным описанием речи, которую он *произнесет* (в некоторых новостях описываются не прошедшие события, а события ближайшего будущего), и это стало основанием для огромного заголовка заглавными буквами высотой три сантиметра. Это говорит о том, что после дела Рушди мусульмане стали объектом нападок как для патерналистски, если не враждебно, настроенных политиков, так и для прессы (и не только для правой бульварной прессы), которая ассоциирует *всех* мусульман с радикальными фундаменталистами. Если раньше поддержка культурной автономии вдруг оказывалась официальной политикой западных государств, то эти слова, произнесенные Хердом и акцентированные газетой

Daily Mail, не оставляют сомнений в истинных, ассимиляционистских целях этнической политики: адаптируйтесь к нам или убирайтесь. Хуже то, что, как в случае с большей частью бульварных статей и редакторских колонок, как только иммигранты или меньшинства начинают изображаться как нарушители закона (как в случае «беспорядков») или норм культурной адаптации, настоящей угрозой становится общественное недовольство (или даже фашизм). Как бы иронично или даже цинично это не звучало, мы должны понять, что такое недовольство создается и поддерживается самими бульварными изданиями. Угроза «расового конфликта» связывается не с белыми расистами, а с самими иммигрантами, что является известным ходом стратегии смещения акцентов в приписывании ответственности.

Третий пример говорит сам за себя. Будучи премьер-министром, Маргарет Тэтчер наверняка имела наиболее привилегированный доступ к СМИ, а значит имела возможность давать определения этнической ситуации и, конечно же, отрицать расизм (используя в то же время известное консервативное смягчающее слово «расовая дискриминация»). Отметим, что если (обоснованные) обвинения в расизме и звучат в СМИ, консервативная пресса обычно использует дистанцирующий и порождающий сомнения термин «заявления» (подробнее об этом см. van Dijk, 1991). Однако когда Тэтчер во время парламентских дебатов «категорически отрицает», что в консервативной партии распространен расизм, ее заявление подверглось высмеиванию со стороны партии лейбористов, представленные в статье как заслуживающие меньшего доверия, чем Тэтчер. Фактически, отрицание расизма – это один из признаков элитарного расизма (см. van Dijk, 1993c).

И вновь мы видим знакомые паттерны доступа: Херд, будучи консервативным политиком и сурово осуждая мусульман, имеет полный доступ к газете, выбору ее тем, заголовкам, цитатам, равно как и Тэтчер. Иммигранты и мусульмане имеют пассивный доступ (в качестве тем), но не они *управляют собственными репрезентациями*, а их представителей не цитируют, если только это не радикальные фундаменталисты, котоыре с удовольствием подтвердят все предрассудки журналистов об угрозах, исходящих от мусульман и арабов.

7. Выводы

Сделаем краткие выводы к этой главе. В рамках критического анализа дискурса изучение воспроизводства власти и доминирования посредством дискурса представляется первоочередной задачей. Одной из составляющих этого процесса воспроизводства являются структуры и стратегии

«доступа»: кто управляет организацией, участниками, целями, языком, жанром, речевыми актами, темами, схемами (например, заголовками, цитатами), стилем, риторикой и прочими характеристиками коммуникативного события. То есть, кто способен/может/должен говорить что, кому, как, в каких условиях и с каким эффектом для реципиентов?

Особый доступ к публичному дискурсу является крайне важным среди ресурсов, составляющих основу власти доминирующих групп, поскольку он *обеспечивает доступ* к механизмам управления общественным сознанием. В современных обществах доступ к дискурсу является главным условием выработки согласия и, следовательно, наиболее эффективным способом реализации власти и доминирования.

Наш краткий анализ некоторых примеров, взятых из британских газет, показывает, как бульварная пресса, консервативные политики и силы общественного порядка получают особый доступ к общественному определению иммиграции и меньшинств, а также к их определению как преступников, мошенников, захватчиков, радикальных убийц и использованию прочих «их» характеристик, но в то же время они изображают «нас» как толерантных, сильных и отважных, а иногда и как жертв. Это означает, что власть особого доступа к СМИ тесно связана с властью доминирующих групп, позволяющей им давать характеристику этнической ситуации и вносить вклад в воспроизводство расизма, то есть власти белых групп.

Критический дискурс-анализ

1. Введение: что такое критический дискурс-анализ?

Критический дискурс-анализ (КДА) представляет собой разновидность дискурс-аналитической исследовательской процедуры, направленной на изучение, главным образом, способов злоупотребления социальной властью, доминирования и неравенства, которые реализуются, воспроизводятся и сталкиваются с сопротивлением в форме дискурса в социальном и политическом контекстах. Представляя своего рода диссидентский подход, критический дискурс-анализ занимает открытую позицию и ориентирован на понимание, объяснение и, в конечном итоге, сопротивление социальному неравенству.

Некоторые принципы КДА были сформулированы еще в рамках франкфуртской школы перед Второй мировой войной (Agger, 1992b; Rasmussen, 1996). Сегодняшний фокус внимания КДА на языке и дискурсе инициирован «критической лингвистикой», развившейся (преимущественно в Великобритании и Австралии) в конце 70-х годов XX века (Fowler et al., 1979; см. также Mey, 1985). КДА пересекается также с «критическими» исследованиями в социолингвистике, психологии и социальных науках, многие из которых сформировались еще в начале 70-х годов (Birnbaum, 1971; Calhoun, 1995; Fay, 1987; Fox and Prilleltensky, 1997; Hymes, 1972; Ibanez and Íñiguez, 1997; Singh, 1996; Thomas, 1993; Turkel, 1996; Wodak, 1996). Как и в случае со смежными дисциплинами, КДА может рассматриваться как реакция на доминирующие формальные (часто «асоциальные» и «некритические») парадигмы 60-х и 70-х годов XX века. КДА — это не просто направление, школа, специализированная область исследований, один из многих других «подходов» в дискурсивных исследованиях. Скорее, он направлен на выработку общей «модели» или «перспективы» построения теории, методологии и практики в достаточно широком исследовательском пространстве. Мы можем выделить такие более или

менее критические перспективы в данном исследовательском контексте, как прагматика, конверсационный анализ, нарративный анализ, риторика, стилистика, социолингвистика, этнография, медиа-анализ и другие.

Важным для представителей критического дискурс-анализа является ясное представление о собственной социальной роли. Продолжая традицию, отрицающую возможность «безоценочной» науки, они утверждают, что наука и особенно научный дискурс представляют собой неотъемлемую часть социальной структуры, находятся под ее влиянием и производятся в социальном взаимодействии. Вместо того, чтобы отрицать или игнорировать связь между наукой и обществом, они утверждают, что эти связи должны быть изучены и проанализированы «изнутри», а научные практики должны строиться с учетом результатов таких исследований. Построение теории, описания и объяснения, в том числе и в рамках дискурс анализа, социально и политически обусловлены, хотим мы этого или нет. Размышления о роли ученых в обществе и политике, таким образом, становится неотъемлемой частью дискурс-аналитической деятельности. Это может означать, помимо прочего, что дискурс-аналитики проводят исследование в целях солидарности и кооперации с подчиненными группами.

Критическое изучение дискурса должно удовлетворять ряду требований, чтобы эффективно достигать своих целей:

- как и в случае с другими маргинальными исследовательскими традициями, чтобы быть принятым, КДА должен быть «лучше» других исследований;
- он фокусируется скорее на *социальных проблемах* и политических вопросах, чем на текущих парадигмах и актуальных темах;
- эмпирически адекватный критический анализ дискурса должен быть *междисциплинарным*;
- он направлен не просто на описание дискурсивных структур, а на их объяснение в терминах особенностей социального взаимодействия и, преимущественно, социальной структуры;
- в более частном отношении, КДА ориентирован на изучение дискурсивных способов реализации, подтверждения, легитимации, воспроизводства и критики отношений *власти* и *доминирования* в обществе.

Fairclough и Wodak (1997: 271–80) обобщили основные принципы КДА следующим образом:

1. КДА формулирует социальные проблемы.
2. Властные отношения дискурсивны по своей природе.
3. Дискурс конституирует общество и культуру.
4. Дискурс осуществляет идеологическую работу.
5. Дискурс историчен.

6. Связь между текстом и обществом опосредована.
7. Дискурс-анализ направлен на интерпретацию и объяснение.
8. Дискурс — это форма социального действия.

Некоторые из этих принципов же обсуждались в этой книге ранее, а другие требуют более системного теоретического анализа, фрагменты которого будут представлены далее как более или менее общие цели *критического дискурс-анализа* (подробнее о целях критического анализа языка и дискурса см. Caldas-Coulthard and Coulthard, 1996; Fairclough, 1992a, 1995a; Fairclough and Wodak, 1997; Fowler et al., 1979; van Dijk, 1993b).

2. Концептуально-теоретические основы КДА

Поскольку КДА — это не специфичное направление исследований, у него нет унитарной теоретической модели. В рамках указанных выше целей КДА, выделяют несколько его типов, которые иногда являются теоретически и аналитически разнородными. Критический анализ разговора очень сильно отличается от анализа новостных сообщений или учебной коммуникации в школе. Указав на общую перспективу и главные цели КДА, мы можем обнаружить общие, тесно связанные теоретические и концептуальные положения. Как мы уже сказали, большая часть направлений КДА ставят вопрос о том, как специфичные дискурсивные структуры используются в воспроизводстве социального доминирования, независимо от того, являются ли они частью повседневного разговора, новостного сообщения или других жанров и контекстов. Так, типичный словарь многих представителей КДА включает в себя такие понятия, как «власть», «доминирование», «гегемония», «идеология», «класс», «гендер», «раса», «дискриминация», «интересы», «воспроизводство», «институты», «социальная структура», «социальный порядок», не говоря о более известных дискурс-аналитических понятиях (1).

В этом разделе я обращаю внимание на ряд базовых концептов и разрабатываю теоретическую основу критического изучения дискурса, познания и общества.

Макро *vs.* микро ✓

Использование языка, дискурс, вербальное взаимодействие и коммуникация принадлежат к микроуровню социального порядка. Власть, доминирование и неравенство между социальными группами — это традиционные термины, принадлежащие к анализу макроуровня. Это означает, что КДА должен теоретически преодолеть известный «разрыв» между микро-и макроподходами, который сам по себе, безусловно, является социологическим конструктом (Alexander et al., 1987; Knorr-Cetina and Cicourel, 1981). В повседневном взаимодействии

и опыте макро-и микроуровень (и опосредующий их «мезоуровень») образуют единое целое. Например, расистские выступления в парламенте представляют собой дискурс микроуровня социального взаимодействия в специфичных ситуациях дебатов, но в то же время могут реализовывать или быть неотъемлемой частью законотворчества или воспроизводства расизма на макроуровне.

Существует несколько способов анализа и установления связи между этими уровнями, а значит и попыток построения общего критического анализа:

1. *Члены — группы*: носители языка включаются в дискурс как члены (нескольких) социальных групп, организаций, институтов; и наоборот, группы могут действовать «посредством» своих членов.
2. *Действия — процессы*: социальные действия индивидуальных акторов представляют собой, таким образом, неотъемлемые части групповых действий и социальных процессов, таких как законотворчество, производство новостей, воспроизводство расизма.
3. *Контекст — социальная структура*: ситуации дискурсивного взаимодействия также являются частью или образующим элементом социальной структуры; например, пресс-конференция может быть практикой, типичной для организаций и медиа-институтов. Это значит, что «локальный» и более «глобальный» контексты тесно связаны и в равной степени влияют на дискурс.
4. *Индивидуальное и социальное познание*: носители языка как социальные агенты обладают и индивидуальным, и социальным познанием: память, знания и мнения могут быть как личными, так и разделяемыми с представителями группы или культуры в целом. Оба типа познания влияют на взаимодействие и дискурс индивидуальных представителей группы, в то время как разделяемые «социальные репрезентации» управляют коллективными действиями группы.

✓ Власть как контроль

Центральным понятием большинства критических работ по дискурсу является понятие власти, а точнее — *социальной власти* групп и институтов. Обобщая комплексный философский и социальный анализ этого понятия, определим социальную власть в терминах *контроля*. Так, у групп есть (в той или иной степени) власть, если они могут (в той или иной степени) контролировать действия и сознание других групп и их представителей. Эта способность предполагает, что *основой власти* является привилегированный доступ к дефицитным социальным ресурсам, таким как сила, деньги, статус, слава, знание, информация, «культура» и различные формы публичного дискурса и коммуникации (о литературе, посвященной вопросам власти, см., например, Lukes, 1986; Wrong, 1979).

Мы можем выделить различные *типы власти* в зависимости от различных ресурсов, используемых для ее реализации: принуждающая власть военных и вооруженных людей будет основана на силе; у богатых есть власть, поскольку у них есть деньги; более или менее эффективная власть родителей, преподавателей или журналистов моет быть основана на знании, информации и авторитете. Отметим, что власть редко бывает абсолютной. Группы могут в большей или меньшей степени управлять другими группами или управлять ими в особых ситуациях или социальных областях. Более того, подчиненные группы могут в той или иной степени сопротивляться, принимать, игнорировать, подчиняться или легитимировать власть и даже считать ее «естественной».

Власть доминирующих групп может быть закреплена с помощью законов, правил, норм, привычек и даже колелктивного консенсуса, а стало быть, может принимать форму того, что Грамши называл термином «гегемония» (Gramsci, 1971). Классовое доминирование, сексизм, расизм являются характерными примерами такой гегемонии. Отметим также, что власть не всегда реализуется в очевидных формах злоупотребления со стороны членов доминирующих групп, а может быть реализована во множестве само собой разумеющихся повседневных действиях, что типично для многих форм бытового сексизма или расизма (Essed, 1991). Также, не каждый представитель властной группы всегда обладает большей властью, чем тот или иной представитель подчиненной группы: власть понимается нами здесь только как власть группы в целом.

В рамках анализа связей между дискурсом и властью мы должны, во-первых, удостовериться, что доступ к тем или иным формам дискурса, например, политике, СМИ или науке, является властным ресурсом. Во-вторых, как мы уже упоминали ранее, действия управляются нашим сознанием. Поэтому если мы можем влиять на сознание людей, например, на их знания и мнения, мы опосредованно можем влиять на их действия, что хорошо известно на примерах убеждения и манипуляции.

И наконец, группы, управляющие наиболее влиятельными формами дискурса, имеют больше возможностей управлять сознанием и действиями *других.*

Несколько упрощая эти очень сложные связи между дискурсом и властью, мы можем выделить два базовых вопроса критического дискурс-аналитического исследования дискурсивной власти:

1. Как (более) властные группы контролируют публичный дискурс?
2. Как публичный дискурс кон тролирует сознание и действия (менее) властных групп и каковы социальные последствия такого контроля, как, например, социальное неравенство?

Далее я рассмотрю каждый из этих вопросов (2).

✓ **Контроль над публичным дискурсом**

Мы выяснили, что среди прочих ресурсов, составляющих основу власти группы или института, *доступ* и *контроль* над публичным дискурсом и коммуникацией является важным «символическим» ресурсом, каковыми являются знание и информация (van Dijk, 1996). Большинство людей активно контролируют только повседневные беседы с родными, друзьями и коллегами и пассивно контролируют, например, использование медиа. Во многих ситуациях обычные люди являются более или менее пассивными мишенями дискурса, например, со стороны их начальства, учителей или представителей власти, таких как полицейские, судьи, чиновники, налоговые инспекторы, которые могут просто сказать им, чему необходимо (не) верить и что необходимо делать.

С другой стороны, представители более властных социальных групп и институтов, и особенно их лидеры (элита) имеют более или менее эксклюзивный доступ к одному или более типам публичного дискурса и, соответственно, осуществляют контроль над ними. Так, профессора управляют научным дискурсом, адвокаты — юридическим, политики — политическим. Те, у кого есть контроль над большим количеством дискурсов, более влиятельными дискурсами и большим количеством аспектов дискурса, по определению обладают большей властью. Иными словами, мы предлагаем здесь дискурсивное определение (а также практическую диагностику) одного из основных элементов социальной власти. Понятия доступа к дискурсу и контроля представляются достаточно общими, и одной из задач КДА является интерпретация этих форм власти. Так, если дискурс трактуется как сложные коммуникативные события, доступ к нему и управление им могут быть определены в отношении как контекста, так и структур самого дискурса.

Контекст определяется как ментально репрезентированная структура характеристик социальной ситуации, которые релевантны производству и пониманию дискурса (Duranti and Goodwin, 1992; van Dijk, 1999). Он включает в себя такие категории, как общее определение ситуации; пространственно-временные характеристики; постоянные действия (включая дискурсы и дискурсивные жанры); участников, выполняющих различные коммуникативные, социальные и институциональные роли, а также их ментальные репрезентации — цели, знания, мнения, установки и идеология. Контроль контекста предполагает контроль над одной или более этими категориями, например, влияние на определение коммуникативной ситуации, принятие решения о месте и времени коммуникативного события или о том, какие участники могут или должны в нем участвовать, а также с какими ролями, какие знания и мнения у них должны

быть, какие социальные действия могут или должны быть выполнены с помощью дискурса.

Еще одним важным аспектом актуализации или выполнения групповой власти является контроль не только над содержанием, но и над структурами дискурса. Описывая связь между текстом и контекстом, мы уже говорили о том, что властные группы и их члены могут принимать решение о (возможных) *дискурсивных жанрах или речевых актах* в той или иной ситуации. Учитель или судья могут потребовать от, соответственно, студента или подозреваемого дать прямой ответ, но вряд ли они потребуют рассказать личную историю или сформулировать аргументы (Wodak, 1984a). В более критическом ключе можно проанализировать, как властные адресанты могут злоупотреблять своей властью в подобных ситуациях, например, когда полицейские применяют силу, чтобы получить показания у подозреваемого (Linell and Jonsson, 1991) или когда мужчины-редакторы не допускают женщин к написанию статей на экономические темы (van Zoonen, 1994).

Аналогичным образом, жанры обычно включают в себя конвенциональные *схемы*, состоящие, в свою очередь, из *категорий*. Доступ к некоторым из этих жанров может быть запрещен или быть обязательным, например, некоторые приветствия в разговоре могут быть использованы только представителями определенной социальной группы, ранга, возраста, гендера (Irvine, 1974).

Не менее важным для всех типов дискурса и коммуникации является тот, кто контролирует *темы* (семантическими макроструктурами) и смены тем, как, например, в случае с редакторами, решающими, какие новостные темы будут освещены (Gans, 1979; van Dijk, 1988a, 1988b), профессорами, решающими, какие темы будут обсуждаться в классе, или мужчинами, управляющими темами и сменой тем в разговорах с женщинами (Palmer, 1989; Fishman, 1983; Leet-Pellegrini, 1980; Lindegren-Lerman, 1983).

Несмотря на то, является ли контроль дискурса контекстуальным или глобальным, даже локальные особенности *значения*, *формы* и *стиля* могут быть объектом контроля, например, особенности ответов в классе или в суде или выбор лексических единиц или жаргона в зале судебных заседаний, учебной аудитории или редакции (Martín Rojo, 1994). Во многих ситуациях даже громкость речи может контролироваться, и говорящих просят «говорить тише» или «вести себя тихо»; женщин могут разными способами принуждать к молчанию (Houston and Kramarae, 1991), а в некоторых культурах необходимо «бормотать» с целью проявления уважения (Albert, 1972). В диктаторских обществах может быть запрещено публичное использование определенной лексики как социально опасной,

а в СМИ дискурсивные вызовы со стороны мультикультурных оппонентов в адрес культурно доминирующих групп может быть высмеяно как «политкорректное» (Williams, 1995). И наконец, действия и взаимодействия в дискурсе могут управляться с помощью предписания или запрета определенных речевых актов, а также с помощью избирательно распределенных и прерванных коммуникативных ходов (см. также Diamond, 1996). В целом, властные коммуниканты могут в большей или меньшей степени управлять, по всей видимости, всеми уровнями и структурами контекста и текста, и они могут злоупотреблять этой властью в отношении других коммуникантов. Тем не менее, необходимо отметить, что дискурс не всегда и не обязательно непосредственно реализует или инкорпорирует общие властные отношения между группами: эти отношения всегда *развиваются, усиливаются или изменяются* в определенном контексте.

✓ Контроль над сознанием

Если контроль над дискурсом — это главная форма власти, то управление сознанием людей представляет собой еще один фундаментальный способ воспроизводства доминирования и гегемонии (3). В КДА под «контролем над сознанием» понимают гораздо больше, чем просто приобретение убеждений посредством дискурса и коммуникации. Далее мы перечислим способы участия власти и доминирования в контроле над сознанием.

Во-первых, реципиенты обычно приобретают убеждения, знания и мнения (если только они не противоречат их собственным убеждениям и опыту) посредством дискурса из тех источников, которые им кажутся авторитетными, доверительными и надежными, каковыми часто оказываются, например, ученые, эксперты, профессионалы, надежные СМИ (Nesler et al., 1993). Во-вторых, в некоторых ситуациях участники обязаны быть реципиентами дискурса, например, в образовании и во многих деловых ситуациях. Учебные занятия, учебные материалы, должностные инструкции и другие типы дискурса в таких случаях должны быть восприняты, проинтерпретированы и изучены в аспекте интенций институциональных или организационных авторов (Giroux, 1981). В-третьих, во многих ситуациях не существует публичного дискурса или масс-медиа, которые предоставляли бы информацию, из которой можно было бы приобрести альтернативные убеждения (Downing, 1984). В-четвертых, что тесно связано с предыдущими пунктами, реципиенты не могут обладать знаниями и убеждениями, необходимыми для противодействия доминирующему дискурсу и информации (Wodak, 1987).

В то время, как эти условия управления сознанием широко *контекстуальны* (они говорят нечто об участниках коммуникативного события), другие условия — *дискурсивны*, то есть представляют собой функцию структур и стратегий самих текстов. Другими словами, в определенном

контексте те или иные значения и форы дискурса имеют большее воздействие на сознание людей, о чем говорят сам термин «убеждение» и 2000-летняя традиция риторики (4).

Если мы обратим внимание на структуры сознания и значение контроля над ними, главным вопросом станет как дискурс и его структуры способны осуществить такое управление. Как мы говорили ранее, подобное дискурсивное воздействие может происходить благодаря *контексту* и *структурам самих текстов*.

Контекстуальная обусловленность контроля основана на том факте, что люди понимают и репрезентируют не только тексты, но и всю коммуникативную ситуацию. Так, КДА обычно направлен па изучение того, как характеристики контекста (такие, как особенности носителей языка из властных групп) влияют на способы определения представителями властных групп коммуникативной ситуации в «особых контекстных моделях» (Martín Rojo and van Dijk, 1997).

КДА ориентирован также на изучение того, как *дискурсивные структуры* влияют на ментальные репрезентации. На *глобальном* уровне дискурса темы могут влиять на то, что люди считают более значимой информацией, а значит соответствовать высшим уровням их ментальных моделей. Например, выражение такой темы в заголовке новостей может радикально влйять на то, как событие определяется в терминах «особой» ментальной модели (например, преступление, совершенное представителями этнических меньшинств, обычно тематизируется и выносится в заголовки в прессе: Duin et al., 1988; van Dijk, 1991). Равным образом, аргументация может быть убеждающей вследствие общественного мнения, «скрытого» в его имплицитных формах, а значит воспринимаемого реципиентами как само собой разумеющегося: например, иммиграция может быть ограничена, если в ходе парламентских дебатов предполагается, что все беженцы являются «нелегальными» (см. Wodak and van Dijk, 2000). По аналогии, на *локальном уровне* для того чтобы понять значения и логику дискурса людям требуются модели, содержащие убеждения, остающиеся имплицитными (подразумеваемыми) в дискурсе. Так, типичной чертой манипуляции является имплицитная трансляция убеждений, то есть без какого-то бы ни было их обоснования, а значит с меньшим риском того сопротивления им.

Эти примеры показывают, как различные типы структур дискурса могут влиять на формирование и изменение ментальных моделей и социальных репрезентаций. Если доминирующие группы и особенно их элиты широко контролируют публичный дискурс и его структуры, то они также обладают бóльшим контролем над сознанием аудитории в целом. Тем

не менее, такой контроль имеет границы. Процессы понимания, формирования и изменения убеждений настолько сложны, что никто не может предугадать, какие характеристики того или иного дискурса повлияют на сознание определенных реципиентов.

Эти замечания позволили нам создать общую картину того, как дискурс используется в процессах доминирования (злоупотребления властью), а также производстве и воспроизводстве социального неравенства. Целью КДА является детальное изучение этих отношений. В следующем разделе мы рассмотрим некоторые исследовательские области КДА, в которых могут быть изучены эти отношения.

3. Критическое дискурс-аналитическое исследование

Несмотря на то, что большая часть дискурсивных исследований, имеющих дело с какими-либо аспектами дискурса, доминирования и социального неравенства, не всегда проводились под «вывеской» КДА, мы все же рассмотрим некоторые из таких исследовательских проектов.

✓ **Гендерное неравенство**

Гендер является одним из широких объектов критического исследования дискурса и языка, который, тем не менее, до последнего времени не изучался в перспективе КДА. Во многих *отношениях* феминистские исследования стали парадигмальными для дискурс-анализа, особенно в силу того, что значительная часть этих исследований социальному неравенству и доминированию. Мы не станем здесь делать их обзор. Более подробно об этих исследованиях можно посмотреть в работах Kendall и Tannen, в других разделах этой книги, а также в работах под авторством и редакцией, например, Cameron (1990, 1992); Kotthoff and Wodak (1997); Seidel (1988); Thorne et al. (1983); Wodak (1997); о сравнении с подходом, акцентуирующим культурные, а не властные различия и неравенство, см., например, Tannen (1994b); а также см. работу Tannen (1994) об анализе гендерных различий на рабочем месте, в которой анализируются многие характеристики дискурсивного доминирования.

✓ **Медиа-дискурс**

Неоспоримая власть масс-медиа являлась и является привлекательным объектом критического изучения во многих дисциплинах — лингвистике, семиотике, прагматике и дискурсивных исследованиях. Традиционные, часто — контент-аналитические подходы в критических медиа-исследованиях выявили предвзятые, стереотипические, сексистские или расистские образы в текстах, иллюстрациях и фото.

Ранние исследования языка СМИ также фокусировались на легко наблюдаемых поверхностных структурах, таких как предвзятое или двусмысленное использование слов при описании Нас и Их (а также Наших/Их действий и особенностей), особенно в контексте социально-политических ходов в репрезентациях в коммунистической прессе. Критический тон был задан серией исследований «плохих новостей», проведенных Группой Медиа-исследований Университета Глазго (1976, 1980, 1982, 1985, 1993) и посвященных особенностям телесообщений, таких как освещение различных проблем (например, промышленные споры (забастовки), фолклендская война, освещение СПИДа в СМИ).

Возможно, наиболее известными за пределами теории дискурса являются исследования СМИ, проведенные Стюартом Холлом и его коллегами в рамках парадигмы «культурных исследований» (см., например, Hall et al., 1980; об основах критического анализа в культурных исследованиях см. Agger, 1992a; см. также Collins et al., 1986; о ранних критических подходах к анализу медиа-образов см. Davis and Walton, 1983; о последнем КДА-подходе к изучению СМИ, связанном с критическим анализом в культурных исследованиях, см. Fairclough 1995b).

Ранние работы Роджера Фаулера и его коллег (Fowler et al., 1979) также направлены на изучение СМИ. Как и в случае с многими другими английскими и австралийскими исследованиями в рамках этой парадигмы, теоретические положения функционально-системной грамматики Холлидея легли в основу изучения «переходности» синтаксических паттернов предложения. Главная идея этого подхода заключается в следующем: события и действия могут быть описаны с помощью синтаксических вариантов, зависящих от характера участия акторов (например, их деятельности, ответственности или целей). Так, в анализе медиа-сообщений о «беспорядках» во время фестиваля этнических меньшинств ответственность властей и особенно полиции за насилие систематически де-акцентируется за счет смещения фокуса внимания, например, с помощью конструкций со страдательным залогом и номинализаций, — то есть сохраняя имплицитный характер деятельности и ответственности. В более поздних критических исследованиях медиа Фаулер продолжил эту традицию, но при этом он отдал должное британским культурным исследованиям, в парадигме которых принято описывать новости не как отражение реальности, а как продукт, созданный политическими, экономическими и культурными силами (Fowler, 1991). В большинстве своих работ по критическому анализу медиа он обращает внимание на лингвистические «инструменты» такого критического исследования, такие как анализ переходности в синтаксисе, лексической структуре, модальности и речевых актах. Я также в своих работах (van Dijk, 1988b) применяю

ного изображения Другого продолжается, что частично объясняет «живучесть» доминирующих паттернов репрезентации в современных дискурсах, СМИ и кино (Shohat and Stam, 1994).

Позже дискурсивные исследования вышли за рамки традиционного контент-аналитического исследования «образов» Другого, и обращаются к более глубокому анализу лингвистических, семиотических и прочих дискурсивных характеристик устных и письменных текстов о меньшинствах, иммигрантах и Других людях. Помимо масс-медиа, рекламы, фильмов и учебников, которые были и остаются наиболее изученными жанрами, новые исследования обращают внимание также на политический дискурс, научный дискурс, повседневные разговоры, диалоги в сфере общественного обслуживания, ток-шоу и многие другие жанры дискурса.

В результате многих исследований этнического и расового неравенства была выявлена удивительная схожесть стереотипов, предрассудков и других форм вербального оскорбления в различных типах дискурса, различных СМИ и различных странах. Например, в ходе большой исследовательской программы, которую реализовывал Университет Амстердама с 1980 года, мы изучали, как в разговорах, повседневных историях, новостях, учебниках, парламентских дебатах, корпоративном дискурсе и научных текстах репрезентированы суринамцы, турки и марокканцы, а также этнические отношения в целом (van Dijk, 1984a, 1987a, 1987b, 1991, 1993a). Помимо стереотипных тем, касающихся культурных различий, девиации и угроз, мы изучали структуры историй, особенности разговоров (такие, как паузы и продолжения при упоминании в речи Других), семантические ходы, например, отрицания («Мы не имеем ничего против черных, но...»), лексические описания Других и прочие характеристики дискурса. Целью этого проекта было показать, как дискурс выражает и воспроизводит базовые социальные репрезентации Других в социальном и политическом контекстах. Ter Wal (1997) применяет эту концептуальную схему в подробном исследовании того, как постепенно менялся итальянский политический и медиа-дискурс от антирасистских убеждений и сочувствующей репрезентации '*extracommunitari*' (неевропейцев) к более стереотипному и негативному изображению иммигрантов в контексте преступности, девиации и угрозы.

Главная идея нашей работы заключалась в том, что расизм (включая антисемитизм, ксенофобию и аналогичные формы антипатии по отношению к «расово» и этнически маркированным Другим) — это сложная система социального и политического неравенства, воспроизводимая как с помощью дискурса в целом, так и дискурса элитарных групп — в частности.

Мы не будем подробно анализировать сложную систему связей между дискурсом и расизмом, а просто порекомендуем ознакомиться с книгой

которая может послужить прототипом современного консервативного элитарного дискурса о «расе» — «Конец расизма» Динеша Д'Суза (*The End of Racism* Dinesh D'Souza (1995)). Этот текст содержит в себе многие доминирующие идеологии США, особенно правого толка, и главным образом, она направлена на одну миноритарную группу в США — афроамериканцев. Формат нашей работы не позволяет представить подробный анализ этой 700-страничной книги (однако см. van Dijk, 1998a). Мы представим лишь общую картину того, как с помощью КДА можно выявить различные виды дискурсивных структур, стратегий и ходов, использованных в книге Д'Суза *Конец расизма* и в реализации власти доминирующих (белых, западных, мужских) групп, и как осуществляется манипуляция читателем с целью формирования или подтверждения социальных репрезентаций, составляющих часть консервативной идеологии превосходства.

Общая стратегия книги Д'Суза состоит в комбинированном применении, на всех уровнях текста, положительной репрезентации ин-группы и негативной репрезентации аут-группы. В этой книге главными риторическими средствами являются гиперболы и метафоры, то есть преувеличенная репрезентация социальных проблем в терминах болезни («патологии», «вирус») и акцент на контрасте между цивилизованными людьми и варварами. В семантическом и лексическом планах другие ассоциируются не просто с отличиями, но, скорее, с девиацией («нелегитимностью») и угрозой (насилие, агрессия). Аргументативные утверждения об ущербности черной культуры комбинируются с отрицанием негативных характеристик белой культуры (расизма), риторическим их преуменьшением и эвфемизацией ее преступлений (колониализм, рабство), а также с семантическим смещением объекта обвинения (обвинение жертвы). Таким образом, социальный конфликт когнитивно репрезентирован и усилен с помощью поляризации, дискурсивно закреплен и воспроизведен с помощью принижения, демонизации и исключения Других из Нашего сообщества Цивилизованных.

4. От группового доминирования к профессиональной и институциональной власти

В этом разделе мы осуществили обзор литературы по критическому анализу роли дискурса в (вос)производстве неравенства. Эти работы представляют собой типичные примеры преследования КДА целей изучения злоупотребления властью и доминирования определенными социальными группами (6). Многие другие исследования, независисмо от «принадлежности» к КДА, направлены также на критическое изу-

чение различных жанров институционального и профессионального дискурса, например, текстов и бесед в зале суда (Danet, 1984; O'Barr et al., 1978; Bradac et al., 1981; Lakoff, 1990; Ng and Bradac, 1993; Lakoff, 1990; Wodak, 1984a; Pardo, 1996; Shuy, 1992; Wodak, 1984a), бюрократического дискурса (Burton and Carlen, 1979; Radtke, 1981), медицинского дискурса (Davis, 1988; Fisher, 1995; Fisher and Todd, 1986; Mishler, 1984; West, 1984; Wodak, 1996), образовательного и научного дискурса (Aronowitz, 1988; Apple, 1979; Bourdieu, 1984, 1989; Bernstein, 1975, 1990; Bourdieu et al., 1994; Giroux, 1981; Willis, 1977; Atkinson et al., 1995; Coulthard, 1994; Duszak, 1997; Fisher and Todd, 1986; Mercer, 1995; Wodak, 1996; Bergvall and Remlinger, 1996; Ferree and Hall, 1996; Jaworski, 1983; Leimdorfer, 1992; Osler, 1994; Said, 1979; Smith, 1991; van Dijk, 1987, 1993a), корпоративного дискурса (Mumby, 1988; Boden, 1994a; Drew and Heritage, 1992; Ehlich, 1995; Mumby, 1988, 1993; Mumby and Clair, 1997), а также многих других *жанров*. Во всех этих случаях власть и доминирование ассоциируются с определенными социальными областями (политика, масс-медиа, право, образование, наука и т. д.), их профессиональными элитами и институтами, а также правилами и повседневными практиками, образующими основу повседневного дискурсивного воспроизводства власти в этих областях и институтах. Жертвами или мишенями подобного рода дискурсов обычно является аудитория или граждане в целом, «массы», клиенты, субъекты, студенты и прочие группы, зависящие от институциональной и организационной власти.

5. Заключение

В этой главе мы продемонстрировали, что критический дискурс-анализ направлен на изучение отношений между дискурсом и властью. Мы предложили рабочую теоретическую схему анализа дискурса и власти и показали различные способы, которыми власть и доминирование могут воспроизводиться в дискурсе. Но все же остались некоторые методологические и теоретические лакуны. Во-первых, когнитивная граница между структурами дискурса и структурами локального и глобального контекста редко эксплицитно объясняется и появляется обычно в связи с использованием понятий «знание» и «идеология» (van Dijk, 1998). Так, несмотря на большое количество эмпирических исследований дискурса и власти, до сих пор на повестке дня остаются многие детали междисциплинарной *теории* КДА, которые позволили бы связать дискурс и действие с познанием и обществом. Во-вторых, все еще существует разрыв между более лингвистически ориентированными исследованиями дискурса и различными социальными подходами. Первые часто игнорируют

социологические и политологические концепции и теории злоупотребления властью и неравенства, в то время как вторые редко интересуются детальным дискурс-анализом. Интеграция различных подходов является, таким образом, очень важна для того чтобы выработать устраивающую всех форму междисциплинарного КДА.

6. Примечания

Я признателен Рут Водак за ее замечания относительно более ранней версии этой главы, а также Лауре Пардо за дополнительную информацию о КДА в Латинской Америке.

1. В этом случае нет ничего удивительного в том, что КДА, пытаясь теоретизировать эти и другие фундаментальные понятия, часто обращается к теориям ведущих социальных философов и представителей социальных наук. Так, обращение к ведущим представителям франкфуртской школы и современным трудам Хабермаса (например, касающихся легитимации и его последнего «дискурсного» подхода к нормам и демократии) является, конечно, распространенным явлением в критических исследованиях. Также, многие представители критического анализа ссылаются на работы Фуко, имея дело с такими понятиями, как «власть», «доминирование», «дисциплина» или более философским понятием «порядок дискурса». В последнее время в сфере изучения языка, культуры и общества становятся очень влиятельными исследования, выполненные в духе Бурдье и в частности, его понятие «габитус». В несколько иной социологической перспективе часто используется теория структурации Гидденса. Однако необходимо понимать, что несмотря на то, что некоторые из этих социальных философов и социологов ввели в широкое употребление понятия языка и дискурса, они редко занимались эксплицитным, систематичным дискурс-анализом. В действительности же критическим дискурс-аналитикам не следует некритично принимать философские и социологические концепции языка и дискурса, которые очевидным образом не соотносятся с достижениями современной лингвистики и дискурс-анализа. Работы, которые упоминаются здесь, как правило, имеют дело с фундаментальными концептами социального порядка, а значит вполне могут быть использованы для построения метатеории КДА.
2. Из-за требований формата книги, мы не будем обсуждать третью проблему — как подчиненные группы дискурсивно сопротивляются управлению со стороны властных групп.

3. Отметим, что «управление сознанием» — это просто удобное выражение, обобщающее очень сложный процесс. Когнитивная психология и теории массовой коммуникации показали, что влияние на сознание — это не настолько прямой и однозначный процесс, как может показаться с упрощенной точки зрения (Britton and Graesser, 1996, Glasser and Salmon, 1995; Klapper, 1960; van Dijk and Kintsch, 1983) Реципиенты отличаются друг от друга в своих интерпретациях и использованиях дискурса, равно как отличаются и функции класса, гендера и культуры (Liebes and Katz, 1990). Более того, реципиенты редко пассивно воспринимают скрытые мнения в том или ином дискурсе. Тем не менее, мы не должны забывать, что большая часть наших убеждений и представлений о мире получены посредством дискурса
4. С целью анализа сложных процессов, участвующих в дискурсивном управлении сознанием людей нам следовало бы пояснить суть некоторых ментальных репрезентаций и когнитивных операций, которые являются предметом изучения в когнитивных науках. Но поскольку даже их общий обзор превышает границы объема этой главы, мы поясним лишь некоторые понятия, необходимые для понимания процессов дискурсивного управления сознанием (подробнее см., например, Graesser and Bower, 1990; van Dijk and Kintsch, 1983; van Oostendorp and Zwaan, 1994; Weaver et al., 1995).
5. Отметим, что эта картина является очень общей и схематичной. Отношения между социальной властью групп и институтов, с одной стороны, и дискурсом, с другой, а также между дискурсом и познанием, познанием и обществом, являются в действительности более сложными. Существует много противоречий. Не всегда ясно, кто является группой (а также классом или институтом), доминирующей над другими группами, управляющей всеми публичными дискурсами и с помощью дискурса управляющей сознанием подчиненных групп. Существует большое количество форм сговора, консенсуса, легитимации и даже «совместного производства» форм неравенства. Члены доминирующих групп могут стать диссидентами и примкнуть к подчиненным группам, и наоборот. Дискурс оппонентов может быть принят доминирующей группой либо с целью его стратегической нейтрализации, либо просто потому что доминирующие группы и их идеологии меняются, как это произошло с экологическим дискурсом и идеологией.
6. К сожалению, изучение дискурсивного воспроизводства класса, скорее, игнорировалось в рамках этой перспективы; однако о схожем подходе см. Willis (1977).

Дискурс и расизм

1. Введение

Для большинства людей, включая, возможно многих читателей этой книги, понятие «расизм» не ассоциируется с понятием «дискурс». Наиболее очевидными ассоциациями будут «дискриминация», «предрассудки», «рабство», «апартеид» и многие другие концепты, связанные с этническим или «расовым» доминированием или неравенством, о чем мы говорим в некоторых других разделах книги.

И все же, несмотря на то, что дискурс можно трактовать как просто «слова» (а значит, он не может покалечить нас, как это могут сделать камни или палки), тексты и речь играют ключевую роль в воспроизводстве современного расизма.

Это касается, главным образом, наиболее опасных форм современного расизма, в частности, элитарного расизма. Политические, бюрократические, корпоративные, медийные, образовательные и научные элиты контролируют наиболее важные аспекты и решения повседневной жизни иммигрантов и этнических меньшинств, таким как въезд в страну, жительство, работа, жилье, образование, материальное благополучие, знания, информация и культура. Этот контроль осуществляется преимущественно с помощью устных или письменных высказываний, например: во время заседания кабинета министров и парламентских дебатов, в ходе бесед при приеме на работу, в новостных сообщениях, в рекламе, во время уроков, в учебниках, научных статьях, фильмах и ток-шоу, а также многих других формах элитарного дискурса.

Это означает, что дискурс может быть формой вербальной дискриминации, что справедливо и для других социальных практик, направленных против меньшинств. Таким образом, дискурс элит может конституировать основные элитарные формы расизма; равным образом, (вос)производство этнических предрассудков, лежащих в основе таких вербальных и социальных практик, осуществляется посредством *текстов, речи и коммуникации* в целом.

Итак, в современных информационных обществах дискурс лежит в основе расизма. В этой главе мы покажем, как и почему это происходит.

2. Расизм

Для более подробного понимания того, как дискурс может способствовать расизму, нам необходимо обобщить нашу теорию расизма. Поскольку расизм часто сводится к расистской идеологии, то он может трактоваться как сложная социетальная система этнически или «расово» основанного доминирования и неравенства как его результата (подробнее см. van Dijk, 1993a).

Система расизма состоит из социальной и когнитивной субсистемы. Социальная субсистема конституирована социальными практиками дискриминации на локальном (микро) уровне и отношениями злоупотребления власти со стороны доминирующей группы, организаций и институтов на глобальном (макро) уровне анализа (большинство классических исследований расизма фокусируются именно на этом уровне анализа; см., например, Dovidio and Gaertner, 1986; Essed, 1991; Katz and Taylor, 1988; Wellman, 1993; Omi and Winant, 1994).

Как мы уже говорили ранее, дискурс может являться мощным видом дискриминационной практики. В свою очередь, символические элиты, то есть, те, которые буквально могут «сказать» в обществе все, а также их институты и организации, являются примером групп, которые отличает злоупотребление властью и доминирование.

Второй субсистемой расизма является когнитивная система. Дискриминационные практики членов доминирующих групп и институтов формируют очевидные и ощутимые манифестации повседневного расизма, а значит, они имеют ментальную основу, состоящую из оценочных моделей этнических событий и отношений, которые, в свою очередь, укоренены в расистских предрассудках и идеологиях (van Dijk, 1984a, 1987a, 1998). Это не означает, что дискриминационные практики всегда интенциональны, а только лишь то, что они предполагают социально разделяемые и негативно ориентированные ментальные «Наши» репрезентации о «Них». Большинство психологических исследований «предрассудков» учитывают именно этот аспект расизма, впрочем, редко в терминах их роли в *социальной* системе расизма. В психологической перспективе предрассудки в основном изучаются как характеристика индивидов (Brown, 1995; Dovidio and Gaertner, 1986; Sniderman et al., 1993; Zanna and Olson, 1994).

Дискурс играет также ключевую роль в когнитивном измерении расизма. Этнические предрассудки и идеологии не являются врожденными

и не возникают спонтанно в этническом взаимодействии. Их приобретают и им обучаются, а это обычно происходит в процессе коммуникации, то есть посредством текста и речи. И наоборот, расистские ментальные репрезентации обычно выражаются, формулируются, отстаиваются и легитимируются в дискурсе и могут таким образом быть воспроизведены и распространены в доминирующей группе. Расизму «усваивается» в обществе преимущественно таким образом.

3. Дискурс

Определение ✓

Не имея представления о природе расизма, мы не можем понять, как дискурс участвует в его повседневном воспроизводстве. То же относится и к знанию о дискурсе. Это понятие стало настолько популярным, что оно во многом потеряло свою специфику. В этой работе под «дискурсом» мы понимаем только специфичное коммуникативное событие в общем и письменную или устную форму взаимодействия или использования языка в частности. Иногда понятие «дискурс» используется в родовом смысле, обозначая тип дискурса, совокупность дискурсов или класс дискурсивных жанров, например, когда мы говорим о «медицинском дискурсе», «политическом дискурсе» или же «расистском дискурсе» (об основах современного дискурс-анализа см. соответствующие разделы в van Dijk, 1997a.)

Мы не интерпретируем дискурс как философию, идеологию, социальное движение или социальную систему, несмотря на то, что это понятие часто понимается в таком ключе, как, например, в выражениях «дискурс либерализма» или «дискурс современности», если только мы не обращаемся к совокупности устных и письменных текстов.

В более широком, «семиотическом» смысле к дискурсам могут относиться невербальные выражения, такие как рисунки, картины, жесты, мимика и т. д. Тем не менее, для краткости, мы не будем упоминать о них здесь, хотя следует признать, что расистские сообщения могут содержаться и в фотографиях, фильмах, жестах пренебрежения и других невербальных актах.

Структурный анализ ✓

Дискурсы включают в себя различные структуры, которые могут быть различным образом проанализированы в зависимости от общего подхода (лингвистического, прагматического, семиотического, риторического, интеракционального и т. д.) или от типа анализируемого жанра, например, беседы, новостных сообщений, поэтического произведения или рекламы. В нашем анализе мы исходим из того, что и письменные/устные тексты, и устные разговоры могут быть проанализированы на различных уровнях и в различных аспектах. Все они могут

прямо или косвенно использоваться в практиках дискриминации представителей миноритарных групп или в предвзятом дискурсе о них, как, например, в следующих случаях:

- *Невербальные структуры*: расистские изображения; жесты пренебрежения; размер заголовка или макет страницы, акцентирующие негативные смыслы, касающиеся «Них»;
- *Звуки*: высокомерная интонация; (слишком) громкий голос;
- *Синтаксис*: (де-)акцентуация ответственности за действия, например, с помощью действительного или страдательного залога;
- *Лексика*: выбор слов, которые могут нести более или мене негативный оттенок, обозначая Их, или позитивный — обозначая (например, «террорист» *vs.* «борец за независимость»);
- *Локальные значения (на уровне предложений)*: например, использование неясных и непрямых высказываний о Нашем расизме, и детальных и точных — об Их преступлениях или негативном поведении;
- *Глобальные значения (на уровне тем)*: выбор или акцентирование положительных тем (например, помощь или толерантность) при описании Нас и негативных (например, преступность, девиации, насилие) — при описании Их;
- *Схемы (конвенциональные формы глобальной организации дискурса)*: наличие или отсутствие стандартных категорий схем, таких как развязка в нарративной схеме или вывод в аргументативной схеме, которые используются для акцентирования Наших Хороших и Их Плохих качеств;
- *Риторические средства*: метафора, метонимия, гипербола, эвфемизмы, ирония и т. д., которые применяются для привлечения внимания на положительной/отрицательной информации о Нас/Них;
- *Речевые акты*: например, обвинения, используемые для принижения Их статуса или оправдания для легитимации дискриминации с Нашей стороны;
- *Взаимодействие*: прерывание реплик Других; закрытие собрания, прежде чем Другие могли бы высказаться; выражение несогласия с Другими; игнорирование Их вопросов и многие другие формы прямой интеракциональной дискриминации.

И хотя этот краткий список не является ни слишком детальным, ни слишком глубоким, перечисление уровней и некоторых структур дискурса дает общее впечатление о том, как могут быть связаны дискурс и его различные структуры с некоторыми аспектами расизма. Отметим также, что приведенные выше примеры демонстрируют своего рода групповую

поляризацию, характерную для базовых предрассудков, в частности, общую тенденцию к ин-групповому фаворитизму или положительной самопрезентации и аут-групповому принижению или негативной презентации других.

Иными словами, с помощью различных трудно уловимых структур значений, формы и действий расистский дискурс обычно подчеркивает Наши положительные и Их плохие качества, а также де-акцентуирует (приуменьшает, скрывает) Наши плохие и Их хорошие стороны. Эта общая четырехмерная идеологическая схема не только используется при расистском доминировании, но и в целом при поляризации «свои — чужие» («ин-группа — аут-группа») в социальных практиках, дискурсе и мышлении.

4. Когнитивная связка

Адекватная теория расизма не является редуктивной в том смысле, что она не сводит расизм исключительно к идеологии или просто «видимым» формам дискриминационных практик. То же можно сказать и о способах использования дискурса в расизме. Речь, в основном, здесь идет о «смыслах» дискурса, а значит, об убеждении, то есть — о познании. Дискурсы не просто являются формами взаимодействия или социальных практик, они также выражают и транслируют смыслы, а значит, могут влиять на наши убеждения об иммигрантах и этнических меньшинствах.

Целью анализа дискурсивных структур является не только подробное изучение особенностей какого-либо типа дискриминационной социальной практики, но, главным образом, глубокое понимание способов, которыми дискурс выражает наше сознание и влияет на него. Именно связка «дискурс — познание» преимущественно объясняет, как в обществе выражаются, транслируются, распространяются и воспроизводятся этнические предрассудки и идеологии. Например, в ментальных моделях, которые мы формируем о расистском событии, с помощью страдательного залога может скрываться ответственное лицо; специальный тип метафоры (например, «нашествие беженцев») может усилить негативное мнение, сложившееся о Других; а такой эвфемизм, как «народное негодование» может смягчать негативный образ себя, которому, скорее, соответствует понятие «расизм». Этим и многими другими способами структуры дискурса, о которых мы говорили выше, могут влиять на определенные ментальные модели этнических событий или наиболее общие социальные репрезентации (установки, идеологии), сложившиеся у нас о самих себе и о Других. А поскольку ментальные репрезентации являются объектом

влияния со стороны расистского дискурса, то они могут быть использованы в различных расистских практиках. И здесь замыкается круг расизма и его воспроизводства.

5. Социальный контекст: элиты

Исследования показывают, что дискурсивное воспроизводство расизма в обществе распределяется неравномерно среди представителей доминантных мажоритарных групп. Помимо анализа структур и когнитивных оснований дискурса, важным является изучение некоторых характеристик социального контекста дискурса, например, участников устной и письменной коммуникации. Еще раз повторим, что элиты играют особую роль в процессе такого воспроизводства (подробнее см. van Dijk, 1993a), причем не потому, что элиты, обычно, являются более расистски настроенными, чем не-элиты, а потому, что они обладают особым доступом к наиболее влиятельным формам публичного дискурса (и контролем над ними), в частности, к дискурсам масс-медиа, политики, образования, науки и бюрократии. Таким образом, мы понимаем элитарность групп не в контексте материальных ресурсов как основе власти, не в контексте социетальных руководящих позиций, а, скорее, в контексте символических ресурсов, определяющих символический «капитал» и, в частности, особый доступ к публичному дискурсу. Элиты, интерпретированные таким образом, буквально являются социальными группами, которые просто могут «многое высказать», а значит, они обладают также особым «доступом к сознанию» аудитории в целом. Будучи идеологическими лидерами общества, они – как отдельные представители, так и значимые фигуры доминирующих институтов общества – устанавливают общие ценности, цели и приоритеты; они формулируют практические принципы и консенсус.

Это относится также и к реализации «этнической» власти, в которой доминирующая мажоритарная группа нуждается в консультациях по поводу ее взаимоотношений с миноритарными группами и иммигрантами. Проведя анализ роли «символических» элит в современном обществе, мы можем заключить, что они играют особую роль также и в воспроизводстве системы расизма, поддерживающей власть доминирующей белой группы. Из этого следует, что анализ элитарного дискурса предполагает особую точку зрения на способы воспроизводства расизма в обществе.

Тем не менее, существует необходимость в дальнейших социологических и политологических более детальных исследованиях того, как символические элиты связаны с населением в целом, включая инкорпорирование и перевод народного недовольства или негодования в формы

доминирующего расистского дискурса, который им представляется наиболее подходящим для поддержки собственной власти и собственного статуса. Например, критика (политических) элит в распространении безработицы и «язв города» может быть высроена ими на основе обвинения иммигрантов в этих проблемах.

Более экстремистские формы народного расизма, независимо от того, организован они в форме политических партий или нет, могут быть публично отрицаемы с целью сохранения чьей-либо нерасистской репутации и продвижения более «умеренных» форм расизма в мейнстримовых партиях. Неудивительно, что расистские партии представляют собой «полезных идиотов», и их деятельность редко запрещается, будучи оправданной отсылкой к демократическим ценностям.

В ходе анализа элитарных дискурсов в современном обществе мы можем легко выявить особенности социальных и политических процессов. Конечно, этот особый взгляд на роль элит в воспроизводстве расизма, основанный на простом аргументе, что они управляют публичным дискурсом, объясняет также роль небольших элитарных групп в распространении недоминирующих форм антирасизма. Поскольку в основном ответственность несут лидеры и они должны служить примером для остальных, это утверждение предполагает также, что антирасистская политика и изменения должны касаться не столько населения в целом, сколько тех, кто заявляет, что такая политика не нужна — то есть элитарных групп. Если большая часть влиятельных форм расизма располагается на самом верху, то и начинать нужно оттуда.

6. Роль контекста

Современный дискурс-анализ подчеркивает фундаментальную роль контекста для понимания устных и письменных текстов в обществе. Как мы покажем неоднократно далее, доминирующие дискурсы реализуют свое влияние всегда с учетом контекста. Определяя дискурс как коммуникативное событие, мы должны также принимать во внимание большие социальные области, в которых он реализуется (политика, СМИ, образование); глобальные социальные действия, выполняемые им (правотворчество, образование); локальные действия, которые он актуализирует; текущие параметры времени, места и обстоятельств; вовлеченных участников, а также их социальные и коммуникативные роли и членство в (этнических) группах; и не в последнюю очередь — убеждения и цели участников. Эти и другие характеристики социальной ситуации коммуникативного события, очевидно, влияют на все свойства устных

и письменных текстов, особенно, на те свойства, которые могут изменяться, например, их стиль, то есть то, как сообщается об объектах. Это значит, что одни и те же предрассудки могут быть выражаться разными способами в зависимости от этих и прочих структур контекста, например, в правительственном дискурсе или парламентских дебатах, качественной прессе или бульварных газетах, в дискурсе левых или правых и т. д. Иными словами, широкий спектр расистских дискурсов в обществе не только отражает различные базовые социальные репрезентации, но также и адаптируется к различным контекстам производства: кто говорит что, где, когда, с какими целями. Теория контекста частично объясняет также, почему, несмотря на доминирующий этнический консенсус, дискурсы о меньшинствах все же различаются.

7. Беседа

После теоретического вступления, посвященного способам участия дискурса в воспроизводстве расизма, перейдем к некоторым примерам различных жанров, о роли которых в расизме мы уже упомянули.

Жанр — это тип дискурсивной социальной практики, обычно определяемый конкретными дискурсивными и контекстными структурами. Например, парламентские дебаты — это дискурсивный жанр, определяемый особым стилем, особыми нормами вербального взаимодействия (устная коммуникация) в особых контекстуальных границах времени и контролируемой сменой выступающих; реализуемый в области политики, в институте парламента, как часть более общей деятельности по законотворчеству, с участием членов парламента, представителей избирателей, а также членов политических партий, преследующих цель защиты или критики законопроектов, использующих формальные стили обращения и аргументативные стратегии, поддерживающие определенную политическую точку зрения... и в то же время, это достаточно краткое определение этого жанра, которое обычно требует как контекстных, так и текстовых спецификаций.

Повседневная беседа — это тоже жанр, вероятно, наиболее распространенный и самый элементарный жанр взаимодействия между людьми, для которого обычно характерно отсутствие различных институциональных ограничений, которые были упомянуты при описании парламентских дебатов. В действительности, почти все люди имеют доступ к беседам, в то время как только члены парламента имеют доступ к парламентским дебатам. Большую часть знаний о мире мы получаем из повседневных бесед с членами семьи, друзьями и коллегами. Это касается также и этнических предрассудков и идеологии.

Исследование бесед, в которых участвуют белые, проведенное в Нидерландах и Калифорнии и посвященное иммигрантам (van Dijk, 1984a, 1987a), выявило ряд интересных особенностей. Спонтанно отвечая на случайные вопросы о своих соседях, многие собеседники часто начинают негативно говорить об «этих иностранцах» (см. также исследования расистских бесед: Jager, 1992; Wetherell and Potter, 1992; Wodak et al., 1990).

Поскольку в повседневных беседах обсуждаются другие люди, а в ходе разговора может произойти все, что угодно, темы, касающиеся меньшинств и иммигрантов, часто ограничены небольшим количеством разновидностей тем, в частности, крайне негативными темами различий, девиации и угрозы. Так, этнические аут-группы обсуждаются, главным образом, в контексте их внешних и поведенческих отличий от нас — от наших привычек, языка, религии, ценностей. Такие беседы могут быть нейтральными в том смысле, что эти отличия необязательно оцениваются негативно, они могут обсуждаться и во вполне «позитивном» ключе как отличия интересные, экзотичные и обогащающие культуру. И все же отличные характеристики чаще негативно оцениваются, если их начинают сравнивать с характеристиками ин-группы. Более того, о Других могут говорить еще более негативно в терминах девиации, то есть нарушения наших норм и ценностей: в Европе это традиционно негативные замечания в адрес ислама или способов обращения арабов с женщинами. Наконец, иммигранты или меньшинства становятся предметом еще более негативных разговоров в терминах угрозы, например, в рассказах об агрессии или преступлениях, а также в тех случаях, когда их изображают претендующими на наши рабочие места, жилища, пространство и (особенно в дискурсе элит) угрожающими «нашей» доминирующей культуре.

Поскольку темы представляют собой смыслы, характеризующие беседы целиком или большие их фрагменты, более локальный семантический анализ повседневных разговоров о меньшинствах и иммигрантах позволяет обнаружить ряд других интересных особенностей. Одна из хорошо известных особенностей — *отрицания*, то есть семантические шаги, положительная часть которых посвящена Нам, а негативная — Им, например:

- *мнимое отрицание*: Мы не имеем ничего против черных, но...
- *мнимая уступка*: Некоторые из них умны, но в целом...
- *мнимое сочувствие*: У беженцев, конечно, есть проблемы, но...
- *мнимое незнание*: Я не знаю, но...
- *мнимое извинение*: Извините, но...
- *инверсия* (*обвинение жертвы*): Не они, а мы являемся настоящими жертвами...
- *перенос*: Я не возражаю, но мои клиенты...

Мы видим, что эти локальные шаги на уровне одного предложения воспроизводят общие (глобальные) стратегии положительной самопрезентации (ин-групповой фаворитизм) и негативной презентации других (*принижение* аут-группы). Отметим, что некоторые отрицания обозначаются здесь как «мнимые», поскольку их первая, положительная часть выполняет функцию сохранения репутации и управления впечатлением, а остальной фрагмент высказывания фокусируется на негативных характеристиках Других, противореча первой, «положительной» части.

Мы можем рассмотреть и некоторые другие аспекты повседневного разговора о меньшинствах. Так, было выявлено, что в *нарративных структурах* повседневных негативных историй об иммигрантах часто отсутствует развязка. Это можно трактовать как структурное средство, усиливающее негативные аспекты проблемной составляющей истории: рассказы, в которых нет (положительного) разрешения проблемы или конфликтов, менее эффективны в качестве историй о неприятностях Других.

Истории выполняют также функции посылок, представляющих достоверные «факты» личного опыта в *аргументациях*, приводящих к негативным суждениям о меньшинствах. Вряд ли нужно подчеркивать, что такие аргументации изобилуют ложными доводами. Так, негативные высказывания о Других традиционно подтверждаются отсылкой к авторитету, проявляющемуся в том, что люди «видели это по телевидению». Как предрассудки являются стереотипными негативными социальными репрезентациями, так и аргументы могут быть стереотипными и конвенциональными. Так, беженцы обычно описываются как «финансовое бремя» для Нашего общества, о которых должны заботиться «в их собственной стране», которых нужно отговаривать от прибытия в Нашу страну, потому что они будут здесь «страдать от народного недовольства», или убеждать остаться в своей стране, чтобы «создать там нормальные условия жизни».

И наконец, даже на поверхностных уровнях разговора, например, на уровне обмена репликами, темпа разговора и т. д., мы можем наблюдать, что белые коммуниканты при назывании или обозначении этнических меньшинств испытывают неуверенность и неловкость, что проявляется, например, в хезитациях, паузах и повторах.

Как мы уже подчеркивали выше, эти и другие характеристики дискурса о Других имеют интеракционально-социальные, а также когнитивные условия, функции и последствия. Так, принижение аут-группы является само по себе социальной, дискриминационной практикой, но в то же время его дискурсивные манифестации выражают базовые предрассудки, а также могут содействовать формированию или поддержанию таких предрассудков среди реципиентов.

8. Новостные сообщения

Повседневные беседы – это естественный локус повседневного бытового расизма. Поскольку обычные люди не осуществляют активный контроль над публичным элитарным дискурсом, им часто ничего не остается «сказать» или «сделать» против Других, как негативно высказываться в Их адрес или о Них. Этнические стереотипы и предрассудки, как и слухи, могут, конечно же, достаточно быстро распространяться таким образом.

Тем не менее, повторим, что большая часть повседневных разговоров о меньшинствах инспирирована СМИ. Коммуниканты постоянно обращаются к телевидению или газетам как к (авторитетному) источнику знаний или мнений об этнических меньшинствах. Это относится, в первую очередь, к тем темам, которые мы не можем непосредственно наблюдать в повседневном взаимодействии даже в этнически смешанных странах или городах. Иммиграция – это неизменный пример того, как граждане зависят от масс-медиа, которые, в свою очередь, зависят от политиков, чиновников, полиции и государственных органов. Очевидно, что в городах, регионах и странах с меньшим числом меньшинств все убеждения о Других приходят из дискурса масс-медиа, литературы, учебников, результатов исследований и других форм элитарного дискурса. Другими словами, СМИ являются главным источником «этнических» знаний и мнений не только для обычных граждан, но и для самой элиты.

В этом смысле совсем не удивительно, что репрезентация меньшинств в масс-медиа, таких как телевидение, газеты, кино достаточно широко изучена (Dates and Barlow, 1990; Jäger and Link, 1993; Hartmann and Husband, 1974; van Dijk, 1991). Более ранние работы являются контент-аналитическими, то есть количественными исследованиями наблюдаемых свойств дискурса, таких как частота и характер упоминания представителей определенной этнической группы в новостях или рекламе. Эти исследования предлагают в некоторой степени широкий взгляд на проблему, но не отвечают на вопрос, *как* именно масс-медиа изображают меньшинства или этнические отношения. Глубинный дискурс-анализ позволяет провести такое исследование и, в целом, объяснить, почему медиа-дискурс имеет именно такие структуры и как они влияют на сознание реципиента. Только таким образом мы сможем понять фундаментальную роль СМИ в воспроизводстве расизма.

Если мы более пристально взглянем на жанр медиа, лежащий в основе большей части убеждений о меньшинствах, в частности, на новости, мы можем прийти к похожим выводам, которые мы сделали из рассмотрения бесед. Иными словами, мы рассматриваем каждый из указанных выше

уровней и ищем структуры и стратегии, представляющиеся типичными для медиа-репрезентации Других.

Так, новостные сообщения в прессе имеют конвенциональную схематичную структуру, состоящую из таких категорий, как краткое содержание (заголовок и лид), главные события, исходные данные (предыдущие события, контекст, история вопроса), комментарии, оценка. Так, мы можем обратить внимание на *заголовки* и определить, отличаются ли они при упоминании представителей меньшинств и представителей доминирующих групп. Следуя общей четырехмерной идеологической схеме, о которой говорилось ранее, мы можем, например, допустить, что заголовки новостных сообщений часто акцентируют негативные характеристики меньшинств. Многие исследования действительно это подтверждают. Так, в ходе одного исследовании, проведенного в Голландии, мы выявили, что из 1500 заголовков на этническую тематику ни одно не является положительным, если в них упоминаются представители этнических меньшинств как активные агенты, несущие ответственность, тогда как более нормальным считается, если семантическим агентом заголовка является один из Нас. Синтаксис заголовков также может быть тенденциозным в отношении ингруппы, когда, например, страдательный залог снижает их ответственность за негативные действия.

В заголовках содержится основная информация новостного сообщения, а значит, и его главная тема. Анализ общих особенностей этого дискурса подтверждает результаты изучения повседневных разговоров, которые, по всей видимости, продолжают линию масс-медиа в этом отношении (и наоборот, СМИ определенным образом тоже отражают убеждения на основе здравого смысла); в частности, мы можем утверждать, что в тематическом поле можно выделить *темы* различий, девиаций и угрозы. Если составить список наиболее важных тем «этнических» новостей в различных западных странах или в странах, где доминируют европейцы, то мы обнаружим такие стандартные темы, как:

- иммиграция и размещение прибывших;
- социально-экономические проблемы, безработица;
- культурные различия;
- преступность, насилие, наркотики, девиация;
- этнические отношения, дискриминация.

Иными словами, из всего возможного спектра тем мы вновь сталкиваемся с ограниченным, стереотипным набором, в котором категории обычно описываются в негативном ключе. Так, иммиграция всегда определяется как фундаментальная проблема, часто ассоциируемая как финансовое бремя, но не как вызов, и уж тем более она не интерпретируется

как благо для страны. Это относится и к остальным главным темам. Темы преступности и связанных с ней явлений, таких как наркотики, почти всегда по частотности находятся среди первых пяти мест репрезентаций меньшинств, когда речь идет о том, что воспринимается как «типичные» этнические преступления, такие как незаконный провоз и продажа наркотиков, но также и о том, что определяется как политический «терроризм» (например, материалы об арабах). Культурные различия обычно переоцениваются, а культурные подобия – игнорируются. Освещение элитарного расизма, что могло бы создать сбалансированный взгляд на «негативные» *аспекты общества*, редко встречаются в прессе. Вместо этого мы читаем о народном недовольстве иммиграцией, об индивидуальных случаях дискриминации или об экстремистских расистских партиях. Иными словами, дискриминация и расизм, если обсуждаются вовсе в элитарном дискурсе, всегда *где-то там*.

Поскольку темы – это, бесспорно, самый важный, а также самый запоминающийся аспект новостей, они указывают на то, что́ сообщают СМИ об этнических проблемах, но не как они это делают. И хотя мы не достаточно подробно обсуждаем локальные аспекты смысла, стиля и риторики новостных сообщений о «расовых» проблемах, есть несколько достаточно интересных моментов.

Мы уже упоминали, что в заголовках агент, несущий ответственность, может быть усилен или скрыт с помощью действительного или страдательного залогов. В то же время, сокрытие агента может достигаться с помощью номинализаций и порядка слов в предложении. И снова, (в основном неинтенциональной) стратегией, управляющей такими локальными структурами, является комбинирование положительной самопрезентации с негативной презентацией других. Так, мы можем обнаружить упоминания о «недовольстве» или «дискриминации» в стране, но далеко не всегда уточняется, кто испытывает недовольство по отношению к *кому* и кто дискриминирует *кого*, как если бы дискриминация или расизм были естественными феноменами, а не практиками членов доминирующей группы.

Помимо этих аспектов дискурсивных формальных признаков (синтаксиса), многие базовые убеждения, репрезентирующие ментальные модели этнических событий или, в целом, разделяемые социальные репрезентации этнических групп и отношений, инкорпорированы в богатую систему *смыслов*. Следуя уже известной четырехмерной идеологической схеме, мы можем предположить и действительно обнаружить, что на первый план выдвигается положительная информация о Нас или негативная информация о Них. С семантической точки зрения это означает,

что такая информация обычно бывает: скорее эксплицитной, чем имплицитной; скорее точной, чем неопределенной; скорее специфичной, чем общей; скорее выраженной, чем подразумеваемой; скорее детальной, чем абстрактной. Так, материалы о нашей нетерпимости, бытовом расизме и дискриминационных практиках редко будут содержать детали, в отличие от материалов об их преступлениях, насилии и девиации.

Учитывая сказанное выше о когнитивной связке, мы полагаем, что такие смысловые структуры являются способом выражения базовых ментальных репрезентаций, которые определенным образом изображают этнические события и этнические группы. Это могут быть частные, индивидуальные ментальные модели, содержащие персональное мнение, но могут быть и широко распространенные стереотипы, предрассудки и идеологии. Чем менее осознанными они являются (как часто и бывает со скрытыми формами расизма), тем в большей степени консенсус будет связан с доминирующей этнической идеологией. Бесспорно, подробный анализ новостей об этнических событиях представляет собой богатый источник информации для изучения современного социального познания.

Впрочем, стоит заметить, что то, что люди говорят и подразумевают в дискурсе, представляет собой не только выражение их этнических убеждений, но также и выражение контекста, например, пространственно-временных условий, жанра, участников коммуникации, аудитории и т. д. Так, новости об этнических событиях в качественных изданиях и бульварной прессе отличаются именно по причине разного контекста, даже если базовые ментальные модели этнических событий были бы абсолютно одинаковыми в сознании журналистов. Контекстуальные отличия особенно проявляются в различных формальных структурах стиля (макет, синтаксис, лексикализация, риторические средства).

У новостных сообщений есть также такое важное измерение как интертекстуальность. Создание новостей основано на привлечении большого числа текстовых источников, таких как другие новостные сообщения, пресс-конференции, интервью, научные исследования и т. д. Интертекстуальность в новостных сообщениях проявляется в виде различных форм цитирования и прочих ссылок на другие дискурсы. Так, совершенно не удивительно, что газеты воспринимают (белые) элитарные информационные источники (например, правительство, ученых, полицию) как более надежные и значимые, чем информационные источники, представленные миноритарными группами. Группы же меньшинства имеют незначительный прямой доступ к СМИ. Если их цитируют, то их высказывания всегда сопровождают замечания представителей мажоритарных

групп. Утверждения о дискриминации и расизме часто искусственно переводятся в разряд сомнительных заявлений.

Поскольку эти и другие аспекты новостных сообщений о «расовых» событиях ясно выражают и воспроизводят доминирующие этнические предрассудки и идеологии, а значит, в значительной степени влияют на расизм, мы должны подчеркнуть, что проблематизация и маргинализация в отношении меньшинств имеют место не только в новостях, но и в редакциях. Ведущие репортеры чаще всего — белые европейцы, особенно в Западной Европе. Не удивительно, что все это приводит к такой тематике, выбору источников и мнениям, которые соотносились бы с их собственной точкой зрения или убеждениями представителей их группы, и в меньшей степени — с точками зрения миноритарной группы. К настоящему времени миноритарные журналисты имели меньший доступ к СМИ, особенно в области руководящих должностей. Как мы увидели, элиты, особенно в Европе, почти всегда являются белыми, и они управляют содержанием, формами, стилем и целями новостных сообщений и процесса их создания. И ничего удивительного в том, что СМИ, и особенно правые бульварные издания, представляют собой, скорее, часть проблемы расизма, чем часть ее решения.

9. Учебники

Образовательный дискурс является, пожалуй, самым влиятельным после медиадискурса, особенно когда он осуществляет обмен убеждениями, которые обычно не транслируются ни с помощью повседневных разговоров, ни с помощью СМИ. Дети, подростки и молодые люди ежедневно проводят много часов за уроками и учебниками — единственными книгами, обязательными к чтению в нашей культуре. Это означает, что не существует института и дискурса, сравнимого по своей массовости с институтом и дискурсом школы.

К сожалению, это относится и к урокам о Них — об иммигрантах, беженцах, меньшинствах и жителях «третьего мира» — и образовательные дискурсы часто очень стереотипны и иногда полны предрассудков. Но к счастью, в нашем обществе нет иных сфер или институтов, где у альтернативных дискурсов было бы больше возможностей для развития, чем в образовании.

Проводилось большое количество исследований, посвященных изображению меньшинств и «третьего мира» в учебниках. Даже в ходе простого контент-анализа неоднократно было выявлено, что это изображение,

по крайней мере до недавнего времени, обычно было предвзятым, стереотипным, европоцентричным, а в более ранних учебниках — даже откровенно расистским (Blondin, 1990; Klein, 1985; Preiswerk, 1980; van Dijk, 1993a).

Как мы уже говорили, в современных учебниках многое изменилось. Тогда как раньше — по крайней мере, до конца 1980-х годов — о меньшинствах либо не упоминали в учебниках, либо представляли их в маргинальном ключе, несмотря на их постоянное присутствие в стране и даже в классах, авторы современных учебников по социальным наукам и другим предметам, наконец, обнаружили для себя, что существуют меньшинства, о которых тоже необходимо писать. И если раньше информация о Нас, которая могла быть негативной (например, колониализм), обычно игнорировалась или приуменьшалась, теперь очевидны тенденции и стремления рассказать детям и о менее славных сторонах «нашей» истории и «нашего» общества.

Но впрочем, эти тенденции пока не стали правилом. Многие современные учебники во многих западных странах остаются преимущественно *европоцентричными*: не только экономика или технологии, но и наши взгляды, ценности, общества и политика изображаются как однозначно превосходящие остальные. Они продолжают воспроизводить стереотипы о меньшинствах и других неевропейских народах. К странам «третьего мира» часто относятся однобоко, несмотря на огромные различия. Как и в случае с прессой, Другие однозначно ассоциируются с проблемами, которые должны разрешить, тем не менее, Мы. Все это в равной степени относится и к меньшинствам, проживающим в европейских странах — их описывают в контексте культурных различий и девиации и редко — в контексте их повседневной жизни, работы и вклада в культуру и экономику. Наконец, задания в учебниках слишком часто формулируются без учета детей-представителей меньшинств в классе, а если они и не игнорируются, то в учебниках просто говорится о Них, но к ним не обращаются как к части Нас.

Эти и многие другие характерные черты учебников вряд ли идеально способствуют принятию этнических убеждений, которые помогли бы детям адекватно адаптироваться к современным, все более мультикультурным и разнообразным обществам Западной Европы, Северной Америки и всех других частей мира, где европейцы доминируют над неевропейцами. Как и в случае с масс-медиа и взрослыми людьми, учебники и основанные на них уроки формируют дискурсивный котел для повседневного воспроизводства предвзятых этнических убеждений и зачастую дискриминационных практик, связанных с ними. Мы показали, что расизму обучаются, и что он не является естественным или врожденным. И этот процесс обучения начинается в школе.

10. Политический дискурс: парламентские дебаты

Наконец, среди влиятельных символических элит общества, то есть, тех, кто обладает особым доступом к публичному дискурсу и контролирует его, мы должны выделить политиков. Ведущие политики, пожалуй, уже до СМИ имеют предварительно сформулированную трактовку этнической ситуации. Государственные институты, такие как служба иммиграции и полиция, а также обслуживающие их чиновничьи структуры, часто являются первыми, кто вступает в общение с иммигрантами и кто начинает говорить о них. Этот дискурс очень быстро становится официальным как в отношении смыслов/содержания, так и в отношении стиля и обычно копируется СМИ, освещающими работу этих служб и институций, распространяя таким образом доминирующую трактовку этнической ситуации среди населения в целом. В зависимости от политической партии и политического контекста эти дискурсы могут быть стереотипными, предвзятыми или даже расистскими, или же занимать диссидентскую, антирасистскую позицию, основанную на правах человека, мультикультурализме и разнообразии (см., например, Hargreaves and Leaman, 1995; Hurwitz and Peffley, 1998; Solomos, 1993).

Политический дискурс о Других — меньшинствах в стране или неевропейцах в странах «третьего мира» и колониях — исторически был одним из наиболее явных расистских форм элитарного дискурса (Lauren, 1988). По крайней мере, до Второй Мировой войны ведущие политики открыто унижали людей азиатского и африканского происхождения и заявляли о своем белом, западном превосходстве. Но вследствие холокоста и Второй Мировой войны, а также дискредитации расистских идей нацистов послевоенный политический дискурс становился все менее явно правого толка и более антирасистским, левого толка. Впрочем, эти изменения не стоит трактовать как устойчивый прогресс, поскольку в 1990-х годах проблематизация и стигматизация дискурса о беженцах и иммигрантах вновь стала открытой, даже в дискурсе мейнстримовых партий.

Анализ парламентских дебатов о меньшинствах, иммиграции, беженцах и этнических проблемах позволяет выявить много черт, характерных для тех типов элитарного дискурса, которые мы рассмотрели ранее (van Dijk, 1993a). Для этого дискурсивного жанра специфичными являются характеристики контекста: политическая сфера, институт парламента, законотворчество как социально-политическая деятельность, выполняющие различные роли участники (политики, члены партий, члены парламента, депутаты, представители оппозиции и т. д.), а также локальные действия, такие как защита или критика законопроекта, выступление с речью, критика правительства, атаки на оппонентов и т. д.

Парламентские дебаты об иммиграции и этнических проблемах в значительной степени организованы под влиянием этого контекстуального аспекта. Так, популистские стратегии коммуникации, в которой политики взывают к воле людей, например, сдерживать иммиграцию, является, безусловно, функцией позиции членов парламента, которым нужны голоса для того чтобы остаться в своем кресле или поддержать программу партии. Таким образом, позиции по этнической политике, которые занимают и отстаивают в парламенте, являются изначально не индивидуальными позициями, а выражением разделяемых политической партией убеждений. А выбираемые для обсуждения темы являются проявлением настоящего законотворчества, например, разработка законопроекта по иммиграции или по прибытию беженцев из Боснии или Косово.

Политический контекст определяет также и национализм, который просачивается в дебаты об иммиграции и меньшинствах. Как и в случае с отрицаниями в повседневных диалогах, парламентские речи могут начинаться с продолжительных фрагментов, посвященных положительной самопрезентации в форме националистического восхваления «долгих традиций толерантности» и «гостеприимства для всех преследуемых». Но, конечно же, «мы не можем разместить у себя всех», «у нас нет денег» и т. д. Это означает, что следующая часть дебатов будет достаточно негативной, и выступающие перейдут к характеристике Других или легитимации планируемых ограничений в отношении иммиграции. По крайней мере, так звучит доминирующий голос, но порой мы можем услышать более толерантные, антирасистские, диссидентские голоса, взывающие к правам человека и универсальным принципам.

С точки зрения структуры парламентские дебаты представляют собой организованно чередуемые выступления представителей правительства и оппозиции. Занимая соответствующую политическую позицию и роль, каждый выступающий говорит «по» определенной теме, как, например, о последних этнических событиях или законопроекте, и высказывается за или против ряда обсуждаемых вопросов, например, различных аспектов этнической и иммиграционной политики. Это значит, что в дебатах и выступлениях широко используется аргументация и риторические средства.

Помимо хорошо известной риторики национализма, популизма и прав человека, пожалуй, наиболее яркими элементами парламентских дебатов об иммиграции являются *аргументативные ходы*, например, те, которые используются для легитимации ограничений иммиграции. Многие из этих ходов стали уже стандартными аргументами или *общими местами*, ссылка на наше (то есть «белых») финансовое бремя, печальная отсылка к «недовольству» в стране, суждение о необходимости принимать беженцев в их собственной стране, необходимость прислушиваться

к воле народа и т. д. Такие аргументы насыщены *ошибками* разного рода. С помощью ссылки на авторитетный источник или авторитетное мнение, например, в лице ученых или церкви, достигается доверие, а не истина. С целью поддержки или оспаривания либеральных законопроектов об иммиграции специально отбираются воздействующие на эмоции либо примеры насилия со стороны иностранных режимов, либо примеры мошенничества иммигрантов, соответственно, но в каждом случае допускается ошибка генерализации, основанной на единичных фактах. И снова, общей стратегией отбора аргументативных ходов является позитивная самопрезентация и негативная презентация других. Другие в таких случаях — это необязательно иммигранты, но также и члены (оппозиционных) партий, защищающих их права или, наоборот, те, кто явно нарушает их права.

Парламентские дебаты публичны, поскольку в их ходе ведется запись, и официальны. Это означает, что и содержание, и стиль дебатов жестко контролируются, особенно в письменных текстах. В спонтанных дебатах меньше формальностей, но это сильно зависит от страны: во Франции дебаты могут быть очень ожесточенными, оратора могут прерывать и перебивать, используются различные риторические стили, тогда как в Нидерландах и Испании парламентские дебаты являются формальными и основанными на вежливости. Это относится также и к содержанию и стилям дебатов о меньшинствах и иммиграции.

Самоконтроль и публичность ограничивают эксплицитные формы оскорблений или применения явно предвзятой лексики. Это значит, что такой официальный дискурс, как парламентские дебаты редко выглядит расистским. Напротив, толерантность и понимание часто очень широко тематизированы. Но мы видим, что это может быть не более, чем просто ходом, отрицанием, которое вводит более негативные темы. Для того чтобы легитимировать ограничения иммиграции, выступающие должны подробно объяснить, почему иммигранты или иммиграция — это плохо для Нас, а такое общее утверждение может быть достигнуто только на основе общей стратегии, реализуемой на всех уровнях дискурса, — стратегии негативной презентации других. Так, в парламенте будут упоминать мошенничество, наркотики и преступления, совершаемые иммигрантами, а также культурные отличия, конфликты и разрушительное влияние на рынок труда.

11. Несколько слов в заключение

В целом, мы видим, что влиятельные публичные дискурсы, в частности, дискурсы элит и элитарных институтов, обладают большим количеством общих черт. Они не только отражают схожие базовые ментальные

модели и социальные репрезентации, разделяемые представителями элит, но и обладают схожими способами социального взаимодействия, коммуникации, убеждения и формирования общественного мнения. Различия, в основном, контекстуальны, то есть, связаны с целями, функциями или участниками дискурсов. Но при условии общих целей, в частности, управления общественным мнением, легитимации и принятия решений, в этих типах дискурса могут реализовываться одинаковые структуры и стратегии. Мы можем обнаружить в них стереотипные темы, конвенциональные общие места, отрицания, которые призваны сохранить лицо и управлять формированием впечатления; они проявляются в аргументативных ошибках, одинаковых выборах лексики при описании Их, или в использовании одних и тех же метафор, подчеркивающих Их (плохие) черты. Все эти разные структуры на различных уровнях и в различных жанрах элитарного дискурса направлены на реализацию общей стратегии положительной самопрезентации и негативной презентации других. Мы убедились, что эти структуры могут быть как следствием, так и средством конструирования схожих ментальных структур, таких как негативные установки и идеологии в отношении меньшинств и иммиграции. А поскольку среди элит, а также среди населения в целом подобная доминирующая групповая картина мира вновь приведет к аналогичным негативным дискурсам и социальным практикам, мы начинаем понимать, как дискурс, и особенно публичный элитарный дискурс, непосредственно участвует в воспроизводстве расизма.

Глава 6. Дискурс и отрицание расизма

Одна из сущностных черт современного расизма заключается в его отрицании. Обычно подобное отрицание характеризуется оговорками вроде «Вообще-то я не против черных, но...» и т. д. В настоящей главе рассматриваются дискурсивные стратегии, а также когнитивные и социальные функции вышеупомянутых и иных форм отрицания расизма в различных текстовых и речевых жанрах затрагивающих расовые и этнические вопросы.

Данное исследование проводилось в рамках междисциплинарной научной программы Амстердамского университета по исследованию воспроизводства расизма в дискурсе и коммуникации. В рамках данной программы было реализовано несколько проектов по изучению повседневного общения, учебников, новостей в прессе, парламентского дискурса и иных форм институциональной коммуникации. (Van Dijk 1984a, 1987a, 1987b, 1991).

В качестве основополагающей идеи, лежащей в основе данного исследования, мы рассматриваем идею инкорпорирования и воспроизводства расовых и этнических предрассудков доминирующим белым большинством в ходе повседневного общения и институциональной коммуникации. Именно дискурсы повседневного общения и институциональной коммуникации служат для выражения, передачи, легитимации, а также сокрытия или отрицания существования расизма и межэтнической ненависти. Мы полагаем, что систематический, тщательный анализ дискурса может послужить инструментом для реконструкции подобных социальных взаимоотношений между различными этническими группами.

В рамках данного исследования, мы также сделали предположение о том, что речь и тексты, затрагивающие положение национальных меньшинств, беженцев, иммигрантов, а также, в более широком смысле, людей другого цвета кожи, выходцев из стран третьего мира, выполняют социальные, политические и культурные функции. Функции данных дискурсов не ограничиваются позитивной саморепрезентацией и негативной

репрезентацией Других; они, кроме того, передают информацию о групповой принадлежности и лояльности воспроизводящего их субъекта, таким образом, создавая условия для поддержания белого доминирования в практически всех социальных, культурных и политических областях.

Теоретические принципы, в рамках которых действует настоящая программа, основаны на принципах комплексности и междисциплинарности реализуемых научных подходов. Во-первых, систематическое описание текста и речи требует наличия эсплицитной дискурсной теории. Во-вторых, соотнесение дискурсных структур с ментальными структурами (моделями, позициями, этническими идеологемами событий, групп, этнической организации общества и культуры) подразумевает формирование комплексной теоретической базы, основанной на принципах социальной и когнитивной психологии. В-третьих, исследование роли дискурса в воспроизводстве доминирования белого большинства должно охватывать более широкую научную перспективу и привлекать инструментарий социокультурных теорий расизма и этничности.

В первую очередь, подобный мультидисциплинарный подход к исследованию роли дискурса в социальном воспроизводстве расизма применяется в исследованиях на микроуровне повседневных ситуативных интеракций, дискурсов и социально-когнитивных структур субъектов — участников социальных групп. Во вторую очередь, исследование подразумевает перенос акцента исследования с «микроуровневых» идей расизма на уровень глобальных мезоструктур и макроструктур (социальных групп, формаций, институтов, наций и глобальных регионов). В то же время, исследование взаимосвязи между микроструктурами и макроструктурами расизма требует анализа взаимоотношений между познанием и действием; то есть, на микроуровне — анализа взаимоотношений между ментальными моделями субъектов — участников групп и их практиками, а на макроуровне — анализа взаимоотношений между позициями и идеологиями социальных групп с одной стороны и социальными структурами с другой стороны.

Другая важная гипотеза, которая формируется на ранней стадии исследования, касается вовлеченности политических, академических, корпоративных и медиаэлит в социальное воспроизводство расизма. Именно представители упомянутых социальных кругов контролируют и оказывают влияние на различные типы социальных дискурсов. Именно они наиболее заинтересованы в сохранении власти белого большинства, именно они обладают необходимым статусом, для того чтобы максимально убедительно для окружающих выражать свое мнение, в том числе и относительно этнических проблем. Несмотря на несомненную связь между

элитами и социальным воспроизводством расизма, анализ дискурса показывает, что во многих отношениях элиты задают вектор локальных этнических убеждений, наиболее негативные из которых зачастую приобретают весьма распространенный характер. Более того, многие так называемые «мягкие», «современные», «повседневные» и «новые» формы культурного расизма, рассматриваемые далее, были почерпнуты именно из дискурса социальных элит (см. подробнее van Dijk 1987b, 1993b). Несмотря на участие элиты в социальном воспроизводстве расистских дискурсов, вышеизложенные гипотезы не противоречат возможности наличия в элитной среде небольших оппозиционно настроенных групп, играющих важную роль в формировании антирасистских идеологий.

В рамках предлагаемого комплексного теоретического подхода, мы полагаем необходимым обратить внимание на такие элементы, как основные темы (топики) дискурсов, текстовые формы (например, аргументация или повествование), локальные семантические приемы (например, отрицание), стиль и риторические особенности повседневных разговоров.

Мы выдвинули предположение о том, что речь и тексты, затрагивающие проблемы этнических меньшинств, содержат элементы специфической двойственной стратегии белых элит, в рамках которой представители элитной группы осуществляют позитивную саморепрезентацию, одновременно негативно позиционируя представителей иных этнических групп. При этом очевидно, что законы функционирования публичных дискурсов предполагают, что уничижение одной социальной группы не должно происходить без одновременного возвеличивания другой, с присущими выражениями внутригрупповой лояльности и фаворитизма.

1. Отрицание расизма

Отрицание расизма представляет собой одну из стратегий позитивной внутригрупповой репрезентации. Законы, общественные нормы и моральные ценности запрещают людям выражать свои этнические предубеждения в резкой форме, а так же дискриминировать представителей иных этнических групп в речах и текстах. Подавляющее большинство представителей белой расы не только осознают, но и в известной степени разделяют справедливость подобных ограничений. (Billig, 1988). Как показывают наши исследования, даже самые вопиющие расистские дискурсы, как правило, имплицитно содержат призывы псевдо-антирасистского характера. Любопытно, что именно в радикальных расистских дискурсах мы находим наибольшее количество псевдо-антирасистских заявлений в форме опровержений и отрицаний расизма как социального явления.

Это свидетельствует о том, что субъекты, воспроизводящие дискурсы, направленные против меньшинств, вполне осознают, что их информация может быть воспринята, как нарушение общепринятых норм толерантности.

Отрицание расизма и подобные ему формы позитивной само-репрезентации могут быть рассмотрены одновременно и в *индивидуальном* и в *социальном* измерениях. Большинство представителей белых элит не только будут откровенно возмущены, если их назовут расистами, но и, что характерно, станут активно защищать социальные группы, представителями которых они являются (например, «Мы не расисты!», «В нашем обществе нет расизма!» и т. д.).

Индивидуальные формы отрицаний расизма характерны, прежде всего, для дискурсов повседневного общения, когда же речь идет о групповом отрицании расизма, то такие формы харктерны для общественных – политических, медиа, образовательных, корпоративных и других институциональных дискурсов. Поскольку общественные дискурсы обладают потенциально самой большой аудиторией, то содержащиеся в них формы отрицания являются наиболее влиятельными и, соответственно, обладают наибольшим деструктивным потенциалом. Социальная форма отрицания расизма является мощным орудием для формирования идеологического единства в среде доминирующего белого большинства. Мало кто из представителей белых элит способен оказать сопротивление манипулятивному потенциалу внутригрупповых идеологий. Еще меньшее количество людей способно оказать открытое сопротивление расизму и ксенофобии.

Стратегии «сохранения лица» или, иначе говоря, позитивные самопрезентации, представляют собой известный феномен, рассматриваемый социальной психологией, социологией и коммуникативистикой. По сути своей, позитивная саморепрезентация является составной частью более общей стратегии управления впечатлением собеседника. (Brewer 1988, Brown and Lewinson 1987, Goffman 1959, Schlenker, 1980, Tadeschi, 1981). В ходе разговора люди стараются вести себя и говорить таким образом, чтобы их собеседники формировали о них максимально позитивное впечатление, либо, по крайней мере, не формировали впечатления негативного (Arkin, 1981). С когнитивной точки зрения, впечатления представляют собой формы индивидуальных репрезентаций, ментальных схем, формирующих системы категорий оценки собеседников. Как правило, оценка собеседника ведется одновременно в нескольких когнитивных плоскостях и соотносится с когнитивными моделями социальных ценностей, нормами и критериями. Возникающие на основе такой оценки суждения могут иметь локальный, ситуативный характер, а так же относится к перманентным «контекстно-независимым» личностным характеристикам индивида

Следовательно, можно сделать вывод о том, что, стараясь произвести хорошее впечатление на собеседника, люди уделяют большее внимание не ситуативным впечатлениям, возникающим у собеседников, а перманентным личностным характеристикам, которыми их могут наделить окружающие в результате оценки. Ярлык расиста представляет собой именно такую перманентную личностную характеристику, которая может закрепляться за индивидом и оказывать крайне негативное воздействие на его социальный имидж. В результате, когда мы сталкиваемся *с утверждениями о том, что говорящий «не имеет ничего против черных»*, подобные утверждения направлены, главным образом, на формирование устойчивого социального имиджа, а не на опровержение расистских суждений, которые в данный момент времени высказываются говорящим относительно определенных субъектов, событий или действий.

Цель опровергающих заявлений — блокировать возможные выводы аудитории в отношении говорящего в данной ситуации. В конце концов, гораздо легче оправдать специфический случай расистского высказывания в отношении представителя какого-либо меньшинства, нежели скрыть расистскую сущность дискурсов, формирующих стойкие предубеждения в отношении целых социальных групп. В последнем случае аудитория может *принять отрицательное мнение, высказанное относительно какой-либо* специфической черты отдельной социальной группы (например, о том, что беженцы нелегально проникают в страну, или о том черные не стремятся получить нормальное образование или работу и т. д.). Как правило, в этом случае суждение бывает обосновано некоторыми примерами негативного поведения критикуемой социальной группы. В результате, не удивительно, что, несмотря на то, что рассматриваемые суждения носят отчетливо расистский характер, общество в целом продолжает активно отрицать расизм, как распространенный социальный феномен.

Далее в настоящей работе мы рассмотрим как в подобных ситуациях обвинения приобретают зачастую реверсивный характер: представители этнических меньшинств и *антирасисты сами подвергаются обвинениям* в расизме против белого большинства. При этом представители белых элит могут критиковать их за преувеличения или же за излишнюю чувствительность, нетерпимость и, как об этом любят писать британские право-радикальные газеты, «видении расизма там, где его нет» (van Dijk, 1991). В этом случае обвинения в расизме могут восприниматься как большее нарушение социальных норм, нежели фактические проявления расизма, отчасти потому, что такие обвинения нарушают внутригрупповую солидарность и гармоничные внутригрупповые отношения. В этом случае все участники коммуникации ощущают нарушение «положительной атмосферы» внутригруппового взаимодействия. Более того, подра-

зумевается, что подобные обвинения препятствуют свободе слова и возлагают табу на «правдивую», «честную» оценку этнической ситуации в обществе. Иными словами, отрицания расизма зачастую превращаются в контробвинения в воинствующем антирасизме.

2. Формы отрицаний

Итак, отрицания расизма могут приобретать различные формы, каждая из которых, имеет, в свою очередь, определенную когнитивную, эмоциональную, социальную, политическую и культурную функцию. Отрицания могут быть ситуативными и общими, личностными и групповыми. Хотя в большинстве случаев говорящие о других социальных группах выражают мнение группы, к которой принадлежат сами, иногда личные мнения могут не совпадать с внутригрупповыми. Те, кто отрицает свою принадлежность к расистам, как правило, имплицитно утверждают, что их поведение соответствует нормам официального большинства, и что они, таким образом, являются порядочными гражданами. Индивидуальные отрицания расизма зачастую имплицитно экстраполируются на всю социальную группу, к которой принадлежит говорящий.

С другой стороны, случается, что говорящие отрицают расистские убеждения и практики, одновременно признавая, что большая или меньшая часть их социальной группы далеко не всегда придерживается столь толерантных мнений. Подобные комбинированные отрицания-признания встречаются, однако, довольно редко, поскольку критика собственной группы, рассматривается, как правило, как элемент стратегии антирасистов (Taguieff, 1988). В свою очередь отрицания индивидуальной принадлежности субъекта к дискурсу расизма, зачастую является индикатором принадлежности к расистски настроенным социальным группам. При этом, индивидуальное отрицание расизма может служить стратегическим ходом, основанном на сопоставлении себя с окружающими: соседями, клиентами и т. д. В этом случае оно приобретает трансферентный характер: «Я лично ничего против них не имею, но моим клиентам не нравится, когда персонал состоит из черных».

Акт отрицания, таким образом, может приобретать различные виды. Обычно отрицания являются частью стратегии защиты, которая предполагает наличие имплицитных или эксплицитных обвинений. В этом случае люди, как правило, отрицают причастность к расизму и шовинизму к нарушению законов и социальных норм, к наличию отрицательных личностных черт, усмотренных собеседником. С другой стороны, отрицания могут носить упреждающий характер, как это бывает в ситуациях, связан-

ных с позитивной саморепрезентацией: в этих случаях, отрицания могут быть направлены на предполагаемую будущую реакцию собеседника.

Теоретически, действие рассматривается как комбинация познания и активности. В определенной ситуации, субъект может признать свою роль в социальных событиях, имеющих негативный оттенок. При этом, признавая участие в определенного рода активности, субъект может отрицать наличие у него расистских мотивов, утверждая, что «он имел в виду совершенно другое». В данной ситуации ключевым условием ответственности за негативные действия является наличие негативных интенций. Хорошие намерения всегда рассматриваются как следствие позитивных социальных и когнитивных установок, что в свою очередь является доказательством благонадежности и социальной адекватности субъекта.

Подобное разделение между характером намерения и действием является важным элементом системы правосудия — именно таким образом в судебной системе разделяется, например, преднамеренное и непреднамеренное убийство. Доказательство преднамеренности, и в особенности спланированности преступления, служит, по меньшей мере, отягощающим фактором при вынесении судебного решения. Напротив, различного рода случайности, непреднамеренные действия, а равно и действия совершенные состоянии аффекта либо под воздействием ситуативных факторов, имеют смягчающую силу при вынесении приговора. Изучая повседневное общение, мы видим, как подобные закономерности действуют и в бытовых коммуникативных ситуациях.

Характерно, что отрицание негативных намерений представляет собой, по сути, очень эффективную стратегию, поскольку у обвинителя в этом случае практически нет возможности доказать обратное. С этой проблемой постоянно сталкивается и судебная система, поскольку зачастую нет никакой возможности доказать, что преступные действия расистского характера не были результатом каких-либо вполне положительных намерений. К примеру, газеты могут систематически публиковать колонки о преступлениях, совершаемых в среде национальных меньшинств, одновременно защищая свою позицию, и утверждая, что публикуют «правду». Таким образом, они одновременно отрицают как наличие расовых предрассудков, так и участие в распространении расовых предрассудков и межнациональной вражды в обществе, что является одним из классических примеров медиарасизма (Dijk, 1991).

С другой стороны, несмотря на то, что преднамеренные преступления считаются более тяжкими, предполагается, что субъекты должны нести ответственность за собственные действия и намерения. Это, в частности, может означать, что субъект должен нести ответственность за возможные последствия своих действий, даже если наступление подобных

последствий не являлось частью его изначальных намерений. Следовательно, если возможно доказать, что субъект имел представление о возможных негативных последствиях своего действия, он обязан понести за них по крайней мере частичную ответственность, особенно в случаях, когда подобные негативные последствия не наступили бы без его участия. К примеру, политик, который в интервью критикует злоупотребления социальными пособиями в среде национальных меньшинств, прекрасно сознает, что его заявления приобретут огласку, и что они наверняка послужат основанием для формирования расовых предрассудков среди представителей медиа аудитории. При этом такой политик наверняка будет отрицать наличие расистских дискриминационных намерений, утверждая, что он или она «просто хотела рассказать всю правду о сложившейся ситуации».

Таким образом, мы имеем следующие виды отрицаний:

1. Отрицание действия («я вообще этого не говорил/делал»).
2. Отрицание возможности контроля над ситуацией («я не специально говорил/делал это»).
3. Отрицание намерения («я не то имел в виду/вы неправильно меня поняли»).
4. Отрицание цели («я говорил/делал это не для того чтобы...»).

В последнем случае, отрицается также и ответственность: «если это и повлекло за собой негативные последствия, то совсем не по моей вине». Как мы уже упоминали, подобная ситуация характерна в среде СМИ, которые упорно отрицают свою ответственность за те действия, которые могут совершаться аудиторией под воздействием какой-либо информации. С точки зрения теории, права и морали, крайне трудной представляется задача измерения и оценки подобных форм отрицаний. В большинстве случаев, от субъекта потребуется систематическое совершение определенного рода действий в различных ситуациях, а также наличие высказываний об определенных намерениях, планах и целях, для того чтобы фактически доказать наличие у него таких негативных намерений планов и целей. Не удивительно, что и в ходе судебных слушаний по делам о дискриминации, намерения зачастую оцениваются как нерелевантные, а суд рассматривает лишь прямые или даже косвенные (статистические) последствия действий субъекта.

Иную форму отрицаний представляет собой класс действий, характеризуемых как стратегии смягчения значения. К таковым относятся смягчение, преуменьшение или использование эвфемизмов при описании каких-либо отрицательных действий: «я не угрожал ему, а всего лишь дал

дружеский совет», «я не оскорблял ее, а лишь сказал ей всю правду». Стратегии смягчения приобретают особую роль в социальных ситуациях, в которых различного рода нормы имеют особую силу. В результате, мы можем прийти к заключению, что чем более сильны в обществе нормы, запрещающие дискриминацию и расизм, тем более активно расистами используются различного рода отрицания и смягчения.

Даже само понятие «расизм» может стать своего рода табу в обвинительном, критическом контексте, по причине сильных негативных коннотаций с ним связанных. В тех редких случаях, когда это понятие используется в медиадискурсе, оно, как правило, подается в формах, позволяющих автору дистанцироваться от содержания текста: в виде цитат или вместе с различного рода маркерами дистанцированности и непричастности. Подобная форма позволяет читателю сделать косвенное заключение о непреднамеренности обвинения или же его несерьезности или сомнительности (например, когда подобные обвинения высказываются самими представителями национальных меньшинств или антирасистами). В тех же случаях, когда отрицать расизм невозможно, медиадискурс описывает события в терминах «дискриминации», «предрассудков», «стереотипов», «предвзятости», «расистских мотивов», всячески избегая таких терминов как «расизм» и «расисты». Обычно понятия «расизм» и «расисты» закрепляются в европейском и американском общественных дискурсах за праворадикальными экстремистскими группами и партиями, которые не в ходят в группу социального консенсуса. Кроме того, данные термины могут быть использованы для описаний расизма за рубежом, или расизма, как исторического прошлого — например при режиме апартеида в ЮАР или в периоды рабства, реконструкции и сегрегации в США. Поскольку термин «расизм» характеризует общее состояние общества, системы расового неравенства, сегрегации и насилия в западных социумах, использовать его предпочитают, в основном, сами представители национальных меньшинств и антирасисты. Иными словами, использование эвфемизмов направлено на отрицание расизма как внутри отдельных социальных групп, так и в обществе в целом. Подобным же образом эвфемизмы работают и в академическом дискурсе, описывающем межэтнические взаимоотношения (Essed, 1987).

Любопытно, что отчасти подобное отрицание расизма происходит, потому что расизм до сих пор понимается в классическом смысле как идеология, воплощаемая в представлениях о людях иной расы и цвета кожи, как о неразвитых, реализуемая посредством официальных институциональных практик, как это было, например, при апартеиде (Miles, 1989). Значительно реже в рамки данной классификации попадают современные формы расизма — тонкие, опосредованные формы построения

этнического и расового неравенства, основанные на формировании представлений о культурной несопоставимости и тотальных культурных различиях. Последние, как правило, определяются в современных дискурсах как «ксенофобия», и зачастую характеризуются как вполне легитимная культурная самозащита (Baker, 1981, Dovidio and Gaertner, 1986).

Помимо отрицаний, существует еще несколько видов социально-когнитивных стратегий, связанных с воспроизводством расизма в дискурсе. Одной из них является *оправдание* — мы рассмотрели его выше на примере с газетой, оправдывающей свое повышенное внимание к преступлениям, совершенным представителями национальных меньшинств, стремлением к правде и к реализации права своих читателей на знание о «настоящем положении дел». Подобным же образом в ходе повседневного общения люди могут оправдывать негативные действия или дискурсы направленные на представителей национальных меньшинств, рассматривая эти действия и дискурсы в контексте доказанной виновности субъекта, который, несомненно, заслуживал подобного к себе отношения. Иными словами, в этом случае отрицается не само действие, а лишь его негативность, при этом косвенно подразумевается, что действие само по себе было оправдано (более подробно об этом см.: Antaki, 1988; Scott and Lyman, 1968; Tedeschi and Reiss, 1981).

Подобным же образом работает *извинение*: признание совершения негативных действий происходит одновременно с формированием корпуса извинительной аргументации (Cody and Mc Laughlin, 1988). В этом случае, по крайней мере, часть вины может быть переложена на чрезвычайные обстоятельства или действия других людей. Владельцы клубов, например, могут признавать дискриминацию в отношении черных, перед которыми они закрывают двери, одновременно утверждая, что делают это выборочно, лишь по отношению к определенным представителям черного меньшинства. Подобное зачастую встречается в политических дебатах на тему эмиграции: «мы ограничиваем въезд иммигрантов и беженцев, стремясь избежать нарастания напряжения между представителями различных этнических групп бедных кварталах». Подобная аргументация может служить оправданием, а не извинением, поскольку отказ иммигрантам во въезде в страну будет рассматриваться не как отрицательный поступок, а как осуществление конституционной привилегии государства.

Более сильными стратегиями извинения являются *провокация* и *обвинение жертвы*. Так, например, полицейские могут полагать оправданной жестокость по отношению к молодым представителям черного меньшинства, ссылаясь на стереотипное представление о том, что во многих городах Европы и США именно они принимают активное участие

в бандитизме, наркоторговле и других криминальных деяниях. Правительства в странах Европы и США зачастую оправдывают крутые меры против представителей меньшинств, утверждая, что меньшинства сами вынуждают их на подобные меры своей культурной девиантностью, отсутствием стремления к интеграции, к изучению государственных языков, отсутствием желания найти нормальную работу и т. п. Безработица, неустроенность, отсутствие образования, ужасные жилищные условия и зависимость от государственных пособий становятся, таким образом, негативными характеристиками присущими их жертвам. Характерно, что подобные стратегии обвинения всегда имплицитно содержат дискурс отрицания собственных политических ошибок и провалов.

Наконец, самая сильная форма отрицания это *инверсия*: «Мы не виноваты в том что случилось – это их собственная вина!» или «Настоящие расисты – это не мы, а они!» Инверсия традиционно входит в политический инвентарь праворадикальных группировок, впрочем, порой ее используют и другие, более умеренные анти-антирасисты (Murray, 1986). Современные британские таблоиды наполнены обвинениями в адрес антирасистов, которые на страницах газет позиционируются как истинные расисты, которые, кроме того, суют нос не в свое дело. Подобным же образом Французский Национальный Фронт обычно обвиняет противников ограничения иммиграции для переселенцев находящихся за пределами Европы в «антифранцузском» расизме. Еще чаще антирасистов позиционируют как нетерпимых радикалов, готовых с легкой руки обвинять напропалую добропорядочных граждан в расизме. Как мы видим, в подобных случаях реверсии являются уже не стратегиями защиты, а скорее стратегиями контратаки.

3. Социокультурные и политические функции отрицаний

Несмотря на то, что отрицание расизма, главным образом, реализуется на микроуровне социальной организации (в повседневном и межличностном общении), его функции, несомненно, выходят за пределы этого уровня. Как мы убедились, людям свойственно отрицать, смягчать или оправдывать отрицательные действия в отношении меньшинств, при этом, одновременно подчеркивая соблюдение норм и законов, а также соответствие идеалам разумных добропорядочных граждан. Иными словами, даже в ситуациях межсубъектного общения моральное измерение отрицания расизма имеет социальную основу. Нет смысла отрицать неправомерность расизма с точки зрения морали и права, если это только

не твоя собственная группа, но и все общество в целом готово признать то же самое, как это было, например, в ситуации с режимом апартеида в ЮАР или с периодом реконструкции и сегрегации в американской истории. Несомненно, что в обществе, где социальные элиты открыто проповедуют расизм и этноцентрические идеологии, было бы крайне сложно обнаружить отрицание расизма в дискурсе, не говоря уже об извинительной риторике относительно актов расизма и расистских дискурсов.

Тем не менее, в современном европейском и американском обществах, где дискриминация и расизм официально запрещены, а социальные нормы не допускают открытого выражения межгрупповой вражды, отрицание приобретает все более заметную роль в дискурсе этнических взаимоотношений. Мы предположили, что подобная ситуация характерна не только для межличностного уровня: социальные группы, организации и целые социальные институты на мезо-и макро уровне также могут воспроизводить стратегии отрицания расизма. В этом случае отрицания зачастую приобретают форму общепринятых мнений, становятся своего рода консенсусом в отношении этнической ситуации в обществе. Поскольку дискриминация и расизм запрещенны законом и общественной моралью, во многих западных социумах бытует мнение о том, что эти явления надежно искоренены из современного общества. Когда же возникают случаи дискриминации или предвзятости подобные случаи рассматриваются как случайность, как девиация, как нечто, что следует рассматривать и наказывать на сугубо индивидуальном, субъектном уровне. По сути институциональный, систематический расизм, таким образом, попросту отрицается.

Феномены позитивной саморепрезентации и поддержания социального имиджа не могут рассматриваться изолированно па уровне субъектов, их анализ в значительной степени характеризует состояние общественных дискурсов, организаций и институтов. Так, американские университеты традиционно заявляют о «равенстве для кандидатов на университетские должности» не только потому, что таковы условия трудового законодательства, но также и потому, что таким образом воспроизводится дискурс позитивного социального имиджа университета. Организации не более чем отдельные субъекты стремятся к тому, чтобы прослыть расистами среди своих сотрудников, клиентов или более широкого окружения. Более того, в современном мире этническая и расовая терпимость и компенсационная дискриминация воспринимаются как символы социального прогресса и могут ассоциироваться с уровнем качества товаров и услуг производимых организацией. Данный эффект буквально достигается тогда, когда организации берут к себе на работу талантливых представителей этнических меньшинств, делающих значительный вклад в повыше

ние качества товаров и услуг и одновременно привлекающих клиентуру из своей среды. Соблюдение личностных интересов в этом случае может полностью совпадать с общесоциальными идеологическими установками.

К сожалению, так бывает далеко не всегда. Чаще социальные установки вступают в конфликт с интересами предприятий и организаций в более существенных ситуациях компенсационной дискриминации, как это бывает, например, с квотами. В этом случае в противовес социальной политике выставляются иные общепринятые ценности — свобода предпринимательства, конкурентоспособность предприятия и т. д. Отказ следовать политике квотирования рабочих мест аргументируется не как дискриминация или расизм, а как отказ подчиняться политике, направленной на ухудшение качества товаров и услуг организации, и идеологии, направленной на благо отдельной социальной группы. Таким образом, в конечном счете, будь это государство или предприятие, принятие условий политики компенсационной дискриминации происходит в узко ограниченных рамках, определяемых интересами элиты (разумеется, белой), которая находится у руля этих предприятий и организаций.

Социальные функции институционального отрицания расизма очевидны. Во времена, когда либеральные демократии в Европе и США активно внедряют законы и нормы, гарантирующие если не всеобщее братство, то, по крайней мере, равенство и свободу, этническое и расовое неравенство, основанное на дискриминации и расизме, вступает в очевидное противоречие с официальной государственной идеологией. Вместо того чтобы признать существование проблемы государства и социальные институты предпочитают либо вообще отрицать наличие фундаментальных противоречий, либо характеризовать их как случайность или досадное недоразумение. Подобный подход позволяет редуцировать социальную проблему расизма в государстве до уровня частности, и, кроме того, дает возможность обвинять самих жертв расизма или же характеризовать его как временный феномен, связанный, например, с переходным периодом в обновляющейся иммигрантской среде.

Если рассматривать расизм как систему расового и этнического доминирования, можно сделать вполне закономерное предположение о том, что отрицание расизма играет важную роль в его социальном и межсубъектном воспроизводстве. В действительности доминирование и неравенство провоцируют социальное противостояние. Однако с учетом наличия общепринятых представлений и убеждений о том, что расизм как социальное явление является достоянием истории, протестующим представителям меньшинств почти невозможно достучаться до какой-либо аудитории — их попросту не воспринимают всерьез. (Essel, 1991) В системах апартеида и официально санкционированной сегрегации стороны жестко

разделены и различия в расстановке сил имеют столь яркий и вопиющий характер, что не сложно сформировать образ противника и организовать сопротивление.

Подобная расстановка сил представляется, однако, крайне нехарактерной для современных плюралистических социумов, законы и социальные нормы которых официально запрещают предвзятость, дискриминацию и расизм. Когда толерантность является растиражированным государственным мифом, как, например, в Нидерландах, представителям национальных меньшинств почти невозможно сформировать объединенный фронт и завоевать доверие и поддержку среди доминирующих (белых) социальных групп для того чтобы оказать организованное сопротивление имплицитным формам социального неравенства. Разумеется, что в этом случае представители национальных меньшинств будут восприниматься белым большинством как чрезмерно чувствительные, склонные к преувеличениям или просто чрезмерно требовательные. Чем более гибкой является система неравенства, тем более сложно оказывать ей сопротивление.

Наличие «белого» консенсуса, отрицающего распространенность расизма, становится, таким образом, могучим механизмом его социального воспроизводства — успешное противостояние расизму невозможно без завоевания общественного внимания посредством СМИ, и хотя бы частичного общественного признания проблемы неравенства.

В ситуации, когда политические лидеры и СМИ отказываются признать само существование проблемы, практически исключается возможность публичных дебатов, изменения общественного мнения, и, следовательно, создания условий для изменения системы властных отношений в обществе. Изменение подобного status quo возможно лишь при условии искусственного создания социальных проблем на таком уровне, когда их игнорирование просто невозможно. Речь идет о демонстрациях и иных радикальных выступлениях. С другой стороны проблемы иного характера (например, высокая безработица или проблемы недостатка образования в среде меньшинств) могут получать официальное признание на уровне элит, при условии исключения любых расистских коннотаций. «Случайная, непреднамеренная дискриминация» воспринимается при этом, единственно как маргинальный элемент общего комплекса социальных проблем.

Мы видим, что социальные функции отрицания расизма тесно связаны с его политическими функциями. Принятие государственных решений, политическое планирование и управление общественным мнением на местном и общенациональном уровне подразумевают такую формулировку этнической и расовой ситуации в обществе, при которой проблема

расизма тщательно скрывается. Делается это по той причине, что признание проблемы ясно указало бы на то, что корень этнических проблем общества находится не в среде национальных меньшинств, а в среде белого большинства. Иммиграционная, трудовая, образовательная и социальная политика формируется на базе такой идеологии, которая может гармонично сочетать общечеловеческие ценности с локальными интересами элит.

Выборочное присвоение ярлыка расистов представителям праворадикальных группировок позволяет одновременно отрицать его наличие в умеренной среде белого большинства, при этом управлять расизмом, периодически показательно наказывая некоторых зарвавшихся представителей радикального правого крыла. Признание распространенности в обществе некоторых скрытых форм расизма и ксенофобии повлечет необходимость осуществления дальнейшего анализа, результатами которого будет уже не так просто управлять: если расизм действительно существует, если он распространен, каким образом можно изменить эту ситуацию? В конце концов, мы уже проделали значительную работу, приняли законы против дискриминации, если это не влечет за собой ожидаемых результатов, разве можно каким-либо образом изменить «ментальность» людей? В результате подобных сложных политических стратегий тотальное отрицание расизма гармонично комбинируется с периодическим признанием наличия некоторых вопиющих исключений из общего правила.

Как мы видим, отрицание расизма является не только частью стратегии управления впечатлением на персональном, институциональном или социальном уровне: по сути, оно также представляет собой форму социополитического менеджмента. Отрицание расизма позволяет управлять националистическим противостоянием, а также влиять на политические проблемы многообразного в расовом и этническом аспектах общества, делая их более управляемыми. По сути, отрицание представляет собой еще одну глобальную стратегию управления.

Наконец, возникает вопрос о специфических культурных функциях отрицания расизма. Очевидно, что поскольку расизм с необходимостью подразумевает осуществление культурной гегемонии, а социальное противостояние включает множество различных групп и, соответственно, различных культур, отрицание расизма, как социальный феномен, должно иметь и культурные измерения. Одним из таких измерений является комбинированное отрицание расизма или этноцентризма с самоутверждением толерантности как принципиальной черты современной западной культуры. В то время как учебники, политический дискурс и СМИ изобилуют пропагандой демократии, технологии, христианства и иных

западных ценностей, толерантность западного сообщества позиционируется как антипод нетерпимости других культур, в особенности исламского фундаментализма (Said, 1981).

Типичным примером западного дискурса в этом отношении является дело Салмана Рушди, когда общественные дебаты, разгоревшиеся вокруг писателя, активно затрагивали не только свободу слова и творчества, но также были направлены на воспроизводство стереотипов в отношении фундаментализма и фанатизма в мусульманской культуре[2]. Антиарабский расизм, который, по сути, лежал в основе разгоревшегося спора, активно отрицался апологетами западной культуры, спешащими провозгласить преимущество и универсальность ценностей западного мира. Иными словами, подобно тому, как представители белых элит отрицают расизм и провозглашают свою толерантность, вся западная культура может отрицать расизм и этноцентризм, одновременно подчеркивая якобы свойственную ей толерантность.

Едва ли стоит доказывать наличие прямых связей между подобного рода культурными притязаниями и современной мировой политикой, как *это было в конфликте в Персидском Заливе.* То же самое в общих чертах касается и политики взаимоотношений между глобальным Севером и Югом, в таких стратегиях, как, например, утверждение передовой роли западного мира и отрицание неоколониализма, империализма, скрытых интересов при оказании международной помощи и т. д. Подводя итоги, необходимо отметить, что западное отрицание расизма и этноцентризма в совокупности с его производными социальными, политическими и культурными имплицитными процессами, играет важную роль на всех уровнях, начиная с межличностных отношений и заканчивая межкультурной и международной коммуникацией. На каждом из вышеперечисленных уровней отрицание способствует подавлению противостояния, инакомыслия и оппозиционных движений, являясь, таким образом, стратегией воспроизводства гегемонии в обществе (Lauren, 1988).

4. Разговор

Повседневные разговоры являются сердцем социальной жизни общества. В неформальных диалогах между членами семьи, на работе с коллегами или клиентами или в различных социальных институтах, неформальное общение формирует принципиальные основы социальной коммуникации. В то же время неформальные разговоры представляют собой

---

[2] Речь идет о книге «Сатанинские стихи», Салмана Рушди, вышедшей в 1988 году и вызвавшей бурю протестов среди мусульман в ряде стран. — *Прим. перев.*

важнейшие каналы социальной коммуникации. Именно они формируют контексты выражения, убеждения и передачи неформальных повседневных знаний и убеждений.

В полиэтнических социумах социальные группы и межетнические взаимоотношения представляют собой одну из основных тем для повседневных бесед. Представители белого большинства в Европе и США формируют свои представления и мнения относительно национальных меньшинств и эмигрантов посредством СМИ или на личном опыте. Результатом этого становится систематическое воспроизведение доминирующих общественных мнений в повседневных беседах, впрочем, случается, что субъекты выражают свое несогласие с общим мнением.

Продолжительное аналитическое исследование дискурса повседневных разговоров об этнических проблемах (170 интервью в Нидерландах и Калифорнии) позволило нам выделить ряд характерных черт, свойственных этому типу дискурса, а именно (van Dijk, 1984a, 1987a):

1. Тематика подобных разговоров формируется на основе сравнительного небольшого репертуара и фокусируется на проблемах социокультурных различий, девиантности и конкурирования. Большинство тем эксплицитно или имплицитно касаются межличностной, социальной, культурной или экономической угрозы в отношении доминирующей белой группы, сообщества или культуры.
2. В основе повествования лежит не стремление развлечь собеседников, но желание аргументировать свое отношение к проблеме. Приводимые в пример истории служат предпосылками для последующего негативного вывода, например: «Мы здесь к таким вещам не привыкли», «Они должны учить язык» или «Правительство должно принять меры».
3. Стиль, риторика и форма ведения разговора, как правило, передают критическое или вовсе негативное отношение к меньшинствам и иммиграции. При этом современные нормы толерантности оказывают значительное влияние на умозаключения и оценки, в результате чего смысл общих выводов, особенно в беседе с незнакомцами или интервьюерами, подвергается значительному смягчению. Как правило, участники беседы стремятся избежать признаков вербальной агрессии.
4. В общем и целом, участники подобных бесед следуют принципам двойственной стратегии позитивной саморепрезентации и негативной репрезентации групп, против которых направлена их аргументация.

Именно в рамках этой стратегии особое значение приобретают отрицания типа: «Я лично ничего не имею против арабов, но...» (Scott and Lyman, 1968). Такого рода отрицания можно охарактеризовать как «явные»,

поскольку в этом случае отрицание не содержит доказательств того, что говорящий действительно ничего против них не имеет. Напротив, такие отрицания зачастую являются стратегией поддержания социального имиджа в ситуации, когда последующее утверждение имеет явно негативный смысл, как в предлагаемом примере высказывания одной жительницы Дании:

(1) Да, в общем, они в основном нормальные, просто у людей своя религия, свой образ жизни и, в целом, я абсолютно ничего против них не имею, но ведь дело в том, что их образ жизни становится отличным от моего образа жизни настолько, что...

Говоря о культурных различиях, автор высказывания концентрирует свое отрицание на выражении относительной толерантности по отношению к иным культурам, толерантности, границы которой, впрочем, четко определены: различия не должны быть слишком велики. Таким образом, автор высказывания с одной стороны следует нормам толерантности, а с другой чувствует себя вправе отрицать эти нормы, когда другие «заходят слишком далеко» в проявлении своих культурных различий. В этом случае отрицание включает в себя элементы ограниченного социального одобрения.

Авторы высказываний из Калифорнии, более осведомленные о ситуации дискриминации и расизма в обществе, выражаются еще более открыто в отношении возможных выводов из их слов:

(2) Возможно, это покажется предвзятым мнением, но я думаю, что если студенты будут все говорить только по-английски...

Использование английского языка представляет собой одну из центральных тем в беседах об этнических и расовых проблемах в США. Рассуждение о необходимости его повсеместного использования может быть вызвано самыми различными практическими причинами, однако говорящий осознает, что вне зависимости от качества его или ее аргументов, подобные рассуждения могут прозвучать как предвзятое отношение к иммигрантам. Разумеется, что фраза «покажется» имплицитно передает мысль автора высказывания о том, что сам он ни в коем случае не считает себя расистом.

Отрицание дискриминации — одна из основных форм отрицаний в повседневной коммуникации. Разумеется, как это зачастую происходит в праворадикальных СМИ (см. об этом далее), мы систематически

встречаем инверсии на эту тему: «настоящие жертвы иммиграции и национальных меньшинств — мы». Вот некоторые варианты отрицаний, сформулированные жителями Амстердама:

(3) Да, они эксплуатировали их, по крайней мере, они так утверждали, но, знаете, мне как-то не верится...

(4) Вы посмотрите на их огромные машины, да они богаче живут, чем мы. И если уж кто-то и подвергается дискриминации, так это наши дети. Вот как я на это смотрю.

(5) И все что она смогла сказать — это были крики о том, как ее дискриминируют и о том, что у голландцев у всех прекрасные дома, но ведь это ложь, это полная неправда.

(6) А они говорят, что их дис...дискр...дискриминируют. Так вот это ложь.

(7) Послушайте, все говорят, что иностранцев здесь подвергают дискриминации. Нет, это нас подвергают дискриминации, как раз полностью наоборот.

В каждой из этих ситуаций говорящие рассказывают о том, чем им, по их мнению, угрожают и как лгут иммигранты: убийства (3), манипуляции с пособиями (4), радиопередача, в которой чернокожая женщина заявляет о дискриминации по отношению к себе (5), опрос районных служащих (6) и (7). В беседах подобные реверсии чаще всего встречаются у представителей рабочих кварталов, где преступность традиционно приписывается представителям национальных меньшинств, а предполагаемый фаворитизм (например, в распределении жилищных фондов) встречает резкое неприятие. Представители белой бедноты ощущают себя жертвами неадекватной социальной политики, но вместо того, чтобы обвинять власти и политиков обвиняют приезжих, которые, на их взгляд, более всего виновны в ухудшении условий городской жизни. В ситуации, когда приезжих считают главными виновными в ухудшении социальных условий, их заявления о дискриминации попросту не могут быть услышаны (Phizackela and Miles, 1979).

Подобного рода консенсус, разумеется, не имеет универсального характера. В отдельных случаях реакции на негативное поведение могут и не содержать генерализаций, и даже включать релевантные сравнения с голландской молодежью:

(8) И, тем не менее, извините меня конечно, но это были иностранцы, это явно были марокканцы, именно они и сделали это. Но Господи Боже, вся молодежь агрессивна, будь то турки или голландцы или суринамцы — молодежь агрессивна. В особенности из-за дискриминации, которой они здесь подвергаются...

В этом случае дискриминация не реверсируется, а молодые иммигранты позиционируются как жертвы дискриминации, что во многом объясняет и частично оправдывает их «агрессивность». Подобного рода сентенции, однако, встречаются довольно редко.

5. Пресса

Многие этнические проблемы, о которых люди говорят в повседневном общении, не даны на уровне личного опыта, о них узнают из СМИ. По крайней мере, до последнего времени жители многих регионов Западной Европы и США достаточно редко встречались с представителями этнических меньшинств. Соответственно аргументация на темы о преступности или культурных различиях для повседневной коммуникации подбиралась в основном из прессы, а статьи из прессы воспринимались как основное «доказательство» в поддержку предвзятости по отношению к меньшинствам.

Проведенный нами анализ тысяч новостных статей в британской и голландской прессе (van Dijk, 1991) в основном подтверждает основанные на здравом смысле интерпретации читателей: анализ новостных тем свидетельствует, что преступность, культурные различия, насилие, массовые беспорядки, социальные пособия и проблемы с иммигрантами составляют основу систематического корпуса новостных текстов, посвященных этническим проблемам. Другими словами, существуют четкие параллели между темами новостей и темами повседневных разговоров.

В общем и целом, с учетом некоторых изменений, произошедших в этой области за последние десятилетия, ситуация с национальными меньшинствами и эмигрантами описывается в прессе как комплекса *проблем* (Hartmann and Husband, 1974). Если консервативная и праворадикальная пресса концентрируется на проблемах возникающих по вине эмигрантов и представителей национальных меньшинств (жилищная сфера, образование, безработица, преступность), то более либеральная пресса стремится также охватывать проблемы самих меньшинств (бедность, дискриминация) традиционно рассматривая эти проблемы в свете тех действий, которые белое либеральное большинство предпринимает для их решения. С другой стороны, при описании повседневной жизни меньшинств газеты зачастую замалчивают темы, которые столь часто и активно обсуждаются, когда речь идет о представителях белого большинства. Речь идет о том активном позитивном вкладе, который представители меньшинств систематически делают в развитие благосостояния всего общества. Таким образом, газеты позиционируют социальные блага.

как результат стараний белого большинства; в то же время этнические меньшинства зачастую рассматриваются как источник социальных проблем и конфликтов – когда же речь идет о благах, вклад этнических меньшинств попросту не рассматривается (Boskin, 1980).

Практика подборки и редактирования новостных блоков, а также способы цитирования новостной информации демонстрируют отсутствие возможности высказать свое мнение в прессе у представителей меньшинств и их социальных институтов. Во-первых, (это в основном касается Европы) в прессе почти невозможно встретить журналистов – выходцев из среды меньшинств. В результате производство новостной информации, а также опыт, видение, понимание и отношение к социальным проблемам формируется в основном в среде белого большинства. Ей же принадлежат и главные источники новостной информации – правительственные службы, полиция и другие социальные институты (van Dijk, 1988a, 1988b). Даже в сугубо этнических новостях, представители от меньшинств цитируются реже, их голос звучит менее убедительно, а их мнение всегда «сбалансировано» с более умеренным мнением белых комментаторов. Когда разговор заходит о деликатных проблемах дискриминации, предвзятости и расизма крайне редко случается, что экспертные мнения представителей меньшинств позиционируются в прессе как авторитетные и заслуживающие доверия. Гораздо чаще подобные мнения приобретают окраску беспочвенных и возмутительных обвинений.

Именно таким образом общая стратегия отрицания расизма реализуется в дискурсе новостей прессы. Разумеется, существуют внутренние различия между либеральной, консервативной и праворадикальной прессой. Правда стоит заметить, что в Европе и США практически не существуют газет с ярко-выраженной антирасистской направленностью. Общепризнанные нормы требуют от всех, даже от представителей леворадикального крыла, открыто провозглашать свое неприятие расизма, таким образом, подразумевая, что любые серьезные обвинения в расизме представляют собой не более чем плод чьих-либо болезненных фантазий.

Впрочем, либеральные газеты, все же, уделяют внимание случаям неприкрытой дискриминации, например, в сфере занятости и трудоустройства (к сожалению, подобные новости редко можно встретить в редакционных и новостных колонках). И хотя открытый праворадикальный экстремизм подвергается критике, данная критика фокусируется, как правило, именно на наиболее интересной, с точки зрения популярности новостей, насильственной стороне событий, при этом сама социальная проблематика расизма остается в стороне и не находит дальнейшего развития.

Таким образом, этническое и расовое неравенство позиционируется как маргинальное явление не свойственное обществу в целом. Именно

по такому образцу формируется корпус новостных текстов о дискриминации в Голландии и США.

Праворадикальная пресса также освещает случаи дискриминации, но делает это с несколько иной точки зрения. Обвинения в дискриминации рассматриваются здесь как нелепые нападки на «простых граждан», либо же погружаются в объяснительные или оправдательные контексты («акт расизма был спровоцирован»). Если проблемы дискриминации довольно широко освещаются в прессе, то случаи расизма чаще замалчиваются. При этом дискриминация крайне редко квалифицируется как проявление расизма. Дело здесь в том, что расизм в западном обществе зачастую воспринимается как идеология белого превосходства и ассоциируется с праворадикальными группировками. Поскольку большинство газет не причисляют себя к праворадикальному политическому крылу, то любое утверждение о наличии связей между повседневными формами дискриминации и «расизмом» резко отрицается.

С точки зрения большинства газет, единственная социальная группа, воспринимающая подобный повседневный расизм, как, собственно, расизм — это антирасисты. В результате, антирасисты позиционируются в прессе, как сумасшедшие радикальные маргиналы. Следовательно, для подавляющего большинства газет (особенно в Британии) настоящими врагами являются антирасисты — лишенные чувства умеренности и толерантности, антибритански настроенные типы, которые повсюду суют свой нос и усматривают проявление расизма во всех сферах — начиная от невинных детских книг и заканчивая новостями в прессе.

Неудивительно, что новостные статьи, рассматривающие общие аспекты расизма внутри собственного общества или социальной группы встречаются крайне редко даже в самой либеральной прессе. Писатели, исследователи и общественные объединения, занимающиеся проблемами расизма, имеют крайне ограниченный доступ к СМИ, а их действия и мнения подвергаются критике и насмешкам. Более того, по мнению правой прессы эти люди являются главным источником этнических проблем многонационального общества, ведь они не только осуществляют постоянные нападки на уязвимые социальные институты (например полицию, правительство, бизнес), но и предлагают свою альтернативную (и при этом совершенно несопоставимую с общепринятой) оценку этнической ситуации в обществе. Именно эта символическая борьба за право определять границы социальной морали сталкивает праворадикальную прессу с антирасистски настроенной интеллигенцией, преподавателями, писателями и общественными объединениями левого крыла.

Далее мы обратим более пристальное внимание на механизм отрицания расизма в прессе. Большинство использованных примеров были

взяты из британской прессы, однако было бы не сложно обнаружить схожие примеры и в прессе Голландии, Германии или Франции.

Длительная история рабства и сегрегации привела к тому, что проблемы белого расизма сегодня сравнительно часто являются темой дебатов в американской прессе, несмотря на то, что доминирующая идеология провозглашает всеобщее равенство и рассматривает расизм как пережиток далекого прошлого.

Отрицание приобретает наиболее интенсивные формы в тех случаях, когда газеты подвергаются обвинениям в расизме. В ответ на наше исследование, главный редактор одной из крупных еженедельных газет «Intermediair» пишет, повторяя, в общих чертах, общее мнение редакторов голландских газет:

(9) В частности Ваши утверждения по поводу освещения в прессе жизни национальных меньшинств остаются бездоказательной и неприемлемой карикатурой реальности. Ваш тезис о том, что большая часть авторов новостей стремиться представить этнические меньшинства как главный источник социальных проблем, представляется мне не только бездоказательным, но и попросту ложным.

Данная реакция последовала в ответ на краткую статью о международных исследованиях, посвященных репрезентации меньшинств в прессе. Характерно, что отрицание редактора хотя и не основано на каком-либо альтернативном исследовании, но тем не менее постулируется как объективный факт. Не удивительно, что статью, посвященную недавнему исследованию новостей в прессе, так и не опубликовали, хотя изначально меня и приглашали написать ее. Другие редакторы занимают еще более критические позиции и подвергают сомнению образование и опыт самого исследователя и его университета, как это было с редактором популярной ежедневной консервативной нидерландской газеты De Telegraaf, известной своими необъективными историями о меньшинствах, иммигрантах и беженцах:

(10) Ваше так называемое научное исследование никоим образом не доказывает Ваших клеветнических инсинуаций в отношении содержания нашей газеты. Оно не только демонстрирует свою полную нерелевантность, но и поднимает вопрос о превалирующих нормах научного исследования и социального благоразумия в Амстердамском университете.

Как мы видим, вне зависимости от характера доказательств, приводимых в результате этого болезненного процесса анализа новостных текстов,

последующая реакция будет иметь характер категорического отказа с элементами контратаки, направленной на дискредитацию исследователя.

Примеры подобные этому составляют подавляющее большинство реакций газетных редакций. Ни одна газета, в особенности либеральная не потерпит даже умеренных упреков в необъективности, любые же заявления о расизме встречают яростное сопротивление. Характерно, что именно эти газеты, особенно в Европе, как правило, не имеют в своем штате ни одного, а за редким исключением имеют одного или двух представителей этнических меньшинств. Понятно, что такое отношение редакторов к расизму влечет за собой общее нежелание признавать его существование со стороны всего общества в целом.

Рассмотрим наиболее часто употребляемые формы отрицаний расизма в прессе. Данные примеры взяты из британских новостных текстов, посвященных этническим событиям в 1985 году (более подробно об этом см. van Dijk, 1991). В отступлениях приводятся краткие пояснения контекста каждого из новостных фрагментов данного дискурса.

6. Позитивная саморепрезентация

С точки зрения семантики, отрицание расизма формируется на основе представления ситуации автором новостного текста. Феномен отрицания расизма в прессе предполагает наличие у автора новостного текста твердых убеждений в присущей его социальной группе этнической и расовой толерантности в отношении меньшинств и иммигрантов. Положительная саморепрезентация является важной практикой в системе журналистского дискурса и может рассматриваться в рамках стратегии аргументированного отрицания возможных нападок со стороны антирасистов:

(11) Если не брать во внимание некоторые радикальные доктрины и признать существование небольшого числа фашиствующих субъектов, невозможно не согласиться с тем, что мы живем в удивительно толерантном обществе. Однако принципы толерантности порой доходят до того, что соблюдение законов начинает восприниматься, как необходимость реализации принципов «реверсивной или компенсационной дискриминации». (*Daily Telegraph, Editorial,* September, 11, 1985).

(12) Если британцы хотят сохранить свои традиционные нормы приличия в обществе, им придется действовать — решительно и активно. (Daily Telegraph, Editorial, 13 August, 1985).

(13) [*о нападении расистов на выходцев из Азии*] ...Британия имеет непревзойденную историю мирной и толерантной адаптации людей самых различных национальностей и вер. Потомки еврейских и ирландских иммигрантов яркое тому свидетельство. Было бы печально увидеть закат этой блестящей репутации. (Sun, Editorial, 14 August, 1985).

(14) [об иммиграции] Наши традиции справедливости и толерантности безжалостно эксплуатируются всякими корыстными негодяями, жуликами, террористами, психами и хапугами, стремящимися поживиться за наш счет. Кроме них не стоит забывать о всякого рода криминальных элементах, проникающих в страну под прикрытием политического убежища или воссоединения семьи. (Mail 28 November, 1985).

(15) ...У нас тоже есть закулисный расизм. Это не белый расизм. Это черный расизм... Но кто защитит белое большинство? Наша сила в толерантности, но мы никому не позволим превратить эту силу в слабость. (Sun, 24 October, 1985).

Приведенные выше примеры не только утверждают свойственную белым британцам толерантность, но и четко определяют ее границы. Толерантность может восприниматься как слабость, и, следовательно, ее границы не должны простираться слишком далеко, если мы не хотим, чтобы всякий негодяй, террорист или какой-либо еще иммигрант злоупотреблял ею в своих интересах.

В подобном режиме воспроизводства этнической информации в прессе, либерализация иммиграционного законодательства может рассматриваться только как форма реверсивной дискриминации, направленная на развал «белой» Британии. Как это ни иронично, но приведенные примеры теряются в своих внутренних противоречиях. Ведь речь идет не о толерантности как таковой, а об ограничениях ее превышения. Обратите внимание, как в примере (15) положительная саморепрезентация используется одновременно с уже известным нам приемом реверсии. «Они и есть настоящие расисты», «Мы — истинные жертвы». Далее мы рассмотрим подобные реверсивные обороты более подробно.

7. Отрицание расизма и контратака

Сконструировав позитивный имидж белой Британии, консервативная и желтая пресса организует нападки на своих противников и одновременно старается защищать своих единомышленников, как это было, например в печально известной истории с Ханифордом (Ханифорд был деректором брэдфордской школы, которого в начале уволили, потом восстановили, а в конечном итоге чуть ли не наградили за то, что он написал серию статей о межкультурном образовании, содержание которых родители его азиатских ученико оценили как явно расистское). Атаки на антирасистов зачастую становятся центром борьбы за отрицание расизма в обществе.

(16) [о реакции этнического «лобби» на историю с Ханифордом] Как случилось так, что они ополчились против этого человека? Это случилось не потому, что он — расист. Как раз наоборот, это случилось потому, что не являясь расистом он осмелился

бросить вызов убеждениям специалистов из среды этнических меньшинств. (Daily Telegraph, 6 September, 1985).

(17) [о Ханифорде и других подобных историях] Никто не может быть так далек от истины, как эта истеричная антирасистская клика. Они настолько нетерпимы к инакомыслию, что готовы раздавить любого, чье мнение не является перепевкой их генеральной линии. (*Sun, 23 October, 1985, column by John Vincent*).

(18) [о Ханифорде] Его полили грязью за разумность мыслей, прокляли за мужество и предали анафеме за нежелание признавать свое поражение. Я лично брала у него интервью и убеждена, что в этом человеке нет ни капли расизма. (Mail, 18 September, 1985, column by Lynda Lee-Potter).

(19) [об уходе Ханифорда со своего поста] Теперь мы знаем, кто такие настоящие расисты. (Sum, editorial, 13 November, 1985).

Приведенные выше примеры иллюстрируют некоторые стратегии атак на антирасистов в прессе в ходе информационной кампании, посвященной какому-либо яркому событию, бросающему вызов общепринятым представлениям об отсутствии расизма в обществе. Во-первых, как мы уже увидели выше, отрицание расизма тесно связано с пресуппозицией «правды». Ханифорд позиционируется как защитник правды в форме идеи об антибританской сущности мультикультурализма. Во-вторых, отрицания зачастую ведут к стратегической реверсии: «*мы* не расисты, настоящие расисты – это *они*». В-третьих, подобного рода реверсии зачастую включают и реверсивные обвинения: жертвами являются не студенты – выходцы из Азии, а Ханифорд и те, кто симпатизирует ему в этом деле. Соответственно, главными врагами являются антирасисты. Это *они* преследуют простых невинных британцев, это *они* лишены чувства толерантности. Соответственно, жертвы, которые выступают против них, должны получить статус народных героев, осмеливающихся выступить против антирасистской клики.

Обратите внимание на то, что правда, как видят ее сторонники Ханифорда в примере (17), представляется им чем-то самоочевидном, основанном на простом здравомыслии. В подобного рода контратаках правда и здравый смысл подаются, зачастую, как две стороны одной медали, отражая власть социального консенсуса и стремление мобилизовать простых (преимущественно белых) британцев на поддержку прессе и элитам. Подобного рода аргументация не только выводит родителей студентов-выходцев из азии и поддерживающих их антиросистов за пределы социального консенсуса, но и формирует мощную идеологию, в рамках которой позиция сторонников Ханифорда выглядит как «естественная», «логичная» и само-собой разумеющаяся. Мнения иного характера рассматриваются, соответственно, как противоестественные либо вообще граничащие

с безумием. Таким образом, представители левого антирасистского крыла в правой британской прессе зачастую получают ярлыки ненормальных или даже сумасшедших нарушителей социального спокойствия.

8. Моральный шантаж

Еще одной любопытной чертой дела Ханифорда и других подобных историй, является стремление прессы обвинить антирасистов в том, что они, якобы, не только игнорируют очевидную правду о многокультурном обществе, но также не дают другим (прессе) высказывать ее. Реализуя стратегию обвинения антирасистов в цензуре, пресса периодически использует популистские лозунги о том, что настало время нарушить табу и цензуру и рассказать всем нелицеприятную правду, как, например, в случае с Тотэнхэмом:

(20) [о Тотэнхэме] Настало время сказать правду — без притворства и лицемереия... мужественно встретиться лицом к лицу с фактами и не боясь более того, что страх перед ярлыком расиста вновь заставит тебя замолчать. (Mail, 9 October, 1985, column by Lynda Lee Potter).

Подобные примеры демонстрируют, что авторы ощущают себя жертвами шантажа и, в то же время, осознают, что потребность «высказать правду» (а фактически — заявить о своем негативном отношении к меньшинствам), может быть воспринята как нарушение норм толерантности и взаимопонимания в обществе. Борьба за правду, таким образом, из пространства внутренней дилеммы переходит в плоскость обвинений оппонентов в цензуре и шантаже. Разумеется, что журналисты умалчивают о состоянии психологического дискомфорта, возникающем в связи с ломкой ценностей и принятием решений, зачастую противоречащих их моральным убеждениям. В конце концов, именно эти газеты систематически публикуют негативную информацию о чернокожих подростках и никогда не колеблются заявлять о том, что кажется им правдой. Никто не пытается заставить их замолчать, а любого рода «табу» имеют всего лишь воображаемый характер. Более того, стоит не забывать и о том, что правая пресса в Великобритании имеет многомилионную аудиторию читателей и, следовательно, обладает немалым политическим влиянием.

Стратегия отрицаний и реверсий одновременно включает в себя процессы конструирования социальных ролей союзников, врагов, жертв, героев и насильников в мире межэтнического противостояния. Во многих отношениях, возникающий дискурс пародирует дискурс антирасистов,

в котором все перевернуто с ног на голову: жертвы становятся насильниками, а те, кто фактически находится у власти, сами начинают выглядеть жертвами.

9. Имплицитные отрицания расизма

Отрицания далеко не всегда имеют эксплицитную форму. Существует масса способов выразить свое сомнение, дистанцированность или неприятие чужих лозунгов и идей не пребегая к открытым заявлениям. После того как 1985 году британская комиссия по расовому равенству опубликовала свой доклад о дискриминации в Великобритании, открытое отрицание наличия дискриминации в стране перестало быть выигрышной тактикой. Тем не менее, использование таких дискурсивных средств, как кавычки или таких фраз как «некоторые заявляют о том, что...» или «некотроые якобы утверждают о том...» может служить средством выражения сомнения автора в правдивости его собственных слов и использовано для передачи информации в определенном свете, как это следует из предлагаемого отрывка из Daily Telegraph:

(21) В своем докладе, основанном на детальном рассмотрении соблюдения Акта о расовых взаимоотношениях от 1976 года, *комиссия заявляет о якобы* не прекращающихся актах злостной дискриминации в отношении представителей национальных меньшинств. (Daily Telegraph, 1 August, 1985).

Подобные стилистические трюки не проходят незамеченными, как это видно из реакции Питера Ньюсэма, директора комиссии по расовому равенству, на приведенную выше цитату.

(22) В отношении комиссии Вы заявляете: «комиссия заявляет о якобы не прекращающихся актах злостной дискриминации в отношении представителей национальных меньшинств». Это как если бы Вы сказали, что кто-то заявляет о том, что в июле, якобы было дождливо. На самом деле мы говорим не о том, что «якобы было», а о том «было» фактически. В нашем случае речь идет о фактах, основанных на легитимных доказательствах, полученных в ходе независимого исследования, пришедшего, в частности, к выводу о том, что расовая дискриминация в сфере труда, жилищной социальной политики и сфере услуг, остается в нашей стране на печально высоком уровне. (Daily Telegraph, 7 August, 1985).

Таким образом, отрицания могут передаваться имплицитно, путем выражения сомнения или дистанцированности. Как следствие и само

понятие расизма, как правило, подается лишь в кавычках, в особенности, когда дело касается газетных заголовков. Такого рода закавычивание выходит за рамки набора журналистских инструментов для передачи противоречивых мнений и точек зрения. В ином случае и мнения, поддерживаемые газетой, передавались бы в таких же точно кавычках. Последнее случается довольно редко. Напротив, помимо того, что кавычки зачастую сигнализируют о сомнении и дистанцированности журналиста по отношению к выражаемой им информации, они также создают ощущение наличия некого имплицитного «необоснованного обвинения» или заговора. Закавычивание слова «расизм» стало столь обыденной практикой, что зачастую, даже в тех случаях, когда акт расизма бывает официально признан полицией и судебной системой, консервативная пресса продолжает публиковать в заголовках слово «расизм» в кавычках просто по привычке.

10. Смягчение расизма

Как мы уже убедились в ходе концептуального анализа, отрицания могут существовать в форме различного рода смягчений, уменьшений значений, а также в виде эвфемизмов и иных форм иносказательной речи, цель которых заключается в том, чтобы либо свести к минимуму значимость акта расизма, либо минимизировать ответственность его участников. В той же самой редакционной статье из «Дэйли Телеграф», отрывок из которой мы приводили выше, мы находим следующее заявление:

(23) [о докладе комиссии по расовому равенству] Никто не станет отрицать хрупкость расовых взаимоотношений в современной Великобритании, как никто не станет отрицать и наличие взаимного недоверия и непонимания между различными представителями общества. (Daily Telegraph Editorial 1 August 1985).

Вместо того чтобы говорить о неравенстве и расизме, расовые взаимоотношения рассматриваются в этом тексте, как «хрупкие» с присущим «недоверием и непониманием». Любопытно, что в данном отрывке эксплицитным образом выражается неприятие отрицания расизма, а значит, речь идет о, своего рода уступке со стороны элитной прессы: да, проблема расизма действительно существует. Однако если рассматривать комплекс риторических приемов презентации этой уступки, то в контексте всей статьи в целом становится очевидна ее условность. Подобного рода условные уступки представляют собой еще одну распространенную форму отрицания расизма в дискурсе межэтнических отношений, и зачастую

встречаются в таких выражениях, как, например: «Конечно, среди чернокожих встречаются и очень умные люди, тем не менее...», или «Я знаю что у представителей меньшинств иногда бывают проблемы, но вместе с тем...» Обратите внимание, что в приведенном отрезке из редакторской статьи «Дэйли Телеграф» принцип смягчения расизма реализуется не только с помощью эвфемизмов, но также и с помощью *редистрибуции ответственности*, за счет чего с возможных виновных снимаются все имплицитные обвинения в расизме. Безличная экзистенциальная фраза: «наличие взаимного непонимания» призвана снять ответственность за напряженность в межэтнических отношениях с белого большинства и возложить ее на всех и каждого и, следовательно, ни на кого. Отрицание, таким образом, становится эффективным инструментом, с помощью которого опровергается либо сам расизм, либо ответственность за него

11. Защита и нападение

В своих нападках на антирасистов, правая пресса далеко не всегда придерживается принципов имплицитности. Напротив, зачастую они готовы обратить против своих оппонентов открытые обличительные речи.

(24) [об акции антифашистов] Вечер, в котором ассоциации со временами становления фашизма совместились с гневными речами, обращенными против современной расовой дискриминации и предвзятости.

(25) [об отделе по проблемам чернокожих] В идеологически зашоренных отделах его [Кинока] партии, они, кажется, находят удовольствие от описания тех сложностей, с которыми из-за расизма сталкиваются эмигранты из африки и каррибского региона. (Daily Telegraph. Editorial, 14 September, 1985).

(26) [о рабочем, обвиняемом в расизме] Что по-настоящему вызывает тревогу, так это то, что некоторые из этих карманных гитлеров выходят с уровня местных властей на уровень национального правительства. Сейчас самое время объединиться и раскрыть людям глаза на их нелепые выходки, пока мы еще в силах это сделать. Как говорится — предупрежден, значит вооружен. (Mail. Editorial, 26 October, 1985).

Приведенные примеры доказывают, что отрицание расизма, необъективности и дискриминации не ограничиваются самозащитой или позитивной саморепрезентацией. Помимо этого, они содержат элемент агрессивности по отношению к тем, кого определяют как «зашоренных идеологов» в рассмотренных выше примерах. Поскольку антирасизм ассоциируется с «ненормальной левизной», то нападки на него имеют важный идеологический и политический смысл и не ограничиваются уровнем моральных соображений агентов «белой» прессы.

Можно допустить, что «трудности», с которыми сталкиваются выходцы из Африки или Карибского региона, могут иметь воображаемый характер, однако в дискурсе защиты и нападения подобные предположения принимают характер намеренной уступки. Имеется в виду, что каковы бы ни были причины этих «трудностей», как их эфемистично характеризуют в тексте, расизм к этим причинам отношения иметь не может. Описывая удовольствие, которое левые антирасисты якобы испытывают от рассказов о положении чернокожих, пресса намекает на то, что левые заинтересованы в том, чтобы подобные трудности систематически возникали, и, следовательно, левые заинтересованы и в расизме как таковом. Данная аргументация часто встречается в нападках против антирасистов: «Даже если расизма не было бы, они бы его изобрели». Едва ли стоит пояснять, что подобным образом реализуется еще одна форма отрицания расизма.

Любопытно также то, каким образом подобные нападки используют различного рода сравнения и метафоры. Например, в одном примере авторы иронизируют по поводу «ассоциаций со временами становления фашизма», тогда как в другом те же самые противники нацизма описываются как «карманные гитлеры». При этом столь, казалось бы, явное несоответствие в социополитических ярлыках, имеет, тем не менее, очень четкий смысл. Называя своих оппонентов «карманными гитлерами» газеты явно дистанцируют себя от тех профашистских мнений и практик, в которых обвиняют представителей праворадикального крыла. С помощью обычной реверсии они помещают своих оппонентов в область тех самых категорий, которые более всего используются для их собственной критики, и, несомненно, вызывают у их противников самое яростное неприятие.

В итоге антирасистское левое крыло ассоциируется с фашизмом, идеологическим фанатизмом и политическим фиглярством. Есть, однако, и другие причины, яростных нападок на левых со стороны консервативной прессы. Так, несмотря на практически полное политическое бессилие даже внутри своей собственной (Лейбористской) партии, некоторые антирасисты сумели занять позиции на уровне местных властей и, таким образом, получить контроль над распределением средств и некоторыми другими рычагами политической власти. Таким образом, они добились хотя бы некоторой силы и именно эта сила, а также лежащая в ее основе идеология вызывает резкое неприятие социального института прессы, под влиянием которого находится многомилионная аудитория читателей.

Очевидно, что все эти отрицания расизма и сопутствующие им атаки на антираститские выступления в политике или образовательной сфере, по сути, направлены на борьбу за право определения этнической ситуации в обществе.

В этой борьбе идеологические и политические оппоненты рассматриваются как символические конкуренты в сфере морального влияния. Вне зависимости от того, идет ли речь о директоре школы или каком-либо другом представителе белого большинства в Великобритании, консервативная пресса, прежде всего, заботится о своем собственном имидже: нападая на антирасистов, она таким образом защищает себя.

12. Парламентский дискурс

Современная политика работает в тесном контакте со СМИ в борьбе за определение этнической ситуации в обществе. Принятие политических решений на уровне администраций, бюрократического аппарата, а также дебатов в парламенте в западной Европе в восьмидесятые и девяностые годы XX века все чаще происходят на фоне проблем этнических меньшинств, эмигрантов и беженцев. Проблемы социального неравенства, безработицы, компенсационной дискриминации, неравенства образовательных возможностей, общественного негодования по поводу новых «волн» эмиграции с юга, – все это самые актуальные темы современной политики.

В этой связи, необходимо обратить анализ дикурса элит в сторону парламентского дискурса, посколько именно в нем различные идеологии, мнения и интересы открыто сталкиваются по поводу столь «деликатных» проблем, как проблемы национальных меньшинств и иммигрантов. Руководствуясь данными соображениями, мы провели анализ политических дебатов на темы иммиграции и этнических меньшинств в парламентах Великобритании, Нидерландов, Франции, Германии, а также в конгрессе США.

Характерная черта парламентского дискурса заключается в том, что практически все его речи «предназначены для протокола». При этом буквально все речи, включая даже спонтанные ремарки и вставки, подробно записываются, хотя в некоторых странах разрешена последующая редакция стенограмм. Как следствие, речи в парламенте в редко имеют спонтанный характер и, как правило, готовятся загодя и преподносятся в виде зачитываемых письменных заявлений. Разумеется, что и моральные и политические аспекты этнических и расовых проблем, затрагиваемых в парламентском дискурсе, находятся под пристальным вниманием общественности. За исключением редких выступлений представителей праворадикальных партий, таких, как, например, французский Фронт Националь, открытые заявления расисткого толка стали сегодня большой редкостью в парламенте.

Вместе с тем, как мы уже убедились ранее, существуют более искусные и тонкие способы передачи имплицитных мнений – как либеральных, так

и консервативных. Несмотря на радикальные отличия в стиле и функциях парламентского дискурса, мы обнаружили сходства с дискурсами об этнических взаимоотношениях, в особенности в аспектах положительных саморепрезентаций, отрицания расизма и негативных репрезентаций своих оппонентов. Далее мы обратимся к специфическим формам отрицания расизма, имеющим место в современных парламентских дискурсах.

13. Националистическое самовосхваление

Парламент представляет собою главный форум страны для произношения националистических речей. В особенности это касается тех случаев, когда речь заходит о международных ценностях и нормах, таких как демократия, равноправие и толерантность. Обвинения в расизме в парламентском контексте могут восприниматься, как предъявляемые всей нации в целом, и, следовательно, могут считаться допустимыми, несмотря на жаркие споры между сторонниками противоборствующих партий. В конце концов, расизм всегда *где-то там*, у *других*.

В данной ситуации положительная саморепрезентация националистов в дебатах, где на карту поставлены права национальных меньшинств и эмигрантов, является традиционной прелюдией к заявлениям, направленным на ограничения этих прав.

Рассмотрим несколько примеров расшифрованных стенограмм парламентских дебатов. Все примеры взяты из парламентских стенограмм в период с 1985 по 1990 годы. Мы не приводим детальный контекст описываемых дискуссий и не рассматриваем персоналии ораторов. Следуя задачам настоящей работы, мы называем страны, в которых происходят события, для того чтобы продемонстрировать схожие элементы речей, произнесенных в различных государствах.

(27) Наш сегодняшний спор касается не только беженцев: речь идет о целом социуме, об ответственности, Европы и Нидерландов за сохранение фундаментальных прав человека в этом мире. Право на предоставление убежища представляет собой неотъемлемый национальный компонент политики соблюдения прав человека (Нидерланды).

(28) Я верю, что мы удивительно справедливая страна. Ведь мы придерживаемся правил в отличие от других иностранных правительств (Великобритания).

(29) Наша страна многие столетия была открыта для иностранцев, в соответствии с традициями, корни которых уходят еще в дореволюционный период (Франция).

(30) Франция, страна, которая показала миру дорогу к демократии и правам человека, Франция, земля, где каждый мог найти радушный приют и убежище, Франция,

страна, чье присутствие ощущается всех пяти континентах — не может склонить голову перед расовой ненавистью (Франция).

(31) Я не знаю ни одной страны, которая придает столько значения соблюдению прав иностранцев, как это делает наша страна. (Германия)

(32) Это нация, чьи ценности и традиции, несомненно, удивляют весь мир. Я полагаю, что каждый из нас преисполнен гордости за американские взгляды, американские идеалы, американское правительство и американские принципы, которые воодушевляют сотни миллионов людей, борющихся за свободу по всему миру (США).

(33) Существует так много действительно великих вещей в нашей стране — великих свобод слова, религии, права голоса и права выбирать наших лидеров; и конечно, наше величие заключается в нашей мобильности, способности всех и каждого из нас, вне зависимости от обстоятельств нашего рождения, найти свой путь в американском обществе и идти вслед за своими мечтами (США).

Несмотря на то, что националистическая риторика может отличаться в разных странах (как правило, она более насыщена во Франции и США), базовая стратегия позитивной саморепрезентации реализуется каждом парламенте: мы справедливые, мы уважаем права человека, у нас существуют давние традиции толерантности и т. д. Нередко приходится слышать мнения, по меньшей мере, некоторых парламентариев о том, что именно их страна является самой либеральной, свободолюбивой и демократической в мире.

14. Справедливо, но...

Рассмотренные примеры самовосхваления, особенно в преддверии дебатов по проблемам меньшинств и иммиграции, выполняют несколько функций в парламентском дискурсе. Для парламентских сил, выступающих против поддержки меньшинств и иммигрантов, положительная саморепрезентация зачастую функционирует как отрицание расизма. В этом случае, позитивная саморепрезентация становится прелюдией для того «но», за которым далее ледуют аргументы в пользу специальных ограничений против меньшинств и иммигрантов. В качестве примера рассмотрим эпизод из радио интервью с голландским премьер-министром Рудом Любберсом:

(34) На практике мы должны создавать для них новые возможности, однако одновременно мы также должны ограничивать свою либеральность. Наша политика должна также подразумевать ответственность и с их стороны [буквально — мы требуем от них ответственности].

И в других случаях мы обнаруживаем в дискурсе практически традиционную комбинацию идей справедливости с одной стороны и принципов жесткости, реализма и прагматизма с другой:

---

(35) Национальная и интернациональная ответственность по отношению к людям, попавшим в чрезвычайные ситуации, является, в совокупности с обязательствами по выполнению наших соглашений, сущностью всей нашей политики. Пусть здесь все остается так, как есть. Но мы, разумеется, должны принять меры против этих многочисленных нелегитимных, недобросовестных и необоснованных заявлений о предоставлении убежища и не допустить ситуации, при которой кто-то делает деньги на человеческом несчастии (Нидерланды).

(36) Установление контрольно-визового режима представляет собой абсолютно правомерный шаг при наличии соответствующих межгосударственных соглашений. Подобного рода режим является наилучшим способом справедливого контроля за иммиграцией и позволяет тем, кто имеет на это права свободно въезжать в нашу страну и свободно покидать ее. Подобного рода контроль обеспечивает наличие необходимых правовых элементов для организации свободного передвижения (Великобритания).

(37) Если мы желаем добиться гармонии и равенства в наших городах, необходимо, чтобы соответствующая работа велась параллельно с осуществлением жесткого и справедливого иммиграционного контроля (Великобритания).

(38) Период расширения в нашей стране завершался в течении более чем пятнадцати лет. Сегодня среди французского населения проживает еще и население иностранцев, и это население находится под жестким давлением экономической рецессии и безработицы. Возникает ситуация в которой мы должны вести себя не только гуманно, но также и рационально, поскольку вне всякого сомнения за эпохой иллюзий всегда следует эпоха реализма (Франция).

(39) Справедливая необходимость баланса интересов диктует нам условия, при которых дальнейшая иммиграция иностранцев должна быть ограничена по той причине, что для всякого сообщества существует предел возможностей и способностей дальнейшего интегрирования (Германия).

(40) Данное приложение открывает для палаты представителей возможность запустить принципиально новый гражданско-правовой кодекс, сочетающий в себе принципы справедливости и прагматичный подход (США).

Подобная, удивительным образом схожая в разных странах риторика о соблюдении принципов справедливости («строго, но справедливо») направлена на объединение двух политически и идеологически оппозиционных подходов. С одной стороны, речь идет об общечеловеческих ценностях, таких как толерантность и гостеприимство, с другой – о рациональности и здравом смысле. Иными словами, говорящие подчеркивают необходимость следования принципам справедливости и тут же

отвергают их, как непрактичные и непригодные для решения повседневных политических задач и принятия важных решений в области этнической и миграционной политики. Аргументация к справедливости служит, в этом случае, для поддержания своего рода «баланса», направленного на нивелирование и замалчивание отрицательных сторон предлагаемых законопроектов, таких, например, как законопроект об ограничении иммиграции в европейских парламентских дебатах, или дополнения к гражданско-правовому кодексу (Биллю о гражданских правах) от 1990 года (в последствии подвергшиеся президентскому вето) в США.

Позитивная презентация подобных законопроектов, а также поддерживающих их партий и объединений, включает в себя такие стратегические аргументативные ходы, как явный альтруизм («это же в их собственных интересах»), выбор меньшего из двух зол («ограничение иммиграции способствует предотвращению конфликтов в бедных районах») и иные стратегические аргументативные уловки, подчеркивающие, что политик или партия действуют в интересах нации, (белого) большинства, а также самих национальных меньшинств, беженцев и иммигрантов. Подобная дилемма хорошо видна в рассуждениях голландского министра иностранных дел, господина ван ден Брока:

---

(41) Правительство находится под давлением голландского общества, разделившегося на два лагеря в отношении проблемы увеличения заявлений о предоставлении политического убежища. [Некоторые желают либерализации политики предоставления убежищ иностранцам.] В то же время существуют более или менее выраженные мнения о том, что иммигранты представляют угрозу для голландского общества.

Любопытно, что правительства желают слушать, прежде всего, тех людей, чьи мнения они еще загодя сформировали, как это было в ситуации с запугиванием беженцев в Голландии в последние годы. По правде говоря, не существует никакой дилеммы, лишь баланс популистских чувств и интересов во имя сохранения власти. Оправдывая меры по усилению миграционного контроля популистскими идеями, правительство придает легитимность своим действиям, опираясь на общественную поддержку, сформированную и сконструированную им самим. Делается это посредством распространения паники по поводу «волн» эмиграции, якобы затопивших страну. Подобное определение ситуации используется и в прессе — таким способом гораздо легче достигается эффект узнаваемости у аудитории СМИ (van Dijk, 1988c).

В подобной политической ситуации, управление общественным мнением приобретает особенно важный характер. Вне зависимости от характера

политической партии, любое объединение, включая праворадикальные организации, все парламентарии дружно отрицают свою причастность к распространению дискриминации, предвзятости и расизма. Разумеется, при этом, что чем более прорасистскими выглядят заявления парламентариев, тем более горячо звучат речи, опровергающие и отрицающие сам расизм. В качестве примера рассмотрим несколько цитат из заявлений представителей партии «Фронт Националь» Национальной Ассамблеи Франции:

(42) Мы не расисты и не ксенофобы. Мы лишь желаем естественной иерархии, ведь речь идет о Франции, а Франция это страна французов.

(43) Нет, французы не расисты и не антисемиты, не ксенофобы и не ревизионисты. Пожалуй, их волнует бесконтрольная иммиграция и фундаментальный ислам, который грозит расколоть Средиземноморье. И все же французы сохраняют свою толерантность.

Обратите внимание на то, как эксплицитное или имплицитное «но» следует за отрицанием. В первом случае оратор, (лидер «Фронт Националь», Ле Пен) даже заявляет о том, что это естественно, чтобы между иммигрантами и коренными французами существовала иерархия. Установление «естественного права» на главенствующую позицию лежит в корне всякой расистской идеологии.

Второй пример имеет косвенный характер, он подчеркивает «озабоченность» простых французов, сталкивающихся с чужой религией и культурой. Помимо дискурсивной стратегии политического популизма, которая весьма очевидна в подобных дебатах, («народ никогда не примет это», «вы должны слушать, что говорят простые французские (английские, американские) граждане») и т. д. Мы обнаруживаем посылку следующего характера: «мы не расисты, мы лишь выражаем озабоченность по поводу сложившейся ситуации».

Рассмотрим еще один пример схожей стратегии.

(44) Французы не расисты. Однако, сталкиваясь с тем ростом иностранного населения, который мы наблюдаем в некоторых городах, некоторые демонстрируют реакцию, напоминающую ксенофобию. В глазах безработного француза иностранец выглядит соперником, по отношению к которому возможно проявление враждебных чувств.

Вслед за обычным «*но*» в данном примере не следует негативных сентенций в отношении иммигрантов. Вместо них следует объяснение реакции «простых людей» (в основном речь идет о «простых мужчинах»,

реакции женщин почему-то не рассматриваются). Интересно, что сами формулировки, использующиеся в объяснении (рост населения, соперник) позволяют судить если не о полном оправдании, то уж, во всяком случае, о понимании причин расизма на почве экономической конкуренции. Однако само отрицание расизма представляет в этом случае сложный комплексный феномен. В данном дискурсе именно отрицание расизма становится призывом к национальному французов. Вслед за отрицанием следует частичная уступка, ограниченная приемами смягчения и отгораживания («реакция схожая с ксенофобией», «возможно проявление враждебных чувств»). Вводится также и ограничение пространства («в некоторых городах»). Иными словами – необъективность, дискриминация и расизм проявляются в локальных инцидентах и являются результатом провоцирования со стороны все более увеличивающих свою численность иммигрантов, – подобные идеи мы находим также и в консервативной британской прессе.

Всякий раз, когда обсуждаются запретительные меры, их апологеты ощущают внутреннюю необходимость напоминать своей аудитории и всей общественности в целом, что подобная политика не имеет ничего общего с дискриминацией и расизмом:

(45) Я надеюсь, что жители других стран, вне зависимости от того, белые они или черные, а также вне зависимости от того, гражданами какой страны они являются, осознают, что подобные масштабные изменения не являются результатом необъективного или предвзятого отношения.

(46) Я и мой уважаемый друг будем продолжать внедрение строгой, но справедливой системы контроля не из за нашей необъективности или негуманности, а из-за нашей веры в то, что контроль необходим для того чтобы люди, которые живут в наших городах, жили вместе в справедливой гармонии и толерантности.

Отрицания требуют дополнительной аргументации. Заявление о том, что меры «справедливы» могут показаться неубедительными. Следовательно, мы обнаруживаем аргументативные ходы, которые видели уже ранее: например, озабоченность судьбами бедных районов. Данные формы аргументации содержат также и перенос: «мы не расисты, но жители бедных районов расисты, и нам следует избегать обострения негодования среди масс». Данная форма аргументации типична для того, что мы называем «расизм элит». Расизм элит отрицает наличие предубеждений и ксенофобии в своей собственной среде, но признает, что представители необеспеченных белых слоев населения, возможно, далеко не столь толерантны

15. Отрицания расизма и нападки

Анализируя британскую прессу, мы обнаружили, что отрицания расизма легко трансформируются в нападки на антирасистов. Данный феномен можно наблюдать и в парламентском дискурсе. Так, представители консервативных партий отказываются признавать не только обвинения, но даже предположения о том, что их жесткая иммиграционная политика, а также политика в отношении национальных меньшинств, может категоризироваться другими политиками, как расистская. Коль скоро на языке официальных норм все мы «толерантные граждане», то подобные утверждения открыто объявляются неприемлемыми:

(47) Обращаясь к представителям левого крыла, я еще раз твердо заявляю! В ваших речах, Я, Господи упаси, заметил такие слова как «расизм» и «ксенофобия». Выходит, все, кто не поддерживает вас, будут подвергнуты осуждению в подобных терминах? Все вы должны понять раз и навсегда: то, что мы против вас не делает из нас расистов (Франция).

(48) Разрешите мне заявить, что нынешние споры, ни при каких обстоятельствах не должны вызвать инсинуаций о том, что единственные антирасисты в этом зале заседают вон на тех скамьях, в то время как мы здесь являемся расистами (Франция).

(49) Что ж, теперь нам необходимо прийти к согласию о том, что сегодня здесь мы можем иметь различные мнения и различные философии относительно того, как законным путем достичь равноправия и гражданских прав для всех и каждого. При этом никто из нас не должен рассматриваться как нарушитель гражданских прав, расист или кто-либо еще в этом роде (США).

Любопытным примером является парламентское обсуждение нового закона об иностранцах в Германии. Когда представитель партии зеленых квалифицирует положения закона как «расистские» (термин, который не является употребительным в германском парламентском дискурсе, в отличие, например, от Нидерландов), представители консервативного крыла впадают в ярость. Даже спикер Бундестага вмешивается в этот спор:

(50) У меня все похолодело, когда наш коллега...заявил о том, что данный закон является формой институционального расизма. Учитывая, что представителям старшего поколения среди нас довелось 12 лет жить в условиях институционального расизма, я прошу вас, дамы и господа, в особенности это касается наших молодых коллег, уважайте этот ужасный опыт и избегайте подобных терминов в нашей повседневной политической практике.

В данном случае очевидно, что оценка чего-либо в терминах расизма может относиться только лишь к нацистскому прошлому и не допускается в официальном современном политическом дискурсе. Максимально жесткий допустимый термин — Auslanderfeindlichkeit (буквально — враждебность к иностранцам). Термин «расизм», таким образом, признается слишком жестким по определению, хотя бы по той причине, что сегодняшняя ситуация не может сравниться с чудовищными преступлениями нацистов в прошлом. Схожая ситуация существует, также, и в Нидерландах, где термин «расизм» тоже не употребляется в общественном (политическом и медиа) дискурсе, поскольку под расизмом подразумеваются лишь экстремистские праворадикальные идеологии расового превосходства.

16. Инверсия

Несмотря на то, что умеренные упреки в адрес представителей антирасистских движений нередко звучат в парламенте, инверсии встречаются здесь достаточно редко. И, всеже, инверсии являются традиционной тактикой представителей правых партий, таких, например, как Фронт Националь во Франции. Традиционно являясь мишенью для имплицитных обвинений в расизме, они не ограничиваются отрицанием и оборачивают обвинения в сторону своих противников. Например, политику либерализации иммиграционного законодательства и равноправия в отношении иностранцев, проводимую социалистами, они склонны рассматривать как «антифранцузский расизм»:

(51) Существует форма расизма, которая, мои дорогие коллеги, (пауза), реализуется молчаливо, но при этом, вызывает такой уровень негодования, который не может нас не обеспокоить. Я говорю об антифранцузском расизме.

Другой способ реверсии — обвинить самих антирасистов в эскалации расизма путем проведения слишком либеральной иммиграционной политики при полном отсутствии желания внимать голосу масс.

(52) Что ж, какова сегодняшняя Франция, по словам тех, кто столь часто находил убежище в нашей стране... Франция это страна с наименьшим количеством расизма в мире. И мы не потерпим заявлений о том, что Франция — это страна расистов. ...В рамках нынешних дебатов можно сказать, что данный законопроект направлен на сокрытие и воспроизводство расизма!

Приведенные выше примеры, взяты из парламентских дискурсов западных стран. Они демонстрируют, что, несмотря на то, что парламентарии стремятся избегать праворадикальной терминологии в ходе дебатов, стратегии споров об иммигрантах и национальных меньшинствах, весьма напоминают стратегии, используемые в повседневных спорах и текстах желтой прессы. Характерными для этого вида политического дискурса, являются самовосхваление и стратегическое управление производимым впечатлением: «что бы мы не решили, мы всегда будем правы». Поскольку национальные меньшинства в Европе (я уже не говорю об иммигрантах и беженцах) практически не имеют политической власти, подобного рода «балансирующий акт», реализующий принципы «строгой, но справедливой политики», по существу представляет интересы исключительно белого большинства. Ситуация, когда правительство рассматривается как «гуманное, но без лишней мягкости» может обеспечить ему максимальную поддержку: «да, мы действительно принимаем энергичные меры, но при этом мы не расисты».

В результате, помимо управления производимым впечатлением, подобный политический дискурс осуществляет стратегию самооправдания. Именно на основе подобной стратегии достигается общественное согласие по вопросам этнической политики, и, одновременно, решаются конкретные задачи, связанные с этническими проблемами, иммиграцией и международными отношениями.

17. Заключение

Где бы это не происходило — на улицах бедных кварталов или в парламенте — представители доминирующих социальных слоев активно воспроизводят дискурс о Них: о представителях этнических меньшинств, иммигрантах и беженцах приехавших страну. Подобного рода дискурсы, как и лежащие в их основе социальные знания, представляют собой сложные феномены, сотканные из противоречий. Зачастую в основе их лежат общие нормы толерантности, однако нередко случается, что вместо этих норм (а порой и одновременно вместе с ними) данные дискурсы формируются на основе чувств недоверия, негодования и разочарования этими «другими».

Темы, истории и аргументация в дискурсе могут, таким образом, формировать, негативную картину меньшинств и иммигрантов, например в терминах культурных различий, девиантности или конкуренции, угрозы «нашей» стране, пространству обитания, жилищу, образованию, занятости, нормам, ценностям, привычками и языку и т. д. Подобные речи

и тексты, следовательно, не являются формой индивидуального дискурса, они формируются на основе социальных групп и выражают не столько индивидуальные мнения, сколько социально разделяемые репрезентации.

И, тем не менее, отрицательные мнения о меньшинствах или иммигрантах могут восприниматься, как предвзятые, расистские и в целом не соответствующие общим нормам толерантности. Это означает необходимость реализации по отношению к таким дискурсам комплекса стратегий ограничения, смягчения и объяснения, так, чтобы их содержание невозможно было повернуть против тех, кто говорит. В таких случаях говорящие прибегают к стратегиям «сохранения социального имиджа – лица», стратегиям положительных саморепрезентаций, управления впечатлением: с одной стороны, им необходимо быть правильно понятыми, с другой – необходимо избежать возникновения нежелательных впечатлений у аудитории.

Одна из основных форм стратегического управления впечатлениями аудитории, к которой зачастую прибегают представители белых элит, это отрицание расизма. Можно просто уточнить, что говорящий не имел в виду ничего дурного, можно разъяснить свои намерения и представить их исключительно добрыми, несмотря на негативную внешнюю окраску. Можно смягчить отрицательные характеристики с помощью эвфемизмов, импликаций и латентных аллюзий. Можно пойти на уступку и, одновременно поддержать отрицательный дискурс с помощью аргументов, историй или иных «фактов».

Можно отринуть стратегии позитивной саморепрезентации и самозащиты и организовать активную контратаку: «те, кто обвиняет других в расизме, на самом деле являются его апологетами и сторонниками». Это они враги толерантности, выступающие против «нашего» народа. В этой ситуации мы – жертвы иммиграции, это против нас направлена дискриминация с их стороны.

Любопытно, что, несмотря на стилистические различия, данный дискурс проецируется на все социальные группы и все социальные контексты. По сути, «обычные» белые граждане не менее чем белые элиты нуждаются в защите своего социального имиджа. В то же время, они стоят перед задачей реализации своих практик и интерпретаций в стремительно меняющемся социокультурном пространстве. Для представителей доминирующих групп это означает, что отношения доминирования должны воспроизводиться на макро и микроуровнях, как в идейном, так и в практическом плане.

В данном процессе важнейшим элементом является отрицательная репрезентация подавляемых социальных слоев. Однако подобного рода

идеологии противоречат идеалам гуманности и демократии, утверждаемым в среде доминирующего большинства. Это означает необходимость создания когнитивной и дискурсивной защиты против обвинений в дискриминации и расизме. Восстановление когнитивного баланс возможно лишь при условии, если правые силы встанут на сторону антирасистов и вступят в их ряды. Подобный невероятный шаг потребовал бы, в том числе, и признания равенства между доминирующей группой, иммигрантами и национальными меньшинствами. В противном случае остается лишь полностью отрицать расизм. Вот каков характер выбора, перед которым оказываются доминирующие социальные группы в Европе и США. Увы, в большинстве случаев они выбирают отрицание.

Глава 7. Политический дискурс и политическое познание

1. Связь между политикой, познанием и дискурсом

Целью данной главы является исследование взаимоотношений между политическим дискурсом и политическим познанием. По отдельности, каждый из рассматриваемых феноменов в последнее время находился в фокусе внимания многих исследований, к сожалению взаимосвязь между двумя феноменами не получила должного научного внимания. Исследователи в области политической психологии не проявили интереса к дискурсу и наоборот — исследователи политического дискурса оставили без внимания его когнитивные основания.

И, тем не менее, рассматриваемые взаимоотношения имеют очевидный и весьма любопытный характер. Исследование политического познания в значительной степени связяано с анализом социально-разделяемых ментальных репрезентаций, формирующихся людей в ходе участия в политическом процессе. Наши знания и отношение к политикам, партиям и президентам в значительной степени приобретается, изменяется или поддерживается посредством восприятия текста и речи в процессах социализации (Merelman, 1986), образования, восприятия информации СМИ и неформальных разговоров. Таким образом, воспроизводство политической информации, как правило, является, также, воспроизводством политического дискурса по причине тесной взаимосвязи между политическими действиями, участием в политических процессах с одной стороны, и коммуникацией и дискурсом с другой. Между тем, изучение политического дискурса может быть теоретически и эмпирически релевантно лишь в том случае, когда структуры дискурса соотносятся с элементами политических структур и процессов. В данном случае уровень политических структур и процессов представляет собой макроуровень политического анализа, в то время как уровень дискурса может рассматриваться как его микроуровень.

Преодоление разрыва между двумя уровнями анализа требует наличия комплексной теории политического познания. В рамках данной теории

необходимо объединить индивидуальную уникальность и вариативность политического дискурса и политических интеракций с социально разделяемыми репрезентациями политических групп и институтов. Так, предвзятый текст об иммигрантах может опираться на существующие индивидуальные предубеждения в отношении иммигрантов, а сами предубеждения могут являться частью социально разделяемых расистских идеологий определенной группы. Таким образом, теория, представленная в этой главе, имеет междисциплинарную, комплексную природу и соотносит различные уровни и элементы политического пространства. Нижний уровень теории формируется из политических агентов, их убеждений дискурсов и действий в политических ситуациях. На основе нижнего уровня формируется средний уровень, состоящий из политических групп и институтов, а также их репрезентаций, дискурсов, взаимоотношений и интеракций. На основе среднего уровня формируется высший уровень, состоящий из политических систем и их абстрактных репрезентаций, порядков дискурса, социополитических, культурных и исторических процессов. Разумеется, рассматриваемые уровни характеризуются наличием многоуровневых связей и реализуются в социальном пространстве одновременно. В результате, речь представителя в парламенте можно рассматривать с точки зрения реализации индивидуальных когнитивных установок в определенном уникальном контексте. В то же время, необходимо помнить о том, что говорящий произносит свою речь от имени партии и избирателей, и, как таковой, выступает в оппозиции другой партии или правительства, выражая позицию и идеологию своей группы. Наконец, действуя подобным образом, он или она воспроизводит систему парламентской демократии, демократический порядок дискурса и демократическую идеологию, а также подразумевает в своей речи существование общепринятых культурных норм, знаний, ценностей, разделяемых всеми группами в рамках определенного исторического этапа единой культуры.

Настоящая глава рассматривает взаимоотношения на нижнем и среднем уровне политического анализа. С одной стороны, мы анализируем то, как политическая речь и тексты субъектов соотносятся с социально разделяемыми политическими репрезентациями, а также то, каким образом происходит политическое взаимодействие на уровне социальных групп и институтов. Учитывая комплексность взаимоотношений между индивидуальным и социальным уровнем анализа необходимо сосредоточить исследовательское внимание на нескольких основных проблемах.

Во-первых, необходимо детально исследовать роль политического контекста дискурса, а также то, каким образом данный контекст определяется и управляется участниками политического процесса в ходе восприятия и производства политических речей и текстов. Во-вторых, мы проде-

монстрируем, что структуры политического дискурса (политические топики, местоимения и метафоры) также требуют описания и объяснения в терминах внутренних ментальных репрезентаций, которые, в свою очередь, соотносятся с политическими структурами или процессами.

С учетом описанных выше уровней анализа, сказанное означает, что существует два основных плана связи между дискурсом и политикой. Первый — на социополитическом уровне описания, где политические процессы и структуры формируются из событий, интеракций и дискурсов политических агентов действующих в политических контекстах. Второй — на социокогнитивном уровне описания, где социально разделяемые политические репрезентации соотносятся с индивидуальными репрезентациями дискурсов, интеракций и контекстов. Иными словами, политическое знание служит как незаменимый теоретический интерфейс между индивидуальными и социальными измерениями политики и политического дискурса.

✓ **Пример** Для того чтобы проиллюстрировать теоретические аргументы данной главы, приведем конкретный пример политического дискурса, а именно фрагмент речи, произнесенной в Британской Палате Общин 5 июля 1989 года, сэром Джоном Строксом, крайне консервативным представителем Хэльсовена и Стауэрбриджа. В своей речи он продолжает дебаты по поводу иммиграции и тестов на ДНК, поддерживая дальнейшие ограничения иммиграции, введенные правительством М. Тэтчер, те самые, которые оппозиция, в лице представителя партии лейбористов, Роя Хаттерсли, окрестила «расизмом» и «дискриминацией». Вот что говорит по этому поводу сэр Джон Строкс:

(1) За последние 25 лет, мы открыли границы для сотен тысяч иммигрантов.
(2) На сегодняшний день мы имеем, на нашем маленьком острове, этнические меньшинства, насчитывающие
(3) миллионы людей, чей уровень рождаемости, как известно, зачастую сильно превышает уровень рождаемости
(4) коренных британцев. Главным образом данная проблема затрагивает Англию, поскольку
(5) остальные государства в составе Соединенного Королевства имеют гораздо меньшее количество
(6) иммигрантов. Для чего же мы, члены парламента от Англии собрались здесь сегодня?
(7) Этот вопрос я, также, адресую и к оппозиции. Разве мы не являемся поверенными будущих поколений нашей милой
(8) Англии? Какое будущее ждет нашу страну через 25
(9) лет, пусть даже вся иммиграция будет остановлена завтра? Какой эффект произведет все это на нашу

(10) религию, мораль, обычаи, привычки и т. д? Мы уже стали свидетелями
(11) опасных действий со стороны мусульманского сообщества.
(12) Я служил вместе с мусульманами во время войны и преклоняюсь перед
(13) многими из них так же, как преклоняюсь перед их религией. Я также восхищаюсь письмом, которое мой
(14) уважаемый друг, Государственный министр, первый заместитель Министра внутренних дел, адресовал
(15) мусульманским лидерам, и которое было опубликовано сегодня в газетах. Было бы глупостью игнорировать то, что
(16) подобные действия угрожают
(17) людям, которых мы здесь представляем. Мы не должны позволить нашим чувствам
(18) вины по отношению к иммигрантам затуманить ясность наших суждений.
(19) Мы — англичане — мягкий, толерантный, добрый и миролюбивый народ. Мы уже
(20) приняли огромное количество иммигрантов. За
(21) редким исключением это не привело к беспорядку, хаосу и кровопролитию, которое предрекали некоторые. При этом,
(22) бремя принимать и находить общий язык с новоприбывшими, легло не на
(23) ученых и не на представителей от лейбористов и их клики,
(24) а на обычных англичан, на рабочий класс. И они, разумеется, имеют право высказать здесь
(25) свою точку зрения. Увеличение количества иммигрантов привело к колоссальным изменениям в жизни городов.
(26) Никто не спрашивал мнения местных жителей
(27) на этот счет, по этому поводу никогда не устраивались голосования.
(28) При этом у них наверняка есть мнение по поводу будущего нынешнего наплыва иммигрантов. Эти люди ждут от нас слов в защиту их позиции.
(29) Каждый из них — иммигрант и неиммигрант ждет от нас мер и гарантий стабильности и безопасности. Как я уже
(30) упомянул, до сих пор обошлось без беспорядков и кровопролития, у нас есть нормальные
(31) стабильные отношения. Но, глядя на цифры свидетельствующие о количестве вновь прибывающих иммигрантов,
(32) все больше людей задаются вопросом: «будет ли это продолжаться бесконечно, или мы все же можем сказать
(33) — хватит, достаточно!» Все это является маленькой попыткой обрести
(34) контроль над ситуацией, очень мудрой попыткой. Данная попытка должна получить поддержку как внутри Палаты Общин,
(35) так и за ее пределами. (Hansard, 5 July 1989, columns 390–1)

Для того чтобы полностью понять суть данного примера, необходимо сделать несколько ремарок относительно его политического контекста.

Речь была произнесена летом того же года, когда Аятолла Хомейни издал фатву и приговорил к казни писателя Салмана Рушди (а также всех, кто имел отношение к публикации) за его книгу «Сатанинские стихи». Религиозный смертный приговор повлек за собой волнения в мусульманской общине Великобритании, некоторые члены которой публично его поддержали. В результате произошли демонстрации и публичное сожжение книги представителями мусульманской общины. Именно об этих «опасных действиях» говорит сэр Джон Строкс. Он также упоминает письмо, которое написал его коллега-консерватор, Секретарь Министерства Внутренних дел, Дуглас Херд. В письме Херд он обратился к мусульманскому сообществу с предупреждением о том, что Британия не потерпит от него антидемократических выступлений.

Далее мы вернемся к теоретическим аргументам и проиллюстрируем их примерами из рассмотренной речи.

✓ Исследование политического познания

Исследование политического познания обращено к рассмотрению различных аспектов (вос)производства политической информации. Главным образом, данное исследование рассматривает приобретение, использование, а также структуру ментальных репрезентаций политических ситуаций, событий, агентов и групп. Типичными темами исследований в области политического познания являются: организация политических убеждений, имидж политиков, политические суждения, принятие политических решений, стереотипы, предрассудки и социополитические отношения, групповые политические идентичности, общественное мнение, формирование политических представлений и многие другие темы, которые связаны с репрезентациями и иными ментальными процессами соотносимые с политическими действиями и пониманием политики (более подробно об этом см. Hermann, 1986, Iyengar and McGuire, 1993, Lau and Sears, 1986, Lodge and McGraw, 1995). Обзор данного корпуса исследований выходит за пределы настоящей работы. Вместо этого, нашей целью является создание принципиальной схемы анализа взаимоотношений между политическим дискурсом и политическим познанием. Разумеется, некоторые элементы данной схемы связаны с взаимоотношениями между политическим знанием и различными компонентами политических структур и процессов, о которых уже упоминалось ранее. (Несмотря на отсутствие специальных работ, объединяющих систематический анализ политического дискурса с исследованием политического знания, существуют работы, объединяющие анализ коммуникации с политической психологией: например Crigler, 1996, Kraus, 1990, Kraus and Perloff, 1985).

(Один из немногих исследователей в области политического знания, который рассматривает различные типы дискурсов в основном методами

контент-анализа, — Тетлок (см. Tetlock 1981, 1983, 1984, 1985a, 1985b, для обзора настоящего исследования, см. Tetlock, 1993).

Важной деталью предлагаемой схемы, отсутствующей в других исследованиях в области политического знания, является фокус на рассмотрении ментальных моделей, которые представляют собой своего рода интерфейс между социально разделяемыми политическими знаниями с одной стороны, и личными убеждениями с другой. Данные модели служат когнитивной основой не только политического дискурса, но и самой политики, и, таким образом, соотносят когнитивные политические макроструктуры группового и институционального уровня с микроструктурами, на основе которых строятся действия индивидуальных политических агентов.

2. Концептуальная модель

Для того чтобы иметь возможность реконструировать систематические взаимоотношения между политическим познанием и политическим дискурсом, я хотел бы кратко охарактеризовать некоторые элементарные понятия психологии, на основе которых мы будем анализировать данные взаимоотношения (по поводу релевантности данной схемы для воспроизводства политической информации, см. Wyer and Ottati, 1993):

1. Когнитивные процессы и репрезентации определяются относительно абстрактной ментальной структуры, именуемой «мемор».
2. Традиционно выделяется различие между кратковременной памятью и долговременной памятью. Переработка актуальной информации, понимание и производство дискурса, мониторинг интеракций и т. д., — все это происходит в кратковременной памяти с использованием информации (например, в форме знаний), хранящейся в долговременной памяти.
3. Дальнейшее разделение происходит в долговременной памяти на эпизодическую и семантическую память. Эпизодическая память сохраняет элементы личностного опыта, возникающие на основе переработки (понимания) информации в кратковременной памяти, в то время как семантическая память хранит более абстрактную социально разделяемую информацию, такую как знание языка или знание об окружающем мире. Учитывая социальную природу информации, хранящейся в семантической памяти, я использую термин «социальная память» в противовес более индивидуальной информации, хранящейся в эпизодической памяти.

4. Информация в долговременной памяти организована на основе различных типов ментальных репрезентаций, каждый из которых обладает своей собственной схематической структурой. Например, общие социальные знания об эпизодах конвенционального характера (поход в супермаркет или участие в научной конференции) могут организовываться в так называемые «скрипты» или сценарии, состоящие из определенного количества фиксированных категорий типичных установок, событий, действий и участников подобных эпизодов. Частью этого социального знания являются общие политические знания людей о политиках, парламентских дебатах, выборах, пропаганде и политических демонстрациях.
5. Знание определяется нами как организованная ментальная структура, состоящая из общепринятых, основанных на фактах убеждений социальной группы или целой культуры, соотносимых с исторически варьируемыми критериями истины свойственными социальной группе или культуре. То, что является знанием для одной группы или культуры на определенном периоде ее развития, может рассматриваться как не более чем мнение другими группами или культурами
6. Помимо знаний существуют также иные формы социальной информации, такие как групповые позиции (включая предрассудки), идеологии, нормы, ценности. Если культурологическими критериями знания являются его основанность на фактах, объективность и правдивость, то позиции имеют гораздо менее высокий истинностный статус и рассматриваются как нечто оценочное или субъективное (интерсубъективное) в силу различий в критериях истинности у различных групп и обществ (далее мы детально рассмотрим эту проблему).

   Несмотря на то, что нам мало известно об организации оценочных убеждений, можно предположить, что позиции и идеологии формируются на основе блоков характеристик, например, собственной группы, других групп и взаимоотношений между ними. Например, таким образом, шовинистские убеждения мужчин в отношении женщин и взаимоотношений полов, вероятно, хранятся в когнитивных схемах межгрупповых отношений между мужчинами и женщинами.
7. Общая структура социальной памяти до сих пор не известна. Однако я полагаю, что ее базис формируется на основе общепринятых социокультурных убеждений и мнений, а также элементов социального знания, истинность которых не подвергается сомнению (об исследованиях на сходную тематику см. Clark, 1996). Сфера культурного взаимопонимания формирует такие понятия как «здравый смысл» и «объективность». И хотя общепринятые убеждения имеют фунда

ментальный, для данного периода развития культуры, характер, они также подвержены историческим изменениям. На основе культурного взаимопонимания (которая также обеспечивает межличностное понимание и межсубъектную коммуникацию) каждая социальная группа развивает внутригрупповые знания и мнения, которые, в свою очередь, основаны на определенных идеологиях. Иногда фрагменты специализированных групповых убеждений становятся частью сферы культурного взаимопонимания (как это, к примеру, случилось с нашими знаниями о планете Земля). И, наоборот, убеждения из сферы культурного взаимопонимания определенного исторического периода могут формировать основу убеждений специфических социальных групп или сект в будущем (как это случилось, например, с христианством).

8. Помимо общепринятых групповых убеждений, люди также накапливают индивидуальный опыт и знания, хранящиеся в эпизодической памяти. Элементы личностного опыта воспроизводятся в ментальных моделях, которые, в свою очередь, также имеют схематическую структуру, состоящую из ряда фиксированных категорий, например установок, действий, участников и их различных ролей.

9. В противовес общепринятым групповым убеждениям, когнитивные модели специфических событий (таких, например, как парламентские дебаты, которые мы рассматриваем в качестве примера) формируются на субъективном уровне.

10. Модели формируют когнитивную основу индивидуальных дискурсов и интеракций. Субъекты конструируют модель события (например, модель события, о котором рассказывается в прочитанном тексте) или действия в котором принимают участие другие люди или они сами. Модели служат особой базой данных, с которой соотносится дискурс, и, таким образом, помогают формировать локальную и глобальную связность.

11. Модели соединяют новую информацию (например, понимание текста или наблюдение события), фрагменты более ранних опытов (более ранние модели), конкретизации или более общую индивидуальную информацию (личностные знания, личность, самость), конкретизации социально разделяемой информации (групповые убеждения или культурные сценарии). Иными словами, модели содержат как индивидуальную так и социальную информацию и, таким образом, служат как основа взаимодействия между социальным и индивидуальным.

12. По той же причине, подвергаясь генерализации, обобщению, абстрагированию и нормализации, модели могут служить основой социального обучения. Общие и абстрактные репрезентации социальной памяти в первую очередь происходят из сферы нашего личностного опыта и реализуются в наших эпизодических когнитивных моделях. Социальные и политические знания могут, тем не менее, приобретаться более коротким путем, например, из общих, абстрактных дискурсов, политики и пропаганды.

Данный обзор некоторых основных черт теоретической системы, используемой для изучения взаимоотношений между политическим дискурсом и политическим знанием, оставляет в стороне комплекс деталей. Кроме того, хотя некоторые из рассматриваемых элементов носят достаточно распространенный характер в психологии, другие имеют уникальный характер, касающийся только рассматриваемого подхода. Например, несмотря на то, что литература о политическом познании описывает знание, усиановки, идеологии и их схематическую организацию и производство, она полностью игнорирует теорию ментальных моделей, которая, в свою очередь, широко используется в психологических исследованиях о производстве текстов (см., например, Granham, 1987; van Dijk and Kintch, 1983, van Dijk, 1985a, 1987b; van Oostendorp and Zwaan, 1994).

И наоборот: психологические исследования в области производства и работы с текстами текстов включают в себя теорию сценариев и другие когнитивные теории знания, но при этом игнорируют оценочные убеждения (мнения) и социально-разделяемые установки и идеологии. В подобном состоянии дел мы наблюдаем результаты произвольного разделения предметов исследования между когнитивной и социальной психологиями. В рамках данного подхода мы продолжим дискуссию относительно ряда феноменов, определяющих взаимоотношения между политическим дискурсом и политическим знанием.

✓ Производство дискурса

Описанный в предыдущей части когнитивный подход может быть применен для анализа употребления языка, а также производства и понимания политических текстов (см. об этом Britton and Graesser, 1996; van Dijk and Kintsch, 1983; van Oostndorp and Zwaan, 1994; Weaver and Mannes and Fletcher, 1995). В указанных работах, к данной дискуссии прямое отношение имеют:

(а) взаимоотношения между разделяемыми убеждениями (политическими репрезентациями) с одной стороны и личностными убеждениями (моделями) с другой стороны;

(б) отношения между этими социальными и личностными репрезентациями и структурами дискурса.

Мы предполагаем, что в ходе воспроизводства дискурса, говорящие или пишущие, как правило, опираются на личностные ментальные модели события или ситуации. Данные модели организуют субъективные убеждения говорящего по отношению к ситуации. В этом случае, речь Джона Строкса производится на основе его субъективной модели текущей ситуации с иммигрантами и этническими меньшинствами в Англии, модели, которую он оценочно определяет в терминах следующей макропропозиции: «данная проблема затрагивает Англию». В рамках общей модели текущей этнической ситуации в Соединенном Королевстве, реализуется ряд более специфических моделей, например: «Мы уже стали свидетелями опасных действий со стороны мусульманского сообщества» (или при упоминании о письме, адресованном господином Хердом мусульманскому сообществу). Обе модели воспроизводят не только индивидуальную интерпретацию событий, но и персональное мнение Джона Строкса.

Когнитивные модели, в речи Джона Строкса, воспроизводят распространенные социальные и политические убеждения, разделяемые рядовыми англичанами в целом и представителями консервативных партий в частности. К примеру, распространенным является знание о том, что сотни тысяч иммигрантов въехали за последнее время в Англию. Это общее знание интегрировано в когнитивную модель текущей ситуации в обществе. Как отмечает сам оратор, не только для него самого, но и для многих других подобная ситуация воспринимается как проблема. Как и другие, оратор воспроизводит расистское, по сути, мнение о том, что мусульмане представляют опасность для общества. В то же время, он представляет «нас англичан», «как мягкий, толерантный, добрый и миролюбивый народ». Этот контраст между «Нами» и «Ими» характеризует не только идеологии, которые оратор разделяет с другими (в основном консервативными и белыми) британцами, он также поляризует индивидуальную модель оратора относительно текущей ситуации в Великобритании. Эти примеры демонстрируют особенности некоторых взаимоотношений между субъективным и социальным знанием и мнениями, то есть между репрезентациями, социальной памятью и персональными моделями эпизодической памяти. После того, как сформирована субъективная модель ситуации или события, говорящие могут использовать элементы такой модели в дискурсе, с помощью ряда конкретных лингвистических и дискурсивных стратегий, рассмотрение которых не входит в рамки данной работы. Необходимо учитывать, что говорящие, как правило, используют лишь часть имеющихся у них когнитивных моделей, в основном, релевантных контексту текущей коммуникативной ситуации. Позднее мы вернемся к обсуждению контекстных рамок. Текст, как правило, представляет собой лишь вершину айсберга имеющейся у говорящего информации

о событии и ситуации в центре внимания. Сэр Джон, несомненно, знает гораздо больше об «опасных действиях» мусульманского сообщества, однако он лишь суммирует элементы имеющейся у него модели данных событий, в том числе с помощью выражения оценочных макропропозиций, определяющих рамки его модели. То же самое верно и в отношении его модели обращения г-на Херда к мусульманскому сообществу.

То, о чем мы говорили в отношении процесса производства дискурса, в полной мере относится и к его пониманию. Так, например, для аудитории сэра Джона, а равно и для читателей его речи в газете «Хансард» понимание текста происходит через комплексный процесс декодирования и восприятия слов и предложений, в результате которого конструируется индивидуальная модель рассматриваемой ситуации. Разумеется, если наше мнение полностью совпадает с мнением оратора, мы можем использовать его модель. В противном случае можно сформировать альтернативные модели в зависимости от наших персональных знаний текущей ситуации, а также от общепринятых групповых знаний и оценок. В тех случаях, когда аудитория воспринимает подобные дискурсы в виде речей политиков и текстов в СМИ, не имея при этом возможности доступа к идеологически альтернативным источникам информации, подобные модели могут обобщаться до уровня общепринятых абстрактных социальных репрезентаций о мусульманах, национальных меньшинствах, англичанах, иммигрантах. Подобную ситуацию мы наблюдаем в отношении этнических предубеждений и националистических и расистских идеологий в обществе.

Анализ процесса дискурсного производства демонстрирует некоторые взаимоотношения между политическим дискурсом и познанием. Наш пример показывает, как консервативные политические мнения и идеологии могут быть использованы для конструирования индивидуальных моделей текущей ситуации, а также как некоторые из этих моделей избирательно реализуются на уровне парламентского дискурса. Для нас важно, что подобные теоретические рамки с необходимостью подразумевают взаимодействие между социальным и индивидуальным, между групповым действием, индивидуальным действием и дискурсом.

Так, на социополитическом уровне анализа мы имеем возможность быть свидетелями того, как Тори поддерживают и защищают запретительные законодательные меры в отношении иммиграции, и как данный политический групповой акт фактически «реализуется» локально и контекстуально представителем от консерваторов посредством институционально организованной интеракции в форме парламентской речи. Анализируя социополитическую связь между социальным и индивидуальным на когнитивном уровне, мы обнаруживаем общепринятые мнения и идеологии

и видим, как данные мнения и идеологии соотносятся со специфическими мнениями социальных агентов в их моделях текущих ситуаций и событий.

И все же рассматриваемая структура имеет в достаточной степени фрагментарный характер. С ее помощью мы можем сказать крайне мало об элементах общепринятых политических репрезентаций и персональных моделей, о характеристиках парламентских речей, таких как речь Джона Срокса. Следовательно, нам потребуется ввести новые теоретические инструменты, для того чтобы обеспечить более ясное видение отношений между политическим дискурсом и политическим познанием.

Контекстные модели √

Как мы убедились ранее, говорящие, как правило, используют *лишь* часть индивидуальных моделей специфических ситуаций и событий, моделей, которые мы здесь и далее будем именовать «событийными моделями» (в более ранних работах мы называли их «ситуативные модели», см. van Dijk and Kintsch, 1983). Разумеется, в большинстве коммуникативных ситуаций было бы нерелевантным выражать все имеющиеся у нас знания или мнения о событии. Более того, большая часть имеющихся у нас знаний уже некоторым образом известна нашим собеседникам, которые, к тому же, зачастую разделяют наше мнение о событии.

Для того чтобы говорящие знали, какую часть информации субъективных моделей социальных репрезентаций необходимо включать в индивидуальный дискурс, им необходимо иметь дополнительные знания о текущей коммуникативной ситуации, включая знания о предполагаемых убеждениях их собеседников. К тому же они должны иметь представления о контексте, в рамках которого разворачивается текущая коммуникативная ситуация, для того чтобы иметь возможность оценить целесообразность и адекватность своих убеждений в данной ситуации (см. Fussel and Krauss, 1992). В парламенте одни высказывания считаются допустимыми, а другие — нет. Соответственно, представители правящей партии ведут себя не так, как представители оппозиции. Если Рой Хаттерсли говорит о мерах, предлагаемых правительством Тэтчер, как о «расистских и дискриминационных», то сэр Джон Срокс рассматривает их как позитивные и, более того, эксплицитно их одобряет и приветствует.

Данные примеры демонстрируют, что то, что мы говорим и понимаем, зависит от структурных ограничений текущего контекста, включающего, например, установки, тип события, жанр, цели, действия, а также участников, их роли и знания (Duranti and Goodwin, 1992). И напротив, когда мы говорим, мы одновременно конструируем и определяем контекст, внутри которого другие участники коммуникации, в свою очередь, понимают и оценивают нас самих. По этой и иным причинам пользователи языка обозначают и усиливают речь и тексты элементами контекстуального

характера. Сэр Джон Стокс прибегает к помощи такого элемента, вопрошая: «Для чего же мы, английские парламентарии, собрались здесь сегодня?» Подобного рода вопрос призван обозначить цель парламентской встречи, одновременно определяя ее временные и пространственные рамки («здесь», «сегодня»).

Таков стандартный способ описания взаимоотношений между текстом и контекстом в политическом дискурсе. Данный способ обладает серьезными недостатками с теоретической точки зрения, поскольку он соотносит два типа объектов, несоотносимых напрямую, а именно: структуры социальной ситуации (участников, обстановку, действия) и структуры дискурса. Более того, если развивать логику подобных взаимоотношений, то все участники коммуникации должны были бы говорить одно и то же. Поскольку в реальности этого не происходит, то за объяснением нам потребуется обратиться к теории когнитивного интерфейса.

Поскольку содержание речи Джона Строкса определяется не столько социальной ситуацией, сколько его субъективной интерпретацией ситуативной модели, это может означать, что дискурсы обозначают не сам социальный контекст, а субъективные ментальные модели контекста, конструируемые агентами коммуникации (более подробно об этом см. van Dijk, 1997a, 1999). Именно на этой основе формируются различия между контекстными моделями разных участников коммуникативного процесса. Подобным же образом у собеседников формируются субъективные мнения в отношении коммуникативной ситуации и ее участников. Контекстные модели позволяют также объяснить возникновение конфликтных коммуникативных ситуаций, основанных на различиях и противоречиях в структуре коммуникативных моделей участников. Весьма существенным представляется то, что концепция персональных моделей ситуации позволяет объяснить, почему индивидуальные тексты и речь, основанные на уникальных персональных моделях события и контекста, всегда уникальны, даже в тех случаях, когда они основаны на одних и тех же коммуникативных ситуациях.

На данном этапе мы обнаруживаем нехватку важного элемента, расположенного между ситуативными моделями и дискурсом в представленных выше теоретических рамках. Речь идет о контекстных моделях участников коммуникативного события. Хранящаяся в этих моделях субъективная информация отвечает за адаптацию речи и текста к текущей коммуникативной ситуации, а также служит для оценки допустимости определенных речевых актов в той или иной ситуации. Кроме того, контекстные модели определяют (прагматическую) релевантность (Sperber and Wilson, 1986) в терминах тех структур коммуникативных ситуаций,

из которых конструируется контекст в контекстных моделях участников коммуникативного процесса.

Структура контекстных моделей подобна структурам иных когнитивных моделей эпизодической памяти. При более подробном рассмотрении можно выделить следующие категории типов контекстов: установки (время, место, обстоятельства, реквизиты), события, участники и различные типы их социальных, профессиональных и коммуникативных ролей, действия, которые они в данный момент предпринимают, знания в форме целей, информации, мнений, эмоций. На достаточно высоком уровне модели могут включать общеую характеристику ситуации, формируемую на основе знаний об определенной социальной сфере (о структуре социальных ситуаций и эпизодов см.: Furnham, Graham, 1981).

Исходя из нашего примера, мы можем предположить, что парламентарии, участвующие в дебатах об иммиграции, обладают следующей общей информацией: о социальной сфере (политика, а не, скажем, образование), о данной ситуации (заседание парламента), о временных и пространственных установках (Палата Общин, 5 июля, 1989 г.), о текущих обстоятельствах (законопроект, представленный кабинетом), об участниках и их коммуникативных ролях (члены парламента и представители от избирательных округов), о жанре заседания (парламентские дебаты), о предмете дебатов (иммигранты, меньшинства, мусульмане, Англия и т. д.).

Существуют также общие и специфические различия между когнитивными моделями участников коммуникативном процессе. Так, мы имеем возможность наблюдать очевидные различия во мнениях, например, между Тори и лейбористами, а также между представителями консерваторов (Джон Строкс, например, куда более консервативен в своих взглядах, чем большинство его коллег). Кроме того, в процессе речи, Джон Строкс играет роль оратора, отличную от аудитории, котрая принимает на себя роль его слушателей. Роли и цели участников коммуникативного процесса влияют на подтверждение или опровержение их мнений о предмете разговора и друг о друге. Взаимное восприятие участниками друг друга представляет собой область наибольших различий и наиболее радикальных изменений в процессе реализации дискурсной практики (о восприятии и репрезентациях в политике см. Granberg, 1993, Mc Graw, 1995).

Сходным образом участники ситуации могут переживать различные эмоции. Джон Строкс может выражать страхи по поводу угрозы перенаселения или мусульманского насилия, в то время как, по меньшей мере, часть его аудитории может испытывать гнев по поводу его расистских выпадов. Эмоции, в целом, представляют собой важный фактор в моделях политических контекстов (Roseman, Abelson, Ewig, 1986). Как элемент

модели политического контекста, эмоции влияют на интонации, ударения, лексику политического дискурса (Just, Crigler and Neuman, 1996).

Еще одним динамичным элементом рассматриваемой структуры является прецедентный дискурс, то есть все то, что уже было сказано к моменту речи. Функции прецедента в дискурсе подтверждают интуитивную идею о его рефлексивности, то есть, о том, что дискурс естественным образом является частью своего собственного контекста. Соответственно некоторые элементы контекстной модели являются общими для всех участников коммуникации, некоторые элементы имеют уникальный характер, некоторые сохраняют стабильность на всей протяженности коммуникативного события, некоторые имеют динамичный характер и изменяются в ходе развертывания дискурса. Иными словами, контекстные модели, в особенности в вербальных интеракциях не только динамичны сами по себе, но также трансформируются с ходом времени.

Если ментальные модели событий определяют содержание значения дискурса, то контекстные модели контекста определяют не столько то, *«что» сказано, сколько то, «как» это сказано.* В этой связи контекстные модели можно рассматривать как основу прагматических и стилистических характеристик дискурса. Структуры контекстных моделей формируют общие рамки приемлемости речевых актов и последовательности интеракций в конкретной коммуникативной ситуации. Кроме того они служат референтной базой дейктических выражений и определяют, какую релевантную информацию из событийных моделей следует включить в семантическую репрезентацию текстов. Контекстные модели также влияют на образование значений на уровне синтаксических структур, а так же лексических, фонологических и графических единиц. Таким образом, контекстные модели играют важную роль для производства и понимания многих элементов дискурса, а их анализ доказывает первостепенную важность интерпретации социальной ситуации для воспроизводства дискурса и коммуникации.

Теория контекстных моделей может также быть использована для эксплицитного анализа жанров политического дискурса. Разумеется, некоторые структурные характеристики жанров политического дискурса могут повторяться и в других типах дискурсов. Однако такие элементы контекста как дефиниция социальной сферы, ситуации, установок, обстоятельств, ролей, целей, мнений и эмоций участников, сохраняют специфический характер и указывают именно на политический дискурс. Следовательно, специфика политического дискурса как жанра, может определяться не только и не столько текстом, сколько контекстом.

За исключением некоторых специфических для данной ситуации элементов, большая часть сказанного Джоном Строксом, могла бы быть

произнесена и в иных обстоятельствах. И напротив, другие жанры (диалоги, истории, стихи, новостные репортажи, реклама, статьи в школьных газетах) гораздо больше зависят не от контекста, а от своей внутренней текстовой структуры. В результате можно сделать вывод о том, что специфика жанров политического дискурса неразрывно связана с его функциями; она формулируется в зависимости от функций жанра в политическом процессе, который формируется на основе категорий политических контекстных моделей. Иначе говоря — все, что говорят политики, является формой политического дискурса. Кроме того, все, что произносится с политической целью (т. е. с целью повлиять на политический процесс, например, в форме некоторых политических решений), также относится к политическому дискурсу.

Когнитивные процессы конструирования, активации, использования и изменения событийных и контекстных моделей имеют стратегический характер. Это означает, что данные процессы являются целенаправленными ментальными операциями по переработке информации в режиме реального времени одновременно на нескольких уровнях. Мозг осуществляет данные операции с высокой скоростью и эффективностью, однако в ходе переработки зачастую возникают ошибки, которые требуют корректировок. Участники коммуникации могут ошибочно интерпретировать ситуацию, что зачастую ведет к коммуникативным конфликтам. Это бывает в тех случаях, когда обещание интерпретируется как угроза, по ошибке воспроизводится информация, уже загодя известная собеседникам, выбирается ошибочный стиль речи и маркеры вежливости и т. д. Существует, также, набор прагматических инструментов корректировки контекстной информации.

Эффективность стратегического воспроизводства зачастую требует выборочной переработки отдельных элементов информации, наиболее релевантных в данной ситуации. В зависимости от целей, задач и иных специфических параметров ситуации, говорящие могут интерпретировать коммуникативную ситуацию с разной степенью детализации. В некоторых ситуациях требуется реконструкция самых верхних уровней контекстной модели. В этом случае реконструируются такие элементы как общая характеристика ситуации, действий, участников и их ролей, элементов субмоделей предполагаемых знаний и мнений собеседников. К примеру, в нашей ситуации отвлеченным или случайным слушателям речи Джона Строкса вполне достаточно знать, что перед ними консервативный представитель парламента, который произносит речь в ходе парламентских слушаний. Детальная информация о деятельности Джона Строкса (например, об округе, который он представляет), а также о его знаниях, скорее всего, будет излишней для формирования более-менее

адекватного понимания его дискурса. Для некоторых слушателей первостепенную роль будет играть не политическая позиция Джона Строкса, а его возраст, внешность и имидж (см. Wyer et al, 1991). Напротив, критики и комментаторы речи Джона Строкса должны иметь значительно более глубокие знания и о ситуации, и о самом ораторе.

3. Политическое познание

После того, как мы подвергли анализу субъективные характеристики политического познания в форме моделей, которые участники политического процесса конструируют в своей эпизодической памяти с целью понимания и производства политического дискурса и политических действий, пришло время обратить внимание на социальное измерение политического познания. Мы сделали предположение о том, что социальная память конструируется на основе знаний, позиций, идеологий и норм. Мы также сделали ряд предположений о схематической организации подобных репрезентаций и их месте в общей структуре социального сознания (Kuklinski, Luskin, Bolland, 1991, а также Lau and Sears, 1986).

Для того чтобы понять структуры политического дискурса, необходимо более подробно рассмотреть структуру общих политических репрезентаций. Каким образом происходит репрезентация политических идеологий и установок, какова роль политических установок и идеологий в таких репрезентациях? Нам также потребуется выяснить то, каким образом структуры политических репрезентаций влияют на содержание и структуру событийных и контекстных моделей, а также то, как они могут реализовываться в политическом дискурсе. Например, сэр Джон, в своей речи объявляет, что уровень *рождаемости среди иммигрантов значительно* превышает уровень рождаемости среди местного населения — общее утверждение, которое вполне может быть результатом его консервативных этнических убеждений об этнических группах и рождаемости среди них. Однако сам он утверждает: «все мы знаем, что...», подчеркивая, что его заявление относится к сфере общепринятых мнений. Несмотря на то, что сэр Джон открыто заявляет о том, как он восхищается многими мусульманами, фактическое отсутствие в самой его речи какого бы то ни было восхищения наводит на мысль о том, что первичное заявление является, возможно, элементом стратегии манипулирования впечатлением аудитории и позитивной саморепрезентации, направленной на опровержение возможных обвинений в расизме со стороны его слушателей. Итак, взаимоотношения между политическими репрезентациями и политическим дискурсом не носят прямой характер. В этой связи, хотелось бы кратко рассмотреть некоторые компоненты социально-политической памяти.

Знание ✓

В отличие от большинства философских и психологических подходов мы выделяем два типа знания, а именно: знание, разделяемое участниками отдельной социальной группы, и общекультурное знание, разделяемое участниками различных социальных групп.

Общекультурное знание представляет собой основу коммуникации и интеракций в обществе, а также формирует корпус элементов предполагаемой дискурсной компетенции собеседника. Данный тип знания носит, в основном, объективный, непротиворечивый характер и используется в целях социализации и воспитания детей, начиная со школьного возраста. Именно эти широко распространенные, «фактические» убеждения воспринимаются и именуются как знание в обществе. В речи сэра Джона, большая часть лексики базируется именно на таком знании – всем известно, что такое «парламент», «мусульмане» и «иммиграция».

С другой стороны, существуют основанные на фактах убеждения, истинность которых признается выборочно лишь представителями определенных социальных групп – ученых, экспертов, профессионалов, адептов религий, членов партий и т. д. Критерии внутригрупповых знаний в целом соответствуют критериям знаний общекультурных (они имеют, в основном, объективный, непротиворечивый, истинностный характер и принимаются на веру), с той лишь разницей, что все это относится лишь к определенным социальным группам. Подобные внутригрупповые знания именуются «знанием» лишь в пределах ограниченной социальной группы. За ее пределами они могут рассматриваться как убеждения или мнения, которые не носят истинностный характер по отношению к общекультурным и иным внутригрупповым критериям истинности (что, впрочем, совсем не означает, что они не являются истинными с некой универсальной абстрактной точки зрения).

Подавляющая часть политических знаний представляет собой внутригрупповые знания, которые для оппозиционных групп могут иметь статус «чисто политического мнения». Так, знание феминистов о доминировании мужчин в обществе отвергается многими представителями мужского пола, то же самое справедливо в отношении знаний сторонников движений в защиту окружающей среды, которые игнорируются теми, кто участвует в ее загрязнении. И наоборот: расисты формируют свои внутригрупповые знания, несмотря на то, что представители других социальных групп могут осуждать их.

В речи Джона Строкса мы находим замечательный пример подобной ситуации, когда оратор заявляет о том, что, «всем нам известно, что», уровень рождаемости (среди мусульман) значительно превышает уровень рождаемости в среде коренного населения. Можно предположить, что для говорящего данное заявление представляется «объективным фактом» для

сэра Джона, но представители оппозиции (например, анти-расисты) могут квалифицировать данный «факт» как необъективное мнение, основанное на расовом предубеждении или, по меньшей мере, как преувеличение, оставляющее без внимание то, что уровень рождаемости в среде иммигрантов, как правило, быстро снижается, адаптируется и достигает уровня рождаемости в среде коренного населения. Тот факт, что сэр Джон заявляет о рождаемости среди иммигрантов, как о том, «что все мы знаем», позволяет предположить, что на самом деле подобное знание не является общепринятым, иначе к чему была бы подобная риторическая чрезмерность? Данный риторический ход основан на предположении о том, что другие парламентарии наверняка воспримут высказывание сэр Джона, как мнение, основанное, на расовых предубеждениях. Его попытка представить собственные знания как общепринятые является ничем иным как известной риторической уловкой, направленной на то, чтобы убедить аудиторию в общепризнанности своих внутригрупповых знаний. То же самое справедливо и по отношению к его знаниям о «больших количествах» иммигрантов которые принимала Великобритания, а также о том, что никто, якобы, не интересовался мнением простых британцев по поводу иммиграции.

Социально разделяемые знания о группах и культурах используются людьми в самых различных ситуациях, следовательно, они должны иметь общий и абстрактный характер. Общепринятые знания могут касаться иммигрантов в целом, но не могут ограничиваться каким-либо единичным случаем или иммигрантом. Ранее, мы сделали предположение о том, что специфические знания обычно хранятся в ментальных событийных моделях эпизодической памяти. Исходя из этого, имеет смысл ввести дефиницию не только между общекультурными и групповыми, но и между социальными и персональными знаниями.

И, наконец, существует промежуточный тип, воплощающий в себе характеристики субъективных знаний с одной стороны, и социальных — с другой. Речь идет об исторических знаниях. Данные знания могут иметь отношение к конкретным событиям, например Холокосту или гражданской войне в Боснии, в то же время они могут носить относительно общий, предположительно истинностный характер в дискурсе и интеракциях. Значительная часть политических знаний имеет именно такой характер, и используемая нами в качестве примера, речь Джона Срокса апеллирует к подобным историко-политическим знаниям.

Мнения и установки

Убеждения, рассмотренные выше в рамках различных типов знаний, могут быть охарактеризованы как «фактические», поскольку индивиды, группы и даже целые культуры относятся к ним как к истине в соответствии с их индивидуальными или групповыми истинностными критериями.

Помимо фактических убеждений, социальная память хранит другой комплекс убеждений, рассматривающийся не в плоскости «истинно-ложно», а на основе тех или иных оценок («хорошо-плохо» и т. д.). Речь идет о мнениях. Как мы уже убедились, то, что может служить фактическим убеждением для одной группы, зачастую имеет характер оценочного убеждения или мнения для другой.

Подобно знанию, социально разделяемые мнения могут организовываться в более масштабные структуры, для названия которых мы используем термин «установки» (о других видах установок см. Eagly and Chaiken, 1993). Так, например, распространенные установки по вопросам сокращения иммиграции, как правило, формируются на основе более чем одного мнения. Обратите внимание, что в данной работе мы подчеркиваем социальный характер установок и соотносим этот термин с различными социальными группами. Индивиды могут иметь личные мнения, однако их установки имеют групповой характер.

Мнения и установки, как правило, не принимаются на веру и не имеют безоговорочный и бесспорный статус, по причине своей оценочной природы. Следовательно, мнения и установки, как правило, не являются частью общепринятых знаний. Однако в каждой культуре можно найти набор мнений, с которыми предпочитают не спорить, и которые, за счет этого, тоже попадают в сферу общепринятых убеждений.

Целесообразно предположить, что речь консервативного парламентария на столь дискуссионную тему должна изобиловать групповыми мнениями. Такие мнения могут выражаться как прямо (в общей абстрактной форме, например, как предпосылки или аргументы), так и косвенно, посредством специальных моделей, соотносимых говорящим с определенными событиями. Например, Джон Строкс выражает следующие общие группы мнений:

(1) Крупномасштабная иммиграция представляет серьезную проблему для страны.

(2) «Мы — англичане — мягкий, толерантный, добрый и миролюбивый народ».

Большая часть мнений специфицируется индикаторами «здесь» и «сейчас» относящимися к текущей ситуации и включенными в модели текущих событий:

(3) «Мы уже стали свидетелями опасных действий со стороны мусульманского сообщества».

(4) «Было бы глупостью игнорировать то, что подобные действия угрожают людям, которых мы здесь представляем».

(5) «Мы не должны позволить нашим чувствам вины по отношению к иммигрантам затуманить ясность наших суждений».

(6) «Все это является маленькой попыткой обрести больший контроль над ситуацией, очень мудрой попыткой. Данная попытка должна получить поддержку как внутри Палаты Общин, так и за ее пределами».

Оценочные убеждения основаны на нормах и ценностях. Так, мнение № 3 использует термин «опасный» для оценочного описания «действий» мусульман, которые предположительно содержат пренебрежение ценностью, которой является безопасность. Мнение № 4 представляет собой оценочное описание ментального акта, в основе которого лежит пренебрежение ценностями демократии. Схожим образом мнение № 5 являет собой нормативное утверждение, апеллирующее к рациональности. Наконец мнение № 6 апеллирует к категориям «мудрость» и «контроль», с учетом того, что мудрость является общепризнанной ценностью, а умение контролировать ситуацию высоко ценится в британской культуре. Все приведенные выше мнения проистекают из сферы широко распространенных политических мнений в отношении опасности, которую представляют собой иммигранты в целом, и мусульмане в частности, мнений о том, что «думает» простой народ и что он думает конкретно по поводу иммиграции.

Наконец, отметим, что рассматриваемый текст также включает мнения, имеющие персональный, личностный характер. Подобный характер имеют сентенции, по поводу восхищения мусульманами и их религией, а также по поводу письма Дугласа Херда, адресованного мусульманскому сообществу. Однако даже такие субъективные мнения должны быть основаны на якобы широко распространенных мнениях. Так, позитивные замечания по поводу мусульман основаны на общем мнении о равноценности различных культур. В свою очередь мнение оратора по поводу письма соотносится с общепринятым мнением о том, какие действия должны совершать, по мнению консерваторов, ответственные политики во имя сохранения мира. Иными словами, мнения, реализуемые посредством персональных ментальных моделей, могут формироваться на основе распространенных групповых мнений.

Персональные мнения и выражающие их дискурсы могут, следовательно, в большей или меньшей мере сохранять соответствие и последовательность по отношению к групповым установкам. Эмпирические исследования подтверждают, что данное положение в большей степени справедливо по отношению к индивидам, обладающим экспертным опытом в узких политических сферах, нежели по отношению к политически некомпетентным лицам (Judd and Downing, 1990). В рамках данной главы,

это, помимо прочего, означает, что обширные и качественно структурированные политические репрезентации облегчают понимание политического процесса и событий (политиков, политических дел и политических событий в СМИ) (Fiske, Lau and Smith, 1990).

Идеологии ✓

Наконец, мы приходим к предположению о том, что групповые социальные репрезентации (знания, установки) могут быть организованы идеологически. Сами идеологии носят по определению общий и абстрактный характер, поскольку для них принципиальной является возможность соотнесения с самими различными социальными ситуациями в различных социальных сферах. В результате, расисткие идеологии могут осуществлять контроль не только над отношением большинства к иммиграции, но и над его отношением к жилью, работе, образованию и культуре иммигрантов и национальных меньшинств (более подробно об этом см. van Dijk, 1991, 1998a).

Уровень абстракций и комплексного контроля социальных знаний предполагает активное обучение на основе моделей опыта и прямого наставления. В этой связи, идеологии приобретаются на достаточно позднем этапе развития и значительно различаются по уровню детализации у различных индивидов. Некоторые групповые эксперты (идеологи) являются носителями более обширного корпуса идеологий, чем рядовые участники социальных групп (Judd and Downing, 1990, Powell, 1989, Zaller, 1990).

Вместе с тем, для того чтобы стать членом какой-либо идеологической группы (и идентифицировать себя с нею) необходимо интериоризировать некоторые идеологические убеждения. Хотя классические работы в области политической идеологии (Converse, 1964), а также некоторые отдельные направления социальной психологии (Billig, 1991a, 1991b) отрицают возможность наличия у субъектов стабильных идеологий, представляется вероятным, что в сферах, где субъекты имеют социальные установки, наподобие тех, что организуют их повседневную жизнь, существуют также и идеологии лежащие в основе данных установок (Milburn, 1987). Персональные идеологические вариации, о которых идет речь в исследованиях, могут объясняться различиями на уровне индивидуальных мнений, воплощаемых в событийных моделях личностного опыта и контекста; кроме того, различные субъекты являются представителями различных социальных групп, каждая из которых имеет свои установки и идеологии (Krosnick and Melburn, 1990).

Предполагается, что в основе организации идеологий лежат модели, включающие в себя такие категории, как критерии участия, действия, цели, ценности и нормы, социальные позиции и ресурсы. В данных категориях содержится принципиальная информация, необходимая для определения группы принадлежности, ее взаимоотношений с другими группами,

(5) «Мы не должны позволить нашим чувствам вины по отношению к иммигрантам затуманить ясность наших суждений».

(6) «Все это является маленькой попыткой обрести больший контроль над ситуацией, очень мудрой попыткой. Данная попытка должна получить поддержку как внутри Палаты Общин, так и за ее пределами».

Оценочные убеждения основаны на нормах и ценностях. Так, мнение № 3 использует термин «опасный» для оценочного описания «действий» мусульман, которые предположительно содержат пренебрежение ценностью, которой является безопасность. Мнение № 4 представляет собой оценочное описание ментального акта, в основе которого лежит пренебрежение ценностями демократии. Схожим образом мнение № 5 являет собой нормативное утверждение, апеллирующее к рациональности. Наконец мнение № 6 апеллирует к категориям «мудрость» и «контроль», с учетом того, что мудрость является общепризнанной ценностью, а умение контролировать ситуацию высоко ценится в британской культуре. Все приведенные выше мнения проистекают из сферы широко распространенных политических мнений в отношении опасности, которую представляют собой иммигранты в целом, и мусульмане в частности, мнений о том, что «думает» простой народ и что он думает конкретно по поводу иммиграции.

Наконец, отметим, что рассматриваемый текст также включает мнения, имеющие персональный, личностный характер. Подобный характер имеют сентенции, по поводу восхищения мусульманами и их религией, а также по поводу письма Дугласа Херда, адресованного мусульманскому сообществу. Однако даже такие субъективные мнения должны быть основаны на якобы широко распространенных мнениях. Так, позитивные замечания по поводу мусульман основаны на общем мнении о равноценности различных культур. В свою очередь мнение оратора по поводу письма соотносится с общепринятым мнением о том, какие действия должны совершать, по мнению консерваторов, ответственные политики во имя сохранения мира. Иными словами, мнения, реализуемые посредством персональных ментальных моделей, могут формироваться на основе распространенных групповых мнений.

Персональные мнения и выражающие их дискурсы могут, следовательно, в большей или меньшей мере сохранять соответствие и последовательность по отношению к групповым установкам. Эмпирические исследования подтверждают, что данное положение в большей степени справедливо по отношению к индивидам, обладающим экспертным опытом в узких политических сферах, нежели по отношению к политически некомпетентным лицам (Judd and Downing, 1990). В рамках данной главы,

что, помимо прочего, означает, что обширные и качественно структурированные политические репрезентации облегчают понимание политического процесса и событий (политиков, политических дел и политических событий в СМИ) (Fiske, Lau and Smith, 1990).

Идеологии ✓

Наконец, мы приходим к предположению о том, что групповые социальные репрезентации (знания, установки) могут быть организованы идеологически. Сами идеологии носят по определению общий и абстрактный характер, поскольку для них принципиальной является возможность соотнесения с самими различными социальными ситуациями в различных социальных сферах. В результате, расисткие идеологии могут осуществлять контроль не только над отношением большинства к иммиграции, но и над его отношением к жилью, работе, образованию и культуре иммигрантов и национальных меньшинств (более подробно об этом см. van Dijk, 1991, 1998a).

Уровень абстракций и комплексного контроля социальных знаний предполагает активное обучение на основе моделей опыта и прямого наставления. В этой связи, идеологии приобретаются на достаточно позднем этапе развития и значительно различаются по уровню детализации у различных индивидов. Некоторые групповые эксперты (идеологи) являются носителями более обширного корпуса идеологий, чем рядовые участники социальных групп (Judd and Downing, 1990, Powell, 1989, Zaller, 1990).

Вместе с тем, для того чтобы стать членом какой-либо идеологической группы (и идентифицировать себя с нею) необходимо интериоризировать некоторые идеологические убеждения. Хотя классические работы в области политической идеологии (Converse, 1964), а также некоторые отдельные направления социальной психологии (Billig, 1991a, 1991b) отрицают возможность наличия у субъектов стабильных идеологий, представляется вероятным, что в сферах, где субъекты имеют социальные установки, наподобие тех, что организуют их повседневную жизнь, существуют также и идеологии лежащие в основе данных установок (Milburn, 1987). Персональные идеологические вариации, о которых идет речь в исследованиях, могут объясняться различиями на уровне индивидуальных мнений, воплощаемых в событийных моделях личностного опыта и контекста; кроме того, различные субъекты являются представителями различных социальных групп, каждая из которых имеет свои установки и идеологии (Krosnick and Melburn, 1990).

Предполагается, что в основе организации идеологий лежат модели, включающие в себя такие категории, как критерии участия, действия, цели, ценности и нормы, социальные позиции и ресурсы. В данных категориях содержится принципиальная информация, необходимая для определения группы принадлежности, ее взаимоотношений с другими группами,

т. е. ответа на вопрос кто мы, что мы делаем, с какой целью и т. д. В рамках категории социальной позиции сохраняется информация о потенциально конфликтных взаимоотношениях с другими социальными группами.

В нашем примере, групповые знания и мнения, выражаемые Джоном Строксом, могут формироваться на основе самых различных идеологий – националистических, этноцентрических, расистских и демократических. В этом случае расистская идеология будет подчеркивать групповые знания об огромных количествах иммигрантов, о высоком уровне рождаемости, о том, что простые люди выступают против дальнейшей иммиграции («хватит – значит хватит!»). Она также будет контролировать отношение к криминалу и агрессивности в среде национальных меньшинств и репрезентации мусульман в частности. Под ее контролем, в этом случае, окажутся также и позитивные социальные мнения о нас, англичанах (добрых, мирных, толерантных, миролюбивых), о нашей (любимой) Родине и т. д.

Демократическая идеология управляет общим отношением к необходимости обеспечения права голоса для простых граждан, обеспечения их возможностью выражать их взгляды по поводу их повседневной жизни и опыта, в том числе и в отношении иммиграции. Сэр Джон выступает в защиту популистской формы демократии, претендующей на внимание к голосам народа (рабочих людей) и игнорирование голоса элит (интеллигенции и т. д.). Очевидно, что демократический порыв сэра Джона является формой стратегической положительной репрезентации себя и своей партии. Характерно, что демократические права самих иммигрантов при этом не берутся в расчет.

Политическое познание: заключительные замечания

Теоретический анализ, подкрепленный серией приведенных выше примеров, помимо прочего демонстрирует, что *для того чтобы понимать и объяснять политический* дискурс, нам необходимо исследовать политическое познание участников процессов политической коммуникации. Политическое познание следует анализировать не в терминах политических убеждений, а с точки комплексной системы, позволяющей провести границу между различными, по своей сути, персональными и социальными убеждениями (Seliktar, 1986). Подобные убеждения могут иметь различные теоретические форматы, группироваться на различных уровнях архитектуры социального сознания. В этой связи было высказано предположение о том, что члены единой культуры должны обладать единым знанием, обладающим статусом бесспорной истины. Сходным образом мы можем провести дефиниции между групповыми знаниями и групповыми установками, опирающимися на основные идеологии социальных групп. Эти групповые и культурные знания служат основой личных знаний и мнений, хранящихся в когнитивных моделях. В свою очередь, эти модели формируют когнитивную основу

для всех социальных практик, включая производство и понимание дискурса. В заключении мы также привели доводы в пользу того, что описание и понимание жанров политического дискурса требует особого внимания таким элементам как контекст и способы его когнитивной репрезентации.

4. Политический дискурс

Мы рассмотрели различные аспекты политического познания, а также те способы, которыми политическое познание влияет на политический дискурс. Далее мы рассмотрим взаимоотношения между дискурсом и познанием. Для этого мы сфокусируем внимание на некоторых прототипических чертах многих жанров политического дискурса, а затем попытаемся объяснить их в терминах лежащего в их основе политического познания с одной стороны, и в терминах их функций в политическом контексте в частности и в политике в целом, с другой стороны.

Даже частичный обзор корпуса предыдущих исследований в области политических речей и текстов выходит за пределы нашей работы (множество ссылок на исследования политического дискурса приводится в других главах настоящей работы, кроме того, см. также, Chilton and Schaffner, 1997 and van Dijk, 1997b). То же самое справедливо и для более глубоких исследований парламентских дебатов (среди работ, посвященным парламентским дебатам о национальных меньшинствах и иммиграции см. Carbo, 1992, 1995, Martin Rojo and van Dijk, 1997).

Вместо обзора мы полагаем необходимым уделить внимание теории, и обсудить некоторые структуры политических дискурсов в свете их взаимоотношений с политическим познанием, а также их функций в политических процессах. Учитывая важность контекста для определения политического дискурса, мы планируем уделить особое внимание когнитивному анализу контекста.

Контекст ✓

Прежде чем мы перейдем непосредственно к рассмотрению структур политического дискурса, хотелось бы кратко охарактеризовать их контекст. Как уже было указано ранее, контекст следует определять в терминах когнитивных моделей участников коммуникативных событий. По сути, данные модели представляют собой субъективные и оценочные репрезентации как самого субъекта коммуникативной ситуации, так и других ее участников и дискурсно-релевантных категорий, таких как:

- общественная сфера (например, политика);
- общее социальное действие (законодательная деятельность);
- текущие условия (время, место);

- текущие обстоятельства (обсуждение законопроекта);
- текущие интеракции (политические дебаты);
- текущий жанр дискурса (речь);
- различные типы ролей участников (спикер, член парламента, член Консервативной партии, белый, пожилой, мужчина и т. д.);
- когнитивные характеристики участников (цели, знание, убеждения и т. д.).

Мы уже утверждали, что некоторые контексты жанров политического дискурса (парламентских дебатов, законов, пропаганды, слоганов, международных договоров, мирных переговоров и т. д.) могут играть значительно более важную роль, нежели их тексты. Политический дискурс в первую очередь зависит не от темы и стиля, но от того, кто говорит, кому, что, в какой ситуации и с какой целью. Иными словами, политический дискурс является, собственно, политическим, поскольку его функции реализуются непосредственно в ходе политического процесса (van Dijk, 1997b).

Подобным образом, то, что желает сказать сэр Джон Строкс, может быть рассмотрено как релевантная парламентская речь только при условии соблюдения ряда специфических контекстуальных условий. Частично комплекс данных условий контролируется спикером Палаты Общин. Например, г-н Строкс имеет право говорить в Парламенте на протяжении четко определенного количества времени в рамках определенных парламентских сессий или дебатов, поскольку он является членом парламента, представляет свою партию, а также поскольку спикер дал ему право голоса. Политическая функциональность его речи в политическом процессе имеет значение лишь по той причине, что его целью является защита консервативного законопроекта от критики Лейбористской оппозиции.

Употребление в речи эксплицитных дейктических описаний, доказывает осознанный характер контекстуальных категорий. Например, Джон Строкс эксплицитно обращается к контекстуальным категориям установок, ролей и целей участников путем постановки риторического вопроса: «для чего *мы, члены Британского парламента, собрались здесь сегодня*?». Следующую фразу, Строкс адресует оппозиции, тем самым, подтверждая, что ее социально-политическая роль представляет собой релевантную категорию в политическом процессе (более детально об этом см. у Wilson, 1990). Многие дейктические выражения из речи сэра Джона предполагают наличие у аудитории знаний о релевантных контекстуальных категориях, например, о локальности («этот маленький остров»), темпоральности («у нас теперь есть этнические меньшинства»), участниках и их ролях («как мы все знаем», «наша страна», «мы должны представлять», «мы в Англии») и т. д.

Использование типичного в политической сфере местоимения «наш» указывает на то, с какими группами ассоциирует себя говорящий. Впрочем, нужно учесть, что подобная групповая самоидентификация не носит объективный характер, а служит частью моделей и социальных репрезентаций говорящих, которые уже имеют групповую принадлежность. В условиях конкретной специфической речи такие самоидентификации имеют стратегическую направленность («мы, демократы») и исключают других («мы в Англии» – по отношению, в первую очередь, к белому населению). Дискурсивная поляризация «мы *vs.* они», типичная для политического дискурса, отражает не только ментальные репрезентации тех, о ком говорят («англичане» *vs.* «мусульмане»), но и категории участников (как они представлены в контекстных моделях), к которым обращаются в коммуникативной ситуации («мы как консерваторы» *vs.* «они как лейбористская оппозиция»).

Контекстные модели также регулируют стиль (например, использование таких терминов, как «коренное население», «приток» и т. д.), использование просторечных выражений («хватит – значит хватит») с целью убеждения и позитивной саморепрезентации, к которой прибегает популистски настроенный парламентарий, претендующий на видение событий якобы с точки зрения «простых людей». Любопытно, что лишь некоторые из таких выражений, например, использование в оригинальном тексте аббревиатуры «ув.» вместо «уважаемый», «друг» по отношению к коллеге по партии, являются типичными для парламентских дебатов.

Как мы убедились, контекстные модели также управляют семантическими репрезентациями посредством контроля над отбором релевантной информации событийных моделей. Джон Строкс знает гораздо больше о мнениях в отношении иммигрантов и мусульман, нежели это явствует из его речи. Однако временные ограничения, убеждения в отношении мнений реципиентов и стратегии позитивной саморепрезентации диктуют выбор эксплицитной и имплицитной информации; при этом первая реализуется непосредственно в речи оратора, а вторая подается в форме намеков. Консервативная идеология партии обеспечивает отбор таких убеждений из контекстной модели, которые подтверждают положительные качества сторонников группы и отрицательные качества ее противников.

Контекстные модели регулируют прагматическое измерение политического дискурса, что в речи Джона Строкса видно на примере употребления риторических вопросов. Строкс знает, что его слушателям либо уже известно его мнение, либо они не желают знать его, следовательно, и он сам, и его аудитория осведомлена о том, что его вопросы не требуют ответов. В свою очередь, пренебрежительные оттенки при упоминании

о лейбористской оппозиции (например, термин «тип») предполагают имплицитное обвинение оппозиции в мягкотелости по отношению к иммигрантам, обвинение понятное всем тем, кто может прочесть комплекс релевантных контекстных категорий ситуации.

Взаимоотношения между контекстом, контекстными моделями, дискурсом и знанием имеют несколько измерений. Контекстные модели сдерживают производство текста, в результате чего возникают контекстно-зависимые структуры дискурса. Данные структуры интерпретируются реципиентами с помощью контекстных моделей говорящего (его или ее интерпретации установок, текущей интеракции, целей, знаний и мнений). В результате структуры дискурса в свою очередь оказывают влияние на контекстные модели реципиентов. Реципиенты могут принять данные интерпретации контекста и истолковать их в соответствии с их собственными контекстными моделями. С другой стороны реципиенты могут представить и оценить текущую ситуацию и самого говорящего по-другому. Например, несмотря на то, что сэр Джон пытается представить белых британцев, и себя в том числе, как толерантных, некоторые представители его аудитории могут отвергнуть подобное мнение. Подобным же образом они могут не согласиться с риторической формой, использованной Строксом для презентации проблемы иммиграции.

Структуры политического дискурса

Мы убедились, что многие структуры дискурса представляют собой функции контекстных моделей. Между тем, дискурс ограничивается не только контекстными моделями, но также и моделями событий — тем, как говорящий интерпретирует событие, о котором говорит. Дополнительным рамочным фактором служат общие социальные репрезентации на уровне участников социальных групп. Ранее, мы упоминали, что для описания политического дискурса крайне важно, чтобы структуры, о которых идет речь (контекстные, событийные когнитивные модели и социальные репрезентации), соотносились с политическими структурами и процессами. С точки зрения контекста, речь Джона Строкса направлена на стимулирование процесса принятия парламентских решений и создания законов об иммиграции. Это, в свою очередь, влияет на воспроизводство межэтнических взаимоотношений и расизма в Великобритании (Solomos and Back, 1995; Reeves, 1983; van Dijk, 1991, 1993a). Если конкретизировать, то речь сэра Джона в Парламенте выполняет функцию защиты проекта закона об иммиграции и, одновременно, функцию нападения на лейбористскую оппозицию.

Далее мы предлагаем кратко рассмотреть некоторые структуры дискурса и продемонстрировать связь между ними, политическим процессом и политическим познанием.

Оставим в стороне теоретический анализ структур дискурса и сконцентрируем внимание на их политических функциях. Как мы видим, такие структуры политического дискурса формируются на основе общей идеологии или политической стратегии положительной саморепрезентации и отрицательной репрезентации оппонентов (см. об этом van Dijk, 1987a, 1993a).

Темы политического дискурса. Отбор информации и придание ей статуса важной или определяющей в политическом дискурсе обусловлен спецификой события и соответствующих ему контекстных моделей субъектов. Так, в рассматриваемом примере, негативная информация о «*нас*», нашей группе (например, информация о расизме в Великобритании) не тематизируется, в то же время негативная информация о «*них*», эмигрантах и этнических меньшинствах (например, об *их* агрессивности) имеет тенденцию к тематизации. И наоборот: «*наши*» позитивные характеристики (толерантность, гостеприимство) получают в речи статус темы, в то время как «*их*» позитивные характеристики игнорируются, принижаются и упоминаются в речи мимоходом. Рассмотрим основные темы речи сэра Джона, в которых отражаются его когнитивные модели текущей иммиграционной ситуации в Великобритании:

(T1) Массовая иммиграция представляет собой серьезную проблему для Англии.

(T2) Иммигранты представляют угрозу для нашей страны и нашей культуры.

(T3) Простые англичане против дальнейшей иммиграции.

(T4) Мы можем добиться более эффективного контроля за иммиграцией путем принятия данного законопроекта.

В качестве подразумеваемого следствия своей речи оратор предлагает Палате Общин проголосовать за принятие ограничительного законопроекта. Помимо воспроизводства этнических стереотипов и попыток убедить парламент принять законопроект, речь имеет также и более четкую политическую функцию, а именно — предупредить лейбористскую оппозицию о невозможности дальнейшего игнорирования «голоса народа». Сэр Джон явно подразумевает, что тот, кто не внимает голосу простых белых людей, может не рассчитывать на их поддержку. Эмпирические исследования подтверждают, что продуцируемые элитами когнитивные макротемы, структуры ситуаций и фреймы могут иметь значительный эффект на интерпретацию политических событий, и, как следствие, на общественное мнение (Gamson, 1992; Kinder and Sanders, 1990).

Схемы. Глобальная схематическая организация дискурса представляет собой конвенциональный феномен, и, следовательно, не меняется

в зависимости от контекста. В связи с этим, парламентская речь консерватора формируется на основе тех же конститутивных категорий, что и речь лейбориста. Различия создаются за счет таких качеств, как порядок, значение и тип информации, которая подчеркивается либо опускается, создавая основу для положительной саморепрезентации и отрицательной репрезентации оппонентов. Так, например, если бы речь Джона Строкса относилась к глобальной категории «проблема-решение», он наверняка уделил бы большее внимание категории проблемы (рассматривая проблемы, связанные с иммигрантами) и меньшее внимание категории решения.

Парламентские дебаты представляют собой тип дискурсов, в основу которых положено убеждение. В рамках данных дискурсов члены парламента принимают политические позиции и роли, выражают свои мнения и атакуют своих оппонентов. Все это происходит в рамках аргументативных структур — наиболее характерных схематических структур парламентского дискурса. Сэр Джон стремится поддержать законопроект, ограничивающий иммиграцию. Его аргументы, ведущие к выводу о том, что подобные ограничения являются благом для Британии, отбираются в его ментальных моделях и консервативных позициях таким образом, чтобы максимально эффективно аргументировать выводы:

(а) иммигрантов миллионы;
(б) их уровень рождаемости превышает наш;
(в) Англия мала, в ней уже и так слишком много иммигрантов;
(г) наша культура находится под угрозой;
(д) особую опасность представляют мусульмане;
(е) страдают больше всего простые англичане;
(ж) простые англичане говорят «хватит»,
и т. д.

Типичным для данного типа дискурса является также отрицание потенциальных контраргументов, что происходит в тот момент, когда оратор отрицает возможность эмоциональной аргументации: «чувства вины не должны затемнять ясность наших суждений», ограничения не являются проявлением расизма (как кому-то может показаться), потому что мы, англичане, люди толерантные, и я не расист и не противник мусульман, потому что я ими восхищаюсь.

Другими словами, выбор отрицательных характеристик иммигрантов из специальных когнитивных событийных моделей (например, недавние события с участием мусульман) и распространенных предрассудков (например, об уровне рождаемости), подчиняется главной задаче, связанной с отрицательной репрезентацией оппонента. Данная задача подразумевает

такую организацию исходных допущений, которая неизбежно ведет к негативным выводам, например, о том, что иммиграцию нужно обуздать. Результирующие выводы опираются на контекстную модель текущей ситуации и формируют модель будущих действий в следующем политическом контексте: иммигрантам больше нет места в Англии.

Иными словами, анализ политической аргументации предполагает рассмотрение различных видов стратегического использования различных типов ментальных репрезентаций.

Локальная семантика. Мы убедились, что модели политического контекста определяют, какую информацию из ситуативной модели текущего события следует включать в дискурс, а какую – нет. Данная функция в равной степени касается как глобальных (тематических), так и локальных значений, выражаемых в актуальных предложениях, текстах и речи. Важной контекстной категорией, контролирующей отбор информации, является политическая идеология оратора и его аудитории, которая также может оказывать влияние и на характер ситуативных значений. В нашем случае, простота аргументов Джона Строкса, по всей видимости, подтверждает тезис о концептуальной упрощенности речей радикальных (особенно консервативных) политиков (Tetlock, 1983, 1984, 1993). И наоборот, специфические семантические структуры, возникающие на основе истолкования подобных речей, могут влиять на статус моделей реципиентов, особенно в ситуации, когда последние лишены идеологически альтернативных источников знания (Lau and Smith and Fiske, 1991).

Так, многие пропозиции в речи Джона Строкса мотивированно отбираются как функции его когнитивных моделей ситуации в Великобритании. В свою очередь ситуативные когнитивные модели оратора, находятся под контролем консервативных, националистских и расистских идеологий, сфокусированных на детализации негативных характеристик тех, против кого направлена его речь:

(S1) мы открыли въезд для сотен тысяч иммигрантов;
(S2) в результате мы имеем несколько миллионов представителей национальных меньшинств;
(S3) их уровень рождаемости значительно превышает уровень рождаемости в среде коренного населения;
(S4) каково будет влияние на нашу религию, мораль, традиции, обычаи, привычки и т. д.?
(S5) мы уже стали свидетелями отдельных опасных действий со стороны представителей мусульманского сообщества;
(S6) эти действия порождают страхи;
(S7) здесь проживает огромное количество иммигрантов.

Преувеличения, числа, контрасты, метафоры — все это направлен‹ усиление идеологически обусловленного выбора негативных пропозиций событийной модели автора речи. Общим выводом, следующим из таких пропозиций, может быть то, что *«они»* (мусульмане) являются угрозой для *«нас»*. При этом, единственная позитивная пропозиция о мусульманах (стр. 12–13) в подобном ряду негативных характеристик может выполнять исключительно функцию положительной саморепрезентации оратора (van Dijk, 1987a, 1993a). Любопытно, что положительное упоминание о мусульманах — единственное место в речи, где сэр Джон упоминает также и о себе.

С другой стороны, рассматриваемая речь действительно подчеркивает позитивные качества белых британцев, и, как мы уже убедились ранее, усиливает рассмотренную выше дефиницию «мы» *vs.* «они». Характерно что отсылки оратора в сторону простых британцев могут и не являться отражением его социальных репрезентаций в отношении обычных людей. Будучи архиконсервативным политиком, сэр Джон едва ли в действительности озабочен простым народом и его волей. Если так, то подобные риторические ходы являются элементом популистской стратегии положительной саморепрезентации («мы — демократы», «мы прислушиваемся к мнению народа»). Отсюда следует, что далеко не все значения происходят из идеологических событийных моделей, они также могут возникать на основе контекстных моделей, включающих образы *«нас»* (консерваторов), *«их»* (лейбористов) и политические цели (защита законопроекта). По тем же причинам, критически настроенный оппонент наверняка услышит в положительных сентенциях на тему простого народа не искренние мнения, а лишь риторические уловки политической коммуникации.

Итак, когнитивный анализ локальной семантики политического дискурса направлен на поиск связи между избранными речевыми и текстовыми пропозициями, событием, контекстными моделями и общими групповыми репрезентациями — знанием, отношением, идеологиями. Вне зависимости от того носит ли локальное значение имплицитный или эксплицитный характер, является ли оно утверждением или предположением, смиренным или вопиющим, оно функционирует на основе идеологически структурированных ситуативных моделей. В рамках нашего примера это означает, что автор намеренно усиливает, эксплицирует, детализирует, специфицирует, и придает в своей речи ярко-негативный характер всем отрицательным чертам своих оппонентов и тех, против кого эта речь направлена. В то же время приемы опущения, отрицания и упрощения являются частью стратегии положительной саморепрезентации (или стратегии избегания формирования у аудитории негативных впечатлений об ораторе), формирующейся на основе контекстных моделей

Стиль и риторика. Семантические репрезентации выражаются в различных поверхностных структурах, например, посредством специфической лексикализации, синтаксических структур, звуковых и визуальных характеристик (печати, изображений), а также посредством риторических средств, с помощью которых подчеркиваются или нивелируются те или иные значения.

Ранее мы предположили, что с когнитивной точки зрения данная вариативность представляет собой результат функционирования структур и мнений, входящих в состав событийных моделей. В этом случае негативные мнения о других социальных группах, хранящиеся внутри событийных моделей и политических мнений, выражаются с помощью негативной лексики, например «опасные действия» — для описания демонстраций мусульман или пренебрежительные оттенки в адрес лейбористской оппозиции. Подобные выражения могут не только иметь негативный смысл, но и выполнять риторическую функцию гиперболизации. Так происходит, когда Джон Строкс упоминает о том, что уровень рождаемости среди иммигрантов «значительно превышает» уровень рождаемости среди коренного населения Британии. И наоборот, использование позитивной лексики («добрые», «толерантные», «миролюбивые») имеет целью положительную репрезентацию социальной группы, к которой принадлежит и сам оратор. Использование специфической лексики может иметь самые различные «фреймовые» эффекты за счет активации различных политических установок и идеологий, а также конструирования моделей события. Следовательно, элиты могут использовать специфические термины в политическом или медиадискурсе с целью оказания влияния на общественное мнение. Например, использование таких терминов как «несправедливое преимущество» или «реверсивная дискриминация» запускает механизм производства когнитивных репрезентаций, стратегий и, в особенности, расистских установок и идеологий, что приводит к формированию негативного мнения о, зачастую, вполне полезных, позитивных действиях (Kinder and Sanders, 1990).

Тем не менее, многие элементы стиля и риторики не связаны с выражением внутренних структур мнений или политических репрезентаций — подобные элементы управляются посредством различных видов контекстных моделей. Существуют некоторые условия, имеющие прототипический характер для отрасли политики, так, например, употребление формальных терминов «коренные», «наплыв» и т. д., отражает формальность парламентской речи и характер заседаний в Палате Общин. Роли и идентичности участников события индексируются местоимениями «мы», «мы VS. они», обращениями «уважаемый», «друг», вежливыми об-

ращениями, которые одновременно представляют собой стратегии включения и исключения участников коммуникации в определенные группы.

Подобным же образом, речевые акты и риторические вопросы могут использоваться для выражения или подтверждения политической идентичности или политических взаимоотношений. Так, например, прямое обращение к лейбористам, происходит в рамках заданных политических взаимоотношений между партией власти и оппозицией, данное обращение содержит имплицитное обвинение оппозиции в том, что ее не волнует будущее страны. Данная стратегия соответствует пониманию автором контекста текущей политической ситуации и реализуется посредством поверхностных стратегий саморепрезентации консерваторов, как партии, заботящейся о будущем страны и одновременного позиционирования лейбористов, как людей безответственных, а возможно вообще антидемократичных (ведь именно они, якобы, отказываются внимать голосу народа, который должен быть их основным источником мотивации к действию).

5. Выводы

Кратко рассмотрев структуры политического дискурса, мы пришли к выводу об их принципиальной соотнесенности с положениями глубинных когнитивных теорий, связывающих различные типы ментальных репрезентаций с текстами и речью. Мы пришли к выводу о том, что значения и формы политического дискурса происходят из событийных моделей и политических репрезентаций, таких как знания, отношения или идеологии, которые сами по себе являются производными контекстных моделей. Разумеется, подобное видение структур и процессов политического дискурса не претендует на новизну с учетом понимания того, что рассматриваемые когнитивные структуры отражают понимание участниками различных политических событий и коммуникативных ситуаций в мире политики.

В рамках теоретической аргументации данной книги отметим, что когнитивный анализ структур политического дискурса не является попыткой приложения теорий когнитивной психологии к изучению политики. Напротив, когнитивный анализ является необходимым инструментом для детального описания и объяснения того, как реализует себя политический дискурс и какую роль он играет в политическом процессе. Имеется в виду, что политическая речь и тексты имеют отношение к текущему политическому контексту и обстоятельствам, как это имело место в парламентской речи Джона Строкса, посвященной проблемам иммиграции. Однако мы выяснили, что взаимоотношения контекста и дискурса

всегда опосредованы когнитивными моделями интеракционального или коммуникативного контекста. Именно посредством социокогнитивного анализа данной соотнесенности мы можем продемонстрировать, каким именно образом и почему политические ситуации конструируют речь и текст и наоборот: как и почему политическая речь и тексты порождают политические ситуации.

Политический дискурс редко носит субъективный характер, хотя справедливо и обратное — политический дискурс не является исключительно социальным или политическим феноменом: реализуясь в индивидуальных текстах и речи, он также приобретает некоторые субъективные черты. Только когнитивная теория способна расшифровать отношения между индивидуальным и социальным с помощью анализа диалектики эпизодических ментальных моделей и их репрезентаций с одной стороны, и социально разделяемых групповых репрезентаций с другой стороны. Таким образом, политические группы и институты могут быть описаны не только в социополитических терминах взаимодействующих между собой субъектов и коллективов, но также и с социокогнитивной точки зрения в терминах общих знаний, отношений, идеологий, норм и ценностей. Следовательно, политический дискурс может быть адекватно описан и объяснен лишь при условии теоретической экспликации социокогнитивных феноменов, связанных с общепринятыми политическими репрезентациями, контролирующими политические действия, процессы и системы.

Глава 8

Воинствующая риторика мелкого союзника: политические импликатуры и легитимация Аснаром войны в Ираке

1. Введение

В этой главе мы рассмотрим некоторые свойства воинствующего парламентского выступления испанского премьер-министра Хосе Мария Аснара в поддержку боевых действий США и их союзников против Саддама Хусейна в 2003 г. Одной из интересных контекстуальных особенностей речей Аснара в Кортесе[3] стало то, что они прозвучали вразрез с общественным мнением, когда более 90 % населения выступало против несанкционированной ООН войны в Ираке, включая Народную партию самого премьер-министра. Аснар совершенно проигнорировал как крупнейшие демонстрации, когда-либо проводившиеся в Испании (более миллиона человек в одной Барселоне), так и оппозицию в лице всех остальных партий, включая своих сторонников по коалиции, тем самым рискуя потерять много голосов на приближающихся выборах в городской совет в мае 2003 г. Хотя лично он и не выдвигался на переизбрание на следующих общих выборах 2004 г., зачем было премьер-министру таким образом совершать политическое самоубийство, подобострастно следуя за президентом Джорджем Бушем в качестве *мелкого военного союзника*, которого едва ли кто-то воспринимает всерьез на мировой арене? Из-за консервативной идеологии, которую он разделяет вместе с нынешней американской администрацией? Из-за истинной обеспокоенности оружием массового уничтожения, которое якобы было у Саддама Хусейна? Или, возможно, с целью заручиться поддержкой Буша в локаль

---

[3] Парламент в Испании. — *Прим. перев.*

ном конфликте с террористической организацией ЭТА? В этой главе мы не будем заниматься этими и другими политическими спекуляциями касательно решения Аснара поддержать войну в Ираке, а более конкретно рассмотрим некоторые особенности речей, ставших дискурсным выражением суждений Аснара по общественным вопросам. Я буду рассматривать их на фоне более широких вопросов легитимации государственного насилия в виде войны, особенно после атак на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г. и международной антитеррористической истерии, которая за ними последовала.

Что более важно, я буду обращать особое внимание на то, что я называю политическими импликатурами речи Аснара, то есть на конкретные политические выводы, которые могут сделать на основе (своего понимания) этой речи и ее контекста участники коммуникативной ситуации, например, члены парламента в парламентских дебатах.

Основа моей работы — междисциплинарное направление критического дискурс-анализа (КДА), в котором делается попытка свести социальное измерение проблемы к комплексному исследованию «треугольника» из дискурсного, когнитивного и социального ее аспектов (van Dijk, 1993c, 2003a). Таким образом, в нашем случае мы заинтересованы не только в описании каких-то интересных особенностей политической риторики, но для объяснения их нам требуется связать их с такими социально-когнитивными представлениями, как отношения, нормы, ценности и идеология, например, с теми, которые Аснар разделяет вместе со своей партией, а также с социально-политическим контекстом его речей в современной Испании. То есть, политические дискурсы Аснара и их свойства, в конечном счете, должны рассматриваться не просто как тексты, но также как выражение политического сознания и как политические действия в политических процессах, таких, как партийная пропаганда и принятие решений на государственном уровне в парламенте, а также дипломатия, создание коалиций и политика власти на уровне международном. Это особенно верно для политического дискурса, анализ которого не должен ограничиваться структурными особенностями текста и выступления, но также учитывать их условия и функции в политическом процессе.

Корпус фактического материала для нас составляют четыре выступления Аснара, сделанные им на парламентских сессиях 5 и 19 февраля и 5 и 29 марта 2003 г. Однако, я буду цитировать примеры только из его первой речи от 5 февраля и сосредоточу внимание только на его мнении, проигнорировав в этой главе мнения других политиков и дискурсное взаимодействие в ходе дебатов.

2. Теоретическая база

✓ **Парламентские дебаты**

На фоне более ранних работ по КДА в целом и политическому дискурсу в частности, теоретическая основа данного исследования в первую очередь включает в себя структуру и функции политических дебатов. Такие дебаты являются формой институционального вербального взаимодействия, а также специфическим жанром политического дискурса, а их общие свойства могут быть, таким образом, проанализированы на более широкой базе этих категорий дискурса. Как жанр политического дискурса, парламентские дебаты являются частным проявлением глобальной политической деятельности по законодательству, управлению и контролю над правительством. Что еще более характерно, такие дебаты включают выступления членов парламента и правительства, которые прагматически функционируют с целью представления и легитимации правительственных решений и проектов, поддерживающих правительство или оппозиционных ему. Следовательно, релевантные методы анализа парламентских дебатов должны основываться на этих глобальных функциях и, соответственно, мы будем исходить из того, что и структуры речей в этих дебатах могут быть описаны как частные действия, направленные на общую реализацию этих глобальных политических функций. Именно на этой основе я буду определять и использовать понятие «политической импликатуры» в дальнейшем.

Парламентские дебаты обладают рядом формальных свойств, которые мне придется игнорировать в своем анализе, такими, как контроль за выступающими и очередностью выступлений со стороны спикера или президента, порядок и смена выступающих согласно членству в правительстве или в оппозиционных партиях, ритуальные формы обращения (напр., 'Su Señoría' на испанском языке) и формальный лексико-синтаксический стиль подготовленных обращений и официальных ответов на предыдущие выступления. Также, поскольку наши данные взяты из официальной записи, в них едва ли сохранились спонтанные формы речи и взаимодействия, такие, как наложения речи одного говорящего на речь другого, поправки, фальстарты и незавершенные предложения.

С политической точки зрения в этом случае более интересны, а в рамках КДА более уместны, семантические и риторические свойства выступления Аснара. Так, в речи, оправдывающей участие Испании в войне в Ираке, мы можем ожидать не только обычные глобальные стратегии легитимации, таких, как юридические, моральные или политические оправдания этого участия, но также и хорошо известные глобальные семантические стратегии положительного представления себя как *Мы* и негативного представления других как *Они*. Как и в случае многих других

политических дискурсов после 11 сентября, *Мы* представляет собой западные демократии, которые борются против терроризма «стран-изгоев», а *Они* — это террористы или государства, которые нам угрожают, в нашем случае — конкретно Саддам Хусейн. Такая семантическая поляризация может риторически подчеркиваться обычными средствами, то есть гиперболами и метафорами о хороших качествах *нас* и плохих качествах, которыми обладают *они*.

Хотя существует совсем немного общих семантических ограничений для парламентских дебатов, которые в конечном итоге могут распространяться на многие разные темы, такая общая семантическая стратегия поляризации внутренней и внешней группы является достаточно общей и также зависит от политических функций таких дебатов. То есть, правительства и члены парламентов, которые их поддерживают, обычно представляют свои принципы и действия в положительном свете, а оппозиционные члены парламента, по определению, делают противоположное: отрицательно описывают, выказывают презрение или же подвергают нападкам эти принципы и действия. В своем анализе я просто обобщу некоторые особые формы, которые принимают семантика и риторика выступления Аснара.

Контекстуальные модели ✓

Есть и еще один фундаментальный аспект парламентских дебатов: контекст. То есть, многие формальные, семантические и риторические аспекты парламентских дебатов не являются специфическими и могут встречаться на других формальных мероприятиях или в другом политическом дискурсе. Это означает, что большинство уникальных свойств жанра политического дискурса контекстуальны: кто говорит и слушает, каковы их роли, какие действия они предпринимают, каковы их намерения и т. д. Как уже предполагалось выше, именно здесь нам следует наблюдать за *политическими* функциями дебатов как взаимодействия между членами парламента, предпринимающими особые политические действия с особыми политическими целями.

Такая формулировка контекстуального аспекта парламентских дебатов, тем не менее, остается достаточно нестрогой. Теоретически, здесь необходимо подчеркнуть, что не существует непосредственного взаимоотношения между текстом и контекстом, когда контекст определяется через такие аспекты политической *ситуации*, как члены парламента и их роли, действия и цели. Скорее, контекст может повлиять на то, что люди говорят или понимают, только тогда, когда он определяется как субъективный конструкт, зависящий от участника дискурса. *Не социальная или политическая ситуация сама по себе влияет на текст или речь, но скорее то, каким образом отдельные участники представляют, понимают или каким-либо иным образом конструируют ставшие релевантными для них*

свойства такой ситуации. Таким образом, контексты являются не объективными, или «внешними», но субъективными конструктами участников. В терминах современной когнитивной психологии это означает, что контексты — это ментальные модели, представленные в эпизодической памяти, то есть контекстуальные модели. Эти контекстуальные модели управляют многими свойствами порождения и восприятия дискурса: речевыми актами, стилем, выбором лексических средств, форматом, риторикой, семантическими стратегиями и т. д.

Хотя они и уникальны в каждой ситуации общения, представляя собой построение коммуникативной ситуации каждым участником ad hoc, общий формат контекстуальных моделей, безусловно, более всеобъемлющ, хотя и культурно дифференцирован. Членам парламента не нужно всякий раз изобретать стандартные категории той структуры, организующей контекстуальные модели дебатов, в которых они участвуют.

Политические импликатуры

Свойство речи Аснара, на котором я бы хотел заострить внимание, это *политические импликатуры* его выступления. Эти импликатуры должны быть определены в рамках теории контекста, кратко сформулированной выше, то есть в терминах контекстуальных моделей участников с их собственной политической идентификацией, ролями, целями, действиями и убеждениями. Я выбрал термин «импликатуры», а не «импликации»[4], поскольку здесь делаются не семантические, а прагматические или контекстуальные выводы. В речи Аснара, конечно же, есть масса семантических импликаций, например, когда он описывает «плохое» поведение Саддама Хусейна. Большинство из этих семантических импликаций в нашем случае связаны с Ираком и политикой Испании. То есть, они выводятся из темы выступления, а также из наших общих знаний об Испании, терроризме, международной политике, Ираке и т. д. Понимание этих выступлений во многом опирается на такие семантические выводы, которые отчасти являются общими, отчасти носят более личный характер или переменны. Так, когда Аснар в начале своей речи определяет ситуацию в Ираке как «кризис, с которым столкнулось» мировое сообщество, здесь (политическая) импликация заключается в том, что Ирак представляет собой угрозу для «нас».

Импликатуры, с другой стороны, обычно определяется как слабые семантические импликации, или же с точки зрения прагматики — через контекст (Atlas, 2000; Gazdar, 1979; Grice, 1989; Levinson, 2000). Мое упо

[4] Под импликацией здесь подразумевается не логическая операция ($p \Rightarrow q$), а семантическое следование, т. е. значения и смыслы, которые можно непосредственно вывести из того или иного высказывания. Импликатуры же следует понимать как скрытые семантические импликации, т. е. неявные следствия из высказываний. — *Прим. перев.*

требление этого термина будет ограничено прагматикой контекста, и я, таким образом, буду определять политическую импликатуру как импликатуру, основанную на *политическом контексте*. Например, когда Аснар подчеркивает, что, несмотря на его поддержку войны в Ираке, его политика миролюбива, он не только делает утверждение о войне в Ираке и своей политике, которое можно анализировать семантически, но это заявление также следует понимать и как защиту правительственной политики премьер-министра, лидера правящей Народной партии, и как реакцию на критику со стороны граждан и оппозиционных партий, и как действие, имеющее политической целью легитимацию весьма спорных решений.

Таким образом, каждый фрагмент его выступления может быть проанализирован еще и через его функции в текущей политической ситуации — в частности, в пределах парламента на проходящих дебатах, а в целом — в нынешней политической ситуации, например, легитимации собственной политики и делегитимации оппозиции, а также других стратегий.

Политические импликатуры приписываются участникам как производные от трех различных источников:

1. Представления участников о структуре дискурса и ее значениях (такие, как ментальные модели ситуации в Ираке).
2. Создаваемые участниками контекстуальные модели текущей коммуникативной ситуации.
3. Более общие знания участников о политической ситуации в мире и в стране. В приведенных ниже примерах я более подробно покажу, как могут выводиться подобные импликатуры. Делать я это буду более или менее неформальными методами, однако необходимо подчеркнуть, что при более развернутом теоретическом описании нам потребовалось бы подробно расписать содержание контекстуальных моделей, как и стратегии умозаключения, которые позволяют участникам — в данном случае членам парламента — делать те или иные выводы. Те направления в КДА, конверсационном анализе и политическом дискурс-анализе, которые игнорируют когнитивный компонент, вынуждены либо игнорировать такие «ненаблюдаемые» импликатуры, либо сводить их к особенностям дискурса или неопределенным контекстам. Более того, удовлетворительное описание (прагматических) политических импликатур предполагает развернутую теорию контекста, что мы вкратце показываем.

То, что такие импликатуры фактически релевантны политическому дискурс-анализу, не только очевидно для участников и аналитиков, обладающих релевантным политическим знанием текущей политической

ситуации, но, что характерно, они могут сигнализироваться участниками при реакциях на предыдущие выступления. Это, однако, не является необходимым условием нашего анализа — политические импликатуры могут определяться и косвенно, в последующих интервью участников таких дебатов или другими методами, и не обязательно явно сигнализируются в речи самих участников. Действительно, они, как правило, осознаются и в последующих выступлениях и текстах уже принимаются как пресуппозиции. Последующие комментарии о парламентских дебатах в СМИ часто фокусируются именно на этих невыраженных явным образом политических импликатурах. Политические импликатуры *объясняют,* что говорят участники политического дискурса и почему они это говорят. Они прежде всего определяют фундаментальную политическую точку зрения в парламентских дебатах — в частности, «правительственность» или «оппозиционность», а в более общем смысле — институциональные и политические правила силовой игры, которая разворачивается в парламентах. Путем анализа политических импликатур мы, таким образом, показываем, почему разворачивающийся политический дискурс релевантен для политического процесса.

3. Методы

В приведенном ниже анализе я выберу ряд характерных фрагментов из речи Аснара, поскольку они обладают типичными хрестоматийными свойствами политического дискурса, такими, как положительное описание группы «свои» и отрицательное описание группы «чужие», а также другими стратегиями парламентских дебатов. Эта подборка и краткая ее характеристика показывают, как Аснар участвует в политическом дискурсе, известные структуры и стратегии этого дискурса, особенно в связи с войной в Ираке. В то же время эти примеры и их (в основном семантический) анализ должен помочь в рассмотрении собственно политической проблемы, а именно того, как политические лидеры проводят легитимацию спорных политических решений. Четкой процедуры исследования таких структур политического дискурса не существует, а, следовательно, нет и процедуры выбора анализируемых фрагментов, кроме тех, которые предсказываются общими теориями политического дискурса и парламентских дебатов в частности.

Помимо этого краткого анализа, мы будем обращать внимание на детали политических импликатур каждого фрагмента, тем самым выявляя их политические функции и рациональные объяснения этих дебатов в испанском Кортесе. Я предполагаю, что именно так члены парламента, как

и осведомленная общественность в целом, воспринимают эти дебаты. Очевидно, полный анализ всех политических импликатур этой речи потребовал бы сотен страниц детального описания, поэтому мы ограничимся небольшим количеством характерных примеров.

4. Определение ситуации

Многим типам дискурса, таким, как редакторские колонки или выступления в парламентах, присуща вводная схематическая категория, которую можно назвать *определением ситуации*. Эта категория имеет значение для дискурса, основная цель которого — прокомментировать социальную или политическую ситуацию, дать рекомендации по конкретным действиям, оправдать или узаконить те или иные действия. Так, если кто-то хочет объяснить или оправдать свои действия (обычно подвергаемые критике), есть смысл описать такую ситуацию, в которой эти действия выглядят необходимыми, логичными, понятными, неизбежными или приемлемыми по каким-то другим соображениям. Как правило, существуют нормативные акты (и международное право), позволяющие людям и государствам защищаться, когда они подвергаются нападению — и американские политики, ученые и военные оправдывали войну в Ираке именно на этих основаниях (анализ таких форм легитимации см, напр., в Borch и Wilson 2003; а также Nye, 2000; Dinstein, 2001; Rodin, 2002; Chomsky, 2003; Christopher, 2003; Daalder и Lindsay, 2003; Falk, 2003; Newhouse, 2003; Gareau, 2004; Walzer, 2004).

Таким образом, если Аснару требуется защитить свою крайне непопулярную политику в отношении Ирака, ему, прежде всего, необходимо изложить политическую ситуацию, которая делает такую его политику понятной, разумной и законной. Именно это он и делает в первых же словах своего вступления, где определяет ситуацию как кризисную:

---

(1) El señor PRESIDENTE DEL GOBIERNO (Aznar López): Señora presidenta, señorías, al comenzar el periodo de sesiones, comparezco esta tarde ante la Cámara para informar a SS.SS. de la posición del Gobierno ante la crisis que enfrenta a la comunidad internacional con Irak.

Председатель правительства (Аснар Лопес): *Госпожа председатель, уважаемые господа, в самом начале этой сессии, сегодня, я выступаю перед этим парламентом с целью сообщить его уважаемым членам о том положении, в котором оказалось наше правительство в виду кризиса, связанного с Ираком, который противопоставляет себя мировому сообществу.*

Поскольку политики, парламентарии, и особенно правительства должны принимать меры, когда наступает «кризис», это очень убедительный способ изначально определить ситуацию. В самом деле — ведь и оппозиция, несомненно, описывает текущую ситуацию как кризис, хотя бы в силу надвигающейся войны, которой грозят США и Великобритания. При этом отметим, что в самом первом своем предложении Аснар обвиняет в кризисе не тех, кто его начал своими военными планами, а именно США и Великобританию, а Ирак. Явная политическая импликация этой первоначальной обрисовки ситуации, таким образом, в том, что именно Ирак несет ответственность за этот кризис, а выбор слова «противопоставлять» (*enfrenta*) в дальнейшем подтверждает то, что «мы» являемся жертвами конфронтации. Во-вторых, кризис представляется не как затрагивающий только лишь правительство Аснара, но как кризис, влияющий на все мировое сообщество. Такая формулировка и ее (нестрогие) импликации — один из способов противостоять аргументам, утверждающим, что это *конфликт только по определению* США и их союзников, но не мирового сообщества.

Помимо этих (семантических) импликаций в этой речи есть также целый ряд политических импликатур. С самого начала и далее по тексту Аснар показывает, что полностью осознает свою позицию, позицию своей партии, а также оппозиции и большинства населения по вопросу об Ираке. Таким образом, в сложившейся ситуации ему крайне важно не только то, чтобы «содержание» его речи стало эффективным инструментом в общей стратегии продавливания его политики, но и чтобы он выглядел хорошим, ответственным партийным лидером и премьер-министром и чтобы у оппозиции, следовательно, не было «аргументов». Так, вместо того, чтобы прямо начать свой доклад с изложения политики испанского правительства по Ираку, Аснар предваряет свое выступление явной дейктической формулой, призванной обрисовать причину самого его «появления» в парламенте.

Такие перформативы могут быть всего лишь более или менее формальными средствами обращения, однако в данном случае они содержат также и особые политические импликатуры: оппозиция (а также СМИ и прочая элита) обвиняли Аснара в том, что он игнорирует мнение парламента и общественности, не информируя их по вопросам правительственной политики в отношении Ирака. Таким образом, сделав свое «появление» и «доклад» открытыми для членов парламента с самого первого предложения, он в политическом смысле намекает на то, что 1) он работает как парламентарий, 2) он прислушивается к мнению оппозиции и народа, и поэтому хороший демократ, 3) предшествующая критика в его

адрес больше не актуальна и 4) те, кто формулировал предыдущие критические замечания – например, оппозиционная партия ПСОЭ – не имеют на то оснований. Эти и, возможно, другие политические импликатуры могут рассматриваться как часть контекстуальной поляризации с целью сохранить лицо – т. е. представить себя с положительной стороны, а других – с отрицательной и, конечно же, провести политическую контратаку.

В то же время, Аснар делает политический намек на то, что его правительство – это часть *«нас»*, то есть принадлежит к внутренней группе под названием «мировое сообщество», а это импликатура, вызывающая целый ряд других политических импликатур. А именно: его политика идет в ногу с политикой мирового сообщества, и, следовательно, – легитимна, а вот оппозиция, которая не желает вступать в войну (и которая, придя к власти в марте 2004 г., немедленно приняла решение отозвать испанские войска из Ирака) не является частью мирового сообщества и, следовательно, менее легитимна в своих заявлениях. Действительно, следуя политической логике президента Джорджа Буша, можно сделать вывод, что если оппозиция не *с* «мировым сообществом» (т. е. США, Великобританией и некоторыми другими странами), то она против него и, возможно, даже играет на руку врагу, Саддаму Хусейну.

Как предполагалось выше, формулировка этих импликатур делается неформально, но вполне годится для целей данной главы. Более формальное описание потребовало бы экспликации точных контекстуальных моделей Аснара и членов парламента, чтобы можно было показать, как исходные политические знания, представление ситуации и ментальная модель, представляющая семантическую интерпретацию данного фрагмента в совокупности, дают информацию, необходимую для вывода правильных политических умозаключений.

После этой вступительной, а, следовательно, тематически глобальной, обрисовки ситуации (как в заголовке газетной статьи) и ее общих контекстуальных импликатур, Аснару необходимо представить специфику ситуации кризиса и дальнейшие аргументы, которые позволили бы ему, во-первых, определить ситуацию как кризисную, а во-вторых, объяснить позицию его правительства в этой критической ситуации. Именно это он и делает, теперь уже явно приписывая вину в создании кризиса Ираку:

---

(2) La crisis es consecuencia del reiterado incumplimiento por parte de Irak de sus obligaciones internacionales y de las resoluciones del Consejo de Seguridad de las Naciones Unidas. A poco que hagamos memoria, vemos que no es más que un nuevo episodio del problema surgido en 1990, cuando el régimen iraquí invadió Kuwait. (Rumores).

Этот кризис — следствие систематических отказов со стороны Ирака выполнять международные обязательства и резолюции Совета Безопасности ООН. Не трудно

увидеть, что это — еще один эпизод проблемы, которая возникла в 1990 г., когда иракский режим вторгся в Кувейт. (Шум в зале).

Отметим, что здесь Аснар идет гораздо дальше простых обвинений Ирака в создании кризиса. Помимо прочего, он говорит, делает и имплицирует следующее:

а) Приписывая отказам Ирака атрибут «систематические», он семантически акцентирует серьезность отказов, а, следовательно, серьезность кризиса, тем самым создавая основу для дальнейших обвинений в адрес Ирака и легитимации войны. Такой риторический акцент предполагает нормативный или юридический вывод о том, что если отрицательное действие (такое, как отказ выполнять договоренности) не является непреднамеренным или исключительным и происходит не в первый раз, то его систематичность делает его преднамеренным и отягчает вину нарушителя.

б) Указывая на международные обязательства и Совет Безопасности ООН, он подчеркивает, что Ирак отвергает высшую в мире власть и более ранние официальные резолюции. Опять же, этим акцентируется «официальная» вина Ирака, а заодно и легитимность, если не обязательность, осуждения Ирака и принятия против него решительных мер.

в) Во втором предложении Аснар ссылается на первую войну в Персидском заливе, в которой агрессия Ирака (Саддама Хусейна) была очевидна из-за вторжения в Кувейт. Называя текущую ситуацию продолжением того вторжения, Аснар делает политический намек, как минимум, на два других обстоятельства: что Ирак, несмотря на то, что он теперь не вторгается в другие страны, все равно виновен в провокации международного кризиса и, во-вторых, что сейчас, как и в 1990 г., международные (военные) действия против Ирака законны. То, что эту импликацию поняли, но отвергли как причину легитимации новой войны, очевидно по протестам со стороны других членов парламента, здесь обозначенным как «шум в зале» (*rumores*) в стенограмме журнала сессионных заседаний.

Это дальнейшее определение ситуации как кризиса, спровоцированного Ираком, одновременно подчеркивает серьезность кризиса и вину Ирака, бросающего вызов высшей власти в мире. Достигается это путем ассоциации себя с этой властью (Совет Безопасности ООН), что в итоге направлено на легитимацию международной акции против Ирака, который систематически не выполнял требования ООН еще с момента вторжения в Кувейт.

Другими словами, первоначальное определение ситуации заключается в том, что Аснар тщательно формулирует ее таким образом, чтобы она соответствовала его собственной политике. То есть, в его речи дается не только описание международного кризиса, но и формулируется оно таким образом, что ментальная модель события, которую это описание

выражает и передает, получается именно такой, какая выгодна Аснару для убеждения парламентариев. В то же время импликации такой обрисовки дают целый ряд аргументов в пользу легитимации политики Аснара, позволяя ему: обрисовать текущую ситуацию как кризис; обвинить Ирак в том, что он не согласен с решениями Совбеза ООН и, следовательно, нарушает международные резолюции; обрисовать эти нарушения как продолжение агрессии со стороны Ирака и, следовательно, легитимность отпора Ираку путем военного вторжения, как в случае с войной в Персидском Заливе. В самом деле, поскольку диктаторов в мире много, сам факт угнетения Саддамом Хусейном иракского народа не является поводом для легитимации войны против него на международном уровне. Поэтому просто необходимо выдвинуть любое свидетельство или аргумент, на основании которого его можно признать виновным в нарушении именно международных законов либо же обрисовать его нынешнюю политику как аналогичную той, которая ранее привела к (оправданной) войне.

Мы видим, что Аснар в своей речи тщательно придерживается этой тактики легитимации. Хотя все эти импликации и являются лишь способами узаконить его собственную политику на государственном уровне, они в то же время носят международный характер по кругу затрагиваемых вопросов и перекликаются с импликациями внешней политики США и Великобритании.

Но Аснар не просто солидаризируется с Бушем и Блэром – в парламенте ему необходимо защитить такую политику от жесточайшей оппозиции, а во всей Испании – от практически единодушного общественного презрения. Это означает, что нам необходимо также сделать из его выступления политические выводы, касающиеся его отношений с парламентской оппозицией и общественным мнением, то есть в терминах контекстуальных импликатур. Другими словами, Аснар не просто говорит об Ираке или о политике своего правительства – ему также нужно проявить свою власть в парламенте и в стране. Он делает это имплицитно, путем поляризации, согласно которой себя он ассоциирует с «хорошими парнями», а тех, кто противостоит войне – со сторонниками Саддама Хусейна, врагом. Опять же, этот ход – часть идеологической стратегии положительного представления себя и отрицательного представления другого. Поступая так, он не только оправдывает свою политику, но также объявляет неоправданной политику тех, кто противостоит войне, в особенности оппозиционных политических партий, таких, как ПСОЭ (Испанская социалистическая партия). Как и предполагалось выше, такие политические импликатуры выводимы из общих знаний о политике и контекстуального понимания текущей политической ситуации, например, в Испании.

Цепочку политических выводов в этом случае можно представить приблизительно так:

- Я делаю то, что мне полагается делать по правилам.
- (Следовательно) Я выполняю свою работу премьер-министра.
- (Следовательно) Я соблюдаю правила нашей демократии.
- (Следовательно) Я демократ.
- (Следовательно) Я хороший политик.
- (Следовательно) Нет оснований (в данном случае) критиковать меня и мое правительство.
- (Следовательно) Критика оппозиции (или других) необоснованна.
- (Следовательно) Оппозиция плохо справляется со своей работой.
- (Следовательно) Оппозиция — это нехорошо.

Эмпирически эти выводы обеспечиваются в ситуации, когда они соответствуют тому, как компетентные участники политического дискурса в действительности понимают утверждения Аснара — и это понимание может выражаться в реакции на его речь.

5. Положительная самопрезентация

Как мы уже увидели на примере Аснара, выступающие предпочитают описывать себя с положительной стороны. Эта тенденция — часть хорошо изученной социокогнитивной стратегии взаимодействия — представлять себя в положительном свете или, как минимум, избегать отрицательных образов и в целом производить впечатление на наших собеседников. То же самое справедливо и для большинства форм общественного дискурса, где хорошее впечатление может быть даже более важным, чем в неформальном повседневном общении, например, по причине более сильного воздействия на большую аудиторию, а также ввиду возможного ущерба для профессиональной или политической репутации, который может стать следствием «неправильного» представления Себя. Это особенно важно в политике, где в первую очередь оппозиционные политики, а также СМИ и косвенно широкая общественность воспринимают сообщения критически, и где неосторожный шаг может стоить голосов на следующих выборах. Следовательно, мы можем ожидать, что Аснар также будет прибегать к многочисленным и разнообразным формам положительной самопрезентации, особенно учитывая сокрушительную критику его позиций по вопросу Ирака, поступившую из СМИ и большинства других политических партий, как и от основной массы населения в целом. Вероятно, мало по каким вопросам, выносившимся на дебаты в Испании

в последнее время, критика оппозиции проникала так глубоко. Другими словами, Аснару требовалось серьезно поправить свой имидж. Давайте рассмотрим некоторые из его ходов в этом направлении. Вот первый пример, в самом начале выступления:

(3) Esta comparecencia continúa la información proporcionada a SS.SS. por el gobierno anteriormente. En concreto, el Gobierno ha informado sobre la situación de Irak por medio de la comparecencia de la ministra de Asuntos Exteriores en un total de cinco ocasiones, la última el viernes pasado ante la Comisión correspondiente. Yo mismo he comparecido para dar cuenta de la posición del Gobierno en otras dos ocasiones. El Gobierno también ha contestado por escrito a diversas preguntas que se le han formulado sobre la cuestión. A la comparecencia de hoy seguirán otras mías o de los ministros de Asuntos Exteriores y de Defensa, en función de los acontecimientos y según la forma que requiera la evolución de esta crisis, conforme al Reglamento de la Cámara.

Я представляю ту информацию, которую уважаемые господа парламентарии могли и раньше получить у правительства. В частности, правительства предоставляло эту информацию о ситуации в Ираке в виде пяти презентаций министра иностранных дел — последняя такая презентация для соответствующего комитета была в минувшую пятницу. Я сам дважды выступал здесь с отчетом о позиции правительства. Правительство также дало письменные ответы на ряд вопросов по данной проблеме. За нынешней презентацией последуют другие, которые буду делать я сам либо министры иностранных дел и обороны, в зависимости от событий, связанных с развитием кризиса, и в соответствии с правилами, принятыми в парламенте.

Зачем Аснару понадобилось приводить столько подробностей его регулярных «появлений» в парламенте? Вполне очевидный ответ находится в связи с (предполагаемой) критикой со стороны оппозиции, а именно в том, что Аснар, в отличие от Тони Блэра, *практически не пытался* объяснить или оправдать свою политику в отношении Ирака и тем самым выказывал надменность по отношению к оппозиции, выступавшей против военного решения проблемы. То есть, чтобы показать, что он не надменный, а наоборот демократ, прислушивается к людям и следует (как он прямо заявил) правилам, принятым в парламенте, он подчеркивает свое согласие с правилами демократии. Ему не надо прямо заявлять, что он демократ и всецело уважает пожелания парламента — этот пассаж с политической точки зрения имплицирует все эти значения для политически подкованной аудитории. В каждом моменте своего выступления Аснар тщательно взвешивает возможные политические импликации того, что он говорит, подчеркивая те места, которые показывают, что он (или его партия) подчиняется основным политическим требованиям демократии,

а также более общим нормам и ценностям. А вот те элементы его выступлений и политики в целом, которые могут быть истолкованы отрицательно, он оправдывает или не заостряет на них внимание, тем самым стремясь избегать отрицательного впечатления или оспорить его причину.

По всему выступлению Аснар использует много разных форм положительной самопрезентации. Рассмотрим некоторые примеры:

(4) El Gobierno, señorías, desea la paz y está trabajando activamente para asegurarla (p. 11250).

Правительство, уважаемые господа, желает мира и активно работает над его обеспечением (с. 11253).

(5) España ha mantenido siempre una actitud constructiva en el conflicto de Oriente Medio (p. 11253).

Испания всегда придерживалась конструктивного отношения к конфликту на Среднем Востоке

(6) Señora presidenta, señorías, soy bien consciente de que lo que esta tarde tratamos en la Cámara es algo que afecta de manera profunda a los sentimientos, también a las convicciones y también, por supuesto, además, a la razón. Siento el mayor respeto por todas las posiciones que se puedan manifestar en esta sesión... (Rumores). <...> Nadie tiene el monopolio de la razón, como nadie tiene el monopolio de los buenos sentimientos. Comprendo que lo que tratamos son decisiones difíciles y que ninguno querríamos estar en la situación que estamos.

Госпожа председатель, уважаемые господа, я прекрасно понимаю, что тот вопрос, который мы разбираем сегодня в этом парламенте, глубоко трогает наши чувства, убеждения и конечно наши умы. Я выражаю глубочайшее уважение ко всем точкам зрения, которые могут быть выражены на этой сессии... (Шум в зале). <...> Никто не обладает монополией на разум, как никто не обладает монополией на чувства. Я понимаю, что сейчас у нас трудная сессия и что никто не захотел бы оказаться в той ситуации, в которой оказались мы с вами.

Здесь представлены три различных типа самопрезентации, а именно, когда выступающий говорит от лица своей группы или организации (здесь — правительства), как в примере 4, когда выступающий говорит от лица своей страны (пример 5) и когда выступающий говорит от своего лица, как в последнем и наиболее значимом примере. В то время как первые два типа самовосхваления типичны для политики, последний носит личный характер и направлен на то, чтобы подчеркнуть доброту характера выступающего. Во всех случаях эти формы поздравления самого себя интерактивны и отвечают на реальные или возможные проявления критики со стороны оппонентов Аснара — по мере их оценки политического контекста его выступления. Пример 4 наиболее показателен. Поскольку

Аснара и его правительство многие обвиняли в разжигании войны, ему нужно подчеркнуть, что он и его правительство (конечно же) стремятся к миру — самоочевидная и хорошо известная догма, широко используемая даже для легитимации войн и агрессий и являющаяся частью общей стратегии позитивной самопрезентации и негативной презентации другого: *Мы* мирные люди и просто защищаемся, а вот *Они* — агрессивные и хотят войны.

Дальше мы увидим, что в этом и многих других фрагментах Аснар, тем не менее, добавляет, что это *должен быть «безопасный мир»*.

Второй случай более общий и является ответом на реальную или предполагаемую критику по поводу того, что, поддержав США в войне против Ирака, Испания может утратить доверие арабских государств. Третья форма самопрезентации, которую также можно описать как первую часть (сложного) опровержения, а именно — в форме открытого сочувствия, направлена на то, чтобы показать: он не жестокосердный государственный политик, который пренебрегает чувствами, мнениями и доводами всех тех, кто выступает против войны — а это, *ни много, ни мало*, подавляющее большинство населения Испании и все политические партии, представленные в парламенте, кроме его собственной. Пренебрежение к этим чувствам и убеждениям позволит сделать вывод не только о том, что у него самого нет чувств и сострадания, но и о том (и это, возможно, более важно), что он не демократ, поскольку не рассматривает мнения всех тех, кто против войны. Действительно, уважение — одна из главных ценностей как в повседневной коммуникации, так и в политике. Важно то, что он подчеркивает эти характеристики, особенно перед лицом настойчивой критики со стороны других политиков, СМИ и большей части населения в том, что его военная политика не учитывает мнения подавляющего большинства людей в Испании. В последней части примера 6 он продолжает этот важный фрагмент выступления догмой о равенстве, сформулированной в виде повторяющегося отрицания и параллельных конструкций с целью усиления воздействия. Эту часть также можно интерпретировать как часть стандартного опровержения, а именно — как явную уступку («Возможно, я ошибаюсь, но...»), однако с учетом политического контекста интерпретация скорее должна быть такова, что Аснар считает: «добрые чувства» испытывает не одна только оппозиция. Однако, в дальнейшем своем выступлении Аснар пренебрегает этими чувствами «сострадания» и просит об «ответственной» (а, следовательно, неэмоциональной) поддержке своей политики. Таким образом, все его положительные шаги в этом направлении можно интерпретировать как первую часть затяжного опровержения. Действительно,

как и предполагалось, в другом пассаже, направленном на положительную самопрезентацию, а заодно и легитимацию своей политики, Аснар добавляет, что «жесткий и решительный» ответ Саддаму Хусейну — это и есть «ответственная» политика, поскольку только так можно наилучшим образом служить интересам Испании:

(7) [La posición] ...que le corresponde tomar a un gobierno español que atienda a los intereses permanentes de nuestro país (p. 11254).

[Позиция,] ...которую должно занять испанское правительство, озабоченное вечными интересами нашей страны (с. 11254).

(8) Creo sinceramente que hoy estoy cumpliendo lo que reclamé cuando encabezaba la oposición, lo que me comprometí al ser elegido presidente del Gobierno, lo que creo más razonable y lo que creo que conviene mejor a España y a los españoles.

Я искренне убежден, что я делаю то, чего требовал еще возглавляя оппозицию и чему я посвятил себя, когда был избран председателем правительства; то, что я считаю наиболее разумным и правильным для Испании и испанцев.

Обратим внимание, что в этих примерах, взятых из заключительных слов его речи, перед тем, как поблагодарить председателя Кортеса он интересным образом сочетает различные формы положительной самопрезентации, такие, как панегирик своему правительству с упором на личный вклад, разумность и откровенность. С политической точки зрения особенно релевантным является, конечно же, заявление о том, что политика его правительства — это благо для страны. Однако, с личной и коммуникативной точек зрения важнее то, что он представляет себя заслуживающим доверия и честным политиком.

Анализ этих примеров — это не просто очередная иллюстрация известной стратегии положительной самопрезентации, и ее функций в политических выступлениях. Моя точка зрения, и основной довод этой главы, заключается в том, что неформальный анализ различных типов положительного представления себя и работы на имидж, представленные выше, проливают свет на целый ряд политических импликатур, которые нельзя подвергнуть простому семантическому анализу, так как они предполагают на глобальном уровне детальные ***контекстуальные*** знания текущей политической ситуации в Испании и мире (иракский кризис), а на частном уровне — также коммуникативной и политической ситуации в Кортесе на момент произнесения им речи. Существует множество способов и уровней «понимания» его речи, но с политической точки зрения уместно будет учесть политические интересы Аснара и то, каким образом каждый ход в его выступлении также выполняет особую функцию в политическом процессе. Эти функции, хотя они

релевантны и осознаются всеми осведомленными участниками дискурса, редко получают эксплицитное выражение и включены в политические импликатуры, которые участники выводят из каждого момента политического выступления.

6. Негативная репрезентация других

В политическом или ином идеологизированном дискурсе положительная саморепрезентация обычно сочетается с отрицательной репрезентацией или умалением заслуг другого по принципу известной психологической поляризации «свой — чужой». Так, в выступлениях, которые нацелены на оправдание или легитимацию войны, унижение противника является исключительно важным, как мы видели в выступлениях Буша, Блэра и их сторонников. Хотя поначалу Саддам Хусейн рассматривался и пользовался поддержкой как сторонник (например, против Ирана), с момента оккупации Кувейта он стал повсеместно изображаться любимым злодеем Запада — как в политике, так и в СМИ (Martín Rojo, 1995). Поэтому нет ничего удивительного в том, что с внезапным возникновением интереса Буша и К° к «странам-изгоям» и «международному терроризму» после атак 11 сентября Садам Хусейн быстро стал негодяем номер один, когда не удалось быстро поймать Усаму Бен Ладена. Это и другие фоновые события и попытки легитимации войны против Ирака, конечно, тоже обыгрываются в дискурсах союзников США, а именно Великобритании и Испании, и мы, соответственно, можем ожидать, что Аснар будет активно унижать Саддама Хусейна в своих выступлениях. Более того, эти аргументы сильны не только тем, что Хусейн безусловно был диктатором, жестоко угнетавшим народ Ирака, но и тем, что их вряд ли стала бы оспаривать левая оппозиция, которая с такой формулировкой вполне согласна. Таким образом, публичная порка Саддама вполне согласуется с гуманистическими, левыми взглядами, и поэтому является замечательной тактической уловкой. Если война против Саддама Хусейна и не была в строгом смысле легальной, то имелся, по крайней мере, хороший аргумент для оправдания ее с чисто гуманистических позиций. Однако, как мы знаем, чтобы не нарушать международных конвенций, было решено официально мотивировать войну угрозой оружия массового уничтожения, а не диктатурой Саддама Хусейна или нарушением прав человека — этот аргумент мог применяться ко многим другим странам и диктаторам.

Отсюда неудивительно, что Аснар подчеркивает отрицательные характеристики врага, Саддама Хусейна, например, в следующем пассаже:

(9) El de Sadam es un régimen de terror que no ha dudado en emplear armas de destrucción masiva en las guerras que ha promovido contra sus países vecinos y contra su propio pueblo.

Режим Саддама — это режим страха, который без колебаний применил оружие массового уничтожения в войне, которую вел против соседних стран и против собственного народа.

Анализ этого и других пассажей соответствует проведенному ранее анализу политической риторики в целом и по Саддаму Хусейну в частности, и мы не будем на нем задерживаться. Так, мы находим здесь привычные формы гиперболы, крайности в формулировках и характерный набор лексических единиц (таких, как '*terror*', '*armas de destrucción masiva*'[5]) наряду со многими другими формами отрицательной характеристики лица или группы лиц.

Основная цель данной главы — не простое описание политической риторики и способов легитимации, а изучение контекстуальных функций таких стратегий в нынешней политической ситуации и политическом процессе. Почему *сейчас* политически уместно и важно повторять и подчеркивать то, что Садам Хусейн — это очень плохой парень? В конце концов, здесь нет особого противоречия с оппозицией или общественным мнением в целом, поэтому, вроде бы, и нет смысла по этому вопросу спорить и кого-то убеждать. Так каковы же политические импликатуры унижения Аснаром Саддама Хусейна в данном случае? Выпишем некоторые из них:

- Если социалистическая оппозиция (прежде всего ПСОЭ) не хочет воевать против Саддама Хусейна, то она, фактически, играет на руку Саддаму Хусейну. Все мы знаем, что он — жуткий диктатор, но оппозиция, тем не менее, его поддерживает — даже вопреки интересам населения Ирака. Это явно не соответствует гуманистическим и общественным ценностям, провозглашаемым (социалистической) оппозицией. Так что, не поддерживая войну против Саддама Хусейна и, соответственно, нашу политику, социалистическая оппозиция предает собственные принципы, следовательно, ей доверять нельзя.
- С другой стороны, поскольку Аснар желает поддержать коалицию, стремящуюся разгромить такого ужасного диктатора, как Садам Хусейн (потому что он представляет опасность для всего мира и для своего собственного народа), он выполняет свои обязанности как ответственный премьер-министр.

[5] Соотв., «страх» и «оружие массового уничтожения» (исп.) — *Прим. перев.*

- Описывая и подчеркивая такие характеристики Саддама Хусейна так, как они уже были освещены Соединенными Штатами — такие, как вторжение в Кувейт, прежние нарушения резолюций ООН, якобы имеющееся оружие массового уничтожения и связи с террористическими организациями — Аснар указывает на связи своего правительства и партии с мощным союзником. Это уже само по себе может рассматриваться как легитимная политика, но это также показывает политическое «фамильное сходство» Буша и Аснара как дружественных политиков-консерваторов. По той же причине гораздо меньший акцент делается на серьезные нарушения прав человека со стороны Саддама Хусейна — это было бы более типично для оппозиции.
- Подчеркивая опасность «для всех нас» от возможного использования террористами оружия массового уничтожения, полученного якобы благодаря их связям с Саддамом Хусейном, Аснар выказывает законную озабоченность ответственного лидера и в то же время намекает, что оппозиция такой озабоченности не проявляет и, следовательно, пренебрегает своей ответственностью перед обществом.

Конечно, можно сформулировать и некоторые другие импликатуры, но суть ясна: то, что Аснар говорит о Саддаме Хусейне, имеет мало общего с его личным или «настоящим» мнением о диктаторе. Скорее это связано с общей стратегией легитимации войны против такого тирана. Политические импликатуры такого отрицательного представления другой стороны (диктатора), таким образом, является также способом положительного представления своей позиции и политики, а, следовательно, политики его партии и правительства и в то же время унижением политики оппозиции. Детальное негативное описание ужасных нарушений прав человека Саддамом Хусейном не удовлетворило бы требованиям политических функций: они бы не совпали с основными аргументами США, противоречили бы международным нормам (которые не позволяют устранять ужасных диктаторов) и слишком сильно совпадали бы с отношением оппозиции. Действительно, могли бы начаться неудобные вопросы о том, почему раньше США поддерживали Саддама Хусейна — например, поставками отравляющего газа и других вооружений — когда этот диктатор был их союзником против Ирана. Другими словами, негативная презентация другой стороны в политическом дискурсе — это не просто описание плохого парня, а политически уместная подборка и выделение релевантных на данный момент «плохих» черт, которые необходимо выявить в дискурсе. Анализ политических импликатур проясняет такие тонкие «тактические» обоснования.

7. Мир, безопасность и терроризм

Лозунг Аснара в этих дебатах, в обобщенном смысле, звучит как *paz y seguridad*, «мир и безопасность», и этот лозунг повторяется в разных формах по ходу его выступления, как в следующих примерах:

(10) Primero, el Gobierno está trabajando por restablecer la paz y la seguridad. El interés del Gobierno es obtener una situación de paz con seguridad.

Во-первых, правительство работает над восстановлением мира и безопасности Интерес правительства в том, чтобы достичь мира и безопасности.

(11) Desearía que convinieran conmigo en que una postura firme y resolutiva para desarmar a Irak en un plazo inmediato es lo responsable, lo lógico e inteligente para las aspiraciones de paz y seguridad de la comunidad internacional, que también son las de nuestro país.

Мне бы хотелось, чтобы вы согласились со мной в том, что жесткое и решительное отношение к разоружению Ирака в кратчайшие сроки — единственное ответственное решение, наиболее логичное и разумное для достижения мира, которого ожидает международное сообщество, в том числе и наша страна.

Первая часть двойного выражения соответствует основным ценностям и разделяется большинством оппонентов Аснара, даже если они не совсем пацифисты, а выступают только против *этой* войны. Это практически неприступная ценность, цель и принцип. Однако, интересным этот лозунг делает именно комбинация со вторым понятием, и это характерно для консервативного правительства, как и в вопросе об иммигрантах, и вполне соответствует аналогичным лозунгам в США и Европе: безопасность стала ключевым словом в политике после 11 сентября, даже в тех областях, которые не имеют особого отношения к терроризму. Во многих странах гражданами манипулируют, заставляя их верить в то, что общество становится все более небезопасным и мобилизуя их на поддержку какого-нибудь драконовского урезания их гражданских прав. И правительства, и СМИ очень избирательно (и с благодарностью) фокусируют внимание на терактах, непрерывно поддерживая в людях страх. То, что гораздо больше граждан гибнет от других причин, которых можно было бы избежать с гораздо меньшей затратой средств и ограничением свободы, в таких воинственных идеологиях, конечно же, не рассматривается. Таким образом, если мы прочитаем этот лозунг так, как его следует понимать — *Мир, **но** безопасность* — то он сразу принимает более прозрачную форму известного опровержения, явной уступки, в которой первая часть удовлетворяет стратегии положительной самопрезентации («мы хотим мира», «мы мирные»), что сравнимо с известным приемом

в опровержениях расистов («мы не расисты»). И тогда наиболее важная вторая часть становится наиболее существенной целью дискурса, совпадающей с общей стратегией известного текста на тему безопасности и разговора о состоянии национальной безопасности в целом. Дальнейший анализ того, каким образом терроризм служит Бушу, его партии, бюджету Пентагона, урезанию гражданских свобод и особенно бизнесу, связанному с войной и обеспечением безопасности, здесь не нужен. Такой анализ уже был сделан многими другими авторами.

Помимо общесемантического и политического анализа этого опровержения, нам также важны политические импликатуры этого лозунга: как это служит Аснару здесь и сейчас? И здесь мы снова становимся свидетелями того, что фундаментальная контекстуальная стратегия заключается в положительной самопрезентации перед публикой или избирателями в целом с одной стороны и унижением оппозиции — с другой стороны. Так же, как «Закон и порядок» является лозунгом борьбы с преступностью и подчеркивает внедрение консервативных ценностей, «Мир и безопасность» вызывает чувство страха у людей, ощущающих опасность и нуждающихся в сильном правительстве, которое в первую очередь удовлетворит фундаментальную потребность в безопасности. Аснар, Буш и Блэр знают, что большинство граждан — как и они сами — не очень-то беспокоятся в повседневной жизни о том, что происходит в Ираке или на Среднем Востоке, не озабочены оружием массового уничтожения и, возможно, даже войной в какой-то другой части света. Следовательно, чтобы сделать силовую политику и войну легитимной, важно воспользоваться таким неопределенным и общим понятием, которое имело бы значение для многих людей: ощущение опасности и безопасности. В примере (10), таким образом, лозунг заключается не в том, что Аснар и его правительство просто хотят мира и безопасности, но что они активно занимаются их обеспечением (*'trabajando'*). В то же время, отсюда выводится политическая импликатура: если оппозиция хочет только мира, она не предлагает того, что людям нужно больше всего — безопасности. Таким образом Аснар имплицитно может дисквалифицировать левую оппозицию как обычных пацифистов.

Эти импликатуры функционируют и на местном уровне — то есть, они релевантны в политическом контексте Испании — когда Аснар косвенно, а иногда и прямо, связывает Ирак и Саддама Хусейна с международным терроризмом, а международный терроризм с местными террористами из ЭТА. Мир в таком контексте может быть не очень подходящим термином, а вот безопасность — безусловно. Другими словами, лозунг одновременно выполняет политическую функцию как способ подчеркнуть

положительную роль консервативного правительства в борьбе против ЭТА, что показывают и другие пассажи из выступления Аснара:

---

(12) ...este Gobierno ha querido desempeñar un papel activo en esta crisis internacional pensando en la nueva amenaza que hoy supone el terrorismo, especialmente si tiene a su alcance medios de destrucción masiva.

...наше правительство желает сыграть активную роль в этом международном кризисе, осознавая новую угрозу, которую представляет собой терроризм в наши дни, особенно когда он имеет доступ к оружию массового уничтожения.

(13) ...el Gobierno entiende que hay un riesgo gravísimo y un vínculo amenazador entre la proliferación de armas de destrucción masiva y el terrorismo. Sé bien que no es agradable precisar estos riesgos, pero sé muy bien que no estamos hablando, señorías, de ninguna fantasía. No son hipótesis de ciencia ficción. Hemos visto hace pocos días en Londres y también, por desgracia, en Barcelona que hay grupos terroristas dispuestos a atacar causando el mayor daño y destrucción posibles y que cuentan con sustancias que podrían causar centenares, si no miles, de muertos. Después del 11 de septiembre ningún gobernante responsable, ante su conciencia y ante su país, puede ignorar esta realidad.

...правительство понимает, что есть очень серьезная опасность и угрожающая связь между распространением оружия массового уничтожения и терроризмом. Мне хорошо известно, что определять эту опасность крайне неприятно, но мне также известно и то, что мы говорим не о каких-то фантазиях. Мы уже видели несколько дней назад в Лондоне и, к сожалению, в Барселоне, что существуют террористические группы, готовые к нападению с причинением максимального ущерба и разрушений и которые располагают веществами, способными убить сотни, если не тысячи, людей. После 11 сентября ни один ответственный лидер не может игнорировать эту реальность перед лицом собственной совести и собственной страны.

(14) La lucha contra el terrorismo es el principal objetivo, apoyado por las fuerzas parlamentarias, de la política exterior española. Hemos impulsado la lucha contra el terrorismo y contra la proliferación de armas de destrucción masiva en nuestras relaciones bilaterales y en todos los foros internacionales.

Борьба с терроризмом при поддержке парламентских сил — основная цель международной политики Испании. В наших двусторонних отношениях и на всех международных форумах мы настаивали на борьбе с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения.

(15) España ha impulsado con toda sus fuerzas estas políticas y vemos con satisfacción cómo la lucha contra estas lacras ha escalado posiciones en la agenda de la comunidad internacional hasta convertirse en objetivo básico de ésta. Sabemos que ello nos ayudará —ya lo está haciendo— en nuestra lucha contra el terrorismo de ETA y creemos que es un deber específico de España ofrecer su cooperación a otros países señalados por el terrorismo. Creo que la pasividad ante estas nuevas amenazas es nuestro mayor peligro.

Испания энергично проводит такую политику, и мы с удовлетворением видим, как борьба с этой чумой стала приоритетом в международной политике и даже ее основной целью. Мы знаем, что это поможет нам — и уже помогает — в нашей

борьбе против террористов ЭТА и убеждены, что особый долг Испании — предложить свое сотрудничество другим странам, подвергшимся нападениям террористов. Я убежден, что пассивность перед лицом этой новой угрозы представляет для нас наибольшую опасность.

Эти примеры едва ли нуждаются в контекстуальном и политическом анализе. Международный терроризм стал основным аргументом политики безопасности Буша, Аснара и других лидеров, особенно в связи с оружием массового уничтожения. Но, хотя для них одного этого достаточно, чтобы оправдать начало войны, Аснару на местном уровне нужно нечто большее. Поэтому он систематически подчеркивает важность своей политики для страны, выстраивая связь с местными террористами ЭТА. Поскольку население в целом, как и социалистическая оппозиция, в основном согласны бороться против ЭТА, совершающей политические убийства, Аснар стратегически использует этот аргумент, чтобы поддержать более широкую, международную борьбу с расизмом[6], утверждая, что это будет иметь значение и для страны. То, что международный терроризм и тем более Ирак не имеют никакого отношения к акциям ЭТА для данного аргумента, конечно же, иррелевантно, и поэтому используется общее понятие «терроризм» — известный прием амальгамации. Другая политическая импликатура — обвинение оппозиции в несостоятельности: если вы против терроризма ЭТА, вы должны также активно бороться с международным терроризмом. В последнем предложении фрагмента 15 он фактически делает свою импликатуру несколько более явной: опасность состоит в *бездействии*.

Интересно, хотя и типично то, что благодаря известному приему конверсии главной проблемой для Аснара становится не терроризм, а пацифизм. Наконец, отметим, что тема борьбы с терроризмом, таким образом, превращается в стандартный аргумент, не нуждающийся в дальнейших доказательствах, то есть в догму, которую можно применять в любом споре, например, для увеличения оборонных расходов, вступления в войну и урезания прав человека — все для того чтобы обеспечить безопасность.

Когда международный терроризм все же нанес удар по его стране годом позже, 11 марта 2004 г., взорвав поезд в Мадриде, в результате чего погибло 190 человек, Аснар вроде бы получил нужное ему «доказательство» — а именно то, что международный терроризм является проблемой и для Испании. Однако, по иронии судьбы и по тем же причинам, которые упоминались выше — мнимая амальгама международного («исламского») терроризма и терроризма ЭТА — Аснар поначалу хотел убедить

---

[6] Видимо, здесь все же имеется в виду борьба с терроризмом. — *Прим. перев.*

СМИ и население в том, что эти атаки были совершены ЭТА с явной целью укрепить свою агрессивную политику, направленную против ЭТА, и получить голоса избирателей. Однако население и СМИ не поддались на такую явную манипуляцию за два дня до национальных выборов и проголосовали против премьера. Тем не менее, независимо от общественного мнения, важно уже то, какие импликатуры мы можем вскрыть в выступлении Аснара от 5 февраля. А именно, мы выясняем, что всегда необходимо увязывать внешнюю и внутреннюю политику и стратегию с целью получить голоса избирателей и опорочить политических оппонентов. Отсюда и связь с ЭТА, и упор на *национальную* безопасность и чувство спокойствия граждан. Фактически, это в основе своей та же самая стратегия, к которой прибегал Буш в США для легитимации войны против Ирака.

8. Другие стратегии

Этими примерами политической риторики Аснара мы не только показали некоторые общие свойства политического дискурса и стратегии легитимации, такие, как положительная самопрезентация и отрицательная презентация другой стороны, но также некоторые принципы, лежащие в основе контекстуальной интерпретации такого дискурса в виде политических импликатур. Прочие стратегии и тактические ходы в речи Аснара функционируют аналогичным образом, и поэтому их можно обобщить кратко.

Интернационализм Аснар систематически ссылается на ООН и мировое сообщество, прежде всего, с целью узаконить войну и свою поддержку ее как благотворное явление для всего мира, который, по словам Буша, Блэра и К°, будет «безопаснее без Саддама Хусейна», а во-вторых, чтобы скрыть тот факт, что войну не поддерживают ни ООН ни Совет Безопасности:

El Gobierno ha mantenido desde el comienzo de esta última crisis una postura coherente con la legalidad internacional, la defensa de los intereses de la nación y sus obligaciones internacionales, por este orden.

С самого начала последнего кризиса правительство занимало адекватную позицию по отношению к международному праву, защите интересов страны и ее международных обязанностей — в таком порядке.

Политические импликатуры данного примера явно проступают в расставленных Аснаром акцентах не только на то, что его политика легитимна — а, следовательно, цели оппозиции не соответствуют нормам международного «права» – но еще и на то, что правительство в первую очередь

думает о национальных интересах, и, следовательно, международное вмешательство в интересах граждан Испании. Это еще один политический намек на то, что противники этой политики не работают на интересы испанских граждан. Действительно, здесь и в других фрагментах Аснар фактически подчеркивает, что оппозиция ставит себя вне мирового консенсуса — известный прием *конверсии* в ситуации, когда известно, что именно эту воинственную политику Буша и самого Аснара ненавидят практически во всем мире. Отсюда его поддержка резолюций ООН — всего лишь политическая отговорка. В то же время, акцент на интересах страны играет также роль противовеса возможной критике, даже со стороны собственной партии, в том, что «интернационализм» может быть несовместим с «национализмом» справа и с интересами собственного народа — слева.

Игра в числа ✓

Известная уловка в споре — это игра в числа, с которой мы знакомы по риторике, направленной против иммиграции. В речи Аснара игра в числа выполняет несколько функций, например, придания объективности и точности, а, следовательно, достоверности и, особенно, акцентирования несогласия Саддама Хусейна с международными резолюциями. Игра в числа — это также риторический прием акцентирования и гиперболы:

---

(17) No ha dado cuenta del agente nervioso VX producido y no declarado (Rumores.); no ha explicado el destino de 1.000 toneladas de agents químicos que conservó tras la guerra con Irán; no ha dado cuenta de 6.500 proyectiles para carga química; no ha demostrado la destrucción de 8.500 litros de ántrax; no ha detenido la producción de misiles con un radio de más de 150 kilómetros: no ha revelado el destino de 380 propulsores de misiles con agentes químicos que fueron introducidos de contrabando en el país el mes anterior.

Он [Ирак] не отчитался по нервно-паралитическому газу VX, который производился, но не декларировался (Шум в зале); он не объяснил, куда делись 1000 тонн химических реактивов, оставшихся со времен войны с Ираном; он не отчитался о 6500 артиллерийских снарядах, снаряженных отравляющими веществами; он не продемонстрировал уничтожение 8500 литров препарата сибирской язвы; он не прекратил производство ракет дальностью свыше 150 километров; он не сообщил, куда делись 380 двигателей для ракет, способных нести химические боеголовки, которые были контрабандно ввезены в страну месяц назад.

Очевидно, точные числа здесь значения не имеют — тот факт, что даже спустя несколько недель после оккупации Ирака ничего этого не было обнаружено, показывает, что эти числа в основном либо выдуманы, либо относятся к каким-то безвредным химикатам. Политический смысл и импликатура этой игры в числа, однако, заключается в риторике объективности и достоверности — Аснар показывает свою информированность,

то, что он в курсе дела. Оппозиция в этом случае проигрывает ему, поскольку не может бросаться числами в поддержку своей пацифистской политики. В то же время, Аснар несомненно использует эти «факты» как доказательство скверного характера Саддама Хусейна, что является еще одним аргументом в поддержку войны. Следовательно, игра в числа — пример более общей стратегии, которую можно обозначить как «фактичность». Эта стратегия играет роль не только в аргументации и легитимации, но и в контексте политического взаимодействия, а именно — сигнализирует о правдивости и точности, а, следовательно, о компетентности и достоверности. Факты как таковые большого значения не имеют: политическая цель — выглядеть внушающим доверие. То же самое можно сказать и о значительной части медиадискурса.

✓ Консенсус

Известным политическим приемом является консенсус[7], то есть просьба или подтверждение того, что политика не является партизанской, а направлена на защиту государственных интересов и, следовательно, должна быть поддержана оппозицией. Так, Аснар использует эту уловку в связи с единодушно принятой резолюцией ООН № 1441, которая теперь выдвигается вместе с просьбой о поддержке действий против Ирака. Но, как и в случае с иммиграционной политикой в Испании и других странах, «угрозы» извне обычно сопровождаются призывами к национальному консенсусу. Так и здесь, когда Аснар требует национального единения в борьбе с терроризмом. Политическая импликатура этого хода в том, что оппозиция и вообще недостаточная поддержка правительственной политики фактически означает действия вопреки государственным интересам и вопреки политическому здравому смыслу — тем самым дискредитируя оппозицию. Несколько более сильная разновидность этого приема — необходимость: у нас нет другого выбора, кроме как с честью выполнить наши международные обязательства. Это не только широко известная и эффективная семантическая стратегия, но еще и очередная политическая импликатура: Аснар серьезно относится к своим международным «обязательствам» и, следовательно, он — честный государственный деятель, а вот «пацифистская» оппозиция, наоборот, ничего этого не делает.

Есть целый ряд других приемов, используемых в речи Аснара и выполняющих аналогичные функции, но приведенных выше примеров вполне достаточно для иллюстрации природы воинственной риторики и легитимации Аснаром войны в Ираке, как и для указания на релевантность понятия политической импликатуры.

---

[7] Жителям бывшего СССР, заставшим времена перестройки, это должно быть известно очень хорошо. — *Прим. перев.*

9. Несколько слов в заключение

Хотя в этой главе невозможно уделить должное внимание всем структурам, приемам и стратегиям, применяемым в речах Аснара перед парламентом по вопросу об Ираке, мы теперь имеем хотя бы общее представление о некоторых основных характеристиках этих выступлений. Неожиданностей в этих выступлениях немного, поскольку большинство ходов и стратегий – классика политических и идеологических текстов и выступлений, например, положительная самопрезентация и отрицательная презентация другой стороны, а также целый ряд знакомых риторических и аргументационных уловок, таких, как использование статистики или чисел, консенсус, интернационализм, обращение к авторитетам, сравнения и примеры, оправдывающие текущую политику. С теоретической точки зрения, однако, интереснее понятие «политической импликатуры», основывающееся на выводах из совокупности политических знаний и моделей текущей политической ситуации. Применительно к Испании это означает не только то, что участникам дискурса необходимо обладать общими знаниями о текущей политической ситуации в Испании, представленной в их эпизодических мыслительных моделях, но и знать контекстуальные модели, которые управляют самой речью Аснара и включающие установки, участников, цели и т. д. Эти импликатуры представляют собой политический «подтекст» этих выступлений и то, как он хочет, чтобы аудитория его понимала. Помимо этого, политические импликатуры – это то, что определяет *функции* выступления в политическом процессе и сосредоточены в основном на роли Аснара как премьер-министра и партийного лидера, а также на легитимности его правительства и его международной политики. В то же время, импликатуры выполняют функцию очернения и нападок на оппозицию в социальной сфере. Именно такой *политический* анализ выступления может внести вклад в изучение функции выступления в политическом процессе.

Дискурс и манипуляция

В критическом дискурс-анализе (КДА) существует категория понятий, требующих особого внимания по той причине, что эти понятия подразумевают злоупотребление дискурсивной властью. Термин «манипуляция» относится к вышеупомянутой категории. Помимо того, что данное понятие зачастую лишено четких категориальных ограничений, не существует также каких-либо семантических теорий, изучающих структуры и процессы из которых состоит манипуляция.

В данной главе мы рассмотрим некоторые характерные черты манипуляции в рамках тройственного подхода, эксплицитно связывающего дискурс, познание и общество (van Dijk, 2001) Обоснованность дискурсно-аналитического подхода подтверждается, в данном случае, тем фактом, что большинство манипуляций в нашем понимании этого слова, реализуются посредством текстов и речи. Во-вторых, необходимо учесть, что речь идет о манипуляции в первую очередь людским сознанием, и, стало быть, когнитивный подход также может помочь пролить свет на природу рассматриваемого явления. В-третьих, манипуляция представляет собой форму словесной интеракции, и поскольку она включает власть и злоупотребление дискурсивной властью, то использование социальных подходов для исследования манипуляции также является правомерным.

Я уже неоднократно заявлял о невозможности редуцирования данного комплекса исследовательских методов к одному или двум (van Dijk, 1998, 2001). Несмотря на всю важность социальных, интеракционистских и дискурсивных подходов, я утверждаю, что поскольку манипуляция всегда содержит ментальный когнитивный компонент, привлечение когнитивных теорий также необходимо.

В данной главе мы абстрагируемся от понимания манипуляции свойственного таким наукам как физика, информатика, медицина, т. е. понимания, которое в большей или меньшей степени происходит от этимологии самого термина, т. е. «передвижение объектов с помощью рук». Вместо этого, мы хотели бы обратить внимание на коммуникативны

или символические формы манипуляции, как формы интеракции посредством различных форм дискурсивного влияния (например, манипуляции электоратом со стороны политиков или манипуляции аудиторией со стороны СМИ).

1. Концептуальный анализ

Прежде чем начать теоретический анализ и рассмотрение фактов, необходимо еще раз эксплицировать наше понимание предмета исследования.

В данной работе манипуляция рассматривается как коммуникативная и интеракциональная практика, в рамках которой манипулятор осуществляет контроль над людьми, как правило, против их воли или интересов. В повседневном языке термин «манипуляция» имеет негативные коннотации, предполагается, что манипуляция — это зло, поскольку манипуляция является нарушением социальных норм.

Читателям данной главы необходимо иметь в виду, что манипуляция представляет собой в первую очередь категорию для наблюдателей (например, критических аналитиков), поскольку участники коммуникации едва ли готовы признавать свой дискурс манипулятивным. Так же как и в случае с расистским дискурсом, подобное положение дел показывает, что широко известный принцип этнометодологии и критического анализа, а именно, принцип создания эксплицитных категорий участников, далеко не всегда может быть эффективно использован в более радикальных критических подходах. Разумеется, подобный принцип делает также невозможным изучение расистских или сексистских дискурсивных практик.

Манипуляция не просто включает в себя элемент власти, она особым образом подразумевает злоупотребление дискурсивной властью, вершиной которого является *доминирование*. Если выражаться более точно, то манипуляция подразумевает использование *нелегитимного* влияния с помощью механизмов дискурса: манипулирующие заставляют других делать то, что соответствует интересам манипулирующего и противоречит интересам манипулируемых (многочисленные исследования вопросов дискурса и легитимации см. у Chouliaraki, 2005, Martin Rojo and van Dijk, 1997).

В более широком семиотическом понимании манипуляции, подобное нелегитимное влияние может также реализовываться посредством картин, фотографий, фильмов и других медиа (van Leeuwen, 2005). Очевидно, что многие формы современной коммуникативной манипуляции (например, манипуляции в СМИ и, в частности, реклама) имеют мультимодальный характер.

Если оставить в стороне негативные коннотации, манипуляция может рассматриваться как легитимное убеждение (см. об этом Dillard and Pfau, 2002; O'Keffe, 2002). Критическая разница, в этом случае, заключается в том, что в ситуации простого убеждения собеседник волен верить и действовать по своему усмотрению, в зависимости от того, готов ли он принять аргументы убеждающего; в ситуации манипуляции реципиенты играют значительно более пассивную роль — роль *жертв* манипуляции. Подобные негативные последствия манипулятивных дискурсов, как правило, наступают в случае неспособности реципиентов распознать нестоящие намерения или же увидеть действительные последствия убеждений и действий, поддерживаемых манипулирующим лицом. Подобная ситуация зачастую возникает в случаях, когда реципиенты не обладают специфическими знаниями, которые могли бы позволить им противостоять манипуляции (Wodak, 1978). Типичным примером подобной ситуации являются правительственные и медиадискурсы по проблемам иммиграции, в результате воздействия которых, жители страны винят иммигрантов, а не правительство в безработице и тяжелом экономическом положении (van Dijk, 1993a).

Очевидно, что граница между нелегитимной манипуляцией и легитимным убеждением зачастую весьма призрачна и может зависеть от контекста: то, что является манипуляцией для одного человека, может не действовать на других. Кроме того, одни и те же реципиенты могут быть более или менее подвержены манипулятивным практикам в различных ситуациях, обстоятельствах и психологических состояниях. Различные формы коммерческого, политического и религиозного убеждения могут носить вполне этичный характер, и, тем не менее, люди могут воспринимать их как манипуляцию, а критические аналитики могут осуждать подобные практики, как имеющие манипулятивный характер. Следовательно, в качестве предварительного вывода можно заключить, что неосознанный характер и направленность на интересы манипулирующего представляют собой важнейшие критерии манипуляции.

В последующем теоретическом анализе феномена дискурсивной манипуляции я намереваюсь последовать принципам тройного анализа на основе объединения социального, когнитивного и дискурсного подходов, который я использовал в своих работах в течение последнего десятилетия (van Dijk 1998, 2001). Так, манипуляция может быть рассмотрена как социальный феномен, поскольку она включает в себя такие элементы, как интеракция и злоупотребление властью между социальными группами и индивидами; как когнитивный феномен, поскольку манипуляция — это всегда манипуляция *сознанием*; дискурсно-семиотический феномен, поскольку манипуляция всегда реализуется посредством текстов, речи

и визуальных образов. И как я уже упоминал ранее, данный исследовательский подход не предполагает возможности редуцирования к одной или двум теориям, напротив, создание общей интегрированной теории, связно рассматривающей взаимосвязь между элементами манипуляции, требует использования всех трех рассматриваемых элементов.

2. Манипуляция и общество

Для того чтобы понять и проанализировать манипулятивный дискурс, необходимо в начале исследовать его социальное «окружение». Ранее, мы уже высказывали предположение о том, что специфическими чертами манипуляции, которые отличают ее от убеждения, являются власть и доминирование. Анализ властного измерения манипуляции предполагает описание средств, с помощью которых одни социальные группы и индивиды осуществляют контроль над окружающими (Clegg, 1975; Luke, 1989, van Dijk, 1989, Wartenberg, 1990). Мы, кроме того, выдвинули предположение о том, что подобного рода контроль осуществляется посредством воздействия на сознание и убеждения людей, а изменение убеждений продуцирует желаемые действия, которые производятся на основе этих убеждений.

Между тем, для того чтобы иметь возможность осуществлять подобного рода контроль на социальном уровне, агенты манипуляции должны соответствовать индивидуальным и социальным критериям, которые позволяют оказывать влияние на окружающих. В настоящей работе я предполагаю ограничить исследование социальными критериями и не рассматривать психологические факторы, такие как характер, интеллект, образование и т. д. Иными словами меня не интересует «субъект манипулирующий», а также специфические субъективные характеристики, позволяющие одним людям манипулировать другими.

Что касается социальных условий манипулятивного контроля, то они требуют формулировки на макроуровне в терминах групповой организации, институциональной позиции, профессиональной принадлежности, материальных или символических ресурсов, а также иных факторов, которые определяют границы власти групп и их участников. Так, родители могут манипулировать детьми благодаря своей властной позиции и авторитету института семьи в обществе, профессора могут манипулировать студентами благодаря своей институциональной, профессиональной позиции и знаниям. Подобным образом, политики могут манипулировать электоратом, журналисты — аудиторией, религиозные лидеры — адептами. Последнее не означает, что дети в принципе не могут манипулировать

родителями, а студенты — учителями — перемены в расстановке сил могут возникать как результат противодействия или противостояния, основанного на индивидуальных качествах участников.

Итак, в данной работе мы рассматриваем форму манипуляции, предполагающую воспроизводство социального доминирования посредством повседневных практик, и, в частности, дискурса. В данном случае, нас интересует в первую очередь не субъективный, а групповой уровень манипуляций.

Дальнейший анализ доминирования, рассматриваемого как злоупотребление дискурсивной властью, требует доступа и контроля над некоторыми дефицитными социальными ресурсами. В частности, речь идет о доступе к СМИ и различным формам общественного дискурса. В современном обществе такой доступ имеют представители «символических элит» — политики, журналисты, ученые, писатели, педагоги и т. д. (van Dijk, 1996). Разумеется, для того чтобы осуществлять манипуляции на социальном уровне посредством речи и текста, необходимо иметь доступ к таким формам общественного дискурса, как парламентские дебаты, новости, газетные комментарии, рассказы, телевизионные шоу, Интернет, реклама и т. д. И, поскольку, доступ и контроль над рассматриваемыми ресурсами одновременно и зависит от власти институтов и формирует ее, то социальная власть, как таковая, воспроизводится именно посредством осуществления власти института над общественным дискурсом. Например, политики могут использовать общественный дискурс одновременно и как средство реализации своей политической власти, и как способ поддержания и воспроизводства ее в обществе. То же самое справедливо и в отношении журналистов и СМИ, преподавателей и университетов и так далее.

В результате, мы видим, что манипуляция представляет собой одну из дискурсивных социальных практик доминирующих групп, направленных на воспроизводство их власти в обществе. Помимо манипуляций данное воспроизводство может реализовываться посредством многих других механизмов, например убеждения, информирования, обучения, инструктирования и других практик, влияющих на знания, убеждения, и, следовательно, действия реципиентов.

Мы убедились, однако, что некоторые из перечисленных практик могут иметь достаточно легитимный характер, например, когда журналисты или учителя информируют аудиторию. Это означает, что помимо рассмотренных ранее негативных характеристик, манипуляция также предполагает реализацию нелегитимных социальных практик, нарушающих социальные правила и нормы. В данном случае под нелегитимными мы понимаем такие формы коммуникативных социальных практик, которые

отвечают интересам изолированной социальной группы и противоречат интересам тех, на кого эти практики направлены.

Здесь мы касаемся социальных, правовых и философских основ справедливого или демократичного общества, а также этических принципов дискурсной интеракции и коммуникации (об этом см., например Habermas, 1984). Более глубокое рассмотрение этих принципов, а также объяснение того, почему манипуляция имеет нелегитимный статус, выходит за рамки данной работы. Мы предполагаем, что манипуляция имеет нелегитимный характер, поскольку она нарушает права тех, кем манипулируют.

И, тем не менее, далеко не так просто сформулировать конкретный корпус норм и ценностей, подвергающихся прямому нарушению в ходе манипуляции. К примеру, в качестве нормы можно было бы предположить наличие у реципиентов понимания истинных целей говорящего. Вместе с тем, подобный критерий представляется чрезмерно строгим, поскольку во многих формах коммуникации цели и интенции говорящих не эксплицируются непосредственно, а подразумеваются реципиентами на основе общих правил (развертывания) дискурса и коммуникации. Более того, представляется возможным говорить о наличии принципов социального эгоизма, в соответствии с которыми практически все формы интеракции и дискурса имеют тенденцию отвечать в первую очередь интересам адресантов. Это означает необходимость переосмысления критериев легитимности манипуляции в свете нарушения прав реципиентов. Разумеется, отсюда не следует, что все формы коммуникации с необходимостью должны быть направлены на интересы реципиентов. Напротив, многие виды коммуникации и речевых актов направлены против реципиентов — например в случае с обвинениями, просьбами, приказами и т. д.

В 1975 году Грайс сформулировал прагматический подход к принципам и нормам коммуникации в рамках известных коммуникативных максим, подразумевающих, что вклады каждого из участников в коммуникативный процесс должны иметь правдивый, релевантный, законченный характер. Данные принципы, однако, с трудом могут быть применимы к реальному языку и речи: люди говорят неправду, и зачастую подобная стратегия полностью себя оправдывает; люди недоговаривают, и на это могут быть самые различные причины; наконец, нерелевантные формы речи представляют собой один из основных элементов наполнения нашей повседневной коммуникации.

Таким образом, манипуляция это «зло» не только потому, что она нарушает коммуникативные максимы и правила коммуникации. В данной работе мы, не прибегая к дальнейшему анализу, примем следующую позицию: *манипуляция в демократическом обществе носит нелегитимный характер, поскольку она воспроизводит или может воспроизводить нера-*

венство: она направлена на защиту интересов властных групп и адресантов и подавление интересов лишенного власти большинства. Настоящее определение основано не на принципах интенциональности манипулирующих, а равно и не на принципах осознанности манипулятивных действий со стороны тех, кем манипулируют. В основе определения лежит принцип социальных последствий манипуляции (еще об этом см. у Etzioni-Halevy, 1989).

Необходимо, следовательно, прояснить то, каким образом манипулятивные дискурсы достигают своих целей в каждом отдельном коммуникативном событии. Например, в случае, когда СМИ публикуют неполную или необъективную информацию о политическом кандидате с целью повлиять на политические предпочтения своей аудитории, мы можем утверждать, что имеем дело с манипуляцией, поскольку обоснованно полагаем, что электорат имеет право на полноценную информацию о кандидатах. Критериями «полноценности» в данном случае могут быть сбалансированность, относительная полнота, объективность, релевантность и т. д. Это означает, что газета имеет право поддержать своего кандидата, однако делать это следует, используя факты, аргументацию и убеждения, избегая, при этом, подтасовок фактов, недосказанности, неправды и иных форм манипуляции. Указанные нормативные принципы лежат в основе профессиональной этики журналистов и определяют критерии легитимности для различных форм интеракции и коммуникации. При этом содержание данных принципов имеет латентный характер и требует отдельного дальнейшего анализа, как мы уже упоминали ранее, данная тема относится к области *этики* дискурса и лежит в *основании* критического дискурс-анализа.

Неформальный анализ социальных характеристик манипуляции указывает на то, что манипуляция имеет такие важные составляющие как доминирование или злоупотребление дискурсивной властью. Кроме того, манипуляция подлежит рассмотрению, прежде всего, на *уровне социальных групп, институтов и организаций* и лишь во вторую очередь следует анализировать манипуляцию на индивидуальном, субъективном уровне. Отсюда следует, что в действительности имеет смысл говорить о манипуляции, в нашем ее понимании, лишь тогда, когда говорящие или пишущие манипулируют теми к кому они обращаются как представители доминирующих социальных групп. В современном информационном обществе речь идет с одной стороны о представителях политических, медиа, образовательных, научных, бюрократических и бизнес элит с одной стороны и различных категориях их «клиентов» — избирателей, читателей, студентов, покупателей, общественности — с другой.

Таким образом, говоря социальным языком, манипуляция представляет собой дискурсивную форму воспроизводства власти элит, направ

ленную против интересов манипулируемого большинства и поддерживающую отношения неравенства в обществе. Разумеется, данная формулировка исходит из принципов макроуровневой групповой, организационной и институциональной категориальности. В отношении дискурс-анализа релевантной является также и микроуровневая структура — интеракция. Манипуляция является также и одной из фундаментальных форм социальной интеракции, и мы уделим особое внимание локальным формам манипуляции при обсуждении дискурсивной манипуляции в последующих частях данной работы.

3. Манипуляция и познание

Манипуляция людьми это, прежде всего, манипуляция сознанием людей — *убеждениями, знаниями, мнениями, идеологиями*, которые контролируют их поведение. Однако мы уже убедились в том, что существует значительное количество дискурсно-ориентированных форм ментального воздействия — информирование, обучение, убеждение и т. д. Данные формы также формируют и изменяют знания и мнения реципиентов. Необходимо дифференцировать манипуляцию и другие формы управления сознанием. Для того чтобы иметь возможность дифференцировать легитимный и нелегитимный контроль, мы полагаем вначале необходимым выяснить то, каким образом дискурс может влиять на сознание.

Учитывая сложность сознания как феномена, мы полагаем, что воздействие дискурса на сознание предполагает реализацию комплексных ментальных стратегий в режиме реального времени. В рамках настоящей работы мы полагаем необходимым редуцировать рассмотрение данных стратегий к основным принципам и категориям когнитивного анализа. Существует огромное количество лабораторных когнитивных исследований, которые показывают, каким образом можно влиять на сознание посредством различного рода текстовых и контекстных манипуляций, однако их обзор выходит за рамки настоящей работы (см. общетеоретические исследования дискурсного производства у Britton and Graesser, 1996, Kintsch, 1998, van Dijk and Kintsch, 1983, Van Ostendorp and Goldman, 1999).

Манипулирование ✓ процессами понимания дискурса на уровне краткосрочной памяти

Во-первых, реализация дискурса, и, в частности, манипулятивного дискурса, включает в себя процессы переработки информации на уровне краткосрочной памяти (КП). В результате данных процессов, возникает «понимание» слов, словосочетаний, предложений, высказываний, а также невербальных сигналов, например, в терминах пропозициональных «значений» или действий. Переработка информации на уровне КП

носит стратегический характер, поскольку происходит в режиме реального времени, работает на различных уровнях дискурса и имеет целевую ориентацию: вместо комплексного анализа используются быстрые и эффективные догадки и выводы.

Одна из эффективных форм манипуляции реализуется посредством контроля над этими частично автоматизированными стратегиями понимания дискурса. Допустим, текст, напечатанный с отступами, крупным шрифтом или заглавными буквами, привлекает внимание, следовательно, на его переработку будет затрачено больше ресурсов — времени и памяти, а это, в свою очередь, ведет его более тщательной переработке, презентации и последующей выборке, как это зачастую бывает с заголовками, названиями и рекламными слоганами. Кроме того, заголовки и названия выполняют функцию текстовой категории, конвенциональной для выражения семантических макроструктур или тем, которые организовывают семантические структуры более низкого уровня. По этой причине темы чаще воспроизводятся и лучше запоминаются. На основе вышесказанного мы делаем вывод о том, что специфика организации текстов и речи (например, специфика визуальной репрезентации) может особым образом влиять на понимание информации в краткосрочной памяти, в результате чего реципиенты уделяют больше внимания определенным блокам информации.

Разумеется, выборочное восприятие свойственно не только манипуляции, но и многим легитимным формам коммуникации — новостным репортажам, учебникам и т. д. *Это доказывает, что с когнитивной точки зрения, манипуляция не является экстраординарным феноменом, поскольку использует самые обыденные свойства дискурсного воспроизводства.* В результате, для того чтобы дифференцировать легитимные и нелегитимные формы воздействия на воспроизводство дискурса, нам потребуется ввести дополнительные критерии.

Так, манипуляция может заключаться в том, что привлечение внимания реципиента от темы А к теме Б, может стать причиной неполного или необъективного понимания текста. Зачастую это происходит в случаях, когда заголовки газет, вместо того, чтобы представить наиболее важную тематическую информацию дискурса, подчеркивают нерелевантную информацию, и, таким образом влияют на возможность детального понимания за счет использования принципа вертикальной приоритетности газетной информации и когнитивной роли заголовков и тем. Следует вновь подчеркнуть, что неполное или частичное понимание дискурса служит интересам властных социальных групп и институтов и противоречит интересам подчиненных групп. Данное условие носит не когнитивный или текстовый характер, но, скорее, относится к области нормативно-социального контекста, в соответствие которым каждый реципиент имеет

право на адекватную и объективную информацию. С помощью данного когнитивного анализа можно объяснить, как осуществляется манипуляция людьми на основе контроля сознания, однако такой анализ не в силах объяснить, почему подобная манипуляция имеет негативный, вредоносный характер. Мы сталкиваемся с подобной проблемой и при рассмотрении некоторых форм невербальной коммуникации — схем расположения текста, использования цветов, фотографий или рисунков в письменной коммуникации; использования жестов мимики и других невербальных форм в речевом дискурсе.

Переработка дискурса в краткосрочной памяти включает в себя комплекс процессов фонетического, фонологического, морфологического, синтаксического и лексического анализа, направленных на понимание воспринимаемой информации. Каждый из данных процессов подвержен различным формам влияния. К примеру, четкое, медленное произношение, упрощенный синтаксис, использование общепринятых лексических единиц, выбор ясно определенной и хорошо известной реципиенту темы, несомненно, способствуют пониманию дискурса.

Это также означает, что если адресант стремится затруднить понимание своего сообщения, он будет говорить быстро, неразборчиво, длинными сложными предложениями, невразумительными фразами, на не слишком ясную и мало знакомую реципиентам тему. Последнее часто наблюдается в правовом и медицинском дискурсах, где латентность смыслового содержания зачастую является причиной скрытых тенденций к манипуляции клиентами или пациентами.

Доминирующие социальные группы и институты стремятся обеспечить понимание той информации, которая соответствует их интересам, и наоборот — скрыть или распылить информацию, которая их интересам противоречит. В соответствующих дискурсивных практиках, доминирующие группы активно используют манипуляции на уровне процессов переработки дискурса в краткосрочной памяти. Как мы убедились, процессы нелегитимного воздействия, направленного на затруднение и формирование необъективного дискурсного восприятия, имеют когнитивное, социальное, дискурсивное и этическое измерение.

Этическое измерение манипуляции может также включать дополнительные когнитивные критерии, отвечая на вопрос о том, носит ли контроль над пониманием дискурса *интенциональный*, намеренный характер. Так, например, в различных ситуациях убийство оценивается либо как преднамеренный акт, либо как несчастный случай. Это означает, что контекстные модели адресантов содержат эксплицитные планы, направленные на затруднение понимания речи и текстов.

✓ Манипуляции на уровне эпизодической памяти

Манипуляции на уровне краткосрочной памяти происходят в режиме реального времени и влияют на стратегические процессы понимания дискурсов. Между тем, большая часть манипуляций направлена на достижение более-менее стабильных результатов и, следовательно, фокусируется на долгосрочной памяти (ДП), которая включает в себя знания, установки, идеологии. Кроме того, существенной частью долгосрочной памяти являются персональные воспоминания, которые определяют наполнение ментального пространства нашего индивидуального опыта и формируют индивидуальную жизненную историю (Neisser and Fivush, 1994). Эти элементы также ассоциируются с так называемой *«эпизодической»* памятью (Tulving, 1983). Воспоминания о коммуникативных событиях формируют часть нашего повседневного опыта и хранятся в эпизодической памяти в форме специфических ментальных моделей, обладающих особой схематической структурой. Например, повествование представляет собой формулировку персональной, субъективной ментальной модели некоторого полученного опыта, а понимание новостного репортажа или статьи включает индивидуальное конструирование реципиентами субъективных моделей.

Таким образом, понимание ситуативной речи и текста в эпизодической памяти соотносится с более сложными ментальными моделями опыта. При этом понимание выходит за рамки простого ассоциирования значений со словами, предложениями или дискурсами и включает в себя процессы конструирования ментальных моделей в эпизодической памяти, содержащих наши личные мнения и эмоции и ассоциирующихся с событием о котором мы услышали или прочли. Именно эти ментальные модели являются основой наших будущих воспоминаний и будущего обучения на основе приобретения основанных на опыте знаний, отношений и идеологий.

Необходимо отметить, что ментальные модели имеют уникальный, специальный, индивидуальный характер и отражают *индивидуальную* интерпретацию конкретного дискурса в его конкретном контексте. И хотя персональные модели включают в себя спецификацию общепринятых знаний и убеждений (без этого понимание других людей, коммуникация и диалог были бы невозможны), ментальные модели в целом уникальны и субъективны. Существуют другие подходы к ментальным или когнитивным моделям репрезентации общих культурных знаний (см. Shore, 1996), однако мы не касаемся их в данной работе.

Ментальные модели не только формируют понимание текста и речи с помощью репрезентации содержания дискурса, они, кроме того, обуславливают наше понимание события в целом. Понимание, о котором идет речь, воплощается в контекстных моделях, которые также служат

в качестве динамических планов развертывания речи участников коммуникации в режиме реального времени (van Dijk, 1999).

Учитывая фундаментальную роль ментальных моделей в процессах понимания, можно было бы предположить, что манипуляция должна влиять на формирование, активацию и использование ментальных моделей эпизодической памяти. Если манипулирующие желают навязать манипулируемым *свое* понимание дискурса, необходимо, чтобы манипулируемые сформировали ментальные модели, адекватные целям манипулирующих. В этом случае, свобода интерпретации событий, а также вероятность понимания дискурса не в пользу манипулирующих будет минимизирована.

Далее мы рассмотрим некоторые из дискурсивных стратегий, направленных на формирование и активацию манипуляторных моделей. В общем и в целом, стратегия заключается в том, чтобы дискурсивными способами подчеркнуть те элементы моделей, которые отвечают нашим интересам (например, детальные описания наших положительных поступков) и нивелировать те элементы моделей, которые противоречат нашим интересам (например, детальные описания наших положительных поступков). Реверсивное обвинение жертв является одной из форм манипуляции, при которой доминирующие группы и институты осуществляют дискурсивное воздействие на ментальные модели реципиентов, например, путем перекладывания ответственности за события таким образом, чтобы это отвечало интересам манипулирующих. Любая дискурсивная стратегия, помогающая формированию или реактивации манипуляторных ментальных моделей реципиентов, может применяться в дискурсных манипуляциях. И коль скоро большая часть процессов формирования и активирования моделей имеет автоматический, подсознательный характер, то пользователи языка зачастую не замечают контроля и манипуляции.

Манипуляция социальным познанием ✓

Дискурсивная манипуляция пониманием и восприятием событий, действий или дискурсов, может иметь огромное значение, как это было в случае атаки на Всемирный Торговый Центр 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке или взрывом пассажирского поезда 11 марта 2004 года в Испании. Консервативное испанское правительство во главе с Хосе Марией Аснаром манипулировало прессой и гражданами, пытаясь убедить их в том, что виновниками взрыва были не исламские террористы, а представители террористической организации ЭТА. В терминах данной работы, заявления Аснара и министра внутренних дел Ацебеса были направлены на то, чтобы повлиять на структуры ментальных моделей события, и подменить виновников взрывов таким образом, чтобы это соответствовало антитеррористической политике правительства. Поскольку достаточно скоро стало ясно, что виновником взрывов на этот раз была не ЭТА, а Аль Каида, то в ходе последующих

выборов, страна проголосовала против Аснара и его правительства, что привело к уходу партии консерваторов с лидирующих позиций.

Несмотря на то, что подобные события и сопровождающие, описывающие и объясняющие их дискурсы, являются основой ментальных моделей, которые могут занимать особое место в эпизодической памяти и воспроизводиться на более поздних этапах, наиболее эффективные формы манипуляции сосредоточены не на формировании специфических преференциальных ментальных моделей, а на формировании более общих абстрактных убеждений в форме знаний, установок и идеологий. Например, если политическая партия стремится повысить свой рейтинг среди избирателей, правильной стратегией будет внесение позитивных изменений в отношении избирателей к данной партии, поскольку общие распространенные отношения социального характера обладают гораздо более стабильной природой по сравнению со специфическими ментальными моделями субъектов. Работа по изменению таких групповых установок подразумевает оказание систематического влияния на социальные группы. Например, правительство, которое желает ограничить иммиграцию, будет стремиться изменить отношение к ней рядовых граждан, а также представителей социальных элит (van Dijk, 1993a, Wodak and van Dijk 2000). В этом случае нет необходимости постоянно убеждать в чем-либо общественность, всякий раз, когда иммигранты желают въехать в страну. Манипуляция подразумевает формирование и модификацию общепринятых репрезентаций — установок и идеологий относительно важных социальных вопросов и проблем. Применение в последние десятилетия Аснаром и другими лидерами европейских государств средств, направленных на формирование у общественности стойких ассоциаций между увеличением иммиграции и преступности — яркий тому пример.

Мы видим, что когнитивные процессы манипуляции ориентированы на то, что *долгосрочная память* хранит не только элементы субъективного опыта в форме моделей, но также и более стабильные перманентные общепринятые убеждения, или «социальные репрезентации» (Augoustinos and Walker, 1995; Moscovici, 2001). Наши социокультурные знания формируют основу этих убеждений и придают смысл нашим действиям, поступкам и общению с другими представителями единого культурного пространства. То же самое справедливо и в отношении социальных установок и идеологий, общих для участников определенных социальных групп — пацифистов, социалистов, феминистов с одной стороны и расистов и шовинистов с другой (van Dijk, 1999). Эти социальные репрезентации обычно приобретаются со временем, и, хотя их можно изменить, они, обычно, не меняются спонтанно. Они, кроме того, влияют на формирование и активацию персональных ментальных моделей членов социальных групп.

Например, пацифисты воспринимают военную акцию США в Ираке не так, как ее воспринимают милитаристы – *для каждой последовательности действий у реципиентов формируется своя ментальная модель.*

Мы упомянули о том, что ментальные модели воплощают индивидуальную историю, опыт и мнения. С другой стороны ментальные модели воплощают также и некоторые общепринятые мнения. *Подавляющая* часть интеракций и дискурсов воспроизводится и понимается с помощью ментальных моделей, объединяющих индивидуальные и общепринятые убеждения, что объясняет с одной стороны уникальность дискурсного производства и понимания, а с другой стороны – сходства в индивидуальном понимании одних и тех же текстов у различных субъектов. Несмотря на существование общих рамок социальных репрезентаций, участвующих в формировании ментальных моделей, и, следовательно, в производстве и понимании дискурсов, невозможно представить себе коммуникативную ситуацию, при которой два представителя одной и той же социальной группы или института могут воспроизводить идентичные дискурсы или интерпретировать дискурс одинаково. Ментальные модели событий или коммуникативных ситуаций служат интерфейсом между социальными, общепринятыми или общими дискурсами и коммуникацией с одной стороны, и персональными, уникальными и специфичными дискурсами – с другой.

Если манипуляция может существенно влиять на формирование или изменение уникальных субъективных ментальных моделей, то манипулятивный дискурс направлен, прежде всего, на контроль общепринятых групповых социальных репрезентаций, поскольку именно от них зависит в конечном итоге то, что делают и говорят люди в различных жизненных ситуациях на протяжении своей жизни. После того, как манипулятивный эффект в отношении, например, проблемы, терроризма, произвел свое действие, необходим минимум манипуляции для того чтобы заставить людей действовать в соответствие с выработавшимся у них отношением к проблеме – например голосовать в поддержку антитеррористических действий правительства (Chomsky, 2003; Sidel, 2004).

Учитывая принципиальную важность социальных репрезентаций для интеракций и дискурса, неудивительно, что манипуляция сосредотачивается, главным образом, на *социальном познании* и, следовательно, не на индивидах и их уникальных ментальных моделях, а на социальных группах с их общепринятыми знаниями. В этом смысле манипуляция – это дискурсивная практика, которая включает в себя как когнитивное, так и социальное измерение. Следовательно, необходимо уделить особое внимание тем дискурсивным стратегиям, которые фокусируются на воздействии на общепринятые убеждения.

Одной из этих стратегий является генерализация, при которой специфическое событие, оказавшее влияние на ментальные модели реципиентов, генерализируется до уровня общепринятых знаний или отношений, а иногда и фундаментальных идеологий. Одним из ярких примеров генерализации, является манипуляция мнением американцев и представителей других стран в отношении терроризма после событий 11 сентября, в ходе которой эмоционально-заряженные ментальные модели граждан подверглись генерализации до уровня более общих, общепринятых страхов, установок и идеологий, связанных с терроризмом и тем, что его окружает. Данная ситуация является также примером масштабной манипуляции, поскольку результирующие социальные репрезентации были направлены против интересов граждан, а сама манипуляция привела к радикальным изменениям военных расходов, оправданию военной интервенции, а также легитимации законодательных актов, резко ограничивающих гражданские права и свободы (таких, как, например, «Патриотический Акт»). Манипуляция в этом случае является еще и результатом злоупотребления властью, поскольку граждан убеждают в том, что данные меры, якобы, направлены на их защиту (о манипуляциях общественным мнением после событий 11 сентября читайте: Ahmed, 2005; Chomsky, 2003; Greenberg, 2002; Halliday, 2002; Palmer, 2003; Sidel, 2004; Zizek, 2002).

Этот печально известный пример манипуляции, осуществленной правительством США на национальном и международном уровне при частичной поддержке СМИ, демонстрирует также некоторые когнитивные механизмы манипуляции. Во-первых, в целях манипуляции используется крайне эмоционально-окрашенное событие, оказавшее сильное влияние на ментальные модели реципиентов. Именно такого рода событие позволяет оказать влияние на ментальные модели для того чтобы, например, провести резкую грань между «Нами» (хорошими и невиновными) и «Ими» (плохими и виновными). Во-вторых, посредством повторений и сравнений с другими подобными событиями (другими террористическими актами) достигается генерализация модели события до уровня стабильных социальных репрезентаций (например, антитеррористической идеологии). Характерно, что при этом реальные интересы и выгода тех, кто осуществляют манипуляцию, скрываются, отрицаются и нивелируются любыми способами, в то время как провозглашенные блага «для всех» подчеркиваются и описываются для усиления общих настроений к проблемам национальной безопасности и терроризма. Агенты манипуляций предпочли умолчать о той прибыли, которую получают в результате антитеррористических операций и войн военные и коммерческие корпорации, выполняющие заказы для армии, полиции и спецслужб; умолчали они, также, и о том, что антитеррористические и военные операции ведут

к эскалации терроризма и, следовательно, подвергают граждан угрозе. Следовательно, сущностным когнитивным условием манипуляции является то, что жертв манипуляции убеждают в том, что некоторые действия направлены сугубо на их интересы, в то время как в действительности эти действия отражают интересы агентов манипуляции и тех социальных групп, к которым они принадлежат.

Ситуации, связанные с ограничением иммиграции, с политическим насилием и насаждением антитеррористической идеологии являются классическими примерами того, как правительства и СМИ манипулируют целыми народами, как это происходило, например, во времена маккартизма и «Красной угрозы» в США (Caute, 1978).

Манипуляции социальным познанием могут также распространяться на самую его основу — общие, социокультурные *знания*. Одним из наиболее эффективных способов распознавания и противодействия манипуляции является формирование специальных знаний (например, об истинных интересах агентов манипуляции), а также общих знаний (например, о стратегиях манипуляций в области формирования военного бюджета на высшем уровне руководства). В этой связи, в интересах доминирующих социальных групп скрывать объективную и потенциально критическую информацию и распространять неполную, искаженную или предвзятую информацию.

Широко известный пример подобной стратегии — заявление, повлекшее за собой атаку США и союзников на Ирак: о наличии «информации» о якобы имеющемся у Ирака оружии массового поражения, информации, которая позже оказалась фальшивкой. При этом, информация, которая потенциально может быть использована для борьбы с манипуляцией (например, информация о стоимости войны, количестве убитых, «сопутствующих потерях» — по сути — мирных жителях, убитых в ходе массированных бомбардировок), как правило, скрывается, ограничивается и дискурсивно корректируется с помощью эвфемизмов, латентных выражений, неясностей и т. д.

Манипуляция может оказывать влияние на социальные репрезентации самыми разными путями, воздействуя как на их содержание, так и на их структуру. И хотя на сегодняшний день достаточно мало известно о внутренней организации социальных репрезентаций, мы можем утверждать, что данного вида репрезентации включают в себя схематические категории участников и их характеристики, а также предполагаемые виды интеракций, в которых они могут участвовать с учетом времени, места и индивидуальных характеристик этих интеракций. Следовательно, отношения к террористическим атакам могут включать сценарные когнитивные структуры, в которых террористы (главные действующие

лица) ассоциируются с рядом прототипических атрибутов (жестокость, радикальность, фундаментализм и т. д.), специальными формами насилия (взрывчатка), убийством невинных граждан, и т. д.

Эти установки постепенно приобретаются на основе генерализации и абстракции ментальных моделей, которые, в свою очередь, формируются под воздействием новостных историй, обращений правительства, фильмов и других видов дискурса. Для манипулирующей стороны важно, чтобы «наши» формы политического насилия (военная интервенция, полицейские рейды и т. д.) освещались в СМИ таким образом, чтобы дать возможность аудитории сформировать, генерализировать и классифицировать модели не террористических атак на независимое государство, а легитимных форм вооруженного противостояния насилию и преступности. Террористические атаки должны позиционироваться таким образом, чтобы исключить возможность формирования оправдательных когнитивных моделей и установок. Любопытно, что понятие «государственный терроризм», стирающее грань между противозаконной деятельностью террористов и действиями законного правительства, используется, в основном, диссидентами (Gareau, 2004). Официальные СМИ тщательно избегают описаний государственных форм насилия в терминах терроризма, даже если сами действия подвергаются жесткой критике, как это было в случае американской агрессии против Ирака в 2003 году.

Наконец манипуляции социальным познанием могут влиять на нормы и ценности, использующиеся для оценки людей и событий, а также для критики различного рода действий. Например, в ситуации манипуляции мнениями в глобализирующемся мире, сторонники неолиберальной рыночной идеологии прибегают к насаждению идеи о высшей ценности индивидуальной свободы. При этом свобода, которая действительно является важнейшей ценностью, рассматривается, в основном, через призму идей свободного предпринимательства, свободного рынка, а также бизнеса свободного от государственного управления. В отношении террористической угрозы антитеррористический дискурс провозглашает высшей ценностью безопасность, придавая ей приоритетное значение по отношению к таким ценностям, как гражданские свободы и равенство (Doherty and McClintock, 2002).

Итак, мы убедились, что когнитивное измерение манипуляции включает в себя стратегическое понимание процессов, влияющих на производство информации в краткосрочной памяти, формирование преференциальных ментальных моделей в эпизодической памяти, а также, что наиболее важно, формирование или изменение социальных репрезентаций, среди которых важнейшими являются знания, установки, идеологии нормы и ценности. Социальные группы адаптировавшие репрезентации

навязываемые доминирующими элитами и институтами едва ли требуют дальнейшего манипулятивного воздействия — они буду действовать и верить в соответствии с навязанными им установками, воспринимая их как свои собственные. В результате, расистские идеологии, навязанные элитами большинству, служат перманентной основой для дискриминации иммигрантов, что является одной из наиболее эффективных стратегий перенаправления общественного внимания и критики от действий правительства и социальных элит в сторону иммигрантов и представителей социальных меньшинств (van Dijk, 1993a)

4. Дискурс

Манипуляция, о которой идет речь в данной работе, воспроизводится посредством дискурса и включает в себя его невербальные характеристики (жесты, мимику), расположение текста на странице, визуальные изображения, звуки, музыку и т. д. Сами по себе структуры дискурса нейтральны, они приобретают манипулятивные функции в специфических коммуникативных ситуациях и в условиях специфической интерпретации дискурса на основе когнитивных контекстных моделей. Как мы уже упоминали ранее, манипуляция представляет собой социальную практику злоупотребления дискурсной властью, включающую доминирующие и зависимые социальные группы, институты и агентов. В принципе это также означает, что один и тот же дискурс (или фрагмент дискурса) может носить манипулятивный характер в одной ситуации и нейтральный характер в другой. То есть манипулятивный смысл и его критическая оценка зависит от контекстных моделей реципиентов, моделей агентов дискурса, а также гипотетических моделей предполагаемых интенций агентов манипуляции. Манипулятивные дискурсы, как правило, воспроизводятся в ходе социальной коммуникации, контролируемой доминирующими политическими, бюрократическими, академическими, корпоративными и медиаэлитами. В этой связи контекст, о котором речь пойдет далее, влияет, главным образом, на участников, их роли, взаимоотношения, характерные действия и знания и цели. Иными словами, *дискурс интерпретируется как манипулятивный в зависимости от контекстных моделей его участников*. Как критические аналитики, мы характеризуем дискурс как манипулятивный не на основе анализа элементов текста, а прежде всего, на основе его контекстных категорий.

Вместе с тем, несмотря на то, что структуры дискурса не обязательно носят манипулятивный характер, некоторые из них могут быть более эффективны для оказания влияния на сознание реципиентов в интересах агентов манипуляции.

К примеру, мы уже упоминали ранее о значении заголовков, которые, как правило, используются для того чтобы определить тему и подчеркнуть наиболее важную информацию, содержащуюся в тексте. В силу этой специфики, заголовки могут быть использованы для придания особого значения нерелевантным и малозначительным событиям. И наоборот, дискурсы о событиях особой важности в прессе зачастую не содержат заголовков, подчеркивающих негативные характеристики доминирующих социальных групп и институтов. Более того, пресса никогда не публикует статьи о расизме, не говоря уже о том, чтобы помещать подобные статьи на главной странице изданий (van Dijk, 1991).

Стратегия положительной саморепрезентации и негативной репрезентации оппонентов систематически реализуется в процессах ангажирования фактов и перекладывания вины с политики правительства на оппонентов или Других (террористов, иммигрантов и молодежь) (van Dijk, 1993a). Подобная стратегия может реализовываться на самых различных уровнях дискурса (более подробно об этом см. van Dijk, 2003a) с помощью следующих приемов:

- *Общие стратегии интеракции.*
  - Положительная саморепрезентация.
  - Отрицательная репрезентация оппонентов.
- *Макроречевые акты, включающие в себя описания «наших» положительных и «их» отрицательных действий.*
- *Семантические макроструктуры: выбор тем.*
  - (Де)акцентуация положительной тематики о «нас» и отрицательной о «них».
- *Локальные речевые акты, служащие для поддержания глобальных речевых актов* (например, заявления, которые подкрепляют или доказывают выдвинутые ранее обвинения).
- *Локальные значения, подчеркивающие наши положительные действия и отрицательные действия оппонентов.*
  - Излишняя детализация или редукция.
  - Воспроизводство общей либо специфической информации.
  - Детализация и латентность.
  - Имплицитность и эксплицитность.
- *Лексика*: выборочное использование положительной лексики, когда речь идет о «нас» и отрицательной — когда речь идет о наших оппонентах.

- *Локальный синтаксис.*
    - Активные и пассивные конструкции, номинализации: (де)акцентуация «наших» положительных действий и отрицательных действий наших оппонентов, например, перекладывание ответственности на противников.
- *Риторические средства.*
    - Гиперболы и эвфемизмы для передачи отрицательных и положительных смыслов.
    - Метонимии и метафоры для описания положительных действий с нашей стороны и отрицательных действий наших оппонентов.
- *Экспрессивные средства: звуки и визуальные изображения.*
    - Подчеркивание с помощью громких звуков, красных строк и крупных шрифтов позитивных и негативных характеристик сторон.
    - Порядковая организация элементов текста для передачи положительных и отрицательных смыслов.

Использование данных приемов на различных уровнях дискурса отражает типичную ситуацию реализации идеологии в дискурсе на основе поляризации, сокрытия отрицательных черт агентов дискурса и подчеркивания отрицательных сторон тех, против кого направлена идеология (van Dijk, 1998a, 2003a). Поскольку социополитические манипуляции, о которых идет речь в данной работе, подразумевают доминирование (злоупотребление дискурсивной властью), можно утверждать, что данного рода манипуляции имеют под собой идеологическую основу. В рассматриваемой ситуации событий 11 сентября и 11 марта (террористических атак на Нью-Йорк и Мадрид), националистические, антитеррористические, антиисламистские и антиарабские идеологии изобиловали лозунгами, подчеркивающими извращенную злую природу террористов по сравнению со свободой и демократическими принципами цивилизованных стран. И, коль скоро, с помощью этих дискурсов Бушу и его компании удалось манипулировать мнением политиков и общественности таким образом, чтобы оправдать войну в Ираке, сомнений нет – мы имеем дело с тотально идеологизированными дискурсами. Активно провозглашая «свои» фундаментальные ценности и свободы и противопоставляя их злу и извращенности дискурсивно сконструированных противников, Буш и его сторонники воспользовались глубоким шоком, возникшим после взрывов 11 сентября в обществе, для того чтобы убедить всех, что США подверглись вражескому нападению, и что единственное, что может предотвратить катастрофу — это объявление войны терроризму. Кроме

того, граждане, которые имели возражения против подобных действий, подвергались критике за отсутствие патриотических чувств.

Более детальный анализ рассматриваемых дискурсов позволил выявить их идеологический характер, а также предположить, что политические манипуляции всегда включают в себя идеологии, идеологические позиции и элементы структур идеологических дискурсов (более подробно об этом см. в двойном выпуске журнала *Discourse and Society* 15 (3–4), 2004 г, посвященном дискурсам 11 сентября под редакцией Джима Мартина и Джона Эдвардса). Когда мы сталкиваемся с желанием некоторых европейских лидеров, таких как премьер-министра Аснара, или, в последнее время, Тони Блэра, ограничить иммиграцию и за счет этого получить поддержку избирателей, мы также имеем дело с тотально идеологизированными дискурсами, играющими на националистических установках, поляризации и систематической отрицательной репрезентации противников в терминах ложных ценностей, негативных характеристик и действий (правонарушений, нелегального пересечения границ, насилия и т. д.).

Хотя социополитические манипуляции, как правило, обладают идеологической природой, а манипулятивные дискурсы традиционно включают в себя механизмы идеологической поляризации на всех уровнях анализа, дискурсивные структуры и стратегии манипуляции не могут быть редуцированы целиком к идеологическому дискурсу. Напротив, вполне возможно существование социополитических дискурсов, которые, несмотря на всю свою убедительность, не являются манипулятивными. Среди них можно выделить парламентские дебаты или дискуссии в прессе и на телевидении. Следовательно, учитывая характер нашего анализа социальных и когнитивных контекстов манипулятивных дискурсов, следует обращать внимание на заданные ранее специфические рамки, такие как доминирующая позиция манипулирующей стороны, нехватка релевантных знаний у реципиентов, а также комплекс дополнительных условий, обеспечивающих направленность предполагаемых результатов манипуляции на интересы манипулирующей стороны в ущерб интересам манипулируемых.

Как уже упоминалось ранее, ситуация, при которой определенные дискурсивные стратегии используются исключительно в целях манипуляции, крайне маловероятна. Подобная фиксация не характерна для языка в целом — язык используется самыми разными людьми в самых различных ситуациях. Разумеется, говорящие обладают различными идеологическими убеждениями. Одни и те же дискурсные структуры используются в ходе убеждения, информирования, образования и других легитимных форм коммуникации.

Однако, учитывая специфику конкретных ситуаций, те или иные стратегии (назовем их «прототипы манипуляции») могут чаще использоваться в манипулятивных целях. Стремясь сформировать у реципиентов определенные убеждения либо подвигнуть их на какие-либо действия, манипулирующая сторона может прибегать к различным уловкам. Так, например, в качестве уловки может использоваться непререкаемый авторитет чего-либо или кого-либо. Так, например, поскольку для католиков серьезным аргументом является авторитет Папы, то католику крайне сложно отрицать что-либо, во что верит Понтифик. То же самое относится и к мусульманам, для которых непререкаемым авторитетом обладает текст Корана.

Основываясь на вышесказанном, мы предлагаем использовать критерий контекстуальности, на основе которого реципиенты манипуляции, как злоупотребления властью, могут рассматриваться как жертвы, которые по тем или иным причинам не имеют доступа к ресурсам, позволяющим выявлять манипуляцию, а также противостоять ей. Подобная ситуация может возникать в следующих случаях:

(а) нехватка или отсутствие релевантных знаний для формирования контраргументов против ложной, фрагментарной или необъективной информации;

(б) наличие фундаментальных норм, ценностей и идеологий, игнорирование или отрицание которых не представляется возможным;

(в) критические эмоциональные состояния или психологические травмы, под влиянием которых люди становятся легко внушаемы;

(г) наличие социальных позиций, профессиональных и иных статусов, требующих от людей подчинения аргументам и дискурсам вышестоящих субъектов, групп или организаций.

Таковы типичные условия когнитивных, эмоциональных и социальных ситуаций, позволяющие контролировать действия и дискурсы людей за счет их собственных контекстных моделей. Например, если реципиенты манипулятивного дискурса ощущают страх перед говорящим, это отражается в их контекстных моделях и влияет на диспозиции в отношениях доминирования и подчинения между агентами дискурса и его реципиентами. И напротив: для того чтобы манипуляция носила эффективный характер, агенты дискурса должны иметь представления о ментальных моделях реципиентов, предположительном объеме их знаний, их идеологиях, эмоциях, опыте и т. д.

Разумеется, для того чтобы манипуляция достигла своей цели, не все реципиенты должны обладать идеальными качествами субъектов манипуляции — достаточно и того, чтобы такими качествами обладала большая

часть манипулируемых. Следовательно, в реальной жизни всегда найдется достаточно критиков, скептиков, циников, инакомыслящих и недоверчивых людей обладающих иммунитетом против манипуляции. Однако до тех пор, пока эти люди не контролируют центральные СМИ и не имеют решающего слова в элитных социальных институтах и организациях, производимые ими контрдискурсы не представляют угрозы для агентов манипуляции.

И снова типичным примером рассматриваемых взаимоотношений является американская война в Ираке, в начале которой подавляющее большинство центральных СМИ поддержало правительство и конгресс, а голоса критиков были эффективным образом изолированы и вытеснены из информационного пространства.

Однако в тех ситуациях, когда голоса критиков приобретают силу (что случается, когда на сторону противников манипуляций становятся некоторые центральные СМИ) и распространяются в социальном поле (как было в ситуации с американской войной во Вьетнаме), манипуляция теряет эффективность и может, в конце концов, стать совершенно бесполезной, поскольку народ приобретает достаточное количество контраргументов для того чтобы активно противостоять манипулятивным дискурсам. В таком случае возможно развитие событий по образу и подобию ситуации со взрывами в Мадриде, в результате которой, народ поднялся против тех, кто его обманывал, и лишил их власти.

Определив контекстуальные рамки манипуляции, мы можем перечислить специфические структуры дискурса, посредством которых эти рамки реализуются:

(а) подчеркивание позиций власти, авторитета и морального превосходства агентов дискурса или тех, кто стоит за ними, а также подчеркивание подчиненного положения, недостатка знаний и иных слабых сторон реципиентов;

(б) фокус на новых убеждениях, которые агент дискурса пытается внедрить в сознание манипулируемых под видом нового знания, аргументов, доказательств и иных форм, стимулирующих восприятие и усвоение новой информации;

(в) дискредитация альтернативных, критических источников и противоположных убеждений;

(г) аргументация к релевантным идеологиям, позициям и эмоциям реципиентов.

Суммируя сказанное, общая стратегия манипулятивных дискурсов заключается в фокусировании на тех когнитивных и социальных чертах реципиентов, которые делают их более восприимчивыми и менее

устойчивыми против манипуляции, в результате чего реципиенты превращаются в жертв манипуляции, воспринимающих убеждения, которые они отвергли бы в иной ситуации и совершающих поступки, которые они в иной ситуации не совершили. Именно на этом этапе реализуются основные условия осуществления доминирования и поддержания социального неравенства в обществе.

Общие стратегии манипулятивного дискурса в основном реализуются на семантическом уровне, т. е. на уровне содержания речей и текстов. Вместе с тем, в том, что касается имплементации идеологий, идеологические смыслы могут подчеркиваться и нивелироваться за счет тематизации нужных значений, использования специальных речевых актов, специфических локальных значений, эксплицитной или имплицитной информации, лексики, метафор и других риторических фигур, а также специфических выражений и просодических средств (интонаций, звука, темпа речи, расположения текста, шрифтов, фотографий и т. д.). Властная позиция говорящего может подчеркиваться формальностью ситуации, одеждой, тоном голоса, лексикой, как, например, в обращении президента к нации или конгрессу. Надежность источников информации может подчеркиваться с помощью упоминания авторитетных лиц, использования фотографий, как это случилось в ситуации с Ираком. Управление эмоциональным состоянием аудитории может осуществляться с помощью особой лексики, драматической риторики, фотографий и т. д. Дискредитация оппонентов достигается с помощью приемов семантической поляризации. Все рассматриваемые дискурсивные средства манипуляции требуют детального анализа для выявления механизмов их формулирования, функционирования в речи и тексте, а также механизмов достижения конечных целей и результатов.

5. Пример: Тони Блэр оправдывает войну против Ирака

Вместо того, чтобы продолжить теоретизирование в сфере рассмотренных механизмов и характеристик манипулятивных дискурсов, мы предлагаем проанализировать широко известный манипулятивный дискурс, с помощью которого британский премьер Тони Блэр легитимировал в марте 2003 года решение правительства о поддержке американской войны и оккупации Ирака. Данное решение привлекло огромное внимание СМИ и исследователей самых различных научных направлений. Данное решение важно, кроме того, еще и с той точки зрения, что до самых выборов мая 2005 года, Тони Блэр подвергался постоянным обвинениям

за манипуляцию мнениями британских граждан в ходе принятия данного решения. Рассмотрим следующий фрагмент его речи:

Фрагмент 1

(1) В начале я хотел бы сказать о справедливости решения парламента обсудить данную ситуацию и вынести
(2) решение. Именно в этом заключается сущность демократии, которую мы имеем и за которую так безнадежно борются
(3) другие. Кроме того, я, разумеется, уважаю мнение моей оппозиции.
(4) Очевидно мы стоим перед лицом сурового выбора: отозвать британские войска сейчас
(5) и вернуться назад, или же твердо придерживаться того выбора, который мы сделали. Я
(6) твердо верю в то, что мы должны придерживаться нашего выбора.
(7) Вопрос не в том «Почему это важно?», а в том «Почему это настолько принципиально?»
(8) И вот, мы, правительство, собрались здесь для того чтобы пройти это серьезное испытание, рискуя поддержкой избирателей
(9) и отставкой кабинета по политическим мотивам,
(10) переживая разлад внутри основных политических партий
(11)
(12) (Ремарка из зала: «Основных партий?»)
(13)
(14) О, разумеется кроме либеральных демократов, которые как и прежде объединяются в своем оппортунизме и упорствуют в своей неправоте.
(15)
(16)
(17) (Прерывания из зала)

Итак, Тони Блэр начинает свою речь с традиционного риторического capitatio benevolintiae — приема, направленного на снискание расположения аудитории. В то же время, данный риторический прием представляет собой элемент общей стратегии положительной саморепрезентации путем подчеркивания собственной демократичности — уважения мнения членов парламента, понимания сложности стоящего перед аудиторией выбора — участия или неучастия в войне. Манипуляция заключается в высказывании о том, что парламент Великобритании, якобы, все еще имеет возможность выбора в сложившейся ситуации. Между тем, решение по поводу участия Великобритании в войне было уже фактически принято ранее. В последующих предложениях Блэр также настаивает на том, что он/мы/они должны «придерживаться сделанного выбора»,

что является элементом стратегии положительной саморепрезентации. Когда же в итоге Блэр заявляет о своих «твердых убеждениях», мы имеем возможность наблюдать, как к рациональным аргументам оратор добавляет эмоциональную аргументацию, которая хотя и демонстрирует слабые стороны его стратегии, но зато подчеркивает силу его убеждений.

Он признает, что ситуация настолько сложна, что в результате волны оппозиционных мнений и голосований против войны в Ираке, его правительство впервые рискует потерять поддержку большинства избирателей. Противопоставляя демократию и диктатуру, он намекает на то, что те, кто голосуют против войны, могут рассматриваться как пособники Саддама Хусейна – предположение, направленное на то, чтобы заставить умолкнуть оппозицию. Таким образом, Тони Блэр пользуется ложными аргументами, позиционируя участие в войне как акт в защиту демократии и подспудно выставляя всех противников участия в войне (а это значительная часть его аудитории) предателями демократических идеалов. Стратегия британского премьера разворачивается далее, когда Блэр прибегает к националистической идеологии, утверждая, что британские войска не могут отступить, и намекая, что вывод войск означает предательство армии и угрозу британской демократии. И, наконец, встретив возражения против упоминания *лишь* двух основных партий парламента (Лейбористов и Консерваторов), Блэр обрушивается на оппозицию либеральных демократов, обвиняя их в оппортунизме.

Как мы видим, даже в столь коротком отрезке текста можно обнаружить манипуляцию во всей полноте ее аспектов:

(а) идеологическая поляризация (Мы/демократы *vs.* Они/Диктаторы; национализм – это оказание поддержки войскам);

(б) позитивная саморепрезентация на основе позиционирования личного морального превосходства («разрешение» на обсуждение проблемы в парламенте, заявления об уважении мнений аудитории, о борьбе за демократию и о стойкости);

(в) обращение к аудитории «с позиции силы» и игнорирование оппозиции;

(г) дискредитация оппонентов в лице Либерально-Демократической партии и обвинения их в оппортунизме;

(д) придание эмоциональной окраски аргументам (демонстрация «твердых убеждений»). В результате, противники решения об участии в войне имплицитно (а в случае с Либерально-Демократической партией эксплицитно) обвиняются в отсутствии патриотизма и нежелании оказывать сопротивление диктаторам.

Рассмотрим следующий параграф из речи Блэра:

Фрагмент 2

(1) Ситуация в стране отражает ситуацию в парламенте.

(2) С течением времени, нынешний спор потерял былую остроту, но не потерял своей печальной актуальности.

(3) Итак, почему нынешнее решение имеет столь большую важность? Речь идет о том, что *результаты сегодняшних решений по своей значимости выходят далеко за пределы* того, как сложится

(4) судьба иракского режима и что будет дальше с иракскими людьми, которые так долго

(5) страдают под гнетом тирании.

(6) Нынешние решения определят тот путь, по которому пойдет Британия и весь остальной мир в борьбе с основными

(7) угрозами XIX века, путь развития Объединенных Наций,

(8) взаимоотношения между Европой и США, а равно и

(9) взаимоотношениями между участниками Европейского Союза, а также то, каков будет характер взаимодействия между США и остальным

(10) миром в будущем. Значение нынешних решений едва ли можно переоценить. Именно им предстоит определить (11) характер международной политики для будущих поколений.

В рассмотренном фрагменте манипуляция приобретает еще более эксплицитный характер.

Во-первых, Блэр продолжает развивать стратегию позитивной саморепрезентации, путем подчеркивания в речи собственной демократичности и благородства за счет признания существования оппозиции как в парламенте, так и в народе). Во-вторых, Блэр риторически усиливает значение принимаемых в ходе дебатов решений относительно участия в войне («нынешний спор потерял свою былую остроту, но не потерял своей печальной актуальности»). В-третьих, британский премьер-министр развивает стратегию идеологической поляризации по принципу «Мы/Демократия» *vs.* «Они/Диктатура». В-четвертых, Блэр использует гиперболы (народ страдает от гнета тирании), направленные на то, чтобы представить режим Саддама Хусейна в самом черном свете. И, наконец, самое важное — Блэр продолжает расширять *оппозиционный план* между, так называемыми, «нами» и «ими», позиционируя Европу, США и некоторые другие страны как единую группу, находящуюся перед лицом серьезной угрозы.

В результате, то, что в действительности является оккупацией крупнейшей ближневосточной нефтяной страны под предлогом угрозы терро-

ризма и, якобы, имеющегося у нее оружия массового поражения, позиционируется как акт в защиту всего «свободного» мира от глобальной опасности. Расширяя масштаб позиционируемого противостояния, Тони Блэр использует не только геополитическое («Мы», Великобритания, другие свободные страны) измерение (что можно охарактеризовать как «идеологическую глобализацию»), но, также, и временное измерение («характер международной политики для будущих поколений»).

В результате мы можем наблюдать, как манипулятивный дискурс фокусируется на ряде важнейших элементов: международной борьбе между Добром и Злом, национальной и международной солидарности, международном характере конфликта, положительной саморепрезентации, личном моральном превосходстве, отрицательной репрезентации оппонентов.

В дальнейшей части своей речи, которая не рассматривается в данной работе, Блэр прибегает к следующим манипулятивным приемам:

(а) повествует об истории последствий предыдущей войны с Ираком, подчеркивает значимость проблемы оружия массового поражения, опасность намерений Саддама Хуссейна, обман военных инспекторов в Ираке и т. д.;

(б) описывает оружие массового поражения, в том числе бактериологическое оружие, способное распространять сибирскую язву и т. д.;

(в) повторяет сентенции о ненадежности Саддама Хуссейна;

(г) занимается массированной позитивной саморепрезентацией: подчеркивает свое нежелание поиска компромисса и позиционирует его как подход, основанный на здравом смысле («И все же, я не допускаю, что кто-либо может усомниться в разумности этой позиции»).

В результате, заключительная часть речи дополняет ее предыдущие части: детальное рассмотрение «исторических фактов», включая Резолюцию № 1441 Совета Безопасности ООН, которая фактически послужила оправданием США для начала войны. Несмотря на то, что единичный пример не в состоянии предоставить возможность анализа всех релевантных стратегий дискурсного манипулирования, в нем нам удалось обнаружить такие свойственные данному дискурсу элементы, как позиционирование собственного властного и морального превосходства, дискредитация оппонентов, манипулятивная детализация фактов, поляризация по принципу «мы» vs «они», отрицательная репрезентация оппонентов, идеологическое центрирование (демократия и национализм), манипулирование эмоциями и так далее.

Разумеется, парламент состоит из людей, которые, несомненно, в состоянии безошибочно распознать большинство элементов манипулятивной стратегии Блэра, направленной на легитимацию своих действий. Для

нас это, в частности, означает то, что парламентарии не могут рассматриваться как бессильные жертвы, и, кроме того, то, что результаты манипуляции не направлены на воспроизводство политического неравенства, а значит, и саму речь можно было бы рассматривать как попытку вполне легитимного убеждения, а не манипуляции.

И все же существует важный аспект, с точки зрения которого парламентарии и оппозиция не обладают полнотой власти сравнимой с правительством: речь идет о доступе к важной информации (например, к данным разведки о ситуации с оружием массового поражения в Ираке) для принятия решения о вторжении в Ирак. Кроме того, Лейбористская партия, обладающая большинством в парламенте, едва ли может отвергнуть решение премьер-министра, не подвергнув угрозе все свое правительство В этом случае, даже выступая против вторжения в Ирак (как и большинство британцев), Лейбористская партия оказывается заложником ситуации: как мы знаем, лишь несколько политиков от лейбористов решились открыто противостоять партийным лидерам, рискуя своей карьерой. Разумеется, отказ от участия в войне также означал бы нанесение урона Англо-Американским дружеским отношениям. Еще один важный аргумент – невозможно представить себе британского политика, который отказался бы поддержать британские войска за рубежом и был бы переизбран на новый срок. Наконец, отказ от поддержки Блэра мог косвенно означать оказание поддержки Саддаму Хуссейну – типичная «уловка 22», в которой оказались представители левого крыла, наиболее открыто противостоящие диктатуре и не имеющие в сложившейся ситуации иного выбора кроме как поддержать явно манипулятивную стратегию Блэра.

Рассматриваемый нами пример демонстрирует некоторые релевантные особенности контекста, позволяющие провести грань между манипуляцией и легитимным убеждением. Впрочем, в реальных ситуациях манипуляция и убеждение зачастую перемежаются друг с другом, и многие стратегии манипуляции могут быть с успехом использованы в ходе легитимных политических дебатов в парламентской среде.

Однако, как видно из рассмотренного примера, даже в таком сильном парламенте, как британский возможно с помощью манипуляции заставить людей поддержать премьер-министра, стремящегося войти в коалицию с США для совместного участия в действиях, позиционируемых как война против терроризма. Эффективно манипулируя контекстом (Блэр выступает как лидер Лейбористской партии и член парламента и устанавливает рамки для представителей своей аудитории, рассматривая их как членов парламента и британцев) и текстом, Тони Блэр подает ситуацию таким образом, что члены парламента оказываются не в состоянии

противодействовать ему, даже понимая, что с его стороны они имеют дело с манипуляцией и, вполне вероятно, с ложью.

В результате даже члены парламента, наделенные властью, могут быть жертвами определенных политических ситуаций и подвергаться манипуляциям со стороны других властных структур, как это случилось в США и Испании. Принимая аргументы Блэра по поводу оправданности военных действий в Ираке, члены парламента не только вынуждены «подписаться» под некоторой позицией в отношении международной безопасности, но вынуждены также одобрить ряд действий правительства, в том числе и по отправке британских войск в Ирак.

6. Несколько слов в заключение

В данной части работы мы предприняли попытку междисциплинарного исследования проблемы дискурсивной манипуляции. В целях проведения теоретической границы между манипулятивным дискурсом и иными формами влияния, мы предложили рассматривать его с *социальной* точки зрения как форму злоупотребления властью или доминирования. Далее мы сфокусировались на *когнитивном* измерении манипуляции, стремясь выяснить, что же в действительности означает манипулятивный контроль над сознанием. Наконец, мы проанализировали различные *дискурсные* измерения манипуляции, обратив особое внимание на полярные структуры положительной саморепрезентации и отрицательной репрезентации оппонентов, посредством которой выражается основной идеологический конфликт в дискурсе. В дополнение к этому мы установили, что манипуляция включает следующие элементы: позиционирование власти, морального превосходства и авторитета говорящего, дискредитацию оппонентов с помощью проведения отождествления последних с врагами государства; использование эмоциональных аргументов, применение трудно опровержимых аргументов правоты собственных убеждений. Мы полагаем, что дальнейшая работа в данной области позволит детализировать другие дискурсивные, когнитивные и социальные аспекты манипуляции.

Контекстуализация в парламентском дискурсе: Аснар, Ирак и прагматика лжи

1. Релевантность контекста

Одной из любопытных тенденций развития современного дискурс-анализа является растущий интерес к проблеме анализа контекста. Данную тенденцию следует рассматривать в рамках растущего количества междисциплинарных исследований текста и речи в сфере социально-гуманитарных наук. Простое исследование лингвистических структур дискурса «как такового» и даже автономных интеракционных структур разговоров не отвечает более тенденциям современной дискурсной сферы исследований. Вместо этого, все большее внимание приобретает исследовательский взгляд «поверх» дискурса, имеющий цель рассмотреть его когнитивное, социальное, политическое, культурное и историческое *измерения*:

- В лингвистике, в особенности в отрасли системной лингвистики, некоторые исследователи выступили с новыми идеями об анализе текста (Ghadessy, 1999; Leckie-Tarry, 1995; Fetzer, 2004; van Dijk, 2004);
- С начала 1990-х годов конверсационный анализ стал изучать институциональный и организационный контексты речи и взаимодействия (Boden and Zimmerman, 1991; Drew and Heritage, 1992; Sarangi and Roberts, 1999);
- В антропологической лингвистике усилился интерес к изучению культурных аспектов речи в ходе ситуативных интеракций (Duranti, 1997, 2001; Duranti and Goodwin, 1992);
- Интеракциональная лингвистика, особенно в лице Джона Гамперца (Gumperz, 1982a, 1982b, 1992), обратила особое внимание на неявные «контекстуальные стимулы» дискурса (Auer and Di Luizio, 1992);
- Область критических исследований дискурса по определению обращает внимание на тексты в их социальных контекстах, особенно

пристально рассматривая отношения власти, доминирования и социального неравенства (Fairclough, 1995a, Wodak and Meyer, 2001; Wodak and Chilton, 2005);

- Феминистские исследования дискурса также рассматривают социальные контексты неравенства и доминирования в гендерном аспекте данной проблемы (Lazar, 2005);
- Формальные подходы в исследовании дискурса, такие как исследования в области искусственного интеллекта, также не могут обойтись без моделирования контекста коммуникации (Akman et al., 2001).
- В области социальной психологии исследования ситуаций и эпизодов могут рассматриваться как детализированный анализ контекстов (Argyle, Furnham and Graham, 1981; Forgas, 1979; 1985; Scherer and Giles, 1979).

Итак, по крайней мере, с 90-х годов мы являемся свидетелями диверсифицированного, но усиливающегося научного интереса к релевантному анализу контекста в различных сферах дискурсных исследований в социально-гуманитарных науках. Однако, несмотря на наличие консенсуса по поводу релевантности подобного расширения предметной сферы дискурсных исследований, не существует общего мнения по поводу содержания понятия «контекст». В общем, контекст рассматривается как некоторая объяснительная «среда» дискурса, однако при этом не существует возможности ограничения подобной интерпретации без риска создания «теории всего». Например, в парламентских дебатах контекст может быть ограничен рамками испанского парламента, присутствующих депутатов, а также некоторыми другими очевидными контекстными категориями, но как в таком случае быть с таким контекстом, как текущая ситуация в стране или международная ситуация или испанская внешняя политика? Любая из рассматриваемых сфер может иметь прямое отношение к изучению дискурса, однако остается вопрос о том, несколько она в действительности *релевантна* для самих членов парламента. В результате контексты, как правило, ограничены *релевантными* аспектами среды. Однако такая точка зрения требует ответа на вопрос о том, каким образом можно разграничить релевантную и нерелевантную информацию и как избежать ловушки замкнутого определения.

Так, в частности, конверсационный анализ весьма скупо признает релевантность контекста в тех случаях, когда данный контекст «процедурно последователен» разговору (Schegloff, 1987, 1991, 1992). Этот подход очерчивает границы влияния контекста на разговор, однако и в этом случае мы не находим решения поставленной проблемы, поскольку влияние контекста может так распределяться на значения и функции дискурса, чтобы

иметь очевидный характер для участников коммуникации, не имея, при этом, эксплицитного выражения. В этом случае, определение, используемое конверсационными аналитиками, представляется не только эмпирически, но и бихевиористски ориентированным, поскольку оно признает обоснованность лишь «обозримых» доказательств и косвенно отрицает другие методы (эксперимент, апостериорное объяснение, интроспекцию, протоколирование и т. д.). И все же данный подход дает, по крайней мере, один критерий для труднодостижимой категории релевантности.

Критический дискурс-анализ гораздо более либерален по отношению к контекстуальным свидетельствам — любой элемент дискурса на любом уровне, который требует контекстуального описания или объяснения может быть рассмотрен, например, в терминах отношений доминирования и подчинения между говорящим и собеседником, либо в терминах организационных ролей и позиций ораторов или авторов. Однако такой подход критикуют за отсутствие ограничений анализа релевантного контекста в терминах социальных структур (например, доминирования).

2. На пути к новой теории контекста

В противовес идеям, развиваемым в дискурсных исследованиях и иных дисциплинах и направлениях, я, в девяностых годах сделал предположение о том, что новая теория контекста должна строиться на основе идей ментальных моделей опыта — *контекстных моделей* (van Dijk, 1999, 2001, 2004, 2005, 2008a, 2008b). Упомянутая теория также обращает внимание на ограничения формальных подходов к контексту в моей книге, посвященной тексту и контексту (van Dijk, 1997).

Вышеупомянутые гипотезы основываются на фундаментальной идее о том, что контексты не являются формой объективной социальной ситуации (доминирующих подход в лингвистике, дискурсной теории и других дисциплинах). Вместо этого, мы полагаем, что для того чтобы контекст был релевантным тексту и речи, он должен приобрести качества *субъективной категории*, предполагающей *определение самими участниками степени релевантности аспектов коммуникативной ситуации.*

Данная идея не нова, в той или иной форме она была сформулирована в различных направлениях социальной психологии и социологии (Brown and Fraser, 1979; Duranti and Goodwin, 1992). Понятие «определение ситуации» известно среди историков социологии (Thomas, 1996). Однако до сих пор, субъективистские дефиниции едва ли принимались всерьез по причине своей несовместимости с социальной перспективой различных подходов к языку, дискурсу и коммуникации. Субъективист-

ский подход рассматривается как индивидуальный, и, следовательно – несопоставимый с микросоциологическим (интеракциональным) и макросоциологическим (системным) подходом.

Более того, тот факт, что сама концепция «определения ситуации» участниками коммуникации имеет очевидные *когнитивные* аспекты, делает данный подход еще более подозрительным для всех социально-ориентированных теорий дискурса (van Dijk, 2006, специальное издание журнала Discourse Studies). И все же именно этот когнитивный элемент позволяет создать теоретический и эмпирический мост или интерфейс между социальной ситуацией и социальной структурой с одной стороны, и субъективной природой каждого индивидуального дискурса с другой стороны. То есть контексты могут быть релевантными лишь тогда, когда они *релевантны для участников коммуникативной ситуации*. Это можно продемонстрировать лишь на уровне индивидуальных участников, вне абстракций и генерализаций на более высоком уровне интеракций или групповых и социальных структур.

Определения контекста релевантны для участников интеракции, а значит они создаются под влиянием других участников и самого взаимодейтсвия, однако при всем этом они сохраняют свой индивидуальный дефиниционный статус. Участники интеракции, а также писатели и читатели в сфере письменной коммуникации могут по-разному определять коммуникативную ситуацию, как это можно часто наблюдать в коммуникативных конфликтах.

Итак, несмотря на то, что некоторые из моих идей контекста как субъективного определения встречаются в литературе, на сегодняшний день не было сформулировано систематической теории, объясняющей природу и значение подобных определений.

Контекст как ментальная модель ✓

С точки зрения более широкой перспективы современной когнитивной науки в целом и теории когнитивных моделей в частности (Johnson-Laird, 1983; van Dijk and Kintsch, 1983), я предложил рассматривать понятие контекста как специфической категории репрезентации памяти участников коммуникативных событий в форме моделей (van Dijk, 1999, 2008a, 2008b). Как все формы нашего персонального опыта, данные модели хранятся в персональной (автобиографической) части эпизодической памяти. Как и все элементы нашего личностного опыта, эти ментальные модели хранятся в персональной (автобиографической) памяти, эпизодической памяти пользователей языка (Neisser and Fivush, 1994, Tulving, 1983). В результате, «опытное переживание», «осознание» коммуникативного события, участниками которого мы являемся, можно называть контекстной моделью или просто контекстом. Такое понимание ментальной модели содержит именно те черты,

которые мы, как правило, приписываем контекстам: они субъективны, они определяют ситуацию и могут быть незаконченными, необъективными, основанными на предрассудках — т. е. кардинально отличными от того, что называется «объективная ситуация». Ментальные модели контекста представляют собой *конструкты, создаваемые участниками.* В данном теоретическом разрезе, мой подход соответствует дискурсивному конструктивизму в социальной психологии (Edwards and Potter), однако, в отличие от его представителей, я полагаю, что единственный эксплицитный метод анализа данных конструктов заключается в когнитивных репрезентациях, *а не в редукции к другим типам объектов, например, дискурсу интеракции.*

Следовательно, мы рассматриваем контексты как *субъективные эпизодические модели (опыт) участников, динамично конструирующиеся и изменяющиеся в ходе коммуникации.* Как нам известно из опыта изучения неформальных контекстов, контекстные модели оказывают колоссальное воздействие на дискурс и наоборот дискурс оказывает колоссальное влияние на то, как участники определяют ситуацию. Иными словами, мы имеем динамическое взаимодействие, с одной стороны, между речью или текстом и его производством и пониманием, и, с другой стороны, тем, как участники видят, интерпретируют и конструируют другие аспекты дискурса, такие как установки, участников, действие, а также цели и общие предполагаемые знания участников.

Говоря в терминах психологии дискурсного производства, это означает, что контекстные модели контролируют данный производственный процесс и, таким образом, гарантируют, что то, что говорится и, главное, то, как это говорится, целиком *соответствует* текущей ситуации. Это подразумевает осуществление контроля над большей частью фонетической структуры, синтаксиса, выбора лексических единиц и иных структур дискурса, которые могут варьироваться в зависимости от ситуации.

В данной главе мы не рассматриваем подробно когнитивную модель реализации этого контроля (см. об этом van Dijk, 1999). Достаточно сказать, что данное направление полностью соотносится с современными теориями производства и переработки дискурса (van Dijk and Kintsch, 1983; van Oostendorp and Goldman, 1999), более того, направление позволяет восстановить важный элемент теории, а именно фундаментальную контекстную зависимость дискурсного производства. Контекстуальная зависимость традиционно игнорировалась либо получала статус бессистемной в когнитивной психологии (например, рассматривалась в форме независимой переменной в лабораторных экспериментах), что позволяло создать условия лишь отдаленно воспроизводящие реальную ситуацию коммуникативных контекстов.

Одним из многих положительных свойств рассматриваемого подхода является то, что его «прагматическая» контекстная модель целиком соотносится с «семантическими» ситуативными моделями, которые ранее в настоящей работе рассматривались как основа производства значения и понимания дискурса (Johnson-Laird, 1983; van Dijk and Kintsch, 1983; van Oostendorp and Goldman, 1999). Прагматическое и семантическое «понимание» дискурса основано на ментальных моделях эпизодической памяти, а именно — на том, как участники субъективно понимают ситуацию, о которой они говорят или читают, с одной стороны, и ситуацию, *в которой* они выполняют коммуникативную роль в данный момент времени, с другой стороны, — эти два типа репрезентации очевидно взаимосвязаны и определяют границы между семантикой и прагматикой.

Контекстные модели по определению имеют такую же структуру, как и другие виды моделей, например, семантические модели событий, которые участники конструируют в ходе письма, речи, а также те, о которых участники читают или говорят.

Кроме того, необходимо учесть, что для того чтобы иметь возможность адекватно, реалистично и практически мгновенно воспроизводить необходимую информацию, контекстные модели не могут иметь десятки и тем более сотни возможных категорий, репрезентирующих коммуникативные ситуации. Скорее всего, количество фундаментальных ситуативных категорий варьируется в пределах семи (Miller, 1956), в то время как каждая из них имеет также семь подкатегорий, что умножает их общее количество в семь раз. Например, если мы рассматриваем основную категорию «участники», то подкатегории могут включать: коммуникативные роли (говорящий, слушающий, подслушивающий и т. д.); социальные идентичности (пол, этнос, класс и т. д.); социальные роли (отец, друг и т. д.); связи между участниками (конкуренты и т. д.) и так далее.

Разумеется, эмпирическое исследование предполагает выяснение вопроса о релевантности конкретных категорий в той или иной культуре, учитывая, что культурные различия неизбежны даже в тех случаях, когда некоторые категории имеют универсальный характер (например, существует категория говорящего, говорящие всегда подразумевают, что реципиенты имеют некоторые общие с ними знания и т. д.). В этом случае контекстные модели могут стратегически формироваться и динамично адаптироваться в процессе понимания социальной ситуации и дискурса.

Микро- и макроконтексты

Большинство научных исследований в области контекста анализируют контекст ситуации реального общения — т. е. микроконтекст. Вместе с тем, есть основания полагать, что пользователи языка формируют особые формы «макроконтекстов»

(van Dijk, 2006). Так, например, в ходе лекции, я не только осознаю присутствие студентов, свою роль учителя, а также некоторые другие контекстные характеристики процесса преподавания, но также в рамках обычного (но не менее от этого проблематичного в теоретическом плане) разделения на микро и макро уровни в социологии (Knorr-Cetina and Cicourel, 1981) я позиционирую себя как представителя своей профессии, социального института, университета, и, следовательно, исполняю на локальном уровне нечто, что может иметь также глобальное измерение: обучение на макроуровне.

Наличие макроконтекста не требует осознания в режиме реального времени в ходе актуального процесса обучения на уровне интеракции. Вместо этого, достаточно наличия функционального (в некоторых ситуациях эксплицитного) смысла в том, что я делаю в данный момент времени. *Таким образом, мы имеем возможность элегантно связать микро-и макроуровни общества — не в терминах аналитических категорий, но в терминах категорий участников.*

Как и в случае с семантическими и прагматическими микро и макро структурами (van Dijk, 1980), макроконтексты имеют такую же структуру, как и микроконтексты: Пространство и Время, Участники, Действия, Цели и т. д., однако на уровне городов, стран, групп организаций, коллективных действий, целей и так далее. Примером макроконтекста может быть обучение студентов в испанском университете или голосование испанского Кортеса в поддержку военных действий в Ираке.

Впрочем, стоит отметить, что благодаря наличию определенных рамок контекстного производства, макроконтекст не может включать бесконечное количество категорий и предполагаемых знаний: как правило, конструируется лишь его часть, релевантная *текущим* аспектам социальной структуры, при этом в большинстве случаев данное знание сохраняет фоновый характер в долгосрочной памяти.

3. Знание

Наиболее типичными измерениями социальных ситуаций как в традиционных концепциях контекстов, так и в социокогнитивных подходах к контекстным моделям являются время и место, участники и их различные идентичности, роли и взаимоотношения, текущее действие и цели участников.

Между тем, анализируя контексты, исследователи зачастую не уделяют должного внимания такой важнейшей категории контекста, как *знание участников, в особенности, их взаимное знание о знаниях друг друга*

(van Dijk, 2005). Данный эпистемический компонент необходим для описания и объяснения того, как говорящие и пишущие реализуют задачу по адаптации речи и текста к предполагаемым знаниям реципиентов. Для каждого предложения и каждого слова необходимо знание не только о том, что реципиенты имеют представление о смысле слов, но также и о самой ситуации, о которой идет речь. Если предполагается, что реципиент уже имеет представление о некотором факте действительности (пропозиция и т. д.), то этот факт уже *предполагается*, будучи доступным в оперативной памяти, или же он требует *напоминания* в том случае, если он (как правило, речь идет о некотором событии) был забыт, но о нем помнили ранее.

Описываемые действия совершаются пользователями языка за доли секунды, которые имеются для того, чтобы произвести слово или предложения. Одновременно их контекстные модели отслеживают предполагаемые знания, имеющиеся у их предполагаемых реципиентов. Это не означает, что говорящие обязаны строить гипотезы в отношении сотен и тысяч фактов, которые могут знать реципиенты, — это было бы совершенно невозможно, учитывая небольшой размер контекстных моделей.

Вместо этого, говорящие используют эффективные стратегии оценки (van Dijk and Kintsch, 1983) знаний реципиентов. Например, для осуществления коммуникации между участниками социальной группы или какого-либо сообщества, простейшей стратегией было бы предположить, что другие члены данного сообщества имеют те же социокультурные знания, что и я. Для уровня межличностного общения среди друзей, членов семьи или родственников разделяемое знание находится не на уровне социокультурно разделяемых знаний групп и членов сообществ, но на уровне предыдущих интеракций, информация о которых хранится в «старых» контекстных моделях. В подобных ситуациях достаточно лишь активировать старые контекстные модели и проверить релевантность пропозиции. В случае сомнений, необходимо повторить или напомнить реципиентам старую информацию. Более серьезные трудности возникают в ситуациях управления знаниями в среде людей из различных культур и эпистемических сообществ. В этих случаях говорящие могут уделять большее внимания предположениям об «универсальных общечеловеческих» знаниях общепринятых для всех.

Ключевыми инструментами контекстных моделей являются стратегии актуализации, выражения, предположения, напоминания и повторения общего или нового знания. В каждый момент времени контекстная модель осуществляет стратегическую оценку поступающей информации и сравнение ее с информацией, хранящейся в ментальных моделях о частных или общественных событиях в области социокультурных знаний. В результате оценки выводится информация о том, какие знания могут

предполагаться, какие следует напоминать, повторять или представлять впервые.

Мой подход к знанию имеет скорее прагматическую и дискурсивную, нежели семантическую и логическую основу. В отличие от эпистемологии, я не определяю знание как «подтвержденные истинные убеждения», что является абстрактной семантической дефиницией, основанной на взаимоотношениях между убеждениями и «миром» (на эту тему см., например, Bernecker and Dretske, 2000). По моему убеждению, категория *истины* принадлежит не к области субъективных убеждений, а к области дискурса. *Для человеческих знаний принципиальным является не то, насколько* убеждения абстрактно соотносятся с некоторым положением дел, а *насколько данные убеждения разделяются среди других членов данного сообщества – сообщества, основанного на знании*. То есть, мы можем сказать, что кто-либо знает что-либо лишь в тех случаях, когда мы как наблюдатели или адресанты знаем то же самое, иными словами – разделяем определенное знание. Когда мы говорим, что x знает p, мы подразумеваем, что мы тоже знаем p. Последнее справедливо как для межличностного, так и для социокультурного знания. В последнем случае предполагается, что все члены общества вместе и каждый его член в отдельности, разделяет какое-либо общее убеждение.

Мнения и убеждения могут получать статус общих убеждений в тех случаях, когда они соответствуют критериям знаний для определенного сообщества. Подобные критерии могут относиться к сфере здравого смысла повседневности (наблюдение, участие или надежные источники), а также к сфере специализированных сообществ – СМИ, науки, общественных движений. Очевидно, что поскольку данные критерии могут подвергаться историческим и культурным изменениям, сама категория знания также имеет относительный характер. Однако и эта относительность имеет относительный характер. Имеется в виду, что *в рамках* эпистемического сообщества некоторые убеждения, соответствующие критериям и получившие определенный статус, могут считаться знанием даже в тех случаях, когда с точки зрения лиц, находящихся за пределами данной группы, подобное знание имеет статус субъективных убеждений, мнений или даже предрассудков. Например, мы можем сказать, что жители средневековой эпохи некоторым образом «*знали*» о том, что земля имеет плоскую форму и подразумевали это знание в публичном дискурсе. Следовательно, то о чем мы заявляем сегодня, является *нашим знанием*, которое может быть дискредитировано в будущем. Описываемый релятивизм знания, впрочем, не должен вызывать никаких беспокойств, поскольку все мы действуем и говорим на основе тех (условных) знаний, которые имеют общепринятый социокультурный характер.

4. Ложь

Ложь представляет собой вербальный акт, включающий нелегитимную манипуляцию знанием в ходе интеракции и коммуникации. Ложь не является речевым актом в классическом понимании этого слова, поскольку она не отвечает условиям соответствия — не существует систематических условий, которые необходимо соблюдать для того, чтобы ложь приобрела «правильный» вид.

Вместо этого, ложь должна определяться как нарушение специфических прагматических условий общепринятости, и в широком смысле, как нарушение общих этических норм правдивости, лежащих в основе всего человеческого общения. Обратите внимание, что если в некоторых ситуациях правда нарушает социальные нормы и ценности (например, вежливости, секретности, осмотрительности, поддержания социального имиджа и т. д.), ложь также может иметь этическое оправдание. Например, ложь врагам на допросе может иметь этически корректный характер. Разумеется, каждая из подобных ситуаций требует отдельной дефиниции и отдельной контекстной модели.

Ложь имеет нелегитимный характер в том случае, если она нарушает интересы реципиентов или третьих лиц. В более широком понимании феномена социальной и политической легитимности, последнее наиболее справедливо в тех случаях, когда лжец (индивид или институт) с помощью лжи устанавливает или поддерживает доминирование и злоупотребляет властью, например, путем контроля СМИ и общественного дискурса и доступа к знанию (Barnes, 1994; Lewis and Saarni, 1993; Wortham and Locher, 1999).

Очевидно, что ложь представляет собой комплексный феномен, который может быть рассмотрен с философской (этической), семантической, прагматической, психологической, социальной, политической и иных точек зрения. Однако, в ограниченных рамках данной работы мы рассмотрим ложь в терминах контекстно-ориентированной прагматики, хотя позже я также упомяну о более фундаментальных критериях легитимности. С упомянутой точки зрения, ложь представляет собой коммуникативный акт, контролируемый контекстной моделью в рамках которой, говорящему известно, что p не является правдой, однако его целью является убеждение реципиента в том, что p — правда. В случае, если ложь достигает своей цели, говорящий и слушающий будут иметь различные ментальные модели ситуации, о которой шла речь.

Если приемлемое утверждение предполагает, что говорящие знают, что они утверждают, то ложь не является приемлемым утверждением. Тем не менее, реципиенты могут не знать, что данное условие не соблюдается

и интерпретировать ложь как приемлемое утверждение и соответственно адаптировать под него свои знания. Очевидно, что для того, чтобы описать ложь, требуются контекстные модели, которые могут репрезентировать адресантов и реципиентов с их знанием и целями.

Ложь относится к большому семейству коммуникативных актов, нарушающих условия предыдущего знания, таких как обман, самообман, введение кого-либо в заблуждение, оговорки, ошибки, выдумки, фантазии и домыслы и т. д.

Этическая разница заключается в том, что в ситуации лжи, говорящие осознают, что говорят неправду, в то время как в ситуациях ошибок или самообмана, они могут не осознавать этого.

Существуют различные пограничные случаи, например, когда говорящий верит в то, что он утверждает, однако у него есть определенные сомнения, что подтверждает, что такой компонент, как знание в контекстной модели должен рассматриваться как скалярная величина, что позволяет придавать лжи более яркий и вопиющий характер. Схожим образом, то, что может рассматриваться как правдивое утверждение с точки зрения говорящего, может восприниматься как ложь реципиентом в том случае, когда реципиент убежден, что говорящий намеренно вводит его в заблуждение.

Все упомянутые условия могут легко быть сформулированы в терминах контекстных моделей, которые структурируют не только знания самих участников коммуникации, но и их убеждения относительно знаний, намерений и целей других ее участников.

5. Парламентский дискурс

Как и другие дискурсные жанры, парламентский дискурс (и та ложь, к которой он прибегает) во многом определяется на основе его контекстных характеристик (van Dijk, 2000, 2004; Bayley, 2004, Steiner, 2004).

Несмотря на то, что существует несколько видов языковых и дискурсных структур, характеризующих парламентский дискурс (например, речи в парламентских дебатах), данные структуры не являются уникальными. Парламентские дебаты имеют общие с другими формальными жанрами характеристики стиля и интеракций — например, оратор, право голоса, время, отведенное для речи, формальный лексикон, синтаксис, традиционные формы аргументации и убеждения, свойственные дебатам. Лишь немногие из них (например, обращение «мой уважаемый друг») являются уникальными для парламентов Великобритании или Испании. Схожим образом, содержание может ограничиваться тематически, а формальный грамматический стиль дискурса может не отличаться от грамматического стиля любого официального собрания. Стоит, однако, отметить,

что хотя ни одна из данных категорий по отдельности не является *эксклюзивной* для парламентского дискурса, их комбинация может вполне иметь *(прото)типичный* для парламентского дискурса характер.

Эксклюзивными для парламентского дискурса, как жанра, являются его контекстные категории, такие как установки (парламент), участники (члены парламента, оппозиция и т. д.), цели (выработка политики) и политические знания и идеологии участников. В результате, хотя содержание и даже стиль того, что говорится в парламенте, можно встретить и в других видах коммуникативных событий, *функции* рассматриваемых элементов относятся к области политической ситуации: участники создают политику, формируют законодательство, представляют электорат, управляют страной и так далее. В дальнейшей части данной главы я рассмотрю данные категории более детально для того чтобы применить результаты к анализу специфических парламентских дебатов.

Итак, *вопрос в том, что должны знать участники парламентских дебатов о специфике коммуникативной ситуации, чтобы их речь соответствовала ситуации. Кроме того, возникает вопрос о том, каким образом данное (предполагаемое) знание влияет на их речь*? Последний вопрос имеет значение не только с точки зрения возможности эмпирической проверки того, что в иных условиях могло бы оставаться теоретической спекуляцией, но также и как часть процедуры исследования знаний участников с помощью других методов. Отметим, что общие критерии релевантности и процедурной последовательности узнавания элементов контекста не ограничиваются «обозримыми» характеристиками речи, как бы мы не обращались к бихевиористским концепциям текста и речи. Знание в целом рассматривается как распространенное фактуальное убеждение, имеющее социальный и по определению предположительный характер. Это помимо прочего означает, что в ходе интеракции подобные знания не требуют эксплицитной формулировки, выражения или манифестации. Например, в ходе парламентских дебатов, все участники сознают, что они являются членами парламента, и, следовательно, редко упоминают об этом, исключая специфические ситуации в которых данная идентичность требует подтверждения, манифестации или иной формы объяснения. Сходным образом, хотя цель парламентских дебатов заключается в убеждении реципиентов, данная цель редко эксплицируется. Таким образом, участники предполагают практически все составляющие коммуникативной ситуации, что отражается на уровне их субъективных контекстных моделей, однако аналитик может прийти к выводу об этом лишь путем изучения опосредованных выражений и манифестаций, например, анализируя элементы речи участников коммуникативной ситуации.

6. Контекстуальный анализ одного фрагмента парламентских дебатов

Оставшуюся часть данной главы я посвящу рассмотрению контекстных категорий, посредством частичного анализа фрагмента дебатов в испанском Кортесе 12 марта 2003 года по поводу войны в Ираке. В ходе дебатов, премьер-министр Хосе Мария Аснар защищает свое решение по поводу отправки войск для поддержки американской интервенции в Ираке. В оппозиции ему выступает лидер Социалистической Рабочей партии Испании, нынешний премьер-министр Хосе Луис Родригес Сапатеро. Для анализа я выбрал эпизод, в котором Аснар и Сапатеро вступают в прямую конфронтацию (см. полный текст данного фрагмента в Приложении).

Предлагаемый анализ имеет ряд существенных отличий от анализа дискурса и речи в процессе интеракций, который потребовал бы значительное количество дополнительной информации о рассматриваемом фрагменте парламентской интеракции. Вместо этого, мы фокусируем исследовательское внимание на тех элементах разговора, которые могут быть поняты лишь в свете предполагаемых контекстных моделей двух участников. Следовательно, данный вид анализа можно рассматривать как *контекстный анализ*. Однако, поскольку контекстные модели также представляют собой комплексные феномены, в рамках данного анализа они могут быть рассмотрены лишь частично. Следовательно, я планирую обратиться к моментам, рассмотренным выше: к менеджменту знаний в данном виде дебатов, а также к тому, что участники дебатов, посторонние обозреватели и аналитики называют ложью (van Dijk, 2003b). В дополнение к сказанному, следует упомянуть, что в данном анализе мы использовали не обычные детальные записи речевой интеракции, а письменные стенограммы, предоставленными архивами Парламентского Ежедневника.

✓ **Формы обращения и представления**

Прежде чем мы обратимся к ключевым аспектам знания, следует кратко охарактеризовать второстепенные аспекты контекстных моделей и их воздействие на дискурс. Например, формы обращений, использованные в дебатах, предполагают, что участникам известно, к кому они обращаются. Когда Президент Кортеса приглашает на трибуну Сапатеро, она обращается к нему, полностью озвучивая его имя и фамилию, а также его текущий статус, как депутата (члена парламента) и почетный титул «*дон*». Характерно, что обращение имеет не прямую форму личного местоимения второго лица, а косвенную форму местоимения третьего лица, что превращает приглашение или разрешение в форму представления следующего оратора. Но поскольку Президент имеет официальное право распределять очередь среди желающих произнести речь, то презентация в свою очередь, направлена

лично на Сапатеро и служит приглашением к выступлению. Парламентский Ежедневник использует термин *Presidenta* в отношении Президента Кортеса, впрочем, это относится не столько к самим рассматриваемым дебатам, сколько к самим элементам данного документа, которые важны для идентификаций и описания всех участников.

Наконец, в рамках презентации нового оратора Президент также упоминает тип институционального речевого акта (вопрос), а также его порядковый номер. Во многих других формах интеракции данные элементы были бы аномальны, поскольку участникам едва ли известно, о чем будет говорить оратор. Это является составной частью институциональных рамок, предусматривающих предварительное ознакомление участников с темой речи, а также устанавливающих институциональные рамки интеракции, в данном случае в форме вопросов. Все это, разумеется, предполагает наличие определенного объема контекстуальной информации о последовательности действий участников, их функциях (член парламента, Президент), характере речевых актов, условиях речевых актов, формальных взаимоотношениях между участниками, формальности мероприятия, необходимости употребления вежливых форм обращения (*«дон»*). Поскольку функции Президента описываются лишь в Ежедневнике, но не выражаются открыто в ходе дебатов до следующего предусмотренного действия Сапатеро, можно сделать предположение том, что такие действия, как представление и приглашение очередного участника эксплицитно сигнализируют о функциях Президента. Последовательность данных контекстных элементов (функций участников) не формулируется, но реализуется. То, что Сапатеро имеет право слова, подразумевает, что он является членом парламента, однако в данной ситуации, его функция требует дополнительного эксплицирования со стороны Президента.

Схожие формы интеракции обнаруживаются и на следующем этапе, когда по отношению к Аснару употребляется обращение *Señor presidente del Gobierno* (господин президент Правительства). В последующих презентациях в избранном фрагменте, к Сапатеро обращаются по имени без употребления его функции (*diputado*) или титула (*don*).

В начале своей речи, Сапатеро не только обращается к Президенту Кортеса с соблюдением всех форм вежливости по отношению к ее функции, а также благодарит за приглашение выступить в Кортесе, используя бытовую форму вежливости *«Muchos gracias»* (большое спасибо), но также одновременно обращается и к «настоящему» оппоненту — Аснару, используя лишь фамилию и минимальное уважительное обращение «сеньор», без озвучивания почестей и даже функции оппонента.

✓ **Политические роли и отношения**

Как мы убедились, начальные этапы интеракции основаны на общепринятом знании о правилах парламентского общения с одной стороны и на специфических контекстных моделях трех участников – с другой стороны. Каждый из элементов поочередно выполняет главную роль – Президент Кортеса, представляющий следующего оратора, смена очереди и Аснар и Сапатеро поочередно обращаются к Президенту Кортеса и друг к другу.

В дополнение к общей процедуре, которая повторяется в других формальных типах заседаний, контекстные модели требуют спецификации политических ролей и взаимоотношений участников, при которых Аснар, имеет право говорить первым, а Сапатеро, как лидер оппозиционной партии – следующим после него. Это особенно важно для правильного понимания вопроса Сапатеро (строка 5–7), *поскольку это не просто вопрос, он подразумевается и интерпретируется как форма политической оппозиции.* Последнее заметно из реакции Аснара, который не только просто отвечает «Да», но при этом переформулирует вопрос, выражая свое несогласие с пропозицией, предусмотренной в нем: Аснар отказывается от термина «военная интервенция», определяя событие как «действия по разоружению режима Саддама Хусейна», стремясь, тем самым описать его в более позитивных терминах. Говоря политически, это означает, что Аснар отрицает имплицитную критику оппозиции, позиционируя действия правительства, как положительные. Фактически это означает, что для того, чтобы включиться в *политическое* взаимодействие, участники должны позиционировать себя и друг друга в терминах своих институциональных ролей и взаимоотношений, тем самым, формируя границы интерпретации своих действий в рамках дебатов. Вопрос, который в другом контексте мог бы быть воспринят как запрос информации или мнения, в парламентском контексте формируется и воспринимается как форма парламентской оппозиционной борьбы. Те же самые рамки подразумевают, что лидер оппозиции не удовлетворится простым ответом премьер-министра и на следующем этапе попытается опровергнуть его, что и происходит, начиная с двадцатой строки анализируемого текста. Рассматриваемые политические выводы могут быть возможны лишь тогда, когда участники обладают контекстными моделями, которые позволяют их сделать (van Djik, 2005).

✓ **Знание и ложь**

В следующем фрагменте своей речи (строки 20–39), в котором он детализирует вопрос и эксплицирует свой оппозиционный настрой против Аснара, Сапатеро обвиняет своего оппонента в сокрытии своего истинного отношения к интервенции в Ираке, а также поднимает вопрос о возможности доверия к Аснару. И вновь, в общих терминах интеракции, утверждение, подразумевающее, что оппонент избегает ответов на поставленные вопросы и отказывается дать прямой ответ

на вопрос о своих интенциях, может рассматриваться как обвинение, в особенности с точки зрения общепринятых норма прямоты и правдивости.

Такова логика анализа диалога в контексте повседневной речи (разумеется, в этом случае используемая риторика имела бы повседневный характер). Однако, когда речь идет о специфической политической ситуации и речь ведется от имени главы политической оппозиции, ситуация приобретает иной, фундаментальный характер. Если премьер-министра обвиняют во лжи, то речь идет о том, что жертвами этой лжи стала вся нация, что в условиях ситуации с военной интервенцией, несомненно, является нарушением ключевых принципов демократического государства. Предъявляя премьер-министру косвенное обвинение во лжи, Сапатеро одновременно обвиняет его в политической несостоятельности, во введении в заблуждение народа, подразумевая, что такой лидер не заслуживает доверия. Эти *политические импликатуры* не выводимы из семантики сказанных слов или смысла интеракции, они могут быть понятны лишь из содержания контекстных моделей участников, которые интерпретируют данный диалог как речевую интеракцию между премьер-министром и лидером оппозиции (van Dijk, 2005).

Стилистически, речь Сапатеро маркирует *формальность* события в целом, а также формальность парламентской коммуникации в частности. Помимо использования формальной лексики (*auténticas posiciones* и т. д.), Сапатеро также активно прибегает к эвфемизму. Вместо того чтобы прямо заявить Аснару, что он лжец, оратор использует эвфемизм, говоря, об Аснаре «*cada dia menos creible*» («доверяют меньше с каждым днем») — эвфемизм, комбинирующий функцию поддержания имиджа (лица) и следования правилам вежливости и уважения по отношению к премьер-министру. Опять-таки, лексический выбор свидетельствует о содержании контекстной модели говорящего (подразумевающей текущие условия, такие как характеристика ситуации, роль оратора как лидера оппозиции, роль реципиента как премьер-министра и т. д.).

В остальной части своей речи, Сапатеро развивает обвинительную линию в отношении Аснара и его правительства, что, разумеется, и следует ожидать от лидера оппозиции. Основа его обвинительной стратегии заключается в демонстрации несоответствия между тем, что было обнаружено (вернее не обнаружено) экспертами ООН Бликсом и Барадеем и решением Буша и Аснара ввести войска, не дожидаясь дополнительных инспекций. Одновременно Сапатеро подчеркивает: то, что позиционировалось как повод к военным действиям (оружие массового поражения, связь иракского режима с терроризмом) на самом деле было неправдой. В строках 32–33 обвинение формулируется посредством описания действий правительства Аснара (и лично министра иностранных дел), речь

идет о подписании резолюции, отказывающей предоставить дополнительное время для инспекторов ООН. Фразы *usted ha firmado... usted acaba a travès de su gobierno* («Вы подписали... Вы и Ваше правительство закончили...») демонстрируют, что Сапатеро обращается к Аснару не только как к человеку и политику, но как к главе правительства. В данной ситуации мы видим, как семантическая модель (происходящее в ООН и Ираке) соотносится с контекстной моделью, отражая соответствующие дефиниции участников ситуации. Аснар и Сапатеро разделяют дефиниции текущих парламентских установок и ролей участников, однако после того, как Сапатеро выдвигает свои обвинения, дефиниции ситуации меняются: Сапатеро обвиняет Аснара во лжи и обмане народа, разумеется, Аснар имеет иные дефиниции в отношении себя самого.

Риторические вопросы Сапатеро (строка 35 и далее) подразумевают, что, по мнению Сапатеро, Аснар не может знать больше экспертов, которые проводили исследования на месте в Ираке. Значение экспертизы подчеркивается риторически путем упоминания времени расследования. Сапатеро подразумевает, что поскольку Аснар не может знать о ситуации больше, чем эксперты, то автоматически очевидно — либо он обладает секретной информацией, либо же он, Буш и Блэр намеренно вводят мир в заблуждение, изобретая повод для того, чтобы ввести войска. Оппозиция в США и Великобритании использовала ту же стратегию, фокусируясь на ложной информации, которую лидеры стран использовали для легитимации военных действий в Ираке (Allman, 2004, Boyle, 2004, Fossa and Barenghi, 2003, O'Shaughnessy, 2004, Stothard, 2003).

Контекстуально-релевантным в данной ситуации представляется не только обвинение и его формулировки, но и то, как участники коммуникативной ситуации управляют знанием. На данном этапе мы приходим к центральным предметам спора не только в Испании, но и в других странах, выражающемся в столкновении одной стороны (Буш, Блэр, Аснар и их советники) с теми, кто выступает против официально провозглашенных поводов войны: оружие массового поражения, связь между иракским режимом и террористами. В этих дебатах Сапатеро озвучивает голос оппозиции по поводу достоверности заявленных оснований для интервенции. Таким образом, он, реализуя свою задачу как лидера оппозиции, не только косвенно обвиняет Аснара во лжи, но также обвиняет его в том, что тот вводит народ в заблуждение, и, следовательно, является «плохим» лидером «плохого» правительства. Характерно, что для всех присутствующих в зале, подобное поведение не выходит за рамки легитимности в соответствии с установками контекстных моделей участников ситуации.

Как очевидно, значительная часть рассматриваемого коммуникативного события относится к сфере обоюдных знаний и обоюдной лжи.

Во-первых, отрицание концептов, выражаемых лексемами *auténticas* (достоверный) и *creibles* (заслуживающий доверия), демонстрирует содержание контекстных моделей Сапатеро в отношении Аснара. Сапатеро не просто раскрывает неправду, но утверждает, что Аснар заслуживает все меньше и меньше доверия, т. е. по всей видимости, что он лжет или, по крайней мере, заблуждается. Во-вторых, мнение лидера оппозиции подкреплено традиционным аргументативным приемом – цитатами из доклада экспертов ООН Бликса и Барадея, которые сопровождаются семантическими приемами усиления значения (*«informe exhaustivo»* («подробный доклад»), *«maxima autoridad»* («максимально авторитетный»), *«afirmaciones muy claras»* («очень ясные утверждения») и т. д.).

Схожим образом, риторический вопрос (строка 35 и далее) *«Por qué sabe Usted más que el señor Blix?»* («Почему Вы думаете, что Вы знаете больше, чем господин Бликс?») направлен на управление знанием, и подразумевает, что Аснар, который не может знать больше, чем эксперт ООН в Ираке, либо лжет, либо обладает информацией, которую не желает раскрывать. В обоих случаях Аснар вводит народ в заблуждение, следовательно – он плохой премьер-министр. Очевидно, что использование этих аргументов в данной ситуации подразумевает, что Сапатеро знает о том, что большинству членов парламента известно о том, что Аснар едва ли может знать больше чем эксперты и, следовательно, либо он лжет, либо является жертвой обмана. С прагматической точки зрения, Сапатеро не только обвиняет Аснара во лжи (или в том, что он является жертвой манипуляции), что само по себе является серьезным политическим шагом, но и, что более важно, формулирует политическую импликатуру обвинения, сущность которой в том, что Аснар либо некомпетентен, либо является пешкой, управляемой Бушем и Блэром и при этом обманывает свой народ. Формулирование подобных умозаключений в парламенте или публичном дискурсе возможно лишь при условии, что контекстуальные модели участников содержат информацию о том, что Аснар является премьер-министром, Сапатеро – лидером оппозиции, Аснар является главой консервативного правительства вступающего в коалицию с консервативным президентом Бушем и т. д. Если мы хотим понять, что происходит, нам необходимо симулировать контекстные модели участников: от того, как они определяют коммуникативную ситуацию, зависит что и как они говорят.

В контексте такого определения коммуникативной ситуации становится очевидным, что Сапатеро имеет возможность открыто обвинить Аснара во лжи, однако предпочитает косвенные обвинения прямым. Развивая свою аргументацию, он продолжает критиковать заявления Аснара, Блэра и Буша (строка 47 и далее) за недостаток убедительных доказательств и фальсификацию фактов. Это означает, что Сапатеро эксплици-

рует некоторые культурные критерии валидности знаний (например, наличие эмпирических доказательств). Тем самым лидер оппозиции решает одновременно две задачи: компрометирует Аснара как премьер-министра и легитимирует собственную оппозицию, демонстрируя оправданность требований серьезных доказательств в деле, которое затрагивает судьбу всей страны.

На следующем этапе (строка 54 и далее) Сапатеро развивает мысль о том, что его сомнения не ограничиваются его частными домыслами, а отражают сходные сомнения окружающих. В процессе аргументации он совершает восхождение от личного мнения и личных контекстных моделей к общепринятым убеждениям и, следовательно, к знанию в целом. Этим он еще раз подчеркивает свою правоту и неправоту Аснара, усиливая политическую поляризацию, что отражает стратегию предполагаемых мнений и действий лидера оппозиции. Ссылаясь на общественное мнение и испанский народ, адресант использует прием очевидности (Chafe and Nichols, 1986), который призван не только поддержать его доводы, но и продемонстрировать поддержку народа и таким образом оправдать его критическую позицию. Основываясь на собранных доказательствах и сделав заключение о том, что позиция Аснара лишена состоятельности, Сапатеро, наконец, риторически призывает Аснара отказаться от войны в Ираке.

Поскольку Сапатеро строит свою оппозиционную стратегию вокруг отсутствия у Аснара доказательств необходимости интервенции, разумно было бы предположить, что реакция Аснара (строка 74 и далее) будет соответствовать обвинениям. После попытки делегитимизировать Сапатеро и его дискурс, сведя его к набору лозунгов и девизов, Аснар переводит разговор к теме доказательств и утверждает, что союзникам не требуется никаких доказательств для интервенции, поскольку они руководствуются резолюцией № 1441 Совета Безопасности ООН. Стремясь снять с себя бремя необходимости доказывать свою правоту, Аснар меняет тему и утверждает, что представление доказательств в данной ситуации является обязанностью Саддама Хусейна. Фокусируя внимание слушателей на Саддаме Хусейне, который является диктатором, и указывая на то, что Сапатеро ничего не требует от Саддама Хусейна, Аснар устанавливает связь между своим оппонентом и всемирно известным диктатором и тем самым делегитимизирует Сапатеро. Говоря о Саддаме Хусейне, Аснар актуализирует традиционную идеологизированную ментальную модель и общепринятые установки в отношении диктатора, таким образом дистанцируясь от контекстуально обусловленных обвинений Сапатеро. Далее Аснар в свою очередь обвиняет Сапатеро в том, что лидер оппозиции не требует доказательств от Саддама Хусейна, в частности защищая

себя от критики оппозиции и общественного мнения и обвиняя Сапатеро в пособничестве врагу.

Очевидно, что для того чтобы формулировать подобные умозаключения, мы должны предположить, что участники ситуации конструируют и постоянно обновляют свои контекстные модели. С одной стороны, данные модели должны включать общие социокультурные, политические знания, а также знания о конкретных событиях, с другой стороны такие модели должны включать знания о политических идентичностях, ролях, взаимоотношениях и целях участников. Лишь в этом случае мы будем иметь возможность понять, что же действительно (в политическом отношении) делают участники коммуникативной ситуации, и каким образом они имеют возможность делать это. Без данного интеракционального подхода, наш анализ рискует быть сведенным к уровню вопросов, ответов, обвинений, защиты и т.д. Даже если бы мы признали, что дебаты происходят в парламенте, мы могли бы рассмотреть лишь формальный стиль и возможно особенности очередности высказываний и дистрибуции ролей в рамках социального института. Однако *политический смысл* ситуации остался бы вне анализа или не был бы адекватно проанализирован, если бы мы не представили политическую ситуацию как субъективно, персонально и коллективно основанную на контекстных моделях ее участников.

7. Заключение

Исследование дискурса не должно ограничиваться «автономным» анализом текста и речи, но должно также развивать теорию контекста. В настоящей главе мы выдвинули предположение о том, что данный контекст должен рассматриваться не в терминах объективных социальных ситуаций или их релевантных характеристик, но в терминах ментальных моделей, а именно – контекстных моделей. Подобные модели воспроизводят субъективные дефиниции коммуникативной ситуации и контролируют участие каждого из действующих лиц в интеракциях.

Помимо обычных категорий социальных ситуаций, установки и участники (а также их идентичностей, ролей, взаимоотношений и т.д.), контекстные модели также должны включать когнитивные аспекты ситуации, такие как цели и знания участников. Знание участников в особенности важно в управлении тем, какая информация остается имплицитной, какая выражается эксплицитно, какая вспоминается или предполагается в дискурсе. Ключевой механизм контекстной модели сводится к стратегическому контролю знания в ходе интеракции.

Рассматриваемые стратегии играют принципиальную роль в производстве лжи. Для того чтобы иметь возможность лгать успешно, говорящие должны иметь представление о том, что знают и чего не знают их слушатели. И наоборот, когда реципиенты знают, что то, о чем говорится, не является правдой, они могут обвинить говорящих во лжи. Следовательно, ложь требует рассмотрения не с точки зрения семантики правдивых высказываний, а, скорее, с позиций прагматического подхода, рассматривающего то, каким образом знание формируется в контекстных моделях.

В политических дебатах управление ложью имеет принципиальное значение для легитимации участников. Я провел анализ одного из дебатов в испанском Кортесе по поводу разрастающейся войны в Ираке, в ходе которого лидер парламентской оппозиции Сапатеро выступает против премьер-министра Аснара. Так же как в США и Великобритании, ключевым моментом ситуации является ответ на вопрос о том, действительно ли Аснар лгал относительно настоящих причин участия в войне, учитывая серьезные сомнения по поводу предполагаемого наличия у Саддама Хусейна оружия массового поражения и его связей с международным терроризмом. Анализ демонстрирует, что в дополнение к обычным структурам и стратегиям дискурса и интеракции, контекстуальный подход позволяет рассмотреть рамки институциональной интеракции, такие как формы обращения и презентации, порядок выступающих и организация очереди выступления. Говоря более конкретно, анализ демонстрирует, что контекстные модели включают в себя компонент знаний, который контролирует стратегии лжи, обвинения во лжи, а также стратегии дискурсивной защиты от таких обвинений. Кроме того, анализ показывает, что на основе данного подхода политические дебаты могут быть рассмотрены не в общих контекстуальных терминах, но и на более специфическом уровне *политической* интеракции.

8. Приложение

Фрагмент дебатов в Кортесе Испании 12 марта 2002 года, посвященных войне в Ираке

(1) La señora **PRESIDENTA:** Pregunta número 17 que formula el diputado
(2) don José Luis Rodríguez Zapatero.
(3)
(4) El señor **RODRÍGUEZ ZAPATERO:** Muchas gracias, señora presidenta.
(5) Señor Aznar, ¿cree necesaria una intervención militar en Irak?

(6)
(7) La señora **PRESIDENTA:** Muchas gracias, señor Rodríguez Zapatero.
(8) Señor presidente del Gobierno.
(9)
(10) El señor **PRESIDENTE DEL GOBIERNO** (Aznar López): Creo
(11) que es necesario el desarme del régimen de Sadam Husein.
(12)
(13) La señora **PRESIDENTA:** Muchas gracias, señor presidente. Señor
(14) Rodríguez Zapatero.
(15)
(16) El señor **RODRÍGUEZ ZAPATERO:** Señor Aznar, a fuerza de no
(17) responder y no decir las auténticas posiciones y las auténticas decisiones
(18) que usted ha tomado, va a resultar cada día menos creíble. En la última
(19) reunión del Consejo de Seguridad de Naciones Unidas hemos visto un
(20) informe exhaustivo, supongo que respetable de los señores Blix y El
(21) Baradei, los inspectores que tienen la máxima autoridad en todo este
(22) debate y que hicieron afirmaciones muy claras. La frase, creo, más
(23) importante es: ¿cuánto tiempo necesitamos para verificar el desarme
(24) de Irak? Textualmente, dijeron: ni años ni semanas, meses. Y usted ha
(25) firmado una resolución que da apenas unos días, y usted acaba, a través
(26) de su Gobierno, de su ministra de Asuntos Exteriores, de decir que 45
(27) días es inaceptable y está en contra. Pero, ¿por qué sabe usted más que
(28) el señor Blix? ¿Por qué suplanta la autoridad del señor Blix, que lleva
(29) años y meses trabajando, buscando lo que hace y lo que tiene que
(30) cumplir, que es el mandato de Naciones Unidas? **(Rumores)**.
(31)
(32) La señora **PRESIDENTA:** Señor Mancha.
(33)
(34) El señor **RODRÍGUEZ ZAPATERO:** Mire, señor Aznar, hay
(35) que defender la justicia y la legalidad internacionales, y en este juicio
(36) que todos estamos viendo ustedes han perdido la razón; no han
(37) presentado pruebas y algunas han sido falsas. Los peritos o los inspectores
(38) han dicho lo que han dicho, que acabo de referirle, no han
(39) demostrado ninguna vinculación con el terrorismo internacional,
(40) ninguna, ni con Al Qaeda ni con el terrorismo mal llamado islámico
(41) y, claro, cuando las razones no existen, la diplomacia hemos visto que
(42) se ha convertido no en más pruebas sino en dólares, no en poner
(43) razones y argumentos sino en hacer ofertas. Por eso, prácticamente ya
(44) nadie defiende sus tesis, ni las de su Gobierno, ni en el Consejo de
(45) Seguridad, ni en la opinión pública, ni en la ciudadanía española. Señor

(46) Aznar, debe de tener un momento de reflexión y de no llevar a este
(47) país a una posición indefendible, a la luz del derecho internacional, de
(48) la razón y de autoridad de Naciones Unidas, que no respeta ni el
(49) embajador que usted ha nombrado allí en la persona de su secretario
(50) general. Abandone su posición, señor Aznar. Vote el próximo día, si es
(51) que llega a haber votación en el Consejo, a favor de las tesis razonables
(52) que ha presentado Blix y no de Bush, vote con la Europa cercana, vote
(53) con la legalidad internacional, vote por el tiempo para la paz y no para
(54) ... **(Aplausos).**
(55)
(56) La señora **PRESIDENTA:** Muchas gracias, señor Rodríguez
(57) Zapatero. Señor presidente del Gobierno.
(58)
(59) El señor **PRESIDENTE DEL GOBIERNO** (Aznar López):Ya
(60) sabíamos que S. S. saldría con pancarta otra vez, pero no hace falta que
(61) nos adelante su discurso **(Rumores)**, ya comprendo que llevaba 15
(62) días sin ir detrás de una pancarta y debe ser una cosa bastante insoportable
(63) de aguantar, señoría. Quiero decirle, para que S. S. comprenda,
(64) que la Resolución 1441 no obliga a nadie a presentar pruebas nada
(65) más que a Sadam Husein, que es al único al que usted no le exige que
(66) cumpla nada, al único. Al único que las resoluciones de Naciones
(67) Unidas obliga a presentar pruebas de desarme desde hace 12 años,
(68) señor Rodríguez Zapatero, es a Sadam Husein, que es al único al que
(69) usted, cuando habla de graves consecuencias no le advierte de ninguna
(70) grave consecuencia. Usted admite graves consecuencias para el
(71) Gobierno, para todo aquel que no está de acuerdo con usted, pues el
(72) único que está advertido por la comunidad internacional de la cual
(73) nosotros nos tenemos que alejar, de que si no le respeta y no prueba
(74) su desarme está sometido a serias consecuencias, es exactamente aquel
(75) que usted olvida en todos sus discursos, en todas sus actuaciones y en
(76) todas sus pancartas sistemáticamente, señoría, el único que está obligado
(77) a hacerlo, el único **(Aplausos)**. Desde hace 12 años, señoría, lo
(78) lleva haciendo, y desde hace 12 años lo lleva incumpliendo, y las
(79) resoluciones de Naciones Unidas dicen exactamente lo que yo le he
(80) dicho, y los inspectores dicen que si hubiese cooperación podrían
(81) terminar el trabajo rápidamente. ¿Cuál es el problema? ¿Por qué hay
(82) armas de destrucción masiva? Porque no se quieren deshacer de las
(83) armas de destrucción masiva. Usted lo que nos pide, señoría, es que no
(84) hagamos nada o que aliviemos la presión, lo cual es el mejor mensaje
(85) para todos los dictadores que quieren tener armas de destrucción

(86) masiva, incluido también Sadam Husein, y eso, señoría, nosotros no lo
(87) vamos a hacer. Y eso significa respetar la legalidad y eso significa
(88) respetar el Consejo de Seguridad de Naciones Unidas. Sin duda que si
(89) eso no ocurre así, habrá graves consecuencias, señoría, para el pueblo
(90) iraquí, porque seguirá estando bajo una tiranía, y para el pueblo kurdo,
(91) que seguirá siendo también atacado por ese dictador, y agrava las
(92) consecuencias para la seguridad del mundo. No habrá un mundo más
(93) inseguro que un mundo en el que no se respete la ley, pero vamos a
(94) intentar que eso no sea así. Si lo conseguimos, señoría, no le deberemos
(95) nada a su actuación. Muchas gracias, señora presidenta.
(96) **(Prolongados aplausos).**
(97)
(98)
(99) *Перевод*
(100)
(101) Г-жа **ПРЕЗИДЕНТ**: Вопрос номер 17, предложенный членом
(102) Парламента доном Хосе Луисом Родригесом Сапатеро.
(103)
(104) Г-н **РОДРИГЕС САПАТЕРО**: Большое спасибо, г-жа
(105) Президент. Г-н Аснар, считаете ли Вы, что военное вторжение в Ирак
(106) является необходимым?
(107) Г-жа **ПРЕЗИДЕНТ**: Спасибо большое, г-н Родригес
(108) Сапатеро. Г-н Председатель правительства.
(109)
(110) Г-н **ПРЕЗИДЕНТ ПРАВИТЕЛЬСТВА** (Аснар Лопес):
(111) Я считаю, что действия по разоружению режима Саддама Хусейна являются
(112) необходимыми.
(113)
(114) Г-жа **ПРЕЗИДЕНТ**: *Большое спасибо, г-н Президент.*
(115)
(116) Г-н **РОДРИГЕС САПАТЕРО**: Г-н Аснар, в силу того, что Вы не
(117) отвечаете на вопросы и не разъясняете нам действительные позиции и действительные решения,
(118) которые Вы принимаете, Вы теряете доверие с каждым днем. На последнем заседании
(119) Совета Безопасности ООН мы стали свидетелями
(120) исчерпывающего и вполне заслуживающего доверия доклада господ Бликса
(121) и Барадея, наблюдателей, обладающих максимальным авторитетом
(122) в дебатах об Ираке и представивших весьма подробный отчет. Полагаю, что наиболее

(123) существенными вопросами являются следующие: как долго
(124) нам требуется подтвердить разоружение Ирака? Они буквально утверждают следующее:
(125) ни годы и не недели, а месяцы. А Вы подписали резолюцию, в которой
(126) не установлены сроки, и Вы заявляли через Ваше правительство и Вашего
(127) министра иностранных дел, что 45 дней — это недопустимый срок и что Вы
(128) против этого. Почему Вы думаете, что знаете больше, чем г-н Бликс? Почему
(129) Вы оспариваете авторитет г-на Бликс, который работал несколько лет,
(130) наблюдая за тем, что делает Саддам Хусейн и
(131) что он обязан сделать, притом, что у г-на Бликс есть мандат ООН **(Шум в зале).**
(132)
(133) Г-жа **ПРЕЗИДЕНТ**: Г-н Манча.
(134)
(135) Г-н **РОДРИГЕС САПАТЕРО**: Г-н Аснар, необходимо
(136) соблюдать международное право и закон, и в текущем деле мы
(137) видим, что Вы этого не делаете: Вы не
(138) предоставили ни одного доказательства или предоставили ложные доказательства. Эксперты
(139) со стороны наблюдателей в частности заявили, на что я вынужден обратить внимание, что
(140) они не смогли предоставить доказательств связи с международным
(141) терроризмом — ни с Аль-Каидой, ни с иными исламскими
(142) террористическими организациями. А значит, когда нет никаких причин, курс дипломатии,
(143) как мы видим, меняется с поиска доказательств на поиск долларов, без предоставления
(144) причин и аргументов, но с ведением торговли. Собственно, поэтому
(145) никто уже не поддерживает Ваши идеи — ни Ваше
(146) правительство, ни Совет Безопасности, ни общественное мнение
(147) испанских граждан. Г-н Аснар, Вам необходимо немного подумать,
(148) прежде чем ввергать страну в ситуацию, неприемлемую
(149) с точки зрения международного права и авторитета
(150) ООН, признание в качестве полномочного члена которой Вы
(151) получили в лице Генерального Секретаря. Измените
(152) свою позицию, г-н Аснар. Проголосуйте, наконец, если вообще будет такое голосование
(153) в Совете, в поддержку разумных положений Бликса,
(154) а не идей Буша; проголосуйте вместе со всей Европой, которая ближе к Вам, проголосуйте вместе
(155) с международным правом, проголосуйте за мир, а не за...

(156) **(Аплодисменты)**.

(157)

(158) Г-жа **ПРЕЗИДЕНТ**: Большое спасибо, г-н Родригес

(159) Сапатеро. Г-н Председатель правительства.

(160)

(161) Г-н **ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА** (Аснар Лопес):

(162) Мы заранее знали, что Ваша честь снова подготовит свои

(163) лозунги, но Вам уже совершенно не стоило предъявлять их здесь **(Шум в зале)**:

(164) я понимаю, что мы уже 15 дней заседаем без лозунгов, и это кому-то может показаться

(165) невыносимым, сэр. Я хочу сказать Вам, уважаемый

(166) член Кортеса, что резолюция № 1441 никого не принуждает

(167) предоставлять доказательства, только лишь Саддама Хусейна, который является единственным,

(168) от кого Вы ничего не требуете, и только его. Только одного человека

(169) резолюции ООН обязывают предоставить доказательства разоружения

(170) на протяжении уже 12 лет, г-н Родригес Сапатеро, — Саддама Хусейна, единственного, кого

(171) Вы, говоря о серьезных последствиях,

(172) не предупреждаете о каких бы то ни было серьезных последствиях. Вы предсказываете

(173) серьезные последствия для правительства и для всех, кто не разделяет

(174) Вашу точку зрения, хотя он является единственным, кто был предупрежден

(175) международным сообществом, из уважения к которому мы проявляем сдержанность

(176) и которое в конечном итоге применит серьезные меры к Саддаму Хусейну, если он не будет

(177) проявлять уважение к нему и не подтвердит разоружение режима. И он единственный

(178) человек, о ком Вы всегда забываете упомянуть в Ваших речах,

(179) выступлениях и лозунгах, уважаемый член Кортеса, он и только он

(180) обязан это делать **(Аплодисменты)**. Его просят

(181) сделать это уже на протяжении 12

(182) лет, и вот уже 12 лет он нарушает обещания, и в резолюциях ООН

(183) утверждается в точности то, что я утверждаю сейчас Вам, а наблюдатели говорят,

(184) что если бы у них была возможность координации действий, то они закончили бы работу быстрее.

(185) Итак, в чем проблема? Почему там находится оружие массового уничтожения?

(186) Потому что они не хотят избавиться от оружия массового уничтожения.

(187) Вы хотите, уважаемый член Кортеса, чтобы мы ничего не делали

(188) или чтобы мы смягчили давление, а это лучшее, что можно сделать для

(189) любого диктатора, который желает обладать оружием массового уничтожения,
(190) включая Саддама Хусейна, и мы это отнюдь не собираемся делать,
(191) уважаемый член Кортеса. И это как раз и означает уважение закона и
(192) Совета Безопасности ООН. Бесспорно,
(193) если этого не случится, то будут серьезные последствия,
(194) уважаемый член Кортеса, для иракцев, поскольку они так и будут жить
(195) в условиях тирании, а также для курдов, которые так и будут
(196) подвергаться атакам со стороны диктатора, тем самым ставя под угрозу
(197) безопасность в мире. Не будет более нестабильного мира,
(198) чем мир, в котором нет уважения к закону, и мы
(199) пытаемся сделать так, чтобы возможности такого положения дел не возникло. Если у нас
(200) получится, уважаемый член Кортеса, то это будет не по причине Вашего выступления.
(201) Большое спасибо, г-жа президент.
(202) **(Продолжительные аплодисменты)**.

Библиографический список

1. *Abercrombie N., Hill S. and Turner B. S.* (1980) The Dominant Ideology Thesis (London: George Allen and Unwin).
2. *Adelswärd V., Aronsson K., Jansson L. and Linell P.* (1987) 'The unequal distribution of interactional space: Dominante and control in courtroom interaction'. *Text*, 7: 313–46.
3. *Agger B.* (1992a) Cultural Studies as Critical Theory. (London: Falmer Press).
4. *Agger B.* (1992b) 'The discourse of domination', in *The Frankfurt School to Postmodernism*. (Evanston, IL: Northwestern University Press).
5. *Ahmed N. M.* (2005) The War on Truth: 9/11: Disinformation and the Anatomy of Terrorism. (New York: Olive Branch Press).
6. *Akman V., Bouquet P., Thomason R. and Young R. A.* (eds.) (2001) 'Modeling and Using Context'. *Proceedings of the Third International and Interdisciplinary Conference, CONTEXT 2001*, Dundee, UK, 27–30 July 2001. (Berlin: Springer-Verlag).
7. *Albert E. M.* (1972) 'Culture Patterning of Speech Behavior in Burundi', in J. J. Gumperz and D. Hymes (eds.), *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication* (New York: Holt, Rhinehart & Winston), pp. 72–105.
8. *Alexander J. C., Giesen B., Munch R. and Smelser N. J.* (eds.) (1987). The Micro-Macro Link. (Berkeley, CA: University of California Press).
9. *Allman T. D.* (2004). Rogue State: America and the World under George W. Bush. (New York: Thunder's Mouth Press).
10. *Allport G. W.* (1954) The Nature of Prejudice. (Garden City, NY: Doubleday, Anchor).
11. *Altheide D.* (1985) Media Power. (Beverly Hills, CA: Sage).
12. *Anderson D. A., Milner J. W. and Galician M. L.* (1988) 'How Editors View Legal Issues and the Rehnquist Court'. *Journalism Quarterly*, 65: 294–8.
13. *Antaki C.* (1988) 'Structures of Belief and Justification', in C. Antaki (ed.), *The Psychology of Ordinary Explanations of Social Behaviour* (London: Academic Press), pp. 60–73.
14. *Apple M. W.* (1979) Ideology and Curriculum. (London: Routledge & Kegan Paul).
15. *Argyle M., Furnham A. andGraham J. A.* (1981) Social Situations. (Cambridge, Cambridge University Press).
16. *Arkin R. M.* (1981) 'Self-Presentation Styles', in J. T. Tedeschi (ed.), *Impression Management: Theory and Social Psychological Research* (New York: Academic Press), pp. 311–33.
17. *Aronowitz S.* (1988) Science as Power: Discourse and Ideology in Modern Society. (Minneapolis: University of Minnesota Press).

18. *Atkinson J. M.* (1984) Our Masters'Voices: The Language and Body Language of Politics. (London: Methuen).
19. *Atkinson J. M. and Drew P.* (1979) Order in Court: The Organisation of Verbal Interaction in Judicial Settings. (London: Methuen).
20. *Atkinson J. M. and Heritage J.* (eds.) (1984) Structures of Social Action: Studies in Conversational Analysis. (Cambridge: Cambridge University Press).
21. *Atkinson P., Davies B. and Delamont S.* (eds.) (1995) Discourse and Reproduction: Essays in Honor of Basil Bernstein. 9Cresskill, NJ: Hampton Press).
22. *Atlas J. D.* (2000) Logic, Meaning and Conversation: Semantical Underdeterminacy, Implicature, and the Semantics/Pragmatics Interface. (New York: Oxford University Press).
23. *Atwood L. E., Bullion S.J. and Murphy S. M.* (1982) 'International Perspectives on News'. (Carbondale: Southern Illinois University Press).
24. *Auer P.* and di Luzio A. (eds.) (1992) The Contextualization of Language. (Amsterdam: John Benjamins).
25. *Aufderheide P.* (1992) Beyond PC: Toward a Politics of Understanding. (Saint Paul, MN: Graywolf Press).
26. *Augoustinos M. and Walker I.* (1995) Social Cognition: An Integrated Introduction. (London: Sage).
27. *Bachem R.* (1979) Einführung in die Analyse politischer Texte (Introduction to the Analysis of Political Discourse). (Munich: Oldenbourg Verlag).
28. *Bagdikian B. H.* (1983) The Media Monopoly. (Boston: Beacon Press).
29. *Barker A.J.* (1978) The African Link: British Attitudes to the Negro in the Era of the Atlantic Slave Trade, 1550–1807. (London: Frank Cass).
30. *Barker M.* (1981) The New Racism. (London: Junction Books).
31. *Barnes J. A.* (1994) *A Pack of Lies: Towards a Sociology of Lying. (New York: Cambridge* University Press).
32. *Barrett M., Corrigan P., Kuhn A. and Wolff J.* (eds.) (1979) Ideology and Cultural Production. (London: Croom Helm).
33. *Bauman R. and Scherzer J.* (eds.) (1974) Explorations in the Ethnography of Speaking. (Cambridge: Cambridge University Press).
34. *Bavelas J. B., Rogers L. E. and Millar F. E.* (1985) 'Interpersonal Conflict', in T. van Dijk (ed.), *Handbook of Discourse Analysis.* Vol. 4: Discourse Analysis in Society (pp. 9–26). (London: Academic Press).
35. *Bayley P.* (ed.) (2004) Cross-cultural Perspectives on Parliamentary Discourse. (Amsterdam Philadelphia: John Benjamins).
36. *Becker J., Hedebro G. and Paldán* (eds.) (1986) Communication and Domination: Essays to Honor Herbert I. Schiller. (Norwood, NJ: Ablex).
37. *Ben-Tovim G., Gabriel J., Law I. and Stredder K.* (1986) The Local Politics of Race. (London: Macmillan).
38. *Berger C. R.* (1985) 'Social power and interpersonal communication', in M. L. Knapp and G. R. Miller (eds.), *Handbook of Interpersonal Communication* (Beverly Hills, CA: Sage), pp. 439–96.
39. *Bergsdorf W.* (1983) Herrschaft und Sprache: Studie zur politischen Termnologie der Bundesrepublik Deutschland. (Pfullingen: Neske Verlag).
40. *Bergvall V. L. and Remlinger K. A.* (1996) 'Reproduction, resistance and gender in educational discourse: the role of critical discourse analysis'. *Discourse and Society*, 7(4): 453–79.

41. *Berman P.* (1992) Debating PC: The Controversy over Political Correctness on College Campuses. (New York: Bantam-Dell).
42. *Bernecker S. and Dretske F. I.* (eds.) (2000) Knowledge: Readings in Contemporary Epistemology. (Oxford: Oxford University Press).
43. *Bernstein B.* (1971–1975) Class, Codes, Control (3 vols). (London: Routledge & Kegan Paul).
44. *Bernstein B.* (1975) Class, Codes and Control. Vol. 3: Towards a Theory of Educational Transmissions. (London: Routledge and Kegan Paul).
45. *Bernstein B.* (1990) The Structuring of Pedagogic Discourse. (London: Routledge & Kegan Paul).
46. *Billig M.* (1988) 'The Notion of «Prejudice»: Some Rhetorical and Ideological Aspects'. *Text*, 8: 91–110.
47. *Billig M.* (1991a) 'Consistency and Group Ideology: towards a Rhetorical Approach to the Study of Justice', in R. Vermunt and H. Steensma (eds.), *Social Justice in Human Relations*. (Plenum Press: New York), 169–94.
48. *Billig M.* (1991b) Ideology and Opinions: Studies in Rhetorical Psychology. (London, Sage).
49. *Birnbaum N.* (1971) Toward a Critical Sociology. (New York: Oxford University Press).
50. *Blair R., Roberts K. H. and McKechnie P.* (1985) 'Vertical and network communication in organizations', in R. D. McPhee and P. K. Tompkins (eds.), *Organizational Communication: Traditional Themes and New Directions* (Beverly Hills, CA: Sage), pp. 55–77.
51. *Blondin D.* (1990) L'apprentissage du racisme dans les manuels scolaires (Montreal, Quebec: Editions Agence d'Arc).
52. *Boden D.* (1994) The Business of Talk: Organizations in Action (Cambridge: Polity).
53. *Boden D. and Zimmerman D. H.* (eds) (1991) Talk and Social Structure: Studies in Ethnomethodolgy and Conversation Analysis (Berkeley: University of California Press).
54. *Borch F. L. and Wilson P. S.* (2003) International Law and the War on Terror (*Newport, R. I.*: Naval War College).
55. *Boskin J.* (1980) 'Denials: The Media View of Dark Skins and the City', in B. Rubin (ed.), *Small Voices and Great Trumpets: Minorities and the Media* (New York: Praeger), pp. 141–7.
56. *Bourdieu P.* (1977) Outline of a Theory of Practice (Cambridge: Cambridge University Press).
57. *Bourdieu P.* (1984) Home Academicus (Paris: Minuit).
58. *Bourdieu P.* (1989) La noblesse d'état. Grandes écoles et esprit de corps (Paris: Minuit).
59. *Bourdieu P. and Passeron J.-C.* (1977) Reproduction in Education, Society and Culture (Beverly Hills, CA: Sage).
60. *Bourdieu P., Passeron J. C. and Saint-Martin M.* (1994) Academic Discourse: Linguistic Misunderstanding and Professorial Power (Cambridge: Polity).
61. *Boyd-Barrett O. and Braham P.* (eds.) (1987) Media, Knowledge and Power (London: Croom Helm).
62. *Boyle F. A.* (2004) Destroying World Order: US Imperialism in the Middle East Before and After September 11 (Atlantic, GA: Clarity Press).
63. *Bradac J. J. and Mulac A.* (1984) 'A Molecular view of Powerful and Powerless Speech Styles'. *Communication Monographs*, 51: 307–19.
64. *Bradac J. J. and Street R.* (1986) 'Powerful and Powerless Styles Revisited: A Theoretical Analysis'. *Paper presented at the annual meeting of the Speech Communication Association*, Chicago.

65. *Bradac J.J., Hemphill M.R. and Tardy C.H.* (1981) 'Language Style on Trial: Effects of 'Powerful' and 'Powerless' Speech upon Judgments of Victims and Villains'. *Western Journal of Speech Communication*, 45: 327–41.
66. *Brewer M.B.* (1988) 'A Dual Process Model of Impression Formation', in T.K. Srull and R.S. Wyer (eds.) *Advances in Social Cognition*. Vol.1 (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum).
67. *Britton B.K. and Graesser A.C.* (eds.) (1996) Models of Understanding Text (Mahwah, NJ: Erlbaum).
68. *Brooke M.E. and Ng S.H.* (1986) 'Language and Social Influence in Small Conversational Groups'. *Journal of Language and Social Psychology*, 5: 201–10.
69. *Brown J.D., Bybee C.R., Wearden S.T. and Murdock D.* (1982) 'Invisible Power: News Sources and the Limits of Diversity'. *Paper presented at the annual meeting of the Association for Education in Journalism*, Athens, OH.
70. *Brown L.B.* (1973) Ideology (Harmondsworth: Penguin).
71. *Brown P. and Fraser C.* (1979) 'Speech as a Marker of Situation', in K.R. Scherer and H. Giles (eds.), *Social Markers in Speech* (Cambridge: Cambridge University Press), pp.33–62.
72. *Brown P. and Levinson S.C.* (1978) 'Universals in Language Use: Politeness Phenomena', in E.N. Goody (ed.), *Questions and Politeness* (Cambridge: Cambridge University Press), pp.56–289.
73. *Brown P. and Levinson S.C.* (1987) Politeness: Some Universals in Language Use (Cambridge: Cambridge University Press).
74. *Brown R.* (1995) Prejudice: Its Social Psychology, *Dates J.L. and Barlow W.* (eds.) (1990) *Split Image: African Americans in the Mass Media* (Washington, DC: Howard University Press) (Oxford: Blackwell).
75. *Brown R. and Ford M.* (1972) 'Address in American English', in S. Moscovici (ed.), *The Psychosociology of Language* (Chicago: Markham), pp.243–62.
76. *Brown R. and Gilman A.* (1960) 'The Pronouns of Power and Solidarity', in T.A. Sebeok (ed.), *Style in Language* (Cambridge: MIT Press), pp.253–77.
77. *Bruhn Jensen K.* (1986) Making Sense of the News (Aarhus, Denmark: Aarhus University Press).
78. *Burton F. and Carlen P.* (1979) Official Discourse: On Discourse Analysis, Government Publications, Ideology and the State (London: Routledge & Kegan Paul).
79. *Caldas-Coulthard C.R. and Coulthard M.* (eds.) (1996) Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis (London: Routledge & Kegan Paul).
80. *Calhoun C.* (1995) Critical Social Theory (Oxford: Blackwell).
81. *Cameron D.* (ed.) (1990) The Feminist Critique of Language: A Reader (London: Routledge and Kegan Paul).
82. *Cameron D.* (1992) Feminism and Linguistic Theory. Second ed. (London: Macmillan).
83. *Candlin C., Burton J. and Coleman H.* (1980) Dentist-patient Communication: A Report to the General Dental Council (Lancaster, England: University of Lancaster, Department of Linguistics and Modem English Language).
84. *Carbó T.* (1992) 'Towards an Interpretation of Interruptions in Mexican Parliamentary Discourse'. *Discourse and Society*, 3(1): 25–45.
85. *Carbó T.* (1995) 'El discurso parlamentario mexicano entre 1920 y 1950: Un estudio de caso en metodologia de analisis de discurso'. (Mexican parliamentary discourse between 1920 and 1950: A Case Study in the Methodology of Discourse Analysis) (2 vols) (Mexico, CIESAS and Colegio de Mexico).

86. *Caute D.* (1978) The Great Fear: The Anti-Communist Purge under Truman and Eisenhower (London: Secker and Warburg).
87. Centre for Contemporary Cultural Studies (1978) On Ideology (London: Hutchinson).
88. *Chafe W. and Nichols J.* (eds) (1986) Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology (Norwood, NJ: Ablex).
89. *Chaffee S.H.* (ed.) (1975) Political Communication (Beverly Hills, CA: Sage).
90. *Charrow V. R.* (1982) Language in the Bureaucracy. In R.J. Di Pietro (ed.), *Linguistics and the Professions* (Norwood, NJ: Ablex), pp. 173–88.
91. *Chibnall S.* (1977) Law and Order News: An Analysis of Crime Reporting in the British Press (London: Tavistock).
92. *Chilton P. A.* (ed.) (1985) Language and the Nuclear Arms Debate: Nukespeak Today (London and Dover, NH: Frances Printer).
93. *Chilton P. A.* (1988) Orwellian Language and the Media (London: Pluto Press).
94. *Chilton P. A.* (1996) Security Metaphors: Cold War Discourse from Containment to Common House (Bern: Lang).
95. *Chilton P. A.* (2004) Political Discourse Analysis (London: Routledge).
96. *Chilton P. and Lakoff G.* (1995) 'Foreign Policy by Metaphor', in C. Schaffner and A. L. Wenden (eds.), *Language and Peace* (Aldershot: Dartmouth), pp. 37–59.
97. *Chilton P.* and Schäffner, C. (1997) 'Discourse and Politics', in T. A. van Dijk (ed.), *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. Vol. 2: Discourse as Social Interaction (London, Sage), pp. 206–30.
98. *Chomsky N.* (2003) Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance (New York: Metropolitan Books).
99. *Chouliaraki L.* (2005) 'The Soft Power of War: Legitimacy and Community in Iraq War Discourses', special issue of *Journal of Language and Politics*, 4(1).
100. *Christopher P.* (2003) The Ethics of War and Peace. An Introduction to Legal and Moral Issues (Upper Saddle River, N J: Pearson/Prentice Hall).
101. *Cicourel Aaron V.* (1973) Cognitive Sociology (Harmondsworth: Penguin).
102. *Clark H. H.* (1996) Using Language (Cambridge, Cambridge University Press).
103. *Clegg S.* (1975) Power, Rule and Domination: A Critical and Empirical Understanding of Power in Sociological Theory and Organizational Life (London: Routledge & Kegan Paul).
104. *Clegg S. R.* (1989) Frameworks of Power (London: Sage).
105. *Cody M.J. and McLaughlin M. L.* (1988) 'Accounts on Trial: Oral Arguments in Traffic Court', in C. Antaki (ed.) *Analysing Everyday Explanation: A Casebook of Methods* (London: Sage), pp. 113–26.
106. *Cohen S. and Young J.* (eds.) (1981) The Manufacture of News: Deviance, Social Problems and the Mass Media (London: Constable).
107. *Coleman H.* (ed.) (1984) 'Language and Work 1: Law, Industry, Education'. *International Journal of the Sociology of Language*, 49 (special issue).
108. *Coleman H.* (1985a) 'Talking Shop: An Overview of Language and Work'. *International Journal of the Sociology of Language*, 51: 105–29.
109. *Coleman H.* (ed.) (1985b) 'Language and Work 2: The Health Professions'. *International Journal of the Sociology of Language*, 51 (special issue).
110. *Coleman H. and Burton J.* (1985) 'Aspects of Control in the Dentist-Patient Relationship'. *International Journal of the Sociology of Language*, 51: 75–104.

111. *Collins R., Curran J., Garnham N., Scannell P., Schlesinger P. and Sparks C.* (eds.) (1986) Media, Culture and Society (London: Sage).
112. *Converse P. E.* (1964) 'The Nature of Belief Systems in Mass Publics'. *International Yearbook of Political Behavior Research*, 5: 206–62.
113. *Cook-Gumperz J.* (1973) Social Control and Socialization (London: Routledge & Kegan Paul).
114. *Coulthard R. M.* (ed.) (1994) Advances in Written Text Analysis (London: Routledge & Kegan Paul).
115. *Crigler A. N.* (ed.) (1996) The Psychology of Political Communication (Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press).
116. *Culley J. D. and Bennett R.* (1976) 'Selling Women, Selling Blacks'. *Journal of Communication*, 26: 160–74.
117. *Daalder I. H. and Lindsay J. M.* (2003) America Unbound: The Bush Revolution in Foreign Policy (Washington, DC: Brookings Institution).
118. *Dahl R. A.* (1957) 'The Concept of Power'. *Behavioural Science*, 2: 201–15.
119. *Dahl R. A.* (1961) Who Governs? Democracy and Power in an American City (New Haven, CT: Yale University Press).
120. *Danet B.* (1980) 'Language in the Legal Process'. *Law and Society Review*, 14: 445–65.
121. *Danet B.* (ed.) (1984) 'Legal Discourse'. *Text*, 4(1/3) (special issue).
122. *Dates J. L. and Barlow W.* (eds) (1990) Split Image: African Americans in the Mass Media (Washington, DC: Howard University Press).
123. *Davis H. and Walton P.* (eds.) (1983) Language, Image, Media (Oxford: Blackwell).
124. *Davis K.* (1988) Power Under the Microscope. Toward a Grounded Theory of Gender Relations in Medical Encounters (Dordrecht: Forts).
125. *Day N.* (1999) Advertising: Information or Manipulation? (Springfield, NJ: Enslow).
126. *Debnam G.* (1984) The Analysis of Power (London: Macmillan).
127. *Derian J. D. and Shapiro M. J.* (1989) International Intertextual Relations (Lexington, MA: D. C. Heath).
128. *Di Pietro R. J.* (1982) Linguistics and the Professions (Norwood, NJ: Ablex).
129. *Diamond J.* (1996) Status and Power in Verbal Interaction: A Study of Discourse in a Close-knit Social Network (Amsterdam: Benjamin).
130. *Dillard J. P. and Pfau M.* (2002) The Persuasion Handbook: Developments in Theory and Practice (Thousand Oaks, CA: Sage).
131. *Dines G. and Humez J. M. M.* (eds.) (1995) Gender, Race and Class in Media. A Text-Reader (London, CA: Sage).
132. *Dinstein Y.* (2001) War, Aggression and Self-Defense (Cambridge, UK and New York: Cambridge University Press).
133. *Dittmar N. and von Stutterheim C.* (1985) 'On the Discourse of Immigrant Workers', in T. A. van Dijk (ed.), *Handbook of Discourse Analysis*: Vol. 4. Discourse Analysis in Society (London: Academic Press), pp. 125–52.
134. *Doherty F. and McClintock M.* (2002) A Year of Loss: Reexamining Civil Liberties since September 11 (New York: Lawyers Committee for Human Rights).
135. *Domhoff G. W.* (1978) The Powers that Be: Processes of Ruling Class Domination in America (New York: Random House).
136. *Domhoff G. W.* (1983) Who Rules American Now? A View from the 1980s (Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall).

137. *Domhoff G. W. and Ballard H. B.* (eds.) (1968) C. Wright Mills and the Power Elite (Boston: Beacon Press).
138. *Donald J. and Hall S.* (eds.) (1986) Politics and Ideology (Milton Keynes: Open University Press).
139. *Dorfman A. and Mattelart A.* (1972) Para leer el Pato Donald. Comunicación de Masa y Colonialismo. (How to Read Donald Duck. Mass Communication and Colonialism) (Mexico: Siglo XXI).
140. *Dovidio J. F. and Gaertner S. L.* (eds.) (1986) Prejudice, Discrimination and Racism (New York: Academic Press).
141. *Downes W.* (1984) Language and Society (London: Fontana).
142. *Downing J.* (1980) The Media Machine (London: Pluto).
143. *Downing J.* (1984) Radical Media: The Political Experience of Alternative Communication (Boston: South End Press).
144. *Drew P. and Heritage J.* (eds.) (1992) Talk at Work: Interaction in Institutional Settings (Cambridge: Cambridge University Press).
145. *D'Souza D.* (1995) The End of Racism: Principles for Multiracial Society (New York: Free Press).
146. *Duin A. H., Roen D. H. and Graves M. F.* (1988) 'Excellence or Malpractice: The Effects of Headlines on Readers' Recall and Biases'. National Reading Conference (1987, St Petersburg, Florida). *National Reading Conference Yearbook*, 37: 245–50.
147. *Duranti A.* (1997) Linguistic Anthropology (Cambridge, UK and New York, NY: USA: Cambridge University Press).
148. *Duranti A.* (ed.) (2001) Linguistic Anthropology: A Reader (Malden, MA: Blackwell).
149. *Duranti A.* and C. Goodwin (eds.) (1992) Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon (Cambridge: Cambridge University Press).
150. *Duszak A.* (ed.) (1997) Culture and Styles of Academic Discourse (Berlin: Mouton de Gruyter).
151. *Dyer G.* (1982) Advertising as Communication (London: Methuen).
152. *Eagly A. H. and Chaiken S.* (1993) The Psychology of Attitudes (Orlando, Harcourt Brace Jovanovich).
153. *Eakins B. W. and Eakins B. W. and Eakins R. G.* (1978) Sex Differences in Human Communication (Boston: Houghton Mifflin).
154. *Ebel M. and Fiala P.* (1983) Sous le consensus, la xénophobie (Lausanne: Institut de Science Politique).
155. *Edelman M.* (1964) The Symbolic Uses of Politics (Urbana: University of Illinois Press).
156. *Edelman M.* (1974) 'The Political Language of the Helping Professions'. *Politics and Society*, 4: 295–310.
157. *Edwards D. and Potter J.* (1992) Discursive Psychology (London: Sage Publications).
158. *Ehlich K.* (ed.) (1989) Sprache im Faschismus (Language under Fascism) (Frankfurt: Suhrkamp).
159. *Ehlich K.* (ed.) (1995) The Discourse of Business Negotiation (Berlin: Mouton de Gruyter).
160. *Erickson B., Lind A. A., Johnson B. C.* and O'Barr W. M. (1978) 'Speech Style and Impression Formation in a Court Setting: The Effects of «powerful» and «powerless» speech'. *Journal of Experimental Social Psychology*, 14: 266–79.
161. *Erickson F. and Shultz J.* (1982) The Counselor as Gatekeeper: Social Interaction in Interviews (New York: Academic Press).

162. *Ervin-Tripp S. and Strage A.* (1985) 'Parent-Child Discourse', in T. A. van Dijk (ed.), *Handbook of Discourse Analysis*: Vol. 3. Discourse and Dialogue (London: Academic Press), pp. 67–78.
163. *Ervin-Tripp S., O'Connor M. C. and Rosenberg J.* (1984) Language and Power in the Family', in C. Kramarae, M. Schulz and W. M. D'Elan (eds.), *Language and Power* (Beverly Hills, CA: Sage), pp. 116–25.
164. *Essed P. J. M.* (1984) Alledaags Racisme [Everyday Racism] (Amsterdam: Sara) (To be published in English by Hunter House, Claremont, CA).
165. *Essed P. J. M.* (1987) Academic Racism: Common Sense in the Social Sciences (University of Amsterdam: Centre for Race and Ethnic Studies, CRES Publications), no. 5.
166. *Essed P. J. M.* (1991) Understanding Everyday Racism: An Interdisciplinary Theory (Newbury Park, CA: Sage).
167. *Etzioni-Halevy E.* (1989) Fragile Democracy: The Use and Abuse of Power in Western Societies (New Brunswick, NJ: Transaction).
168. *Fairclough N.* (1995) Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language (London: Longman).
169. *Fairclough N. L.* (1992a) Discourse and Social Change (Cambridge: Polity Press).
170. *Fairclough N. L.* (ed.) (1992b) Critical Language Awareness (London: Longman).
171. *Fairclough N. L.* (1995a) Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language (Harlow, UK: Longman).
172. *Fairclough N. L.* (1995b) Media Discourse (London: Edward Arnold).
173. *Fairclough N. L. and Wodak R.* (1997) 'Critical Discourse Analysis', in T. A. van Dijk (ed.), *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. Vol. 2. Discourse as Social Interaction (London: Sage), pp. 258–84.
174. *Falbo T. and Peplau L. A.* (1980) 'Power strategies in intimate relationships'. *Journal of Personality and Social Psychology*, 38: 618–28.
175. *Falk R. A.* (2003) The Great Terror War (New York: Olive Branch Press).
176. *Farr R. M. and Moscovici S.* (eds.) (1984) Social Representations (Cambridge: Cambridge University Press).
177. *Fascell D. B.* (ed.) (1979) International News: Freedom under Attack (Beverly Hills, CA: Sage).
178. *Fay B.* (1987) Critical Social Science (Cambridge: Polity).
179. *Fedler F.* (1973) 'The Media and Minority Groups: A Study of Adequacy of Access'. *Journalism Quarterly*, 50(1): 109–17.
180. *Fernandez J. P.* (1981) Racism and Sexism in Corporate Life (Lexington, MA: Lexington Books).
181. *Ferree M. M. and Hall E. J.* (1996) 'Rethinking Stratification from a Feminist Perspective: Gender, Race and Class in Mainstream Textbooks'. *American Sociological Review*, 61(6): 929–50.
182. *Ferro M.* (1981) Comment on raconte l'Histoire aux enfants à travers le monde entire (Paris: Payot).
183. *Fetzer A.* (2004) Recontextualizing Context (Amsterdam: Benjamins).
184. *Fielding G. and Evered C.* (1980) 'The Influence of Patients' Speech upon Doctors: The Diagnostic Interview', in R. N. St. Clair and H. Giles (eds.), *The Social and Psychological Contexts of Language* (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum), pp. 51–72.
185. *Fisher S.* (1995) Nursing Wounds. Nurse Practitioners, Doctors, Women Patients and the Negotiation of Meaning (New Brunswick, NJ: Rutgers University Press).

186. *Fisher S. and Todd A. D.* (1983) The Social Organization of Doctor-Patient Communication (Washington, DC: Center for Applied Linguistics).

187. *Fisher S. and Todd A. D.* (eds.) (1986) Discourse and Institutional Authority. Medicine, Education and Law (Norwood, NJ: Ablex).

188. *Fishman M.* (1980) Manufacturing the News (Austin: University of Texas Press).

189. *Fishman P.* (1983) «Interaction: The Work Women Do», in B. Thorne, C. Kramarae and N. Henley (eds.), *Language, Gender, and Society* (New York: Pergamon Press), pp. 89–101.

190. *Fiske S. T. and Taylor S. E.* (1991) Social Cognition, 2nd edn (New York: Mcgraw-Hill)

191. *Fiske S. T., Lau R. R. and Smith R. A.* (1990) 'On the Varieties and Utilities of Political Expertise'. *Social Cognition*, 8(1): 31–48.

192. *Forgas J. P.* (1979) Social Episodes: The Study of Interaction Routines (London and New York: Published in cooperation with the European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press).

193. *Forgas J. P.* (ed.) 91985) Language and Social Situations (New York: Springer).

194. *Fossà G. and Barenghi R.* (2003) The Bush Show: Verità e bugie della guerra infinita (San Lazzaro di Savena (Bologna): Nuovi mondi media).

195. *Fowler R.* (1985) 'Power', in T. A. van Dijk (ed.), *Handbook of Discourse Analysis*: Vol. 4. Discourse Analysis in Society (London: Academic Press), pp. 61–82.

196. *Fowler R.* (1991) Language in the News. Discourse and Ideology in the Press (London: Routledge & Kegan Paul).

197. *Fowler R., Hodge B., Kress G. and Trew T.* (1979) Language and Control (London: Routledge and Kegan Paul).

198. *Fox C. J. and Miller H. T.* (1995) Postmodern Public Administration. Toward Discourse (London, CA: Sage).

199. *Fox D. R. and Prilleltensky I.* (1997) Critical Psychology: An Introduction (London: Sage).

200. *Freeman S. H. and Heller M. S.* (1987) 'Medical Discourse'. *Text*, 7 (special issue).

201. *Fussell S. R. and Krauss R. M.* (1992) 'Coordination of Knowledge in Communication: Effects of Speakers' Assumptions about What Others Know'. *Journal of Personality and Social Psychology*, 62(3): 378–91.

202. *Galbraith J. K.* (1985) The Anatomy of Power (London: Corgi).

203. *Galtung J. and Ruge M. H.* (1965) 'The Structure of Foreign News'. *Journal of Peace Research*, 2: 64–91.

204. *Gamble A.* (1986) 'The Political Economy of Freedom', in R. Levitas (ed.), *The Ideology of the New Right* (Cambridge, MA: Polity), pp. 25–54.

205. *Gamson W. A.* (1992) Talking Politics (Cambridge: Cambridge University Press).

206. *Gans H.* (1979) Deciding What's News (New York: Pantheon Books).

207. *Giles H. and Powesland P. F.* (1975) Speech Style and Social Evaluation (London: Academic Press).

208. *Gareau F. H.* (2004) State Terrorism and the United States: From Counterinsurgency to the War on Terrorism (Atlanta, GA: Clarity Press).

209. *Garnham A.* (1987) Mental Models as Representations of Discourse and Text (Chichester: Ellis Horwood).

210. *Gazdar G.* (1979) Pragmatics: Implicature, Presupposition and Logical Form (New York: Academic Press).

211. *Geis M. L.* (1987) The Language of Politics (New York: Springer).

212. *Ghadessy M.* (ed.) (1999) Text and Context in Functional Linguistics (Amsterdam Philadelphia: John Benjamins).
213. *Giles H. and Powlesland P. F.* (1975) Speech Style and Social Evaluation (London: European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press).
214. *Giles H. and Smith P. M.* (1979) 'Accommodation Theory: Optimal Levels of Convergence', in H. Giles and R. N. St Clair (eds.), *Language and Social Psychology* (Oxford: Basil Blackwell), pp. 45–65.
215. *Giroux H.* (1981) Ideology, Culture and the Process of Schooling (London: Falmer Press).
216. Glasgow University Media Group (1976) Bad News (London: Routledge & Kegan Paul).
217. Glasgow University Media Group (1980) More Bad News (London: Routledge).
218. Glasgow University Media Group (1982) Really Bad News (London: Writers and Readers).
219. Glasgow University Media Group (1985) War and Peace News (Milton Keynes and Philadelphia: Open University Press).
220. Glasgow University Media Group (1993) Getting the Message', in J. Eldridge (ed.), *News, Truth and Power* (London: Routledge & Kegan Paul).
221. *Glasser T. L. and Salmon C. T.* (eds.) (1995) Public Opinion and the Communication of Consent (New York: Guilford Press).
222. *Gleason Y. B. and Geif E. B.* (1986) 'Men's Speech to Young Children', in B. Thome, C. Kramarae and N. Henley (eds.), *Language, Gender and Society* (Rowley, MA: Newbury House), pp. 140–50.
223. *Goffman E.* (1959) The Presentation of Self in Everyday Life (Garden City, NY: Doubleday).
224. *Goffman E.* (1967) Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior (Garden City, NY: Doubleday).
225. *Goffman E.* (1979) Gender Advertisements (New York: Harper & Row).
226. *Golding P. and Murdock G.* (1979) 'Ideology and the Mass Media: The Question of Determination', in M. Barrett, P. Corrigan, A. Kuhn and J. Wolff (eds.), *Ideology and Cultural Production* (London: Croom Helm), pp. 198–224.
227. *Goodin R. E. and Klingemann H. D.* (eds.) (1996) A New Handbook of Political Science (New York, NY: Oxford University Press).
228. *Graber D. A.* (1980) Crime News and the Public (New York: Praeger).
229. *Graber Doris A.* (1984) Processing the News (New York: Longman).
230. *Graesser A. C. and Bower G. H.* (eds.) (1990) Inferences and Text Comprehension: The Psychology of Learning and Motivation. Vol. 25 (New York: Academic Press).
231. *Gramsci A.* (1971) Prison Notebooks (New York: International Publishers).
232. *Granberg D.* (1993) 'Political Perception', in S. Iyengar and W. J. McGuire (eds.), *Explorations in Political Psychology: Duke Studies in Political Psychology* (Durham NC, Duke University Press), pp. 70–112.
233. *Greenberg B. S.* (ed.) (2002) Communication and Terrorism: Public and Media Responses to 9/11 (Cresskill, NJ: Hampton Press).
234. *Greenberg B. S. and Mazingo S. L.* (1976) 'Racial Issues in Mass Media Institutions', in P. A. Katz (ed.), *Towards the Elimination of Racism* (New York: Pergamon), pp. 309–40.
235. *Greenberg J., Kirkland S. and Pyszczynski T.* (1987) 'Some Theoretical Notions and Preliminary Research Concerning Derogatory Labels', in G. Smitherman-Donaldson & T. A. van Dijk (eds.), *Discourse and Communication* (Detroit, MI: Wayne State University Press).
236. *Grice H.* (1975) 'Logic and Conversation', in P. Cole and J. Morgan (eds.) *Syntax and Semantics*. Vol. 3: Speech Acts (New York: Academic Press), pp. 68–134.

237. *Grice H.P.* (1989) Studies in the Way of Words (Cambridge, Mass: Harvard University Press).
238. *Guespin L.* (ed.) (1976) Typologie du discours politique [Typology of political discourse], *Languages*, 41.
239. *Gumperz J.J.* (1982a) Discourse Strategies (Cambridge: Cambridge University Press).
240. *Gumperz J.* (ed.) (1982b) Language and Social Identity (Cambridge: Cambridge University Press).
241. *Gumperz J.J.* (1992) 'Contextualization and Understanding', in A. Duranti and C. Goodwin (eds.), *Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon* (Cambridge: Cambridge University Press), pp. 229–52.
242. *Habermas J.* (1984) The Theory of Communicative Action (Boston, MA: Beacon Press).
243. *Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J. and Roberts B.* (1978) Policing the Crisis: Mugging, the State and Law and Order (London: Methuen).
244. *Hall S., Hobson D., Lowe A. and Willis P.* (eds.) (1980) Culture, Media, Language (London: Hutchinson).
245. *Halliday F.* (2002) Two Hours that Shook the World: September 11, 2001: Causes and Consequences (London: Saqi).
246. *Halloran J.D., Elliott P. & Murdock G.* (1970) Demonstrations and Communication: A Case Study (Harmondsworth: Penguin).
247. *Hamilton D.* (ed.) (1981) Cognitive Processes in Stereotyping and Intergroup Behavior (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum).
248. *Hargreaves A.G. and Leaman J.* (eds.) (1995) Racism, Ethnicity and Politics in Contemporary Europe (Aldershot, UK: Elgar).
249. *Hariman R.* (ed.) (1990) Popular Trials: Rhetoric, Mass Media and the Law (Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press).
250. *Harris S.* (1984) 'Questions as a Mode of Control in Magistrates' Court'. *International Journal of the Sociology of Language*, 49: 5–27.
251. *Hart R.P.* (1984) Verbal Style and the Presidency (Orlando, FL: Academic Press).
252. *Hartmann P. and Husband C.* (1974) Racism and the Mass Media (London: Davis-Poynter).
253. *Helmreich W.B.* (1984) The Things They Say Behind your Back. Stereotypes and the Myths Behind Them (New Brunswick, NJ: Transaction Books).
254. *Herman E.S. and Chomsky N.* (1988) Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media (New York: Pantheon).
255. *Hermann M.G.* (ed.) (1986) Political Psychology (San Francisco, Jossey-Bass).
256. *Holly W.* (1990) Politikersprache: Inszenierungen and Rollenkonflikte im informellen Sprachhandeln eines Bundestagsabgeordneten [Politician's Language: Dramatization and Role Conflicts in the Informal Speech Acts of a Bundestag Delegate] (Berlin: Mouton de Gruyter).
257. *Houston M. and Kramarae C.* (eds.) (1991) Women Speaking from Silence. *Discourse and Society*, 2(4), special issue.
258. *Hudson K.* (1978) The Language of Modern Politics (London: Methuen).
259. *Hujanen T.* (ed.) (1984) 'The Role of Information in the Realization of the Human Rights of Migrant Workers', report of international conference, Tampere (Finland) (University of Tampere: Dept of Journalism and Mass Communication).
260. *Hurwitz J. and Peffley M.* (eds.) (1998) Perception and Prejudice: Race and Politics in the United States (New Haven, CT: Yale University Press).

261. *Hymes D.* (ed.) (1972) Reinventing Anthropology (New York: Vintage Books).

262. *Ibanez T.* and Íñiguez, L. (eds.) (1997) Critical Social Psychology (London: Sage).

263. *Irvine J. T.* (1974) 'Strategies of Status Manipulation in the Wolof Greeting', in R. Bauman and J. Sherzer (eds.), *Explorations in the Ethnography of Speaking* (Cambridge: Cambridge University Press, pp. 167–91.

264. *Iyengar S. and McGuire W. J.* (1993) Explorations in Political Psychology (Durham: Duke University Press).

265. *Jäger S.* (1992) Brandsatze. Rassismus im Alltag [Inflammatory Sentences/Firebombs. Racism in Everyday Life] (Duisburg, Germany: DISS).

266. *Jäger S. and Link J.* (1993) Die vierte Geroalt. Rassismus and die Medien [The Fourth Power. Racism and the Media] (Duisburg, Germany: DISS).

267. *Jaworski A.* (1983) 'Sexism in Textbooks'. *British Journal of Language Teaching*, 21(2): 109–13.

268. *Jaynes G. D. and Williams R. M.* (eds.) (1989) A Common Destiny: Blacks and American Society (Washington, DC: National Academy Press).

269. *Jenkins R.* (1986). Racism and Recruitment: Managers, Organisations and Equal Opportunity in the Labour Market (Cambridge: Cambridge University Press).

270. *Johnson K. A.* (1987) 'Media Images of Boston's Black Community'. William Monroe Trotter Institute, Research Report (Boston, MA: University of Massachusetts).

271. *Johnson-Laird P. N.* (1983) Mental Models (Cambridge: Cambridge University Press).

272. *Judd C. M. and J. W. Downing.* (1990) 'Political Expertise and the Development of Attitude Consistency'. *Social Cognition*, 8(1): 104–24.

273. *Just M. R.*, A. N. Crigler and W. R. Neuman. (1996) 'Cognitive and Affective Dimensions of Political Communication', in A. N. Crigler (ed.), *The Psychology of Political Communication* (Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press), pp. 133–48.

274. *Kalin R. and Rayko D.* (1980) 'The Social Significance of Speech in the Job Interview', in R. N. St Clair and H. Giles (eds.), *The Social and Psychological Contexts of Language* (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum), pp. 39–50.

275. *Katz P. A. and Taylor D. A.* (eds.) (1988) Eliminating Racism: Profiles in Controversy (New York: Plenum Press).

276. *Kelly J. W.* (1985) 'Storytelling in High Tech Organizations: A Medium for Sharing Culture'. Paper presented at the annual meeting of the Western Speech Communication Association, Fresno, CA.

277. *Kennedy S.* (1959) Jim Crow guide to the USA (London: Lawrence and Wishart).

278. *King J. and Stott M.* (eds.) (1977) Is this your life? Images of women in the media (London: Virago).

279. *Kinloch G. C.* (1981) Ideology and Contemporary Sociological Theory (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall).

280. *Klein G.* (1986) Reading into Racism (London: Routledge & Kegan Paul).

281. *Kinder D. R. and L. M. Sanders.* (1990) 'Mimicking Political Debate with Survey Questions: The Case of White Opinion on Affirmative-Action for Blacks'. *Social Cognition*, 8(1): 73–103.

282. *King J. and Stpott M.* (eds) (1977) Is this Your life? Images of Women in the Media (London: Virago).

283. *Kintsch W.* (1998) Comprehension: A Paradigm for Cognition (Cambridge: Cambridge University Press).

284. *Klapper J. T.* (1960) The Effects of Mass Communication (New York: Free Press).
285. *Klaus G.* (1971) Sprache der Politik [Language of Politics] (Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften).
286. *Klein G.* (1985) Reading into Racism: Bias in Children's Literature and Learning Materials (London: Routledge & Kegan Paul).
287. *Klein, W. and Dittmar, N.* (1979) Developing Grammars: The Acquisition of German by Foreign Workers (Heidelberg and New York: Springer-Verlag).
288. *Knorr-Cetina, K. and Cicourel, A. V.* (eds.) (1981) Advances in Social Theory and Methodology: Towards an Integration of Micro-and Macrosociologies (London: Routledge & Kegan Paul).
289. *Kochman T.* (1981) Black and White Styles in Conflict (Chicago: University of Chicago Press).
290. *Kotthoff H. and Wodak R.* (eds.) (1997) Communicating Gender in Context (Amsterdam: John Benjamins).
291. *Kramarae C.* (1980) Voices and Words of Women and Men (Oxford and New York: Pergamon).
292. *Kramarae C.* (1983) Women and Men Speaking (Rowley, MA: Newbury House).
293. *Kramarae C., Schulz M.* and O'*Barr W. M.* (1984) 'Towards an Understanding of Language and Power', *in* C. Kramarae, M. Schulz and W. M. O'Barr (eds.), *Language and Power* (Beverly Hills, CA: Sage).
294. *Kramarae C., Thorne B. and Henley N.* (1983) 'Sex Similarities and Differences in Language, Speech and Nonverbal Communication: An Annotated Bibliography', in B. Thorne, C. Kramarae and N. Henley (eds.), *Language, Gender and Society* (Rowley, MA: Newbury House), pp. 151–331.
295. *Kraus S.* (ed.) (1990) Mass Communication and Political Information Processing (Hillsdale NJ: Lawrence Erlbaum).
296. *Kraus S.* and R. M. Perloff (eds.) (1985) Mass Media and Political Thought (Beverly Hills CA, Sage).
297. *Kress G.* (1985) 'Ideological Structures in Discourse', in T. A. van Dijk (ed.), *Handbook of Discourse Analysis*: Vol. 4. Discourse Analysis in Society (London: Academic Press), pp. 27–42.
298. *Kress G. and Hodge B.* (1979) Language and Ideology (London: Routledge & Kegan Paul).
299. *Krosnick J. A.* and M. A. Milburn. (1990) 'Psychological Determinants of Political Opinionation'. *Social Cognition* 8: 49–72.
300. *Kuklinski J. H., Luskin R. C. and Bolland J.* (1991) 'Where is the Schema: Going Beyond the S-Word in Political Psychology?'. *American Political Science Review*, 85(4): 134–56.
301. *Labov W.* (1972) 'Rules for Ritual Insults', in D. Sudnow (ed.), *Studies in Social Interaction* (New York: Free Press), pp. 120–69.
302. *Lakoff R. T.* (1990) Talking Power. The Politics of Language (New York: Basic Books).
303. *Lau R. R. and Sears D. O.* (eds.) (1986) Political Cognition (Hillsdale, NJ: Erlbaum).
304. *Lau R. R., Smith R. A. and Fiske S. T.* (1991) 'Political Beliefs, Policy Interpretations and Political Persuasion'. *Journal of Politics*, 53(3): 644–75.
305. *Lauren P. G.* (1988) Power and Prejudice. The Politics and Diplomacy of Racial Discrimination (Boulder, CO: Westview Press).
306. *Lavandera B. R.*, Garcia *Negroni M. M.*, Lopez *OcOn M., Luis C. R., Menendez S. M., Pardo M. L., Raiter A. G. and Zoppi-Fontana M.* (1986) 'Analisis sociolingilistico del discurso politico'. *Cuadernos del Institute de Lingüística*, 1(1) (Buenos Aires: Instituto de Linguistica, Universidad de Buenos Aires).

307. *Lavandera B. R.*, Garcia *Negroni M. M.*, Lopez *OcOn M., Luis C. R., Menendez S. M., Pardo M. L., Raiter A. G. and Zoppi-Fontana M.* (1987) 'Analisis sociolingüístico del discurso politico (II)'. *Cuadernos del Institute de Lingüística* (Buenos Aires: Instituto de Linguistica, Universidad de Buenos Aires).

308. *Lazar M.* (ed.) (2005) Feminist Critical Discourse Analysis: Gender, Power and Ideology in Discourse (Houndsmills, UK: Palgrave Macmillan).

309. *Leckie-Tarry H.* (1995) Language and Context. A Functional Linguistic Theory of Register. Edited by David Birch (London: Pinter).

310. *Leet-Pellegrini H.* (1980) 'Conversational Dominance as a Function of Gender and Expertise', in H. Giles, W. P. Robinson and P. Smith (eds.), *Language: Social Psychological Perspectives* (Oxford: Pergamon Press), pp. 97–104.

311. *Leimdorfer F.* (1992) Discours academique et colonisation. Themes de recherche sur l'Algerie pendant la periode coloniale [Academic Discourse and Colonization: Research on Algeria during the Colonial Period] (Paris: Publisud).

312. *Lein L. and Brenneis D.* (1978) 'Children's Disputes in Three Speech Communities'. *Language in Society*, 7: 299–323.

313. *Levinson S. C.* (2000) Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature (Cambridge, MA: MIT Press).

314. *Lewis M. and Saarni C.* (eds.) (1993) Lying and Deception in Everyday Life (New York, NY: Guilford Press).

315. *Liebes T. and Katz E.* (1990) The Export of Meaning: Cross-cultural Readings of 'Dallas' (New York: Oxford University Press).

316. *Lind E. A.* and *O'Barr W. M.* (1979) 'The Social Significance of Speech in the Courtroom', in H. Giles and R. N. St Clair (eds.), *Language and Social Psychology* (Oxford: Basil Blackwell), pp. 66–87.

317. *Lindegren-Lerman C.* (1983) 'Dominant Discourse: The Institutional Voice and the Control of Topic', in H. Davis and P. Walton (eds.), *Language, Image, Media* (Oxford: Basil Blackwell), pp. 75–103.

318. *Linell P. and Jonsson L.* (1991) 'Suspect Stories: Perspective-setting in an Asymmetrical Situation', in I. Markova and K. Foppa (eds.), *Asymmetries in Dialogue: The Dynamics of Dialogue* (Savage, MD: Barnes and Noble Books/Bowman and Littlefield Publishers/Harvester Wheatsheaf), pp. 75–100.

319. *Lodge M. and K. M. McGraw* (eds.) (1995) Political Judgement: Structure and Process (Ann Arbor MI: University of Michigan Press).

320. *Lorimer R.* (1984) 'Defining the Curriculum: The Role of the Publisher'. Paper presented at the annual meeting of the American Educational Research Association, New Orleans.

321. *Luke T. W.* (1989) Screens of Power: Ideology, Domination, and Resistance in Informational Society (Urbana: University of Illinois Press).

322. *Lukes S.* (1974) Power: A Radical View (London: Macmillan).

323. *Lukes S.* (ed.) (1986) Power (Oxford: Blackwell).

324. *Mankekar D. R.* (1978) One-Way Flow: Neo-Colonialism via News Media (New Delhi: Clarion).

325. *Manning D. J.* (ed.) (1980) The Form of Ideology (London: George, Allen & Unwin).

326. *Manstead T. and McCullogh C.* (1981) 'Sex Role Stereotyping in British Television Ads'. *British Journal of Social Psychology*, 20: 171–80.

327. *Marable M.* (1985) Black American Politics (London: Verso).

328. *Martin Rojo L.* (1994) 'Jargon of Delinquents and the Study of Conversational Dynamics'. *Journal of Pragmatics*, 21(3): 243–89.
329. *Martín Rojo L.* (1995) 'Division and Rejection: From the Personification of the Gulf Conflict to the Demonisation of Saddam Hussein'. *Discourse & Society* 6(1): 49–79.
330. *Martin Rojo L. and T. A. van Dijk.* (1997) '«There was a problem and it was solved!» Legitimating the Expulsion of «Illegal» Immigrants in Spanish Parliamentary Discourse'. *Discourse and Society*, 8(4): 523–66.
331. *Martindale C.* (1986) The White Press and Black America (New York: Greenwood Press).
332. *Mattelart A.* (1979) The Multinational Corporations and the Control of Culture: The Ideological Apparatus of Imperialism (Atlantic Highlands, NJ: Harvester).
333. *Maynard D. W.* (1985) 'The analysis of plea bargaining discourse', in T. A. van Dijk (ed.), *Handbook of Discourse Analysis*: Vol. 4. Discourse Analysis in Society (London: Academic Press), pp. 153–79.
334. *Mazingo S.* (1988) 'Minorities and Social Control in the Newsroom: Thirty Years after Breed', in G. Smitherman-Donaldson and T. A. van Dijk (eds.), *Discourse and Discrimination* (Detroit, MI: Wayne State University Press), pp. 93–130.
335. *McHoul A. W.* (1986) 'Writing, Sexism and Schooling: A Discourse-Analytic Investigation of Some Recent Documents on Sexism and Education in Queensland', in S. Fisher and A. D. Todd (eds.), *Discourse and Institutional Authority: Medicine, Education and Law* (Norwood, NJ: Ablex), pp. 187–202.
336. *McLaughlin M. L.* (1984) Conversation: How Talk is Organized (Beverly Hills, CA: Sage).
337. *McPhee R. D. and Tompkins P. K.* (eds.) (1985) Organizational Communication: Traditional Themes and New Directions (Beverly Hills, CA: Sage).
338. *Mead R.* (1985) 'Courtroom Discourse'. *English Language Research, Discourse Analysis Monographs*, 9 (University of Birmingham).
339. *Mehan H.* (1979) Learning Lessons (Cambridge, MA: Harvard University Press).
340. *Mehan H.* (1986) 'The Role of Language and the Language of Role in Institutional Decision Making', in S. Fisher and A. D. Todd (eds.), *Discourse and Institutional Authority: Medicine, Education and Law* (Norwood, NJ: Ablex), pp. 140–63.
341. *Mercer N.* (1995) The Guided Construction of Knowledge. Talk Amongst Teachers and Learners (Clevedon: Multilingual Matters).
342. *Merelman R. M.* (1986) 'Revitalizing Political Socialization', in M. G. Hermann (ed.), *Political Psychology* (San Francisco, Jossey-Bass), pp. 279–319.
343. *Merten K.* (1986) Das Bild der Auslander in der deutschen Presse (Frankfurt: Gagyeli Verlag).
344. *Messaris P.* (1997) Visual Persuasion: The Role of Images in Advertising (Thousand Oaks, CA: Sage).
345. *Mey J.* (1985) Whose Language: A Study in Linguistic Pragmatics (Amsterdam: Benjamins).
346. *Milburn M. A.* (1987) 'Ideological Self-Schemata and Schematically Induced Attitude Consistency'. *Journal of Experimental Social Psychology*, 23(5): 383–98.
347. *Miles R.* (1989) Racism (London: Routledge).
348. *Milliband R.* (1983) Class Power and State Power (London: Verso).
349. *Mills C. W.* (1956) The Power Elite (New York: Oxford University Press).
350. *Miller G. A.* (1956) 'The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on our Capacity for Processing Information'. *Psychological Review*, 63: 81–97.
351. *Milner D.* (1983) Children and Race: Ten Years On (London: Ward Lock Educational).

352. Minority Participation in the Media (1983) Hearings before the Subcommittee on Telecommunications, Consumer Protection and Finance, of the Committee on Energy and Commerce, House of Representatives, 98th Congress, 19 and 23 September, 1983.

353. *Mishler E. G.* (1984) The Discourse of Medicine: Dialectics in Medical Interviews (Norwood, NJ: Ablex).

354. *Morrow D. G.* (1994) 'Spatial Models Created from Text', in H. van Oostendorp and R. A. Zwaan (eds.), *Naturalistic Text Comprehension* (Norwood, NJ: Ablex), pp. 57–78.

355. *Moscovici S.* (2001) Social Representations: Explorations in Social Psychology (New York: New York University Press).

356. *Mueller C.* ('1973) The Politics of Communication: A Study of the Political Sociology of Language, Socialization and Legitimation (New York: Oxford University Press).

357. *Mumby D. K.* (1988) Communication and Power in Organizations: Discourse, Ideology and Domination (Norwood, NJ: Ablex).

358. *Mumby D. K.* (ed.) (1993) Narrative and Social Control: Critical Perspectives (Newbury Park, CA: Sage).

359. *Mumby D. K. and Clair R. P.* (1997) 'Organizational Discourse', in T. A. van Dijk (ed.), *Discourse as Social Interaction: Discourse Studies. A Multidisciplinary Introduction.* Vol. 1 (London: Sage), pp. 181–205.

360. *Murray N.* (1986) 'Anti-Racists and Other Demons – The Press and Ideology in Thatcher's Britain'. *Race and Class*, 27: 1–19.

361. *Natal M., Entin E. and Jaffe J.* (1979) 'Vocal Interruptions in Dyadic Communication as a Function of Speech and Social Anxiety'. *Journal of Personality and Social Psychology*, 37: 865–78.

362. *Neisser U. and Fivush R.* (eds.) (1994) The Remembering Self: Construction and Accuracy in the Self-Narrative (Cambridge: Cambridge University Press).

363. *Nesler M. S., Aguinis H., Quigley B. M. and Tedeschi J. T.* (1993) 'The Effect of Credibility on Perceived Power'. *Journal of Applied Social Psychology*, 23(17): 1407–25.

364. *Newhouse J.* (2003) Imperial America. The Bush Assault on the World Order (New York: Knopf).

365. *Ng S. H. and Bradac J. J.* (1993) Power in Language (Newbury Park: Sage).

366. *Nimmo D. D. and Sanders K. R.* (eds.) (1981) Handbook of Political Communication (Beverly Hills, CA: Sage).

367. *Nye J. S.* (2000) Understanding International Conflicts. An Introduction to Theory and History (New York: Longman).

368. *O'Keefe D. J.* (2002) Persuasion: Theory and Research (Thousand Oaks, CA: Sage).

369. *Oakhill J.* and A. Garnham, A. (eds.) (1996) Mental Models in Cognitive Science. Essays in Honour of Phil Johnson-Laird (Hove, UK: Psychology Press).

370. *O'Barr W. M.* (1982) Linguistic Evidence: Language, Power and Strategy in the Courtroom (New York: Academic Press).

371. *O'Barr W. M., Conley J. M. and Lind A.* (1978) 'The Power of Language: Presentational Style in the Courtroom'. *Duke Law Journal*, 14: 266–79.

372. *Omi M. and Winant H.* (1994) Racial Formation in the United States. From the 1960s to the 1990s (London: Routledge).

373. *O'Shaughnessy N. J.* (2004) Politics and Propaganda: Weapons of Mass Seduction (Ann Arbor: University of Michigan Press).

374. *Osler A.* (1994) 'Still Hidden from History: The Representation of Women in Recently Published History Textbooks'. *Oxford Review of Education*, 20(2): 219–35.

375. *Owsley H. H. and Scotton C. M.* (1984) The Conversational Expression of Power by Television Interviewers'. *Journal of Social Psychology*, 123: 696–735.
376. *Packard V.* (1957) The Hidden Persuaders (New York: Pocket Books).
377. *Palmer M. T.* (1989) 'Controlling conversations: turns, topics, & interpersonal control'. *Communication Monographs*, 56(1): 1–18.
378. *Palmer N.* (ed.) (2003) Terrorism, War and the Press (Teddington, Middlesex: Hollis).
379. *Pardo M. L.* (1996) 'Derecho y lingüística: Como se juzga con palabras' [*Law and Linguistics: How to Judge with Words*] (Buenos Aires: Nueva Vision).
380. *Parkinson M. G., Geisler D. and Pelias M. H.* (1983) 'The Effects of Verbal Skills on Trial Success'. *Journal of the American Forensic Association*, 20: 16–22.
381. *Pasierbsky F.* (1983) Krieg und Frieden in der Sprache [*War and Peace in Language*] (Frankfurt: Fischer).
382. *Pêcheux, M.* (1969) Analyse automatique du discours (Paris: Dunod).
383. *Pêcheux, M.* (1975) 'Analyse du discours. Langue et ideologies'. *Langages*, 37.
384. *Pêcheux, M.* (1982) Language, Semantics and Ideology (New York: St Martin's Press).
385. *Percy L. and Rossiter J. R.* (1980) Advertising Strategy: A Communication Theory Approach (New York: Praeger).
386. *Pettigrew A. M.* (1972) 'Information Control as a Power Resource'. *Sociology*, 6: 187–204.
387. *Pettigrew A. M.* (1973) The Politics of Organizational Decision Making (London: Tavistock).
388. *Petty R. E. and Cacioppo J. T.* (1981) Attitudes and Persuasion: Classic and Contemporary Approaches (Dubuque, IA: Wm. C. Brown).
389. *Pfeffer J.* (1981) Power in Organizations (Marshfield, MA: Pitman).
390. *Phizacklea A. and Miles R.* (1979) 'Working Class Racist Beliefs in the Inner City', in R. Miles and A. Phizacklea (eds.), *Racism and Political Action in Britain* (London: Routledge & Kegan Paul), pp. 93–123.
391. *Powell L. W.* (1989) 'Analyzing Misinformation: Perceptions of Congressional Candidates Ideologies'. *American Journal of Political Science*, 33: 272–93.
392. *Preiswerk R.* (1980) The Slant of the Pen: Racism in Children's Books (Geneva: Programme to Combat Racism, World Council of Churches).
393. *Radtke I.* (ed.) (1981) Die Sprache des Rechts und der Verwaltung. Vol. 2. Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung, Die öffentliche Sprachgebrauch [*The Language of the Law and the Administration. Vol. 2. German Academy of Language and Literature, Official Language Use*]. (Stuttgart: Klett-Cotta).
394. *Ragan S. L.* (1983) 'Alignment and Conversational Coherence', in R. T. Craig and K. Tracy (eds.), *Conversational Coherence* (Beverly Hills, CA: Sage), pp. 157–71.
395. *Rasmussen D. M.* (ed.) (1996) The Handbook of Critical Theory (Oxford: Blackwell).
396. *Reeves F.* (1983) British Racial Discourse. A Study of British Political Discourse about Race and Race-Related Matters (Cambridge: Cambridge University Press).
397. *Richstad J. and Anderson M. H.* (eds.) (1981) Crisis in international news. New York: Columbia University Press.
398. *Riley P.* (1983) 'A Structurationist Account of Political Culture'. *Administrative Science Quarterly*, 28: 414–37.
399. *Robinson J. P. and Levy M. R.* (1986) The Main Source. Learning from Television News (Beverly Hills, CA: Sage).
400. *Rodin D.* (2002) War and Self-Defense (Oxford: Clarendon Press and New York: Oxford University Press).

401. *Roloff M. E. and Berger C. R.* (eds.) (1982) Social Cognition and Communication (Beverly Hills, CA: Sage).

402. *Roloff M. E. and Miller G. R.* (eds.) (1980) Persuasion: New Directions in Theory and Research (Beverly Hills, CA: Sage).

403. *Roseman I., Abelson R. P. and Ewing M. F.* (1986) 'Emotion and Political Cognition: Emotional Appeals in Political Communication', in R. R. Lau and D. O. Sears (eds.), *Political Cognition* (Hillsdale NJ, Lawrence Erlbaum), pp. 279–94.

404. *Rosenblum M.* (1981) Coups and Earthquakes: Reporting the World to America (New York: Harper Row).

405. *Sabsay S. and Platt M.* (1985) Social Setting, Stigma and Communicative Competence (Amsterdam: John Benjamins).

406. *Sacks H., Schegloff E. A. and Jefferson G. A.* (1974) 'A Simplest Systematics for the Organization of Turn Taking for Conversation'. *Language*, 50: 696–735.

407. *Said E. W.* (1979) Orientalism (New York: Random House (Vintage)).

408. *Said E. W.* (1981) Covering Islam: How the Media and the Experts Determine How We See the Rest of the World (New York: Pantheon).

409. *Sarangi S. and Roberts C.* (eds.) (1999) Talk, Work and Institutional Order: Discourse in Medical, Mediation and Management Settings (Berlin New York: Mouton de Gruyter).

410. *Saville-Troike M.* (1982) The Ethnography of Communication (Oxford: Basil Blackwell).

411. *Schatzman L. and Strauss A.* (1972) 'Social Class and Modes of Communication', in S. Moscovici (ed.), *The Psychosociology of Language* (Chicago: Markham), pp. 206–21.

412. *Schegloff E. A.* (1987) 'Between Macro and Micro: Contexts and Other Connections', in J. Alexander, R. M. B. Giesen and N. Smelser (eds.), *The Micro-Macro Link* (Berkeley: University of California Press), pp. 207–34.

413. *Schegloff E. A.* (1991) Reflections on Talk and Social Structure', in: *Boden D.*, D. H. Zimmerman (eds.), *Talk and Social Structure: Studies in Ethnomethodology and Conversation Analysis* (Cambridge: Polity Press), pp 44–71.

414. *Schegloff E. A.* (1992) 'In Another Context', in Alessandro, Duranti and Charles Goodwin (eds.), *Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon* (Cambridge, UK: Cambridge University Press). pp. 191–227.

415. *Scherer K. R. and Giles H.* (1979) Social Markers in Speech (Cambridge: Cambridge University Press).

416. *Schiller H. L.* (1973) The Mind Managers (Boston: Beacon Press).

417. *Schlenker B. R.* (1980) Impression Management: The Self-concept, Social Identity and Interpersonal Relations (Monterey, CA: Brooks/Cole).

418. *Schramm W. and Atwood E.* (1981) Circulation of News in the Third World: A Study of Asia (Hong Kong: Chinese University Press).

419. *Scott M. and Lyman S.* (1968) 'Accounts'. *American Sociological Review*, 33: 46–62.

420. *Seibold D. R., Cantrill J. G. and Meyers R. A.* (1985) Communication and Interpersonal Influence', in M. L. Knapp and G. R. Miller (eds.), *Handbook of Interpersonal Communication* (Beverly Hills, CA: Sage), pp. 551–611.

421. *Seidel G.* (1985) Political discourse analysis', in T. A. van Dijk (ed.), *Handbook of Discourse Analysis*: Vol. 4. Discourse Analysis in Society (London: Academic Press), pp. 43–60.

422. *Seidel G.* (1987a) 'The White Discursive Order: The British New Rights' Discourse on Cultural Racism, with Particular Reference to the Salisbury Review', in I. Zavala, T. A. van Dijk and M. Diaz-Diocaretz (eds.), *Literature, Discourse, Psychiatry* (Amsterdam: John Benjamins).

423. *Seidel G.* (1987b) 'The British New Right's «Enemy within»: The Anti-Racists', in G. Smitherman-Donaldson and T. A. van Dijk (eds.), *Discourse and Discrimination* (Detroit: Wayne State University Press).
424. *Seidel G.* (ed.) (1988) The Nature of the Right. A Feminist Analysis of Order Patterns (Amsterdam: John Benjamins).
425. *Seliktar O.* (1986) 'Identifying a Society's Belief Systems', in M. G. Hermann (ed.), *Political Psychology* (San Francisco: Jossey-Bass), pp. 320–54.
426. *Shapiro M.* (ed.) (1984) Language and Politics (Oxford: Basil Blackwell).
427. *Shohat E. and Stam R.* (1994) Unthinking Eurocentrism. Multiculturalism and the Media (London: Routledge & Kegan Paul).
428. *Shore B.* (1996) Culture in Mind: Cognition, Culture and the Problem of Meaning (New York: Oxford University Press).
429. *Shuy R. W.* (1986) 'Some Linguistic Contributions to a Criminal Court Case', in S. Fisher & A. D. Todd (eds.), *Discourse and Institutional Authority: Medicine, Education and Law* (Norwood, NJ: Ablex), pp. 234–49.
430. *Shuy R. W.* (1992) Language Crimes. The Use and Abuse of Language Evidence in the Court Room (Oxford: Blackwell).
431. *Sidel M.* (2004) More Secure, Less Free? Antiterrorism Policy and Civil Liberties after September 11 (Ann Arbor: University of Michigan Press).
432. *Sierra M. T.* (1992) Discurso, cultura y poder. El ejercio de la autoridad en los pueblos hñethiifis del Valle del Mezquital. [*Discourse, Culture and Power. The Exercise of Authority in the Hñaltfui (Otoml) Villages of the Mezquital Valley*]. Gobierno del Estado de Hidalgo: Centro de Investigaciones y Estudios Superiores en Antropologia Social.
433. *Sinclair J.* McH. and *Brazil D.* (1982) Teacher Talk (Oxford: Oxford University Press).
434. *Singh R.* (ed.) (1996) Towards a Critical Sociolinguistics (Amsterdam: John Benjamins).
435. *Slobin D. I., Miller S. H. and Porter L. W.* (1972) 'Forms of Address and Social Relations in a Business Organization', in S. Moscovici (ed.), *The Psychosociology of Language* (Chicago: Markham), pp. 263–72.
436. *Smith D. E.* (1991) 'Writing Women's Experience into Social Science'. *Feminism and Psychology*, 1(1): 155–69.
437. *Smitherman-Donaldson G.* and van *Dijk T. A.* (eds.) (1988) *Discourse and Discrimination* (Detroit: Wayne State University Press).
438. *Sniderman P. M., Tetlock P. E. and Carmines E. G.* (eds.) (1993) Prejudice, Politics, and the American Dilemma (Stanford, CA: Stanford University Press).
439. *Snow C. and Ferguson C.* (eds.) (1977) Talking to Children (New York: Cambridge University Press).
440. *Solomos J.* (1989) Race and Racism in Contemporary Britain (London: Macmillan).
441. *Solomos J.* (1993) Race and Racism in Britain (New York: St. Martin's Press).
442. *Solomos J. and Back L.* (1995) Race, Politics and Social Change (London: Routledge).
443. *Spender D.* (1980) Man-made Language (London: Routledge & Kegan Paul).
444. *Sperber D.* and D. Wilson (1986) Relevance: Communication and Cognition (Cambridge, MA: Harvard University Press).
445. *Steiner J.* (2004) Deliberative Politics in Action. Analysing Parliamentary Discourse (New York: Cambridge University Press).
446. *Stoll E. A.* (1983) A Naturalistic Study of Talk in the Classroom. Unpublished doctoral dissertation, University of Utah.

447. *Stothard P.* (2003) Thirty Days: Tony Blair and the Test of History (New York: Harper-Collins).
448. *Strong P. M.* (1979) The Ceremonial Order of Mc Clinic: Parents, Doctors and Medical Bureaucracies (London: Routledge & Kegan Paul).
449. *Sykes M.* (1985) 'Discrimination in discourse', in T. A. van Dijk (ed.), *Handbook of Discourse Analysis*: Vol. 4. Discourse Analysis in Society (London: Academic Press), pp. 83–101
450. *Sykes M.* (1987) 'From «rights» to «needs»: Official Discourse and the «welfarisation» of race', in G. Smitherson-Donaldson and T. A. van Dijk (eds), *Discourse and Discrimination* (Detroit, MI: Wayne State University Press).
451. *Taguieff P.-A.* (1988) La force du prejuge. Essai sur le racisme et ses doubles (Paris: Editions de la Découverte).
452. *Tajfel H.* (1981) Human Groups and Social Categories (Cambridge: Cambridge University Press).
453. *Tannen D.* (1994a) Gender and Discourse (New York: Oxford University Press).
454. *Tannen D.* (1994b) Talking from 9 to 5: How Women's and Men's Conversational Styles Affect Who Gets Heard, Who Gets Credit, and What Gets Done at Work (New York: Morrow).
455. *Tedeschi J. T.* (ed.) (1981) Impression Management: Theory and Social Psychological Research (New York: Academic Press).
456. *Tedeschi J. T. and Reiss M.* (1981) 'Identities, the Phenomenal Self, and Laboratory Research', in J. T. Tedeschi (ed.), *Impression Management. Theory and Social Psychological Research* (New York: Academic Press), pp. 3–22.
457. *Ter Wal J.* (1997) 'The Reproduction of Ethnic Prejudice and Racism through Policy and News Discourse: The Italian Case (1988–92)' (Florence: PhD, European Institute).
458. *Tetlock P. E.* (1993) 'Cognitive Structural Analysis of Political Rhetoric: Methodological and Theoretical Issues', in S. Iyengar and W. J. McGuire (eds.), *Explorations in Political Psychology. Duke Studies in Political Psychology* (Durham NC, Duke University Press), pp. 380–405.
459. *Tetlock P. E.* (1981) 'Personality and Isolationism: Content Analysis of Senatorial Speeches'. *Journal of Personality and Social Psychology*, 41: 737–43.
460. *Tetlock P. E.* (1983) 'Cognitive Style and Political Ideology'. *Journal of Personality and Social Psychology*, 45(1): 118–26.
461. *Tetlock P. E.* (1984) 'Cognitive Style and Political Belief Systems in the British House of Commons'. *Journal of Personality and Social Psychology*, 46: 365–75.
462. *Tetlock P. E.* (1985a) 'Integrative Complexity of Policy Reasoning', in S. Kraus and R. Perloff (eds.), *Mass Media and Political Thought* (Beverly Hills CA, Sage).
463. *Tetlock P. E.* (1985b) 'Toward an Intuitive Politician Model of Attribution Processes', in B. R. Schlenker (ed.), *The Self and Social Life* (New York, McGraw-Hill).
464. *Therborn G.* (1980) The Ideology of Power and the Power of Ideology (London: Verso).
465. *Thomas J.* (1993) Doing Critical Ethnography (Newbury Park: Sage).
466. *Thomas W. I.* (1966 [1928]) 'Situational Analysis: The Behavior Pattern and the Situation', in M. Janovitz (ed.), *W. I. Thomas on Social Organization and Social Personality* (Chicago: Chicago University Press).
467. *Thorne B. and Henley N.* (eds.) (1975) Language and Sex: Difference and Dominance (Rowley, MA: Newbury House).
468. *Thorne B., Kramarae C. and Henley N.* (eds.) (1983) Language, Gender and Society (Rowley, MA: Newbury House).

469. *Tolmach Lakoff R.* (1981) 'Persuasive Discourse and Ordinary Conversation: With Examples from Advertising', in D. Tannen (ed.), *Analyzing Discourse: Text and Talk* (Washington, DC: Georgetown University Press), pp. 25–42.
470. *Treichler P., Frankel R. M., Kramarae C., Zoppi C. and Beckman H. B.* (1984) 'Problems and Problems: Power Relationships in a Medical Interview', in C. Kramarae, M. Schultz and W. M. O'Barr (eds.), *Language and Power* (Beverly Hills, CA: Sage), pp. 43–61.
471. *Troyna B.* (1981) Public Awareness and the Media: A Study of Reporting on Race (London: The Commission for Racial Equality).
472. *Trömel-Plötz, S.* (ed.) (1984) Gewalt durch Sprache: Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen (Frankfurt: Fischer).
473. *Tuchman, G.* (1978) Making News (New York: Free Press).
474. *Tuchman G., Daniels A. K. and Benet J.* (eds.) (1978) Hearth and Home: Images of Women in the Mass Media (New York: Oxford University Press).
475. *Tulving E.* (1983) Elements of Episodic Memory (Oxford: Oxford University Press).
476. *Turkel G.* (1996) Law and Society. Critical Approaches (Boston, MA: Allyn and Bacon).
477. *Turow J.* (1983) 'Learning to Portray Institutional Power: The Socialization of Creators of Mass Media Organization', in R. D. McPhee and P. K. Tompkins (eds.), *Organizational Communication: Traditional Themes and New Directions* (Beverly Hills, CA: Sage), pp. 211–34.
478. UNESCO. (1977) Ethnicity and the Media (Paris: UNESCO).
479. UNESCO. (1980) Many Voices, One World. Report by the International Commission for the Study of Communication Problems (chaired by Sean MacBride) (Paris: UNESCO and London: Kogan Page).
480. *van Dijk T. A.* (1977) Text and Context (London: Longman).
481. *van Dijk T. A.* (1980) Macrostructures: An Interdisciplinary Study of Global Structures in Discourse, Interaction and Cognition (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum).
482. *van Dijk T. A.* (1981) Studies in the Pragmatics of Discourse (The Hague and Berlin: Mouton/de Gruyter).
483. *van Dijk T. A.* (1983) Minderheden in de media [*Minorities in the media*] (Amsterdam: Socialistische Uitgeverij Amsterdam).
484. *van Dijk T. A.* (1984a) Prejudice in Discourse. An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation (Amsterdam: Benjamins).
485. *van Dijk T. A.* (1984b) 'Structures of International News. A Case Study of the World's Press'. Unpublished manuscript (University of Amsterdam, Department of General Literary Studies, Section of Discourse Studies).
486. *van Dijk T. A.* (1985c) 'Cognitive Situation Models in Discourse Processing: The Expression of Ethnic Situation Models in Prejudiced Stories', in J. P. Forgas (ed.), *Language and Social Situations* (New York: Springer), pp. 61–79.
487. *van Dijk T. A.* (1987a) Communicating Racism: Ethnic Prejudice in Thought and Talk (Beverly Hilas, CA: Sage).
488. *van Dijk T. A.* (1987b) 'Elite Discourse and Racism', in I. Zavala, T. A. van Dijk and M. Diaz-Diocaretz (eds.), *Approaches to Discourse, Poetics and Psychiatry* (Amsterdam: Benjamins) pp. 81–122.
489. *van Dijk T. A.* (1987c) 'Episodic Models in Discourse Processing', in R. Horowitz and S. J. Samuels (eds.), *Comprehending Oral and Written Language* (San Diego CA, Academic Press), pp. 161–96.
490. *van Dijk T. A.* (1987d) Schoolvoorbeelden van racism [*Textbook examples of racism*] (Amsterdam: Socialistische Uitgeverij Amsterdam.

491. *van Dijk T. A.* (1987e) 'How «they» Hit the Headlines: Ethnic Minorities in the Press', in G. Smitherman-Donaldson and T. A. van Dijk (eds.), *Discourse and Discrimination* (Detroit: Wayne State University Press).

492. *van Dijk T. A.* (1988a) News Analysis. Case Studies of International and National News in the Press (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum).

493. *van Dijk T. A.* (1988b) News as Discourse (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum).

494. *van Dijk T. A.* (1988c) 'The Tamil Panic in the Press', in T. A. van Dijk, *News Analysis* (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, pp. 215–54.

495. *van Dijk T. A.* (1989) 'Structures of Discourse and Structures of Power', in J. A. Anderson (ed.), *Communication Yearbook* 12 (Newbury Park, CA: Sage), pp. 18–59.

496. *van Dijk T. A.* (1990) 'Social Cognition and Discourse', in H. Giles and R. P. Robinson (eds.), *Handbook of Social Psychology and Language* (Chichester: Wiley), pp. 163–83.

497. *van Dijk T. A.* (1991) Racism and the Press (London: Routledge).

498. *van Dijk T. A.* (1993a) Elite Discourse and Racism (Newbury Park, CA: Sage).

499. *van Dijk T. A.* (1993b) 'Discourse and Cognition in Society', in D. Crowley and D. Mitchell (eds.), *Communication Theory Today* (Oxford: Pergamon), pp. 104–26.

500. *van Dijk T. A.* (1993c) 'Principles of Critical Discourse Analysis'. *Discourse and Society*, 4(2): 249–83.

501. *van Dijk T. A.* (1996) 'Discourse, Power and Access', in C. R. Caldas-Coulthard and M. Coulthard (eds.), *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis* (London: Routledge), pp. 84–104.

502. *van Dijk T. A.* (1997a) 'Cognitive Context Models and Discourse', in M. Stamenow (ed.), *Language Structure, Discourse and the Access to Consciousness* (Amsterdam, John Benjamins), pp. 189–226.

503. *van Dijk T. A.* (1997b) 'What is Political Discourse Analysis?', in J. Blommaert and C. Bulcaen (eds.), *Political Linguistics* (Amsterdam: John Benjamins), pp. 11–52.

504. *van Dijk T. A.* (1998) Ideology: A Multidisciplinary Approach (London: Sage).

505. *van Dijk T. A.* (1999) 'Towards a Theory of Context and Experience Models in Discourse Processing', in H. van Oostendorp and S. Goldman (eds.), *The Construction of Mental Models during Reading* (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum), pp. 123–48.

506. *van Dijk T. A.* (2000) 'Parliamentary Debates', in: R. Wodak and T. A. van Dijk (eds.), *Racism at the Top. Parliamentary Discourses on Ethnic Issues in Six European States* (Klagenfurt, Austria: Drava Verlag), pp. 45–78.

507. *van Dijk T. A.* (2001) 'Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity', in Ruth Wodak and Michael Meyer (eds.), *Methods of Critical Discourse Analysis* (London: Sage) pp. 95–120.

508. *van Dijk T. A.* (2002) 'Political discourse and political cognition', in: *Paul A.* Chilton and Christina Schäffner (eds.), *Politics as Text and Talk: Analytical Approaches to Political Discourse* (Amsterdam: John Benjamins), pp. 204–36.

509. *van Dijk T. A.* (2003a) Ideología y discurso (Barcelona: Ariel).

510. *van Dijk T. A.* (2003b) 'Knowledge in Parliamentary Debates'. *Journal of Language and Politics*, 2(1): 93–129.

511. *van Dijk T. A.* (2004) 'Text and Context of Parliamentary Debates', in Paul Bayley (ed.), *Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse* (Amsterdam: John Benjamins), 339–72.

512. *van Dijk T. A.* (2005) 'Contextual Knowledge Management in Discourse Production. A CDA Perspective', in Ruth Wodak and Paul Chilton (eds.), *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis* (Amsterdam: John Benjamins), pp. 71–100.

513. *van Dijk T.A.* (2008a) Discourse and Context: A Sociological Approach (Cambridge: Cambridge University Press).
514. *van Dijk T.A.* (2008b) Society in Discourse: How Context Controls Text and Talk (Cambridge: Cambridge University Press).
515. *van Dijk T.A.* (ed.) (1985a) Handbook of Discourse Analysis (4 vols.) (London: Academic Press).
516. *van Dijk T.A.* (ed.) (1985b) Discourse and Communication. New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication (Berlin: de Gruyter).
517. *van Dijk T.A.* (ed.) (1997) Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction (London: Sage).
518. *van Dijk T.A.* (ed.) (2006) 'Discourse, Interaction and Cognition'. *Special issue of Discourse Studies*, 8(1).
519. *van Dijk T.A. and Kintsch W.* (1983) Strategies of Discourse Comprehension (New York: Academic Press).
520. *van Leeuwen T.* (2005) Introducing Social Semiotics (London: Routledge).
521. *van Oostendorp and Goldman S.R.* (eds.) (1999) The Construction of Mental Representations during Reading (Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum).
522. *van Oostendorp H. and Zwaan R.A.* (eds.) (1994) Naturalistic Text Comprehension (Norwood NJ, Ablex).
523. *van Zoonen L.* (1994) Feminist Media Studies (London: Sage).
524. *Walker A.G.* (1982) 'Patterns and Implications of Co-speech in a Legal Setting', in R.J. Di Pietro (ed.), *Linguistics and the Professions* (Norwood, NJ: Ablex), pp. 110–12.
525. *Walker A.G.* (1986) 'The Verbatim Record: The Myth and the Reality', in S. Fisher and A.D. Todd (eds.), *Discourse and Institutional Authority: Medicine, Education and Law* (Norwood, NJ: Lawrence Erlbaum), pp. 205–22.
526. *Waltzer M.* (2004) Arguing about War (New Haven, CT: Yale University Press).
527. *Wartenberg T.E.* (1990) The Forms of Power: From Domination to Transformation (Philadelphia, PA: Temple University Press).
528. *Weaver C.A., Mannes S. and Fletcher C.R.* (eds.) (1995) Discourse Comprehension: Essays in Honor of Walter Kintsch (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum).
529. *Wellman D.T.* (1993) Portraits of White Racism (Cambridge, UK: Cambridge University Press).
530. *Werner F.* (1983) Gesprächsverhalten von Männern and Frauen (Frankfurt: Lang).
531. *West C.* (1984) Routine Complications: Troubles with Talk between Doctors and Patients
532. (Bloomington: Indiana University Press).
533. *West C. and Zimmerman D.H.* (1983) 'Small Insults: A Study of Interruptions in Cross-Sex Conversations between Unacquainted Persons', in B. Thorne, C. Kramarae and N. Henley (eds.), *Language, Gender and Society* (Rowley, MA: Newbury House), pp. 102–17.
534. *West C. and Zimmerman D.H.* (1985) 'Gender, Language and Discourse', in T.A van Dijk (ed.), *Handbook of Discourse Analysis*: Vol. 4. Discourse Analysis in Society (London: Academic Press), pp. 103–14.
535. *Wetherell M. and Potter J.* (1992) Mapping the Language of Racism: Discourse and the Legitimation of Exploitation (New York: Columbia University Press).
536. *White D.M.* (1976) The Concept of Power (Morristown, NJ: General Learning Press).
537. *Wilkinson L.C.* (ed.) (1982) Communicating in the Classroom (New York: Academic Press).

538. *Williams J.* (ed.) (1995) PC Wars: Politics and Theory in the Academy (New York: Routledge and Kegan Paul).
539. *Willis P.* (1977) Learning to Labour: How Working Class Kids Get Working Class Jobs (London: Saxon House).
540. *Wilson C. C. and Gutiérrez F.* (1985) Minorities and the Media (Beverly Hills, CA, and London: Sage).
541. *Wilson J.* (1990) Politically Speaking (Oxford, Blackwell).
542. *Wodak R.* (1984) 'Determination of Guilt: Discourses in the Courtroom', in C. Kramarae, M. Schulz and W. M. O'Barr (eds.), *Language and Power* (Beverly Hills, CA: Sage), pp. 89–100.
543. *Wodak R.* (1985) 'The Interaction between Judge and Defendant', in T. A. van Dijk (ed.) *Handbook of Discourse Analysis.* Vol. 4, Discourse Analysis in Society (London: Academic Press), pp. 181–91.
544. *Wodak R.* (1987) '«And Where Is the Lebanon?» A Socio-Psycholinguistic Investigation of Comprehension and Intelligibility of News', *Text* 7(4): 377–410.
545. *Wodak R.* (1996) Disorders of Discourse (London: Longman. London: Sage).
546. *Wodak R.* (1997) Gender and Discourse: Judge and Defendant', in T. A. van Dijk (ed.), *Handbook of Discourse Analysis.* Vol. 4. Discourse Analysis in Society (pp. (London: Academic Press), pp. 181–91.
547. *Wodak R.* (ed.) (1989) Language, Power and Ideology. Studies in Political Discourse (Amsterdam: John Benjamins).
548. *Wodak R. and Chilton P.* (eds.) (2005) A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis (Amsterdam: John Benjamins).
549. *Wodak R. and Menz F.* (eds.) (1990) Sprache in der Politik — Politik in der Sprache. Analysen zum öffentlichen Sprachgebrauch [*Language in Politics — Politics in Language. Analyses of Public Language Use*] (Klagenfurt: Drava).
550. *Wodak R. and Meyer M.* (eds.) (2001) Methods of Critical Discourse Analysis (London: Sage).
551. *Wodak R., Nowak P., Pelikan J., Gruber H.*, de *Cillia R. and Mitten R.* (1990) 'Wir sind alle unschuldige Triter', Diskurshistorische Studien zum Nachkriegsantisemitismus ['*We are All Innocent Perpetrators'. Discourse Historic Studies in Postwar Antisemitism*] (Frankfurt/Main: Suhrkamp).
552. *Wodak R.* and Van *Dijk T. A.* (eds.) (2000) Racism at the Top: Parliamentary Discourses on Ethnic Issues in Six European States (Klagenfurt, Austria: Drava Verlag).
553. *Wortham S. and Locher M.* (1999) 'Embedded Metapragmatics and Lying Politicians'. *Language and Communication*, 19(2): 109–25.
554. *Wrong D. H.* (1979) Power: Its Forms, Bases and Uses (Oxford: Basil Blackwell).
555. *Wyer R. S. J.* and V. C. Ottati (1993) 'Political Information Processing', in S. Iyengar and W. J. McGuire (eds.), *Explorations in Political Psychology. Duke Studies in Political Psychology* (Durham, NC: Duke University Press), pp. 264–95.
556. *Wyer R. S., Budesheim T. L., Shavitt S., Riggle E. D., and Kuklinski J. H.* (1991) Image, Issues and Ideology: The Processing of Information about Political Candidates'. *Journal of Personality and Social Psychology*, 61(4): 533–45.
557. *Young M.* (ed.) (1971) Knowledge and Control: New Directions for the Sociology of Education (London: Collier-Macmillan).
558. *Zaller J. R.* (1990) 'Political Awareness, Elite Opinion Leadership and the Mass Survey Response'. *Social Cognition*, 8(1): 125–53.

559. *Zanna M. P. and Olson J. M.* (eds.) (1994) The Psychology of Prejudice: The Ontario Symposium. Vol. 7 (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum).

560. *Zimmerman H. D.* (1969) Die politische Rede: Der Sprachgebrauch Bonner Politiker [*Political Speech: Language Use of Bonn's Politicians*] (Stuttgart: Kohlhammer).

561. *Žižek, S.* (2002) Welcome to the Desert of the Real! Five Essays on 11 September and Related Dates (London: Verso).

562. *Zumbühl, U.* (1984) '«Ich darf noch ganz kurz...»: Die männliche Gesschwätzig, keit am Beispiel von zwei TV–Diskussionssendungen', in S. Trömel-Plötz (ed.), *Gewalt durch Sprache: Die Vergewaltigung von Frauen in Gespritchen* (Frankfurt: Fischer), pp. 233–45.

Дополнительная литература

Обсуждение, представленное в первой главе, основано на содержании широкого спектра литературы, посвященной вопросам власти, доминирования, знания и общества. Я ссылаюсь на большую часть этой литературы и в последующих разделах работы. В то же время, для тех, кто заинтересован в отдельном списке литературы по главным вопросам и темам этой книги, я предлагаю общую рекомендательную библиографию для дальнейшего ознакомления с проблематикой. В целях сокращения внушительного списка я указываю только книги, вышедшие на английском языке.

Дискурсивный и конверсационный анализ

1. *Blommaert J.* (2005) Discourse: A Critical Introduction (Cambridge: Cambridge University Press).
2. *Brown G. and Yule G.* (1983) Discourse Analysis (Cambridge: Cambridge University Press).
3. *Georgakopoulou A. and Goutsos D.* (1997) Discourse Analysis: An Introduction (Edinburgh: Edinburgh University Press).
4. *Jaworski A. and Coupland N.* (1999) The Discourse Reader (London: Routledge).
5. *Johnstone B.* (2002) Discourse Analysis (Oxford: Blackwell).
6. *Renkema J.* (2004) Introduction to Discourse Studies (Amsterdam Philadelphia: John Benjamins).
7. *Schiffrin D.* (1993) Approaches to Discourse (Oxford: Blackwell).
8. *Schiffrin D., Tannen D. and Hamilton H. E.* (eds.) (2001) The Handbook of Discourse Analysis (Malden, MA: Blackwell).
9. *Stubbs M.* (1983) Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language (Chicago: University of Chicago Press and Oxford: Blackwell).
10. *Ten Have P.* (2007) Doing Conversation Analysis: A Practical Guide, 2nd edn (London: Sage).
11. *van Dijk T. A.* (ed.) (1985) Handbook of Discourse Analysis, 4 vols (London: Academic Press).
12. *van Dijk T. A.* (ed.) (1997a) Discourse as Structure and Process: Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 1 (Thousand Oaks, CA: Sage Publications).

13. *van Dijk T.A.* (ed.) (1997b) Discourse as Social Interaction: Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2 (Thousand Oaks, CA: Sage Publications)
14. *van Dijk T.A.* (ed.) (2007) Discourse Studies, 5 vols. Sage Benchmark series (New Delhi: Sage).
15. *Wooffitt R.* (2005) Conversation Analysis and Discourse Analysis. A Comparative and Critical Introduction (London: Sage).
16. *Bloor M. and Bloor T.* (2007) The Practice of Critical Discourse Analysis: An Introduction (London: Hodder Arnold).
17. *Caldas-Coulthard C.R. and Coulthard M.* (eds.) (1995) Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis (London: Routledge).
18. *Chilton P.* (2004) Analysing Political Discourse (London: Routledge).
19. *de Beaugrande R.* (1997) New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication, and the Freedom of Access to Knowledge and Society (Norwood, NJ: Ablex Publishing).
20. *Fairclough N.* (1989) Language and Power (London: Longman).
21. *Fairclough N.* (1995) Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language (London: Longman).
22. *Fowler R.* (1991) Language in the News: Discourse and Ideology in the British Press (London: Routledge).
23. *Fowler R., Hodge B., Kress G. and Trew T.* (1979) Language and Control (London: Routledge & Kegan Paul).
24. *Lazar M.* (ed.) (2005) Feminist Critical Discourse Analysis: Gender, Power and Ideology in Discourse (Houndmills, UK: Palgrave Macmillan).
25. *Lemke J.L.* (1995) Textual Politics: Discourse and Social Dynamics (London: Taylor & Francis).
26. *Toolan M.J.* (ed.) (2002) Critical Discourse Analysis: Critical Concepts in Linguistics (New York: Routledge).
27. *van Dijk T.A.* (1993) Elite Discourse and Racism (Newbury Park, CA: Sage).
28. *van Leeuwen T.* (2005) Introduction to Social Semiotics (London: Routledge).
29. *Weiss G. and Wodak R.* (eds.) (2003) Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity (Houndmills, UK: Palgrave Macmillan) (новое издание этой книги находится в стадии подготовки).
30. *Wodak R.* (1989) Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse (Amsterdam: Benjamins).
31. *Wodak R.* (ed.) (1997) Gender and Discourse (London: Sage).
32. *Wodak R. and Meyer M.* (eds.) (2001) Methods of Critical Discourse Analysis (London: Sage).
33. *Young L. and Harrison C.* (eds.) (2004) Systemic Functional Linguistics and Critical Discourse Analysis: Studies in Social Change (London: Continuum).

Власть (книги, опубликованные после 2000 года)

1. *Bakker I. and Gill S.* (2003) Power, Production, and Social Reproduction: Human In/security in the Global Political Economy (Houndmills, UK, and New York: Palgrave Macmillan).
2. *Barnett M.N. and Duvall R.* (2004) Power in Global Governance (New York: Cambridge University Press).
3. *Chowdhry G. and Nair S.* (2002) Power, Postcolonialism, and International Relations: Reading Race, Gender, and Class (London and New York: Routledge).

4. *Clough P. and Mitchell J. P.* (eds.) (2001) Powers of Good and Evil: Moralities, Commodities and Popular Belief (New York: Berghahn Books).
5. *Dye T. R. and Harrison B. C.* (2005) Power and Society (Belmont, CA: Thomson/Wadsworth).
6. *Egan D. and Chorbajian L.* (eds.) (2005) Power: A Critical Reader (Upper Saddle River, NJ: Pearson Prentice Hall).
7. *Foucault M.* (2000) Power (New York: New Press). Distributed by W. W. Norton.
8. *Goverde H.* (2000) Power in Contemporary Politics: Theories, Practices, Globalizations (London Thousand Oaks, CA: Sage.
9. *Grillo E.* (ed.) (2005) Power without Domination: Dialogism and the Empowering Property of Communication (Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins).
10. *Haugaard M.* (ed.) (2002) Power: A Reader (Manchester, UK and New York: Manchester University Press). Распространяется только в США издательством Palgrave.
11. *Lentner H. H.* (ed.) (2000) Power in Contemporary Politics: Theories, Practices, Globalizations (London: Sage).
12. *Lukes S.* (2004) Power: A Radical View (Houndmills, UK and New York: Palgrave Macmillan).
13. *Nye J. S.* (2004) Power in the Global Information Age: From Realism to Globalization (London and New York: Routledge).
14. *Øterud Ø. and Engelstad F.* (2004) Power and Democracy: Critical Interventions (Aldershot, UK and Burlington, VT: Ashgate).
15. *Russell B.* (2004) Power: A New Social Analysis (London and New York: Routledge).
16. *Scott J.* (2001) Power (Malden, MA: Blackwell).
17. *Suri J.* (2003) Power and Protest: Global Revolution and the Rise of Détente (Cambridge, MA: Harvard University Press).
18. *Westwood S.* (2002) Power and the Social (London and New York: Routledge).

Легитимность

1. *Barker R. S.* (1990) Political Legitimacy and the State (Oxford: Clarendon Press and New York: Oxford University Press).
2. *Beetham D.* (1991) The Legitimation of Power (Basingstoke: Macmillan).
3. *Clark I.* (2005) Legitimacy in International Society (Oxford: Oxford University Press).
4. *Coicaud J. M. and Curtis D. A.* (ed.) (2002) Legitimacy and Politics: A Contribution to the Study of Political Right and Political Responsibility (Cambridge, UK and New York: Cambridge University Press).
5. *Coicaud J. M. and Heiskanen V.* (eds.) (2001) The Legitimacy of International Organizations (Tokyo and New York: United Nations University Press).
6. *Connolly W. E.* (ed.) (1984) Legitimacy and the State (Oxford: Blackwell).
7. *Franck T. M.* (1990) The Power of Legitimacy among Nations (New York: Oxford University Press).
8. *Freedman J. O.* (1978) Crisis and Legitimacy: The Administrative Process and American Government (Cambridge, UK and New York: Cambridge University Press).
9. *Habermas J.* (1975) Legitimation Crisis (Boston: Beacon Press).
10. *Jost J. T. and Major B.* (eds.) (2001) The Psychology of Legitimacy: Emerging Perspectives on Ideology, Justice, and Intergroup Relations (Cambridge and New York: Cambridge University Press).
11. *Mueller C.* (1973) The Politics of Communication: A Study in the Political Sociology of Language, Socialization, and Legitimation (New York: Oxford University Press).

12. *Raz J.* (ed.) (1990) Authority (New York: New York University Press).
13. *Schmitt C. and Seitzer J.* (ed.) (2004) Legality and Legitimacy (Durham, NC: Duke University Press).
14. *Simmons A. J.* (2001) Justification and Legitimacy: Essays on Rights and Obligations (Cambridge New York: Cambridge University Press).
15. *Sniderman P. M.* (1996) The Clash of Rights: Liberty, Equality, and Legitimacy in Pluralist Democracy (New Haven, CN: Yale University Press).

Дискурс и власть

1. *Aronowitz S.* (1988) Science as Power: Discourse and Ideology in Modern Society (Houndmills, Basingstoke: Macmillan).
2. *Barsamian D.* (1992) Stenographers to Power: Media and Propaganda: Interviews with Noam Chomsky et al. (Monroe, Maine: Common Courage Press).
3. *Bartlett F. C.* (1932) Remembering: An Experimental and Social Study (Cambridge: Cambridge University Press).
4. *Blackledge A.* (2005) Discourse and Power in a Multilingual World (Amsterdam Philadelphia: John Benjamins).
5. *Bourdieu P., Passeron J. C.* and De Saint *Martin M.* (1994) Academic Discourse: Linguistic Misunderstanding and Professorial Power (Stanford, CA: Stanford University Press).
6. *Corson D.* (1995) Discourse and Power in Educational Organizations (Cresskill, NJ: Hampton Press).
7. *Daudi P.* (1986) Power in the Organisation: The Discourse of Power in Managerial Praxis (Oxford, UK and New York: Blackwell).
8. *Diamond J.* (1996) Status and Power in Verbal Interaction: A Study of Discourse in a Close-Knit Social Network (Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins).
9. *Fairclough N.* (1989) Language and Power (Harlow: Longman).
10. *Fisher S. and Todd A. D.* (eds.) (1988) Gender and Discourse: The Power of Talk (Norwood, NJ: Ablex).
11. *Fraser N.* (1989) Unruly Practices: Power, Discourse, and Gender in Contemporary Social Theory (Minneapolis: University of Minnesota Press).
12. *Kedar L.* (ed.) (1987) Power through Discourse (Norwood, NJ: Ablex).
13. *Mumby D. K.* (1988) Communication and Power in Organizations: Discourse, Ideology, and Domination (Norwood, NJ: Ablex).
14. *Pujolar J.* (2001) Gender, Heteroglossia, and Power: A Sociolinguistic Study of Youth Culture (Berlin and New York: Mouton de Gruyter).
15. *Smith D. E.* (1990) The Conceptual Practices of Power: A Feminist Sociology of Knowledge (Boston, MA: Northeastern University Press).
16. *Thornborrow J.* (2002) Power Talk: Language ad Interaction in Institutional Discourse (London: Longman).
17. *Wodak R.* (1989) Language, Power, and Ideology: Studies in Political Discourse (Amsterdam and Philadelphia: J. Benjamins).
18. *Young L.* (2006) The Power of Language: How Discourse Influences Society (London Oakville, CT: Equinox).

Дискурс и познание

1. *Britton B. K. and Black J. B.* (eds.) (1985) Understanding Expository Text: A Theoretical and Practical Handbook for Analyzing Explanatory Text (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates).

2. *Edwards D.* (1997) Discourse and Cognition (London: Sage).
3. *Flower L.* (1989) Planning in Writing: The Cognition of a Constructive Process (Berkeley, CA: University of California Press; Pittsburgh, PA: Carnegie Mellon University).
4. *Garnham A.* (1987) Mental Models as Representations of Discourse and Text (Chichester and New York: E. Horwood Halsted Press).
5. *Gernsbacher M. A. and Givon T.* (eds.) (1995) Coherence in Spontaneous Text (Amsterdam, The Netherlands: John Benjamins).
6. *Goldman S. R.*, Van den *Broek P. W. and Graesser A. C.* (eds.) (1999) Narrative Comprehension, Causality, and Coherence. Essays in Honor of Tom Trabasso (Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates).
7. *Graesser A. C., Gernsbacher M. A. and Goldman S. R.* (eds.) (2003) Handbook of Discourse Processes (Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum).
8. *Herman D.* (ed.) (2003) Narrative Theory and the Cognitive Sciences (Stanford, CA: CSLI).
9. *Johnson-Laird, P. N.* (1983) Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference and Consciousness (Cambridge and New York: Cambridge University Press).
10. *Kasher A.* (ed.) (1989) Cognitive Aspects of Language Use (Elsevier Science).
11. *Kintsch W.* (1998) Comprehension: A Paradigm for Cognition (New York: Cambridge University Press).
12. *Koenig J. P.* (ed.) (1998) Discourse and Cognition: Bridging the Gap (Stanford, CA: CSLI).
13. *Liebert W. A., Redeker G. and Waugh L. R.* (eds.) (1997) Discourse and Perspective in Cognitive Linguistics (Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins).
14. *Malrieu J. P.* (1999) Evaluative Semantics: Cognition, Language, and Ideology (London and New York: Routledge).
15. *Molder H. and Potter J.* (eds.) (2005) Conversation and Cognition (Cambridge, UK and New York: Cambridge University Press).
16. *Oakhill J. and Garnham A.* (eds.) (1992) Discourse Representation and Text Processing (Hove: Psychology Press).
17. *Semino E. and Culpeper J.* (eds.) (2002) Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis (Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins).
18. *Singer M.* (1990) Psychology of Language: An Introduction to Sentence and Discourse Processes (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum).
19. *van Dijk T. A.* (1984) Prejudice in Discourse: An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation (Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins).
20. *van Dijk T. A. and Kintsch W.* (1983) Strategies of Discourse Comprehension (New York and London: Academic Press).
21. *van Oostendorp H. and Goldman S. R.* (eds.) (1999) The Construction of Mental Representations during Reading (Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum).
22. *van Oostendorp H. and Zwaan R. A.* (eds.) (1994) Naturalistic Text Comprehension (Norwood, NJ: Ablex).
23. *Weaver C. A., Mannes S. and Fletcher C. R.* (eds.) (1995) Discourse Comprehension: Essays in Honor of Walter Kintsch (Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum).

Об авторе

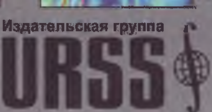
Тён ван ДЕЙК

Один из выдающихся современных лингвистов, занимающихся проблемами социальной и политической обусловленности языковых явлений. Ван Дейк является представителем критического дискурс-анализа, к появлению и развитию которого имеет непосредственное отношение. Автор более 250 статей и около 60 монографий по социолингвистической и дискурс-аналитической проблематике, принесших ему мировую известность, среди которых: «Текст и контекст. Исследования в области семантики и прагматики дискурса» (1977), «Расизм и пресса» (1992), «Идеология» (1998), «Общество и дискурс. Как социальный контекст влияет на речь» (2008) и др. Основатель и редактор влиятельных отраслевых журналов *Discourse and Society, Discourse Studies, Discourse and Communication*. Член редколлегий около 20 крупных европейских и американских научных периодических изданий в области лингвистики, коммуникативистики, социальной теории и культурологии.

В настоящее время профессор ван Дейк работает в Университете Помпеу Фабра (Барселона, Испания) на факультете переводоведения и языкознания. Он также является приглашенным профессором во многих университетах Европы, США, Канады и Южной Америки.

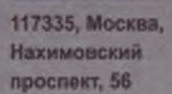
Монография «Дискурс и власть» (2008) представляет результаты многолетних исследований автора, посвященных проблемам дискурсивной репрезентации и конструирования властных отношений — от языка СМИ до политических дебатов. Книга была переведена на многие языки; в русском переводе публикуется впервые.

Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru

E-mail: URSS@URSS.ru

117335, Москва, Нахимовский проспект, 56

Телефон / факс (многоканальный) +7 (499) 724 25 45

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги на сайте http://URSS.ru